

Н. В. ЮШМАНОВ

*Избранные
труды*

Работы
по общей фонетике,
семиологии
и арабской
классической
морфологии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ББК 81.2
Ю95

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Международного фонда
«Культурная инициатива»*

Ответственный редактор
В.С.ХРАКОВСКИЙ

Составитель, автор предисловия и примечаний
А.Г.БЕЛОВА

Редакторы издательства
Е.К.БОРИСОВА, С.В.ВЕСНИНА

Юшманов Н.В.

Ю95 Избранные труды: Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 271 с.
ISBN 5-02-017839-X

В книге представлены в основном неопубликованные работы выдающегося семитолога Н.В.Юшманова (1896—1946).

Рассматриваются типологические особенности фонетики языков различных систем, концепция структуры семитского корня, отдельные аспекты исторической морфологии семитских языков, в частности — классического арабского языка.

ББК 81.2

© А.Г.Белова, составление, предисловие, примечания, 1998

© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 1998

ISBN 5-02-017839-X

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
Этюды по общей фонетике на материале неиндоевропейских языков (Из трехлетней переходящей темы «Стадиальная фонетика» 1940—1942 гг.).....	24
Примечания.....	62
Введение в семитское языкознание (Конспект лекций 1933/34 уч. г.).....	67
Примечания.....	108
Структура семитского корня.....	126
Примечания.....	191
Грамматика арабского языка.....	200
Примечания.....	246
Загадка «двухпадежных имен» арабского классического языка.....	251
Примечания.....	266
Библиографические сокращения.....	268
Библиография работ Н.В.Юшманова по семито-хамитским языкам и общему языкознанию.....	269

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание трудов выдающегося отечественного ученого-языковеда, члена-корреспондента АН СССР, профессора Николая Владимировича Юшманова (1896–1946) включает пять работ, три из которых публикуются впервые*. Все они относятся к 30–40-м годам нашего столетия и посвящены сравнительно-историческому изучению афразийских (семито-хамитских) языков и типологическому исследованию фонетических явлений ряда языков Африки и Азии.

Три не издававшиеся ранее работы Н.В.Юшманова публикуются по машинописным экземплярам с исправлениями и вставками, внесенными рукой Н.В.Юшманова. Указанные экземпляры хранятся в СПБО Архива РАН в фонде члена-корреспондента АН СССР Н.В.Юшманова (Ф.925, ед.хр. № 46–48, 51).

Публикуемые статьи расположены не столько в хронологической последовательности, сколько по степени обобщенности материала: от типологических и исторических исследований и гипотез ученого к более конкретным разработкам отдельных грамматических вопросов.

Книгу открывают «Этюды по общей фонетике на материале неиндоевропейских языков». Собственно семитологическую часть книги предваряет «Введение в семитское языкознание». Естественно, что данная работа, подготовленная в начале 30-х годов XX в., покажется читателю устаревшей в разделах, посвященных характеристике языковой ситуации в странах, народы которых говорят на языках семитской группы, характеристике состояния общего языкознания и семитологии в бывшем Советском Союзе и за рубежом, а также в вопросах, освещенных с позиций «нового учения о языке» акад. Н.Я.Марра, позиций, неизбежных для вузовской программы в условиях господства единственной официальной теории. Вместе с тем именно во «Введении» отражены основные точки зрения и гипотезы Н.В.Юшманова по тем общим вопросам исторического развития фонетического и грамматического строя семитских языков, которые получили дальнейшее развитие в последующих исследованиях структуры семитского корня и грамматики арабского языка.

Не все работы датированы автором. О времени их написания или завершения можно судить только по библиографии и некоторым замечаниям автора, касающимся современных или предшествующих работ.

---

* «Этюды по общей фонетике...» из тех же архивных материалов были опубликованы в журнале «Вопросы языкознания» (1989, № 5).

Н.В.Юшманов

Научная биография Н.В.Юшманова включена в том его работ по интерлингвистике¹.

Издатель выражает искреннюю благодарность А.Ю.Айхенвальд, В.М.Алпатову, А.Н.Барулину, А.И.Коваль, Л.Р.Концевичу, А.Ю.Милитареву, Э.А.Мишурову, В.Я.Порхомовскому, Я.Г.Тестельцу, Е.А.Хелимскому, С.Б.Янкивер, которые любезно оказали помощь и дали консультации на разных этапах подготовки настоящего издания к печати, а также большую признательность руководству СПбО Архива РАН и СПбФ ИВ РАН за предоставленную возможность опубликовать эти материалы.

Н.В.Юшманов — один из первых востоковедов-лингвистов XX в., который, отойдя от историко-филологической традиции

---

¹ См. предварительную публикацию С.Н.Кузнецова: *Юшманов Н.В.* Всемирный язык (1928). — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987, т. 46, № 5.

классического востоковедения, направил свои семитологические исследования в русло общего языкознания. Язык стал для него объектом самостоятельного исследования. Задачей его лингвистических изысканий были не только синхронные описания семитских и семито-хамитских (афразийских) языков (см. серию его работ – «Строй арабского языка», «Строй амхарского языка», «Строй языка хауса», большая «Грамматика литературного арабского языка», «Краткая грамматика арабского языка»), но также выявление общих закономерностей в языках различного строя (фонетическая и морфологическая типологии), поиск побудительных мотивов языкового развития и языковых изменений – проблема, которая и в наши дни по-прежнему волнует языковедов и других представителей гуманитарных наук. (См., например, последние выступления в отечественном и международном языкознании, в которых ставятся вопросы о типологической направленности языковых изменений, их механизме и причинах: *Ярцева В.Н.* Пути и формы исторических изменений языка. – Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1989. Т. 48, № 2; *Hoenigswald Н.М.* Historical Linguistics: Explanation of Language Change. – Preprints of the Plenary Session Papers. XIVth International Congress of Linguistics. В., 1987.)

Во многих работах Н.В.Юшманова четко прослеживается стремление обнаружить причины языковых изменений и установить их закономерности. Причины он ищет в сфере человеческого мышления, а решение необъяснимых языковых явлений и закономерностей – в сфере «первобытного мышления», которое должно было отличаться от современного – логического и абстрактного.

В настоящее время трудно установить, был ли автор близко знаком с психологической школой В.Вундта, учением Л.Леви-Брюля о «первобытном мышлении» как особой стадии в развитии человеческого мышления. Однако он, по-видимому, разделял точку зрения И.Г.Франк-Каменецкого о связи языка и мышления и трактовал ряд фонетических и грамматических особенностей семитских языков как пережитки, элементы, отражающие древнейшее состояние человеческого мироощущения и мировоззрения (о развитии и разработке идеи «первобытного мышления» как определенной стадии в общем процессе развития человеческого мышления см. в предисловии И.М.Дьяконова к «Мифологиям Древнего мира». М., 1977).

Основной творческий период деятельности Н.В.Юшманова пришелся на 30–40-е годы XX столетия. Как известно, именно этот период отечественного языкознания характеризуется не только сильным научным влиянием «нового учения о языке» Н.Я.Марра, но и официальным господством марризма в гуманитарных науках, осуществлявшимся учениками и последователями Н.Я.Марра.

Современный читатель, знакомый с историей отечественного

языкознания, несомненно обнаружит в публикуемых работах Н.В.Юшманова влияние некоторых основных марровских положений: в разделе о «стадиях» развития различных языков, определяемых по наличию или отсутствию некоторых фонетических признаков («Этюды...»); в разделе о первичных диффузных звуках, сводимых к четырем фонетическим элементам, составляющим «четырёхугольник» («Структура семитского корня»); в учебном курсе «Введение в семитское языкознание». В последней работе необходимость следовать официальному учению проявилась наиболее отчетливо, что можно объяснить самим жанром работы.

Напротив, в таких конкретных исследованиях, как «Грамматика арабского языка», «Загадка двухпадежных имен...», марристское влияние не проявляется. В первой из них фонетический и грамматический строй арабского языка описаны с позиции классической сравнительно-исторической семитологии; во второй изложена гипотеза ученого, исторически объясняющая асимметрию в грамматической системе классического арабского языка.

Рассмотрение некоторых общих положений о языке и о путях развития различных языков, высказываемых Н.В.Юшмановым, свидетельствует о том, что ученый действительно увлекся некоторыми положениями из учения Марра и попытался найти им подтверждение в истории семитских языков. Таковой представляется попытка объяснить близость звучания и значения в ряде семитских корней тем, что все фонемы, близкие акустически и артикуляторно, восходят к четырем «архифонемам» или «прафонемам», соответствующим первобытным диффузным звукам. (Ср. ниже в этой связи противоположную гипотезу С.С.Майзеля.) В других случаях марристский налет ощущается лишь как необходимая дань официальному учению.

Ко времени выхода этого издания читатель будет располагать уже специальным исследованием о роли Марра и марризма в отечественном языкознании и степени его влияния на современных ему языковедов, в том числе на Н.В.Юшманова². Это делает излишним специальный разбор «марризма» в предлагаемом издании.

Первая в данной книге публикация – «Этюды по общей фонетике на материале неиндоевропейских языков» с подзаголовком «Из трехлетней переходящей темы "Стадиальная фонетика" 1940–1942 гг.» – представляет одно из последних исследований ученого, посвященное типологическому обобщению фонетических явлений на материале семитских, африканских, кавказских и палеоазиатских языков.

Черновые наброски к данной книге были опубликованы под заглавием «Этюды» в книге «Проблемы африканского язы-

² Аллатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

кознания (типология, компаративистика, описание языков)» (М., 1972).

«Предварительные замечания» самого автора свидетельствуют о том, что к печати им подготовлен раздел исследования, в котором излагаются наблюдения и результаты сравнительно-типологической работы, проведенной в начале 40-х годов.

Исследование таких фонетических явлений, как «блуждающая назализация» и «пермутация согласных», опирается на материалы семитских языков, ряда африканских языков, относящихся к различным семьям (чадской, банту, манде, к атлантическим языкам), угро-финских, палеоазиатских, полинезийских и кавказских языков и является для своего времени первой типологической разработкой фонетических явлений, наблюдаемых в языках разной генетической принадлежности и различных структурных систем. Многие из привлеченных ученым языков были еще мало известны и мало исследованы в начале 40-х годов. В настоящее время по каждой группе имеются специальные работы (см. «Примечания» к соответствующим разделам), фонетические явления, замеченные Н.В.Юшмановым, также попали в поле зрения специалистов и интерпретируются в синхронном и историческом планах (см., например, работы по африканским и кавказским языкам). Однако мы не сомневаемся, что каждому из специалистов будет интересно и полезно увидеть соответствующие факты во многих языках мира и познакомиться с их трактовкой и концепцией Н.В.Юшманова.

В общем названии темы («Стадиальная фонетика»), в некоторых ее разделах (III.A.2 «Стадии развития плавных») Н.В.Юшманов, как говорилось выше, придерживается официального направления в языкознании тех лет, заданного учением Н.Я.Марра. Данное исследование является как бы прелюдией к дальнейшей и окончательной работе по стадиальной фонетике. В разделе III.A.2 автор намечает единый путь развития, общий для языков различных систем и семей. Однако именно на конкретном материале, далее подвергнутом анализу, читатель убеждается в сосуществовании «стадий», соответствующих скорее различным типам фонетических систем, чем различным стадиям единого и последовательного процесса языкового развития³.

Работа ученого публикуется без изменений текста и транскрипции. При этом следует отметить, что в ряде случаев авторская транскрипция и авторский способ передачи грамматических форм в некоторых языках отличаются от принятых в настоящее время.

---

³ О формальном примыкании научной деятельности Н.В.Юшманова к учению Н.Я.Марра см.: Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. Гл. IV. М., 1991.

Примечания автора помечены * и помещаются постранично, комментарии издателя помечены цифрой и даны после каждой статьи.

Конспект лекций «Введение в семитское языкознание» был подготовлен и читался на лингвистическом отделении Ленинградского института истории, филологии и лингвистики (сокр. ЛИФЛИ) в 1933/34 уч.г.

По воспоминаниям семитологов К.Б.Старковой и И.М.Дьяконова⁴, курс «Введение в семитское языкознание» читался на указанном лингвистическом отделении ЛИФЛИ в здании нынешних восточного и филологического факультетов СПбГУ (Университетская наб., д. 11).

Лекции читались два часа в неделю для учащихся I курса в течение одного года. Курс читался на кафедре семитских языков и литератур. При кафедре были три группы семитологов: ассириологи, арабисты и гебраисты. Позже на кафедре появились группы амхаристов и африканистов, кафедра соответственно стала именоваться кафедрой семито-хамитских языков и литератур.

Курс читался как теоретический, без семинаров. На последней лекции давался краткий обзор сравнительной грамматики семитских языков. В целом курс «Введения» представлялся слушателям сложным и разносторонним, на лекциях давался широкий фон сравнительно-исторического языкознания и принципы сравнительно-исторического метода.

Данный курс лекций был полностью прослушан И.М.Дьяконовым. Его посещали также: К.Б.Старкова, могли посещать гебраисты Илья Гринберг, Левин, Вилькович, Стришинская, Свидер, ассириологи Л.А.Липин, Ерехович; арабисты Т.А.Шумовский (позже автор исследований по арабской географической литературе, а также воспоминаний о Н.В.Юшманове и ряде современных ему арабистов), Михаил Гринберг (уроженец Могилевской области, поступивший позже в аспирантуру и погибший на фронте под Сталинградом); возможно, что курс посещали и некоторые другие студенты-арабисты того времени (Подтягина, Тарасова, Нерсесов, Л.Ткачева).

Конспект лекций составлен в соответствии с требованиями и установками официальной программы ЛИФЛИ и отражает многие обязательные положения «нового учения о языке» акад. Н.Я.Марра. Однако за их формальным изложением скрываются традиционные понятия компаративистики. С самого начала работы (I, §1,2) автор избегает прямого названия генетического родства семитских языков и понятия «семья семитских языков». В разделе о скрещении семитских языков с несемитскими (§4) фактически перечислены известные историческому языкозна-

⁴ Записаны издателем в июне 1988 г. в Ленинграде.

нию явления субстрата и результаты языковых контактов. В «Курсе...» используются такие понятия нового учения, как «стадиальная фонетика», «развитие глагола из имени», «развитие всех видов местоимений из указательных» [§5(4)]; проскальзывает отождествление учения о праязыке, «пранароде и прародине» с «расовой теорией», которое как бы приписывается всей западноевропейской компаративистике (§15). «Диффузные звуки» (§23) трактуются как пережитки первобытного языкового состояния (однако в дальнейшем Н.В.Юшманов связывает понятие диффузных звуков с реальным явлением, характерным для семитских языков – §23 – и развивает свою гипотезу, объясняющую явление корневых вариантов – чередования и замещения близких звуков в близких по значению корнях, см. «Структуру семитского корня»). В объяснение структуры семитского слога включаются примеры пережитков «первобытных слов» типа САД/БЭР//РОШ/ЙОН (§27); постулируется «стадиальность» в развитии фонетического (§22; §27 – конец) и грамматического строя семитских языков (V, §38). Понятие генетического родства языков заменяется в ряде грамматических форм термином «схождение», а понятие языковой семьи – «семитской системой языков, объединенных общностью строя и основного словарного запаса» (§5, 15, 38); во многих случаях сравнений в области грамматического строя живых семитских языков термин и понятие «стадия, стадиально» прямо соответствуют понятию «тип, типологически» (§38, 45).

Сравнительно-исторические исследования в области семитологии и шире – в области более крупной семьи языков – афразийской – к настоящему времени позволяют реконструировать для наиболее древнего (доступного для реконструкции) состояния общепфразийского языка (XII–XI тысячелетия до н.э.) развитую фонологическую систему согласных и гласных, флективно-агглютинативную систему в грамматическом строе; для этого же периода предполагается также эргативный синтаксический строй, который уже сам по себе возможен лишь при наличии определенной системы формантов и показателей. Таким образом, существование «аморфно-синтетической стадии» отодвигается в недоступные глубины древности и недоказуемо.

Развитие афразийских сравнительно-исторических исследований также позволяет в настоящее время пересмотреть генеалогическую классификацию семитских языков и уточнить ее по сравнению с классификацией 30-х годов XX в., установить хронологию разделения языков и степень их генетической близости на основе лексико-статистического анализа.

Вместе с тем нестандартное, оригинальное мышление ученого и своеобразный взгляд на причинно-следственные связи в языках позволили автору поставить в «Конспекте...» ряд вопросов о причинах диахронических и синхронных изменений, происходящих в семитских языках.

До настоящего времени поиск условий и причин, вызвавших формирование трехгласного семитского корня, функциональной оппозиции гласных и согласных неустанно привлекает внимание отечественных и зарубежных семитологов и языковедов (см. работы И.М.Дьяконова, С.С.Майзеля, А.М.Газова-Гинзберга, Г.П.Мельникова, Дж.Гарбини, К.Петрачека и многих других).

Во «Введении...» Н.В.Юшманов не проводит четкого разграничения между фонетической и фонологической системами семитских языков. Главное внимание автора направлено на детальную характеристику звуковых особенностей фонетической системы, ее развитие и изменение, что, в свою очередь, отражается на структуре корня и слова (V, §38–45). Ученый ставит вопрос о функциональном и лексическом противопоставлении вокализма и консонантизма (§20), о неравномерном развитии согласных, приводящем к асимметрии в системе фонологических оппозиций (§20–22); также впервые ставится вопрос о корневых вариантах (§23–24) в семитских языках (см. его специальную работу «Структура семитского корня»), в которых «чередования не подчиняются так называемым звуковым законам».

На этой основе автор развивал гипотезу относительно развития и структуры семитского корня, которую он начал разрабатывать еще в 20-е годы и оформил окончательно в «Структуре...». Нерегулярные чередования корневых согласных (как внутри отдельных семитских языков, так и общесемитские) трактуются им как отражение древних «диффузных» звуков (§23), сохранившихся в семитских языках. Позже это явление находит другую оригинальную трактовку в гипотезе С.С.Майзеля о метатезе и аллотезе в семитских языках в книге «Пути развития корневого фонда семитских языков» (М., 1983).

В поисках следов и пережитков «первобытной речи» на материале семитских языков Н.В.Юшманов совершает методологический «перескок» через ряд нереконструированных еще языковых состояний афразийской общности (XII–XI тысячелетия до н.э.) к более глубокой и древней – ностратической общности. Тем не менее его предположение о возможном состоянии «первобытной» (в прямом смысле слова) языковой, особенно звуковой, системы может получить подтверждение не со стороны «палеонтологического» метода в лингвистике, но со стороны палеоантропологии (ср., например, данные исследований строения органов речи неандертальца и возможную реконструкцию издаваемых им звуков: *Леонтьев А.А. Эволюция звука. – Курьер ЮНЕСКО. 1976, № 12*). Современные языковеды на основе указанных данных также придерживаются предположения о «диффузности» звуковой (и семантической) системы первобытной речи (*Маслов Ю.С. Введение в языкознание, §215–216. М., 1987*).

Для выделения древнейшей части корня из трех- и более со-

гласного корня Н.В.Юшманов намечает метод исследования: путем сопоставления корневых вариантов выделяется сочетание постоянных согласных при сохранении ими данного общего значения (§45) и дополнительный согласный более общего категориального значения.

В области морфологии автор в первую очередь обращает внимание на динамику изменения и развития морфологических способов словообразования и словоизменения, способов соединения морфем (§38 и сл.).

«Стадиальная» характеристика развития семитских языков [§5(4); V, §38] фактически представляет собой их историко-типологическую классификацию. Первый опыт оценки структурно-типологической характеристики этих языков как отражения определенных этапов их исторического развития можно сопоставить с диахронической ступенчатой классификацией афразийских (семито-хамитских) и позже — семитских языков, выдвинутой И.М.Дьяконовым на базе их структурно-типологического сопоставления (Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 180–189; он же. *Afrasian Languages*. М., 1988, с. 17–18).

Понятие стадий не чуждо и современному историческому языкознанию, в котором стадия (stage) понимается как смена одной фонологической и грамматической системы языка другой, например, по линии латынь—французский язык или древнеанглийский—современный английский (Hoenigswald H.M. *Historical Linguistics*, с. 367–369).

В целом «Введение...» подводит итог развитию семитологии в отечественной и зарубежной науке к началу 30-х годов XX в. В последующие пять десятилетий семитское языкознание, отечественное и зарубежное, обогатилось фундаментальными исследованиями как в области отдельных языков, так и в области сравнительно-исторического изучения семитской фонетики, фонологии, грамматики и лексики. Однако значение «Введения...» для истории и развития отечественной семитологии остается очевидным. Как говорилось выше, Н.В.Юшманов явился одним из первых отечественных востоковедов-лингвистов, который в отличие от многих современных ему представителей классического недифференцированного востоковедения подошел к семитским языкам как языковед широкого профиля, предвосхитив многие более поздние концепции, гипотезы и открытия.

Отдавая необходимую дань «новому учению о языке» академика Н.Я.Марра, Н.В.Юшманов остается на твердых позициях историка и типолога в анализе и интерпретации материала конкретных языков и выдвигает оригинальные концепции и гипотезы в области сравнительно-исторической грамматики и корнеобразования семитских языков. Под «стадиальными» явлениями Н.В.Юшманов понимает естественные исторические характеристики любого языка, сохраняющего на каждом данном этапе

своего существования и функционирования как архаизмы и пережитки более ранних форм, так и инновации, обусловленные внутренними законами развития языка и внешними историческими условиями (субстратом, адстратом, суперстратом).

Обращаясь к текущим задачам отечественной семитологии своего времени, Н.В.Юшманов резко критически оценивает современное ему состояние и организацию семитологических исследований, состояние преподавания семитологии в стране и его перспективы (§17–19).

Актуальные задачи советской семитологии, сформулированные Н.В.Юшмановым в 30-е годы, решались в последующие годы и продолжают решаться в настоящее время как в области сравнительно-исторического изучения семитских языков, которое углубляется благодаря выходу в афразийский материал, так и в области изучения современных семитских языков и древних памятников семитской письменности. См. итоговые статьи по соответствующим языкам и проблемам: Лингвистический энциклопедический словарь (далее ЛЭС). М., 1990; Языки Азии и Африки. Т. IV, кн. 1, 2. М., 1991 (далее ЯАА).

Работа Н.В.Юшманова «Структура семитского корня» представляет собой одно из основных теоретических исследований ученого в области исторического семитского языкознания. Этот труд является результатом многолетних изысканий автора, начатых в 20-е годы. Первый вариант исследования был защищен как кандидатская диссертация в 1929 г. в Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов в Ленинграде⁵.

Данная работа представляет законченный труд, подготовленный к изданию, очевидно (судя по некоторым ссылкам на предыдущие работы), в конце 30-х – начале 40-х годов.

В «Структуре...» Н.В.Юшманов окончательно формулирует свою гипотезу о происхождении трехсогласного семитского корня. В эту гипотезу включается также как необходимая составная часть реконструкция древней системы консонантизма (можно ли эту реконструкцию называть прасемитской, будет видно из дальнейшего изложения). Отдельные идеи и предположения ученого, ранее высказанные им письменно или устно, получили в данной работе наиболее последовательное изложение.

Нетрадиционное мышление ученого отразилось в некоторых крайностях его научного творчества. Так, в течение первых лет своей научной деятельности Н.В.Юшманов изучил все системы

---

⁵ Предварительные результаты исследования опубликованы в 1934 г. (Структура семитского корня и ее стадийный анализ. – Язык и мышление. Т. II. Л., 1934); см. также: Крачковский И.Ю. Речь на защите диссертации Н.В.Юшманова «Семитские корневые разновидности» (выступление официального оппонента). – Институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ. 11.05.1929.

искусственных международных языков и был активным сторонником единого всемирного языка⁶.

Специальное исследование В.М.Алпатова, посвященное роли марризма и «нового учения о языке» в советском языкознании, отмечает определенную популярность среди лингвистов идеи возможности установить происхождение человеческого языка методом палеонтологии⁷. Остатками древнейшего языкового состояния считались такие явления, как наличие (или реконструкция) «диффузных» звуков, наличие (или реконструкция) явлений полисемантизма, развитие лексической системы за счет скрещения и фонетической дифференциации и т.п.

Возможно, что Н.В.Юшманов, увлекшись новыми перспективами, попытался в некоторой степени применить «палеонтологический метод» на конкретном семитском материале. Многие проблемы исторического семитского языкознания действительно нельзя было решить по индоевропейской схеме.

Сопоставив в семитских языках такие факты, как близость значений (по консонантному составу) корней, Н.В.Юшманов строит гипотезу «архифонем, прафонем». Не случайно их «первобытная схема» представляет «четыреугольник» (ср. четыре исходных элемента Н.Я.Марра).

Сосуществование в исторически известных и живых языках архаических элементов и явлений (ср., например, систему междометий и сходных эмоционально-интонационных средств выражения, явления звукового символизма, так называемую внеструктурную морфологию и др.) наряду с развитыми системами всех уровней языка в настоящее время хорошо известно, однако генерализация некоторых явлений, характерных для семитских языков, и возведение их к первобытным признакам могут вызывать сомнения как с теоретической, так и методологической точек зрения.

Ниже кратко отмечаются основные вопросы, поставленные и рассмотренные исследователем.

Прежде всего, в данной работе Н.В.Юшманова (как и в ряде других) обращает на себя внимание «фонетизм», который проникает во все разделы анализа и построения гипотезы.

В поле зрения исследователя находятся два основных объекта: составные консонантные элементы корня и фонетические вариации корневых согласных. Первая задача поэтому формулируется как разложение семитского корня на составные консонантные элементы, т.е. на двухсогласную ячейку и третий согласный.

---

⁶ См. публикацию «Всемирный язык». — Изв. ОЛЯ АН СССР. 1987. Т. 46, № 5, с. 460–461; также — первый том работ Н.В.Юшманова по интерлингвистике «Вопросы космоглотики», подготовленный к печати С.Н.Кузнецовым.

⁷ См. указ. соч. В.М.Алпатова. Гл. IV. «За щитом».

Второй и неизбежно сопровождающей, а может быть, и предварительной, является задача установить, что лежит в основе «мены согласных» корня, которая приводит к «мозаичным» соответствиям. Ведь именно «мозаичные соответствия», т.е. нерегулярные чередования корневых согласных в семитском корне, затрудняют последовательное разложение каждого трех- и более согласного корня на двухсогласную ячейку и дополнительный согласный, установить происхождение и значение которого входит в третью задачу работы.

Вторая задача, предваряющая разложение корня, на первом этапе решается группировкой чередующихся согласных по ступеням акустико-артикуляторной близости и взаимозаменяемости; затем каждая группа согласных сводится к диффузному, нерасчлененному прототипу (§5), всего выделено четыре прототипа (§5–10), что соответствует методу «лингвистической палеонтологии» и идее Н.Я.Марра об исходных четырех элементах языка. На базе семитского материала исследователь совершает «перескок» через все промежуточные этапы (семито-хамитский, афразийской общности, возможно ностратической, и глубже) к «празыку» недостижимой глубины.

В свете сравнительно-исторических исследований и реконструкций в области афразийских языков (до XI тысячелетия до н.э.) и более глубокой реконструкции общего ностратического корнеслова гипотеза Н.В.Юшманова и его исследовательский метод могут представляться спорными и даже неприемлемыми. Тем не менее явление безусловленного чередования корневых согласных отмечается не только на прасемитском уровне, но и на афразийском и требует своего объяснения. Данная гипотеза — одна из попыток дать объяснение этому явлению на основе марровской концепции единого глоттогонического языкового процесса, выявление «диффузных» звуков как реликтов «первобытно-общинной стадии».

Современная реконструкция прасемитского консонантизма представляет развитую систему из 29 или 31 фонемы⁸. Более глубокая афразийская реконструкция представляет систему из 43 фонем⁹.

Наряду с данью марровской концепции в ходе сравнительного изучения соответствий семитских корневых согласных

---

⁸ Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 191; ср.: Cantineau J. Études de linguistique arabe. P., 1960, с. 15–17.

⁹ Diakonoff I.M. Afrasian Languages. M., 1988, с. 34; см. также: Diakonoff I.M., Militarev A.Yu., Stolbova O.V. Proto-Afrasian Phonology. — Diakonoff I.M. Proto-Afrasian and Old Akkadian — JAL. Vol. 4, Princeton, 1992; также Diakonoff I.M., Militarev A.Yu., Porkhomovsky V.Ya., Stolbova O.V. On the Principle of Afrasian Phonological Reconstruction. — St.Petersbourg Journal of African Studies. 1993, № 1 (далее SPbJAS).

Н.В.Юшманов восстанавливает, в отличие от праязыковой четырехэлементной системы, историческую фонетику семитских языков (§5, табл. 1 и примеч.) и выдвигает реконструкцию ряда общесемитских фонем (*S²; *š₂ > *d₂ на основе двух рефлексов в арамейском ^с, s – §7(б); *p – §8)¹⁰, идею о «гармонии» корневых согласных (§6а), обращая внимание на значение звукоподражания и рифмы (§3б, д); о роли неустойчивых w/u в переразложении корней и образовании новых корневых вариантов (§10г). Каждый из поставленных вопросов и данный на него ответ могут послужить темой для дальнейшего специального исследования и стать вкладом в семитское историческое языкознание.

Глубокая фонетическая основа кроется также и в третьем основном положении Н.В.Юшманова – положении, согласно которому именно консонантно-слоговая структура корня определяет морфологический строй семитских языков: «ведущая роль трехсогласного корня в семитской грамматике такова, что целый ряд типов словообразования и словоизменения возможен исключительно лишь от трехсогласного корня» (§1)¹¹. Грамматический строй, сложившийся на базе трехсогласного корня, обуславливает, в свою очередь, развитие новых трехсогласных корней (§12, 13).

Это положение, высказанное Н.В.Юшмановым, крайне важно для установления относительной исторической хронологии семитской грамматики: способ аффиксации безразличен составу корня и составу первичной основы, способ внутренней флексии действует преимущественно на трехсогласной основе. Иными словами, развитие трехсогласного корня из двухсогласной ячейки послужило основой для более последовательного и разностороннего развития способа внутренней флексии.

Вместе с тем можно предположить и обратное направление в развитии семитского грамматического строя: развитие морфологии исконных трехсогласных корней обусловило подгонку двухсогласных корней под трехсогласные за счет «слабых», плавных согласных, за счет классификаторов и переразложения морфологических показателей. Давление трехсогласной структуры корня наблюдается в действии в современных арамейских и арабских диалектах в словоизменении и словообразовании.

Независимо от того, что явилось первоначальным условием

---

¹⁰ Ср. также: *Милитарев А.Ю.* О предполагаемом прасемитском *p. – История и филология Древнего Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР. М., 1976.

¹¹ Дальнейшую разработку этой темы см.: *Белова А.Г.* Структура семитского корня и семитская морфологическая система. – ВЯ. 1991, № 1; *Goldenberg G.* Principles of Semitic Word-Structure. – Semitic and Cushitic Studies. Wiesbaden, 1994, с. 29–64.

развития: структура корня или грамматическая форма (этот вопрос трудно решить в настоящее время, и он может показаться достаточно схоластическим), в исследовании исторической грамматики семитских языков (а возможно, и других афразийских) не следует упускать из виду тесное взаимодействие между консонантным и слоговым составом корня, корневой основы и способами образования ее производных единиц.

В вопросе о формировании семитского корня Н.В.Юшманов показывает, что исторически семитский корень является производной единицей, слагавшейся одновременно и разными путями: на уровне звуковых чередований, звукового символизма, повтора, геминации, ассимиляции и диссимиляции, позднее – на морфологическом уровне: за счет развития словообразовательных и словоизменительных префиксов и суффиксов, за счет скрещения основ и корней (§13б) и переразложения производных основ (§17г).

Несмотря на полувековой срок давности и марристовский налет в настоящее время гипотеза Н.В.Юшманова о структуре семитского корня приобретает новое значение: развитие сравнительно-исторического афразийского языкознания, реконструкция более глубокого уровня – реконструкция афразийских корней¹², с одной стороны; с другой стороны, первые шаги в области реконструкции афразийского корневого вокализма¹³ не могут не учитывать исследование, проведенное на семитском материале и затрагивающее ряд фундаментальных вопросов семитского корня: 1) двухсогласность или трехсогласность; 2) допустимую сочетаемость корневых согласных; 3) проблему нерегулярных чередований (аллотеза и метатеза) корневых согласных.

Многие положения Н.В.Юшманова, выдвинутые в «Структу-

---

¹² Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 1, 2, 3. Под ред. И.М.Дьяконова. – ПППИКНВ. Ч. IV. М., 1981; ч. III. М., 1982; ч. III. М., 1986; Дьяконов И.М., Порхомовский В.Я. О принципах афразийской реконструкции в связи с работой над сравнительно-историческим словарем. – *Balkanica*. М., 1979; Белова А.Г. Структура корня в древнеегипетском и семитском языках. – *Problemy Jezykow Azji i Afryki*. Warszawa, 1987; *Zaborski A. Biconsonantal Verbal Roots in Semitic*. – *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellonskiego*. CCLXIX, *Prace Jezykoznawcze*. Z. 35. Kraków, 1971; *Conti G. Studi sul Bilitterismo in Semitico e in Egiziano, I: il tema verbale*. Firenze, 1980; *Diakonoff I.* (Head of Team), *Belova A., Chetverukhin A., Militarev A., Porkhomovsky V., Stolbova O.* *Historical Comparative Vocabulary of Afrasian* (далее сокр. HCVA). – SPbJAS, №№ 2–4, 1994–1995; также, с другой позиции: *Orel V.E., Stolbova O.V.* *Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a Reconstruction*. Leiden–New York–Köln, 1995.

¹³ *Orel V.E., Stolbova O.V.* К реконструкции праафразийского вокализма. – ВЯ. 1988, № 5; *Belova A.* Sur la reconstruction du vocalisme afroasiatique: quelques correspondances égypto-sémitiques. – *Proceedings of the Fifth International Hamito-Semitic Congress 1987*, Vol. 2. Wien, 1991, с. 85–93; *Белова А.Г.* К вопросу о реконструкции семитского корневого вокализма. – ВЯ. 1993, № 6, с. 28–56.

ре...», читатель может сопоставить с идеями современной типологии. В частности, в вопросах структурной типологии семитского слова дальнейшее развитие получили исследования по соотношению консонантного корня и вокалического состава слова, в результате которых был выделен особый тип морфемы – «прерывистая» морфема (как корневая, так и некорневая) агглютинативного способа соединения¹⁴.

Некоторые гипотезы и построения ученого читатель может сопоставить с результатами современного сравнительно-исторического изучения афразийских языков: в области общей теории реконструкции афразийского корня, разрабатываемой по программе и под общим руководством профессора И.М.Дьяконова в ряде научных центров страны¹⁵, в области исторического развития трехсогласного семитского корня, изучения явлений перестановки и чередований корневых согласных¹⁶, в области общей реконструкции афразийской фонологической системы (см. библиографию в сн. 9–12), реконструкции фонологических систем отдельных языковых семей афразийской общности. В области установления лексического и морфологического значения двухсогласной и добавочной согласной трехсогласного корня многие положения Н.В.Юшманова, высказанные в качестве гипотезы или предположения, подтверждаются отдельными специальными исследованиями по семитским и афразийским двухсогласным корням и дополнительным некорневым согласным (комплементарам); в работах по реконструкции классных именных показателей и качественно-количественных показателей глагольных корней¹⁷; в работах о пережитках звукового символизма в семитских корнях¹⁸.

---

¹⁴ Впервые на семитском материале идея разработана В.П.Старининым, см.: *Старинин В.П.* Структура семитского слова. М., 1963; в сопоставительно-типологическом плане эта же идея разработана одновременно И.А.Мельчуком (*Мельчук И.А.* О внутренней флексии в индоевропейских и семитских языках. – ВЯ. 1963, № 4). Она включается в разделы описательной типологии общезыковедческих работ (*Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М., 1967, с. 268–269; *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., 1987, §154, 155(6)), развивается далее на материале арабского языка в коллективной монографии «Квантитативная типология языков Азии и Африки». Л., 1982, с. 292.

¹⁵ См. указанные выше первые выпуски «Сравнительно-исторического словаря афразийских языков» (сн. 12).

¹⁶ *Майзель С.С.* Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983.

¹⁷ См. указанные выше работы, а также: *Гранде Б.М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Ч. II, гл. I. М., 1963; *Белова А.Г.* Комплексы и структура корня в афразийском (рук. 1987 г.); иначе: *Ehret Ch.* Origin of the third consonants in Semitic roots: an international reconstruction (applied to Arabic). – JAL. 1989, vol. 2, № 2; ср. рец. *Белова А.Г.* в: ВЯ. 1992, № 3, с. 135–139 и библиографию к ней.

¹⁸ *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965; он же. Символизм прасемитской флексии. М., 1974.

Все вопросы, поставленные Н.В.Юшмановым в «Структуре семитского корня», и данные им ответы несомненно послужат семитологам и языковедам нашего времени новым стимулом для дальнейших научных исследований в области истории и типологии семитских и афразийских языков.

Четвертая работа Н.В.Юшманова условно названа «Грамматика арабского языка», так как в имеющемся оригинале рукописи авторского заглавия не имеет.

Нам известны две грамматики арабского языка, принадлежащие перу ученого: первая, наиболее полная, грамматика 1928 года (изд. 1928, 1978, 1985 гг.); «краткая» грамматика (изд. ЛГУ, 1964), задуманная как приложение к арабско-русскому словарю проф. Х.К.Баранова (*Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, с. 250*). Данная грамматика представляет собой третий самостоятельный вариант арабской грамматики. Развитие и углубление сравнительно-исторического освещения фонетической, морфонологической и морфологической систем арабского языка позволяют предположить, что данная грамматика является наиболее поздним вариантом, в котором учтены результаты исследований ученого в области структуры семитского корня, классных показателей семитских именных частей речи, результаты сравнительного исследования данных эфиосемитских и южноаравийских языков. Основное внимание Н.В.Юшманова сосредоточено здесь на фонетической и морфологической системах арабского языка.

В этом варианте арабской грамматики автор дает детальный анализ развития арабской орфографии, в частности развития техники лигатур (§16–18), историческую интерпретацию особенностей арабской графики, отражающей фонетические признаки мекканского говора и изменений древнеарабской слоговой структуры, обусловленных просодией (§19–20). Впервые излагает свою идею об аллитерации как одном из путей корнеобразования в арабском (§30). Можно отметить изменения в трактовке Н.В.Юшманова некоторых особенностей грамматической системы арабского языка: окончательное утверждение понятия «слитного местоимения» (§36), более точная характеристика перфектной и имперфектной основ глагола как «видовых», но не временных, как в первой грамматике (§11а, б). Парадигмы «пустых» и «недостаточных» глаголов сопровождаются примерами внутренней реконструкции (§48, 49 и сноски к ним). Последовательно развивается понятие первичной основы (глагольной — §41, 42 и именной — §51), представляющей исходную единицу словообразования и словоизменения.

В отличие от первой и второй грамматик в данном варианте наряду с арабским шрифтом достаточно широко используется латинская транскрипция, что делает третью «Грамматику» доступной широкому кругу востоковедов и языковедов.

Пятая работа Н.В.Юшманова «Загадка "двухпадежных имен" арабского классического языка»¹⁹ – монографическая статья по докладу, сделанному на второй сессии Ассоциации арабистов. Начиная с 20-х годов нашего века создание исторической грамматики арабского языка рассматривалось Н.В.Юшмановым как самая насущная и необходимая задача не только арабского, но и семитского языкознания. Несмотря на то что ученому не удалось в полной мере осуществить эту задачу, все его работы, посвященные грамматическому описанию арабского языка (Грамматика литературного арабского языка. Л., 1928; Строй арабского языка. Л., 1938; Краткая грамматика арабского языка. ЛГУ, 1964), и отдельные статьи по грамматике и фонетике арабского и других семитских языков проникнуты историзмом.

«Монография Н.В.Юшманова о двухпадежных именах (1941) дает некоторое представление о подготовлявшейся им исторической грамматике арабского языка...» – так оценил акад. И.Ю.Крачковский эту работу, подводя итог предвоенному периоду развития арабского языкознания в СССР (*Крачковский И.Ю. Очерки...*, с. 252).

Действительно, внимательное изучение «Загадки...» показывает, что Н.В.Юшманов представил здесь целый раздел арабской исторической грамматики, проанализировав явление «двухпадежности» во взаимосвязи со всей морфологической системой именных категорий: род/классы, число, падеж, состояние (формы определенного/неопределенного состояния имени). В свете типологического сопоставления с архаичными и новыми типами склонения некоторых категорий имени в других языках автор охарактеризовал явление «двухпадежности» исторически: как пережиток более древнего склонения, развившегося в арабском до появления нового показателя определенного состояния *'al-*.

Период публикации и ограниченный тираж издания «Загадки...» (1941 г., 1000 экз.) не позволил этой серьезной работе стать достоянием мировой арабистики. Об этом свидетельствуют некоторые общие работы, затрагивающие явление двухпадежности в арабском, и специальные статьи, посвященные этому вопросу: *Vycichl W. Die Deklination in Arabischen.* – RSO. 28, 1953, с. 71–78; *Wehr H. Der arabische Elativ.* Wiesbaden, 1953, с. 94–96; *Kuryłowicz J. L'apophonie en sémitique.* Wrocław–Warszawa–Kraków, 1961, §234–241; *An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages.* Wiesbaden, 1964, с. 95, 12–68; *Rabin Ch. The Diptote Declension.* – Arabic and

¹⁹ [Печ. по]: Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19-23 октября 1937. – ТИВАН. Вып. XXXVI. М.–Л., 1941, с. 149–159.

Islamic Studies in Honor of Hamilton A.R.Gibb. Leiden, 1965; Petraček K. Le système de l'arabe dans une perspective diachronique. – Arabica. T. XXVIII, fasc. 2–3, 1981, с. 162–177; Garbini G. Le lingue semitiche. Studi di storia linguistica. Sec. ed. Napoli, 1984, с. 109–110; см. также: Gruntfest J. Some Remarks on the Case System in Semitic Languages. – Ethiopian Studies: Proceedings of the 6th Intern. Conference. Tel Aviv, 14–17 Apr. 1980. Rotterdam–Boston, 1986, с. 261–274.

Следует отметить, что большинство указанных арабистов и семитологов, обратившихся к вопросу «двухпадежного—трехпадежного» склонения в арабском в истекшие десятилетия, рассматривают эту проблему не полностью и не так всесторонне, как Н.В.Юшманов.

Так, Г.Вер связывает двухпадежное склонение с одной исходной формой *'af'al* (указ. соч., с. 94–96) и с «ее производными» – формами мн. числа типа *'af'ilā'*-, *fu'alā'*-, *fa'ā'il*- и т.п., но оставляет в стороне все остальные группы двухпадежных имен, не объяснимых на основе форм *'af'al* и ее производных. Е.Курилович анализирует все категории двухпадежных имен и связывает их двухпадежность с отсутствием нунаций (указ. соч., §236, §237), что было установлено еще средневековыми арабскими филологами. Пытаясь найти разгадку в семантике, он выделяет имена собственные, однако объяснять нарицательные формы *qatlā*, *'aqталu* и т.п. ему приходится уже с двумя натяжками: по технической причине суффикс (*-ā*, *-ānu*) не мог применять нунацию, с другой стороны, эти формы по происхождению являются субстантивами с абстрактным значением (с. 159), а формы мн. числа на *-ā/-ā'u* образованы по аналогии.

Х.Рабин видит в основе двухпадежного склонения особую семантику имен, на которую наложилась стандартизация по аналогии (указ. соч., с. 561). Истоки Х.Рабин ищет в семантической типологии сходных категорий имен (собственных имен функционально тождественных) в системе арабского и южноаравийских языков и связывает их с функционированием имен в трех состояниях: *-m/-n/-θ* : *-n/-l/-θ*.

Как видно из работы Н.В.Юшманова, ученый рассмотрел явление двухпадежных имен всесторонне, проанализировал все соответствующие категории как по содержанию, так и по форме и показал, что эта категория имен представляет реликт двухпадежной системы склонения, развившейся до появления препозиционного артикля.

ЭТЮДЫ ПО ОБЩЕЙ ФОНЕТИКЕ НА МАТЕРИАЛЕ НЕИНДООЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

(Из трехлетней переходящей темы
«Стадиальная фонетика» 1940–1942 гг.)

Предварительные замечания	25
I. Блуждающая назализация в хауса	27
1. Сущность явления	27
2. Отражения в специальной литературе	29
3. Аналогичные явления в других языках	32
4. Заключение	34
II. Законы пермутации согласных в нивхском (гиляцком) языке и некоторых африканских языках (фуль и суто-чуана)	38
1. Схождения в чередовании согласных	38
2. Функции чередований в сравниваемых языках	40
3. Фонетическая сторона явления	42
4. Морфологическая сторона явления	49
III. Особенности соответствий плавных согласных в картвельских языках	55
А. Грузинское <i>-l-</i> //мегрело-чанское <i>-r-</i>	55
1. Описание явления и примеры	55
2. Стадии развития плавных	57
Б. Грузинское <i>-r-</i> //мегрело-чанское <i>-л̃-</i>	59
1. Описание явления и примеры	59
2. Объяснение явления	60
Примечания	62

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящие «Этюды» представляют собой сравнительно небольшую часть исследований, производимых мной по вопросам стадияльной фонетики, т.е. фонетической части единого языко-творческого процесса. Как известно, основоположник нового учения о языке покойный академик Н.Я.Марр в своих языко-ведных изысканиях уделял немало внимания и фонетике, но, не будучи фонетиком ни по своей подготовке, ни по своим преимущественным интересам и привлекая фонетику лишь попутно с другими отделами языкознания, он не смог дать ни одного обобщающего труда из области стадияльной фонетики, ни исследовательской программы для тех, кто взял бы на себя выполнение подобной задачи. Однако Н.Я.Марр научил нас методу широко-внеродственно-типологического сближения языков и тем самым дал нам возможность разрабатывать вглубь и вширь новое учение о языке, включая и стадияльную фонетику. Полагаю, что мои работы последних лет подтвердили, насколько ценным и плодотворным оказывается метод Марра в самых, казалось бы, трудных и запутанных участках языкознания. Обильное привлечение материала неиндоевропейских, зачастую бесписьменных или младописьменных языков со всего земного шара — то, на чем всегда так настаивал Н.Я.Марр, — повлияло даже на общее заглавие моих «Этюд» (тем более что в большинстве пособий по общей фонетике основным образом учитываются только важнейшие индоевропейские языки); это не значит, однако, ни в какой мере, что «Этюды» игнорируют индоевропейские языки (таковые учитываются и приводятся в каждом этюде!), но ареной, на которой я наблюдаю явления, охваченные «Этюдами», служат мне неиндоевропейские языки. Всего здесь даются три этюда:

- I. Блуждающая назализация в хауса¹.
- II. Законы пермутации согласных в нивхском (гиляцком²) языке и в некоторых африканских языках (фуль³ и суро-чуана⁴).

III. Особенности соответствий плавных согласных в картвельских языках.

Как видно из заглавий этюдов, эти темы еще не дают самой стадияльной фонетики, но лишь приближаются к ней, представляя те предварительные опыты и наброски, без которых нет возможности решать трудные основные вопросы стадияльного языкознания; это, как выражаются немцы, *Skizzen und Vorarbeiten*. До сих пор из таких опытов мною был опубликован лишь один — «Фонетические параллели африканских и яфетических языков» (*Africana*⁵. I, с. 19—44). Другой опыт — «Семито-хамито-яфетические сжатогортанные»⁶ — публикуется в сб. «Язык и мышление», т. XI. Немало отдельных моментов из стадияльной фонетики встречается и в других моих работах, не посвященных целиком стадияльной фонетике, так, особенно в статье «Сингармонизм урмийского наречия» (Памяти Н.Я.Марра⁷, с. 295—314). Большинство публикуемых мною исследований было в свое время доложено и обсуждено на заседаниях Института языкознания и мышления им. Н.Я.Марра, в том числе и все три этюда, которые публикуются в настоящем сборнике.

Следует отметить, что этюды, выделенные для данной публикации, объединены известной внутренней связью: они все посвящены вопросам «неожиданных эффектов», возникающих при взаимодействиях шумных и сонорных согласных, причем первые два этюда прокладывают путь к третьему, посвященному в конечном счете так называемому мегрельскому закону — одному из труднейших вопросов как яфетического, так и общего языкознания.

В работе, где на одной странице встречается подчас десяток различных языков с весьма различным звуковым составом, приходится считаться с известной трудностью, которая до сих пор довольно далека от удовлетворительного разрешения, именно — с отсутствием единой общепринятой фонетической транскрипции. Здесь не место обсуждать этот сложный вопрос, необычайно запутанный как в идеологическом, так и в техническом отношении; ограничиваюсь самым необходимым — даю указания, как прочесть вслух приводимые написания из многочисленных языков.

В своей практической орфографии приводятся европейские языки и хауса; для последнего нужно отметить: $\check{c} = c$, $k = dj$ (восточные диалекты) или $ж$ (западные диалекты), $sh = u$, $w = \ddot{y}$, $y = \ddot{y}$, кроме того, k' и ts — согласные с гортанным взрывом. Прочие языки приводятся в транскрипции, составленной с таким расчетом, чтобы транслитерация грузинского алфавита, которым пользуются для картвельских языков, совпадала с системой, принятой учеными Советской Грузии*.

* Урартские памятники музея Грузии. Изд. Г.В.Церетели. Тб., 1939, с. 76.

В транскрипции нужно отметить из простых латинских букв $c = \zeta$, $q =$ язычковое k , $x = x$; из деформированных букв ə (широкое y), η (заднеязычный носовой), z (слитное dz); из греческих букв $\beta, \gamma, \delta, \vartheta, \varphi$ (щелевые b, g, d, t, n); диакритические значки $\cdot$ – напряженность, $\bar{\cdot}$ – долгота, $\_$ – открытость, $\acute{\cdot}$ (при согласных) – палатализация, $\grave{\cdot}$ – шипячесть, $\grave{\cdot}$ – оглушение, $\grave{\cdot}$ – глубокое образование, $\text{'}^{\cdot}$ – гортанный взрыв, $\text{'}^{\cdot}$ – сдвигнутый голос, $\text{'}^{\cdot}$ – неслоговая функция гласного, $\text{'}^{\cdot}$ – лабиализация, $\text{'}^{\cdot}$ – слоговая функция согласного. Изредка в квадратных скобках дается уточнение знаками Международной фонетической ассоциации.

I. БЛУЖДАЮЩАЯ НАЗАЛИЗАЦИЯ В ХАУСА

1. СУЩНОСТЬ ЯВЛЕНИЯ

В языке хауса есть явление, пронизывающее весь словарь и всю грамматику, но, насколько мне известно, нигде не описанное и не исследованное. Это явление, которое можно назвать блуждающей назализацией, состоит в том, что во многих словах носовой согласный может то появляться, то исчезать, несколько не влияя на значение. Блуждающая назализация встречается в хауса и в своих, и в заимствованных словах; последние очень поучительны в том отношении, что, зная источник заимствования, мы легко можем убедиться в добавочности (вторичности) блуждающего носового согласного. За изъятием крайне немногочисленных случаев начального ny [ŋ], явление встречается лишь внутри слова, и притом лишь перед интервокальным согласным, т.е. выражается в чередовании сочетаний типа *ata ~ anta*.

Приведу примеры, иллюстрирующие блуждающую назализацию в хауса, распределив их по группам в зависимости от происхождения функции в языке.

(1) Заимствованные слова

hankali 'ум' ← араб. *'aql* (нар. *'aqāl*) 'ум'

liz(z)āmi ~ linzāmi 'узда' ← араб. *ližām* 'узда'

В современном хауса шипящие согласные встречаются перед любым согласным, но еще не так давно они могли быть только перед *e* и *i*. Поэтому в заимствованных словах возможна замена слога «шипящий + гласный заднего ряда» слогом «свистящий + гласный заднего ряда».

lugga ~ lunga 'ученая речь, непонятная для масс' ← араб. *luḡa* 'язык'

manja 'майор' ← англ. *major* [meɪdʒə] 'майор'*
miya ~ *miɲa* 'сто' ← араб. *mi'a* (нар. *miya*) 'сто'

(2) Свои слова как словарные единицы

jiɲa ~ *jiɲa* 'уход за больным'
k'āwa ~ *k'anwa* 'сильное желание'
k'idaye ~ *kidanya* 'считать'
kūhū ~ *kunhū* 'легкие' (орган)
maɲa ~ *manya* 'большие, знатные'
musāya ~ *musanya* 'выменивать'
sayyā ~ *sanya* 'род кустарника'
tabo ~ *tambo* 'шрам'
tattabara ~ *tantabara* 'голубь'
yamyam ~ *nyamnyam* 'людоед'
taya ~ *taɲa* ~ *tanya* 'помогать'
yunwa ~ *nyunwa* 'голод'

(3) Свои слова как грамматические производные

а) Усилительная порода гласных (интенсив)

fī 'превосходить' → *fāye* ~ *fanye*
jā 'тянуть' → *jāye* ~ *janye*
k'ī 'не хотеть' → *k'īye* ~ *k'inye*
cī 'кушать' → *ciɲe*, *canye*
shā 'пить' → *shanye*
sō 'хотеть' → *sonye*, *sanye*

б) Имя качества и отыменной глагол (деноминатив)

karatu**//*karanta* 'читать' ← араб. *qara'a* 'читать'
kusāci ~ *kusanci* 'близость' ← хауса *kusa* 'близ'
munāfucci ~ *munāfunci* 'лицемерие' ← араб. *munāfiq* 'лицемер'
nīsāta ~ *nīsanta* 'удалять' ← хауса *nisa* 'даль'

Число примеров можно было бы значительно увеличить, если привлечь менее очевидные случаи, требующие каждый раз специального исследования. Приведу в качестве образца пару *koko*//*kwanko* 'чашка, стакан'. Здесь неприятная, но вполне обычная история: пособия по хауса, написанные лучшими знатоками языка, расходятся между собой. А. Mischlich⁸ дает в своих

* Туземцы хауса не допускаются к офицерским званиям, но [могут стать] унтер-офицерами, среди которых есть и *sergeant-major* [sɔ:dʒnt-meɪdʒə]. Последнее усвоено в форме *sajamanja* с явным фонетическим воздействием первого члена сложения на последний. Отсюда и отдельное *manja* для известного офицерского чина.

** Слово *karatu* значит собственно 'чтение', но используется и как инфинитив 'читать'. Названная пара соответствует аналогичной паре *rubutu* 'писание'//*rubuta* 'писать', но последнее слово не принимает блуждающей назализации.

пособиях однородную пару *kókō//kōnko* 'чашка, кубок, стакан', тогда как Bargery⁹ в своем словаре приводит два разнородных слова *k'ōk'ō* 'маленькая горлянка (бутылка из тыквы)' и 'жестянка для папирос, консервов и т.д.' без чистого варианта. Зная, что гласный *o*, попав в закрытый слог, распадается на лабиализацию предыдущего согласного + гласный *a* (точнее, [ɔ]) и что это явление отмечается Mischlich¹⁰ посредством написания o (черточка под буквой гласного – значок Lepsius'a¹⁰ для открытых гласных), а официальной орфографией, приводимой у Bargery, – посредством *wa*, и усматривая в разнице значений вполне обычную функциональную смену (название туземного сосуда распространяется на привозные сосуды), мы могли бы не сомневаться, что *k'ōk'ō* и *kwanke* – варианты того же слова. Спорадическая мена простого *k* и эйективного (смычно-горланного) *k'* в хауса известна, например: *k'(')orosō* – род погремушки, *k'(')undā* – род пресноводной устрицы, *k'(')wark'(')wata* 'вошь'.

Остается учесть еще одно обстоятельство. Когда идет речь о вариантах, необходимо установить, употребляются ли оба варианта в одном и том же речевом коллективе или один вариант привычен одному речевому коллективу, а второй – другому. Относительно приведенных примеров можно сказать, что словари иногда приурочивают отдельные варианты к отдельным диалектам или к группе ближайших друг к другу диалектов. Так, по словарю Bargery, варианты *lizzami* и *k'idanya* принадлежат кацинскому диалекту, а вариант *kunhu* – зарийскому, тогда как варианты *jinya* и *musanya* – группе диалектов, именно зарийскому, кацинскому и сокорскому. Тем не менее многие примеры являются общехаусанскими (таковы случаи без вариантов, например *hankali*, *manja*, *karanta*). Это заставляет нас рассматривать все явление в целом как общехаусанское. Бывают и такие любопытные случаи: общехаусанское *tsuntsū* 'птица' имеет общехаусанское же множественное число *tsuntsāyē*, но в катагумском диалекте сохранилась форма множественного числа *tsuwātsuwāi*, которая показывает, что и единственное число когда-то звучало *tsūtsū, т.е. без *-n-*.

2. ОТРАЖЕНИЯ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В литературе, посвященной языку хауса, находим изредка кое-какие высказывания по поводу той или иной группы слов, связанной с блуждающей назализацией, но [суть] явления в целом ускользает от исследователей. Рассмотрим то, что мне удалось до сих пор найти. С. Meinhof в главе «Hausa» своей известной книги *Die Sprachen der Hamiten* (Hamburg, 1912) касается блуждающей назализации в трех местах. Во-первых, на с. 61 он

пишет: «В повторах появляется носовой согласный без постижимой причины, например *dan-daka* 'толочь' от *daka* 'толочь'. Ср. также именные окончания *-nta* при *-ta*, *-nči* при *-či*, равно как *idanduna*, мн. ч. к *ido* 'глаз', конечно, вместо *idaduna». Значит, самые факты автору известны, неизвестно лишь их объяснение. Во-вторых, на с. 80 он пишет, что при образовании повторительной породы (итератива) посредством неполного повтора часто вставляется в основу некоренное *-n-*, которое нужно рассматривать как остаток притяжательного соединения (Genitivverbindung), и в качестве примера он приводит опять *daka* 'толочь' → *dandaka* 'толочь'. В третьих, на с. 84, приводя уже знакомые нам формы интенсива на *-nye*, он делает сноску: «Замечательно, что *-ñe* появляется всегда только после односложных основ». Относительно итератива замечу, что необычные для хауса сочетания согласных, получающиеся при повторе, подвергаются полной ассимиляции в пользу второго члена сочетания, превращаясь таким образом в геминат; но, как мы видели на приводившихся уже примерах, интервокальный геминат (иных в хауса нет) нередко расподобляется в сочетании «носовой согласный + неносовой согласный», например *lugga* → *lunga*, следовательно, путь развития таков: *dakdaka* → *daddaka* → *dandaka*, а притяжательное соединение, о котором думает автор, здесь ни при чем*. Что касается интенсива на *-nye*, *ka-na shā* 'ты в питье' = 'ты пьешь'. Некоторые группы глаголов сохраняют в этом виде притяжательное соединение дополнения, например *ka-na sha-n giya* 'ты в питье пива' = 'ты пьешь пиво'. Элемент *-n*, связывающий предыдущее определяемое с последующим определением, т.е. выражающий родительный падеж последующего слова, называется пассивом и по функции соответствует персидскому изафету (хауса *gida-n ubā* = перс. *xāna-i padar* 'дом отца'). Вот это-то *-n* Meinhof старается узнать в случаях, подобных глаголу *dandaka*.

Мы могли бы попытаться свести блуждающую назализацию в хауса к подобному же рода ассимиляции, но этому препятству-

---

* Несовершенный вид в хауса образуется как именное предложение, например, автор правильно заметил его исключительное применение к односложным основам, но не знал вариантов с *-ye*, примеры которых я привел выше.

Другой автор, A. Klingenberg, коснулся блуждающей назализации в своей сделавшей эпоху статье *Die Silbenauslautgesetze des Hausa* (*Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen*. Bd. XVIII, № 4, 1928, с. 272-291).

Прежде всего отмечу очень важное наблюдение автора над живой речью хауса: он слышал носовые гласные в таких случаях, как *mū* 'мы', *nīsa* - *nēsa* 'даль' (с. 276). Эти примеры начинаются носовыми согласными *m-*, *n-*, что дает автору повод объяснить появление носовых гласных частичной ассимиляцией в пользу носовых согласных. Известно, что носовые гласные могут назализовать неносовые согласные, например, по-французски встречается [pānā] вместо [pādā], [pwēnmir] вместо [pwēdmir] для правописных *pendant*, *point de mire* (*Passy P. Les changements phonétiques*. P., 1890, с. 183).

ет наличие достаточно большого числа случаев, где наблюдается блуждающая назализация при отсутствии исконных носовых согласных, например *kuhu* ~ *kunhu*, *taya* ~ *tanya*. Затем перейдем к с.279, где автор делает сноску об уже приводившемся мною слове *yunwa* ~ *nyunwa* 'голод'; признавая первую форму исконной, он объясняет вторую форму из предложений вроде *nna jin yunwa* 'я чувствую голод', где контакт *n* + *y* приводит ко взаимной ассимиляции [ŋj → ɲɲ] и, следовательно, возникает новая форма *nyunwa*. Объяснение остроумно, но неприменимо к случаю *yatum* ~ *nyatum* 'людоед', которого автор не упоминает. Далее на с.285 находим высказывание: «суффиксы отвлеченности звучат *-nta*, *-ntaka* и *-nči* только после гласного, после согласного же они опускают свой носовой согласный. И еще раз на этой же странице автор высказывается за исконность носовых форм *-nta*, *-ntaka* и *-nči*. Попутно он отмечает, что случай *abuta* 'дружба' от *aboki* 'друг' не является исключением, так как раньше было *abokta (значит, суффикс находился после согласного). Если бы автор знал тогда случаи вроде *munafunci* 'лицемеры' от араб. *mināfiq* 'лицемер' и *kusāci* 'близость' от *kusa* 'близ', а также учел бы тождество суффиксов отвлеченности *-tal/-ci* с суффиксами отыменных глаголов *-tal/-ce/-ci*, он бы не высказался за исконность носовых форм: по его правилу нельзя объяснить ни имен, как *munafunci* и *kusāci*, ни глаголов, как *tsorata* 'пугать, -ся' от *tsoro* 'страх' или *ruwaita* 'интересовать, -ся' от *ruwa* 'интерес'.

Упомянем еще о замечании, которое делает D.Westermann на с.III своего небольшого пособия *Die Sprache der Haussa in Zentralafrika* (В., 1911): «Однако я не обозначал согласные с носовым началом как таковые, ибо они мне еще малоизвестны и встречаются, кажется, в единичных случаях (например, *nyadú* 'свинья' наряду с *qadú*). Насколько я знаю, они отсутствуют в прежних описаниях языка». Пример, приводимый Westermann'ом, напоминает приводившийся выше пример *yunwa* ~ *nyunwa* 'голод' и остроумное его объяснение, данное Klingenberg'ом; возможно, что из выражений вроде *nama-n gadu* 'мясо свиньи' выделяется дублет с носовым началом, но в литературную речь такие дублеты почти не попадают (тем более, что слова в хауса не могут начинаться с неслогового [ŋ], да и со слоговых носовых начинаются весьма редко).

Наконец, упомянем, что туземец-информатор, которому R.Prietze обязан своими текстами хауса, опубликованными в *Mitteilungen* Берлинского семинара восточных языков за 1926 г.¹¹, писал арабскими буквами каждый геминат хауса как группу «*n* + согласный», не смущаясь даже такими необычными для хауса сочетаниями, как *nl* вместо *ll*. Это замечательно тем более, что арабское письмо располагает особым значком для удвоения согласных; если же человек избрал другой способ, можно

думать, что в его сознании удвоение согласных отождествляется с блуждающей назализацией, хотя бы это отождествление и не оправдывалось в случаях *mm*, *kk*, *rr* за невозможностью сочетаний *nm*, *nl*, *nr* в хауса.

3. АНАЛОГИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

Блуждающая назализация встречается во многих языках земного шара, но она мало где изучалась. Приведу примеры из известных мне языков, где это явление по крайней мере давно замечено, описано и посильно изучено.

Прежде всего упомянем итальянский язык с его диалектами*: «Неясна вставка носового: *strambo*, *lambrusca*, *gomberuto*, *vincido*... Только в калабрийском, по-видимому, удвоенный согласный превращается с известной регулярностью в сочетание носовой + другой согласный: *sūmportare*, *landa* (= *latta*), *imbu* (= *gibbus*), *mentu* (= *mitto*) и др. Кроме того, сицилийское *mienzu* (= *medius*); ломбардское *des-lenguare* (= *disliguare*); старогенуэзское *lenger* (= *leggiero*); неаполитанское *granonchia* (= *granocchia*) и т.д. В моденском *ninzola* (= *nūceola) повлияло первое *n*. К этому нужно добавить, что итальянский язык в отличие от многих других европейских языков действительно соблюдает долгую выдержку согласных, указываемую удвоенным написанием буквы. Очень часто итальянское удвоение согласных является новшеством по сравнению с латынью, например *accademia*, *commedia*, *fabbrica*... вместо *academia*, *comœdia*, *fabrica*...

Из других индоевропейских языков, допускающих аналогичные явления, назовем русский, где в диалектах наблюдается спорадическое развитие долгих *mm*, *dd* в группы *nm*, *nd*, например: *онтуда*, *антуля*, *антэда* вместо лит. *оттуда*; *ондай*, *ондам*, *ондал*... вместо лит. *отдай*, *отдам*, *отдал*... Случаи, как *это* вместо *это*, показывают, что приходится считаться со спорадическим удлинением *m*, *d*: «Факты удлинения данных согласных не представляют вообще когда-либо и где-либо последовательно наблюдаемого фонетического закона: обычно это частные случаи, отмечаемые в литературном языке и в областных говорах»**.

Теперь перейдем к семитским языкам¹². Здесь замечена и в значительной степени изучена диссимиляция геминатов***; ре-

* D'Ovidio F., Meyer-Lübke W. Grammatica storica della lingua italiana e dei dialetti italiani. Milano, 1919, с. 122.

** Чернышев В.И. Удлинение звуков *m* и *d* в русском языке (Сб. в честь на проф. Л.Милетичъ). София, 1933, с. 180.

*** Brockelmann C. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Bd. I. В., 1908 (особая глава Dissimilation der Geminaten, с. 243-246).

зультатом этой диссимиляции являются чаще всего сочетания «носовой + другой согласный» или «r + другой согласный». Явление встречается как в древних, так и в новых семитских языках, как в исконных, так и в заимствованных словах. Из многочисленных примеров, собранных в семитологических пособиях, остановимся на тех, которые методически важны для нашего исследования. Так, в амхарском языке сочетание «носовой + другой согласный» появляется не только на месте исконных геминатов, как *zəbb* → *zəmb* 'муха', но и на месте вторичных геминатов, как *uāld* → *uādd* → *uānd* 'сын, мужчина'. Также обстоит дело и в ассиро-вавилонском языке, например *zubbu* → *zumbu* 'муха', *inādin* → *inamdin* (читают: *inandin*) 'он дает'. Это нам важно учесть для таких случаев в хауса, как *lizzami* → *linzami* и *lugga* → *lunga* со вторичными геминатами на месте. Так как блуждающая назализация обычно связана с геминацией, важно отметить, что в семитских языках бывает и блуждающая геминация – переходящая с одного согласного в том же слове на другой; например, «верблюды» в арабском языке вообще без геминации – *žamal*, в ассиро-вавилонском с геминацией второго согласного (если он перед гласным) – *gammalu*, а в еврейском с геминацией третьего согласного, если он перед гласным, *gāml*, мн. ч. *gəmallim*; сирийский язык вместо ожидаемых **ne^ooll* 'вступит', мн. ч. **ne^oollun*, имеет *ne^ool* и *ne^oəlun*. Приведу еще любопытный пример, соединяющий блуждающую геминацию с блуждающей назализацией: палестинско-арабское *xlund* 'крот' вместо общеарабского *xuld* (объяснить здесь *-nd* можно лишь из предшествовавшей ступени **-dd*).

Ознакомимся с другой областью, где блуждающая назализация (вместе с другими аналогичными явлениями) представлена более чем богато. Это картвельские языки: мегрельский и чанский, близкородственные грузинскому¹³. Здесь очень часто встречается «нарастание *n* на согласных после гласных» (чанский язык) и «вставляются преимущественно *n* и *r*...; особенно бросаются в глаза вставки в заимствованных словах» (мегрельский язык)*.

Я уже указывал на то обстоятельство, что заимствованные слова особенно поучительны для работы над интересующими нас

Специальное исследование: *Růžička R.* Konsonantische Dissimilation in den semitischen Sprachen. – Beiträge zur Assyriologie. Bd. IV, H. 4. Lpz., 1909.

* *Март Н.* Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1910, с. 4, 7, 19, 20, 71, 164, 172. *Кипишидзе И.* Дополнительные сведения о чанском языке. СПб., 1911, с. 2; он же. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914, с. 07, 0125, 274, 285, 301. *Март Н.* Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925, с. 010. *Мешанинов И.И.* Пособие к пользованию яфетидологическими работами. Л., 1931, с. 21. *Мегрелидзе И.В.* Лазский и мегрельский слои в гурийском. Л., 1938, с. 79, 97.

вопросами. Приведем, по Кипшидзе, примеры заимствованных слов с упомянутыми «вставками» *n* и *r* (перед губными согласными вместо *n* появляется однородное им *m*):

груз.		мегр.	
<i>aḵ vani</i>	→	<i>arḵvani</i>	'люлька'
<i>aḥasi</i>	→	<i>arḥasi</i>	'тысяча'
<i>ḥika</i>	→	<i>ḥirka</i>	'стакан'
<i>imedi</i>	→	<i>imendi</i>	'надежда'
<i>ḥarari</i>	→	<i>ḥa(m)pari</i>	'каперсы'
<i>magari</i>	→	<i>mangari</i>	'крепкий'
<i>oboli</i>	→	<i>omboli</i>	'сирота'
<i>ḥakari</i>	→	<i>ḥankari</i>	'сахар'
<i>ḥari</i>	→	<i>ḥa(m)pi</i>	'тутовое дерево'

рус.		мегр.
акация	→	<i>laḥancia</i> (лишнее <i>l</i> -)
водка	→	<i>onḥka</i> (без <i>v</i> -)
пол	→	<i>proli</i> из (* <i>porli</i> ?)

Из приведенных примеров некоторые заслуживают особых замечаний. Примеры *arḵvani* и *onḥka* могут возбудить сомнение в интервокальной позиции согласного, перед которым наблюдается «нарост», но тут нужно учесть, что в картвельских языках сочетания типа *kv* или *tk* могут рассматриваться принципиально как цельные фонемы*. Пример *ḥari* ~ *ḥa(m)pi* 'тутовое дерево' имеет еще замечательный вариант *nḥari*; подобное выступление «неорганического» или «вставочного» согласного к началу слова в мегрельском языке – не редкость и является частным случаем общей особенности мегрельской фонетики – необычайной склонности к перестановке звуков.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Факты, которые прошли перед нами, показывают с несомненностью общий фонетический процесс широкого мирового распространения. Особенности, свойственные каждой группе языков или даже отдельному языку, не должны умилять общность изучаемых нами явлений. Если одни языки допускают лишь блуждающий носовой, а другие языки – также *r* или какой-нибудь сонорный согласный, если одни языки удлиняют или раздваивают только какие-нибудь определенные согласные, а другие языки трактуют подобным образом любые согласные независимо от места и способа образования, если, наконец, в одних языках и случаях имеются свободно обмениваемые варианты того же слова (с блуждающим сонорным или без него), а в дру-

* См. мою статью «Фонетические параллели африканских и яфетических языков». – *Africana*. I, с. 36.

гих языках и случаях тот или иной вариант не уцелел – все это частности, относимые к специфике языка или случая.

Прежде всего следует обратить внимание на самый принцип блуждания, приводящего к спорадическим явлениям (в противоположность регулярным явлениям). В общем, можно сказать, что ассимилятивные процессы обычно регулярны и дают повод к установлению фонетических законов, тогда как диссимилятивные процессы обычно спорадичны и учитываются как исключения, отклонения, единичные случаи. Конечно, нельзя отрицать возможность регулярной диссимиляции*, но важнее будет то, что оказывается наиболее типичным, общераспространенным. Вот и блуждание, которое свойственно во многих языках носовым или вообще сонорным согласным, относится к процессам диссимилятивного характера – чаще всего по линии диссимиляции геминатов (удвоенных или удлиненных согласных). Вообще говоря, блужданием мы можем назвать этот процесс потому, что некоторый согласный то появляется, то исчезает в том же самом слове (вроде блуждающих огоньков на болотах и кладбищах), но способность какого-нибудь речевого элемента блуждать в только что описанном смысле дает этому элементу возможность блуждать еще и в другом смысле – скитаться с места на место в том же слове. Выше приводились примеры блуждающей геминации в семитских языках (*gammalu//gəmall-*, *ne'oll//ne''od*); здесь блуждание свойственно не звуку (фонеме), а длительности звука (дуреме**), но может блуждать и какая-нибудь из работ (дифференциальный признак. – А.Б.), входящих в артикуляцию фонемы, т.е. по терминологии И.А.Бодуэна де Куртенэ¹⁴ – кинема***.

---

* Например, трактовка заимствований в русском просторечии показывает несколько случаев спорадической ассимиляции, как *бумага* → *гумага*, *котлета* → *коклетта*, *серьезный* [ʂʊrʒoznɛj] → *сурьезный* [ʂu'ɾ,joznɛj], и множество случаев регулярной диссимиляции по линии *p* → *л* ... *p* (как *лыцарь*, *кульер*, *дильхтор*...) и по линии «*м* + губной» → «*н* + губной» (как *бонба*, *ланпа*, *транвай*...).

** Поясним, что спутники звука – длительность, сила и тон – могут изучаться и в общем комплексе фонетических явлений, и в отдельности; в последнем случае можно говорить об особых отделах фонетики – дуретике, динаметике и тонетике – с особыми самостоятельными единицами – дуремой, динамемой и тонемой.

*** Так, корневые варианты семитского глагола «смеяться» допускают четыре возможности блуждания кинемы, отличающей так называемые эмфатические или дебелье согласные семитских языков от остальных – простых согласных:

- 1) первый и последний коренные эмфатические – евр. *šāḥaq*,
- 2) первый эмфатический, последний простой – араб. *ḡaḥika*,
- 3) первый простой, последний эмфатический – эфиоп. *šahəqa*, евр. *šahaq*,
- 4) первый и последний коренные простые – араб. *gəḥex//dəḥex*.

Как явствует из приводившихся примеров, наиболее частыми блуждающими являются носовые согласные, но в некоторых языках с ними конкурирует *г*. В этом нет ничего удивительного, так как *п* и *г* нередко обмениваются между собой; особенно это заметно в семитских языках*.

Теперь перейдем к связи между блуждающей назализацией и геминацией. В индоевропейских и семитских языках она очевидна и несомненна; в хауса — порой заметна, порой незаметна; в картвельских языках, коим геминация вообще чужда, искомая связь, разумеется, незаметна.

С физиологической стороны геминация содержит в себе противоречие, которое при благоприятных для того условиях ведет к дальнейшему развитию — переходу количества в качество. Дело в том, что геминат — удлинненный или удвоенный согласный, как мы привыкли его называть, — является одной фонемой, хотя бы и обозначается на письме двумя буквами, но интервокальный геминат принадлежит двум слогам, кончая предыдущий и начиная последующий (*atta*), а поэтому равносителен двум фонемам. Таким образом, по мысли, высказывавшейся еще акад. Н.Я.Марром в одной его ранней работе**, удвоение ведет к раздвоению. Кстати, если слово в своей обычной (словарной) форме имеет геминат не в интервокальной позиции, приходится считаться с возможностью необозначения на письме сверхкраткого гласного (*ə*) или с возможностью чередования позиций; так, амхарские случаи типа *uādd* → *uānd* вовсе не противоречат требованию интервокальной позиции, ибо вполне обычно также произношение *uānda* и, кроме того, часто встречаются формы с различными суффиксами: *uāndu*, *uāndəx*, *uāndaš*... К физиологической стороне дела относится также вопрос о качестве согласных — исконного и новополученного. Оказывается, что в большинстве случаев удвоение шумного согласного развивается в сочетании «сонорный + шумный», а удвоение сонорного согласного может дать и такое сочетание, и сочетание «сонорный + сонорный», но в обоих случаях меняется последняя часть гемината, а не первая, как это типично для шумного гемината; например, в казахском языке стечение *мм* → *мб*, *нн* → *нд*, *лл* → *лд*.

Нужно иметь в виду, что в каждом языке есть известный запас допустимых сочетаний, вне которого чужое или новое образование усваивается с трудом или вообще недопустимо. Так, в семитских языках допустимо сочетание *-rn-*, но вообще не встречается обратное сочетание *-nr-*. Поэтому немудрено, что и

* Например, «сын» — араб. *ibn*, евр. *ben*, араб. *bar*; «два» — араб. *iḥḥayn*, евр. *šəna'im*, араб. *təren*; «гнуться» — евр. *gāhar* // араб. *gāhan*, а также евр. *kn' - kr'*; «восток» — евр. *mizrāḥ* // *maḏnəḥā*.

** Марр Н.Я. Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитскими (Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка). — Избранные работы. Т. I. СПб., 1908, с. 24, сн.

rr → rn (например, «голень» – араб. *kurā*° // эфиоп. *k°ərnā*° из *kurrā°) и nn → rn с нарушением обычного порядка раздвоения сонорного гемината (например, «шапка, колпак» – франц. *bonnet*, итал. *bonetto* → араб. *burnayta*). В хауса диссимиляция ll, mm, nn, rr мне неизвестна.

Наблюдаемая в хауса диссимиляция полугласного гемината уу → ну, например *tauya* → *tanya* 'помогать', представляет очень редкий вид диссимиляции геминатов, но она встречается в одном из арабских диалектов, именно в дасинском (Юж. Аравия), например *hinuām* 'дни' из *ayuām, *hinuāk* 'тебя' из *iyuāka. В большинстве же языков и диалектов йотное скопление разделяется тем, что его начало входит в состав дифтонга, как в немецком языке *zweijährig* [tsvaj̥e:riç] 'двухлетний', *Neujahr* [noja:r] 'Новый год'.

В языках, использующих геминацию как грамматическое средство, диссимиляция геминатов допускается лишь в случаях, отбившихся по своему значению от продуктивных типов или относящихся к непродуктивным типам. Так, в хауса мы не находим блуждающей назализации ни в типе причастия страдательного залога, например *bugagge* 'битый' от *buga* 'бить', ни в типе двусложного множественного числа имен с высоким падающим тоном первого слога, например *tuddā* [.] 'холмы' от *tudu* 'холм'; стало быть, нет форм вроде *bugange или *tunda в смысле указанных типов. В арабском языке интенсив-итератив (тип *qattala*) допускает диссимиляцию гемината только в случаях, отбившихся по значению, например *šammara* → *šamhara* 'собрал', *šaqqa'a* → *šarqa'a* 'щелкал пальцами'; имя профессии, оно же прилагательное усилительное (тип *qattāl*) не допускает диссимиляции, например *šaqqāl* 'полировщик', *šahhāk* 'смехач', но менее ходкие усилительные типы охотно допускают диссимиляцию, например *šurrūh* → *šurnūh* 'навозный жук', *urudd → *urund 'жесткий'.

В тех случаях, где блуждающая назализация или аналогичное явление встречаются без варианта с геминацией, можно думать об утрате былой геминации, но можно искать и других путей развития, нежели диссимиляция геминатов. Так, в грузинском, где свое ударение едва заметно, сильное ударение других языков, сопровождаемое долготой или полудолготой гласного, нередко воспринимается как усиление гласного добавочным *r* (по крайней мере перед переднеязычным шумным согласным), например араб. *ḥāšiya* 'кайма' → груз. *aršia*, рус. *хлопóт* → груз. *xlaport̃i* 'хлопоты'*. В хауса, где геминация в общем существует и бывает семантической, например *hanu* 'ладан' | *hannu*

* См. Март Н.Я. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925, с. 010.

'рука', вернее всего исходить из геминации, но там, где она не вносит смыслового изменения.

Что касается имен качества и отыменных глаголов хауса, здесь уместно вспомнить явление, хорошо нам известное из русского языка: когда иностранное слово кончается на гласный и несклоняемо, мы образуем от него новые слова не простой прибавкой суффикса, а спайкой основы с суффиксом посредством какого-нибудь заполнителя (морфологической пустышки), например *пальто* → *пальтовица*, *кино* → *киношник* (любитель кино). В этом отношении любопытно использование в живой речи формы *лотошник* (правописное *лоточник*) и для торговца с лотком, и для любителя играть в лото. Таким же образом и в хауса основы, кончающиеся гласным, могут воспользоваться каким-нибудь заполнителем, принимая суффиксы *-ta*, *-taka*, *-ci*; чаще всего заполнителем является *л*, т.е. самый ходкий служебный согласный хауса, он же нередко результат блуждающей назализации, но иногда также *й* (неслоговое), например *tsawo* 'длина' → *tsawata* 'быть длинным; удлинять', как *daidai* 'правильность' → *daidaita* 'быть правильным; исправлять'.

Оставшаяся без объяснений пара *yamyam* ~ *nyamnyam* 'людоед' находится в точно такой же форме и с таким же значением в амхарском языке*. По-видимому, в этом случае первоначальной формой является носовая (ср. *нямням* в так называемом детском языке). Возможно, что мы имеем дело с племенным названием *nyamnyam*, родственным ходкому в Африке корню со значением «животное» (*inyama* в банту), «мясо» (*nama* в хауса), «кушать» (*nyama* в фуль). Если это так, то *yamyam* — диссимилированный вариант от *nyamnyam* или соответствующая маскировка вроде табу.

II. ЗАКОНЫ ПЕРМУТАЦИИ СОГЛАСНЫХ В НИВХСКОМ (ГИЛЯЦКОМ) ЯЗЫКЕ И НЕКОТОРЫХ АФРИКАНСКИХ ЯЗЫКАХ (ФУЛЬ И СУТО-ЧУАНА)

1. СХОЖДЕНИЯ В ЧЕРЕДОВАНИИ СОГЛАСНЫХ

Столь отдаленные друг от друга языки, как нивхский (гиляцкий) из палеоазиатских, фуль из бантоидных и группа суто-чуана из юго-восточного сектора банту, проявляют поразительные схождения между собой в чередовании согласных, что может быть продемонстрировано на сравнительных соответствиях:

* *Baeteman J.* Dictionnaire amarigna-français suivi d'un vocabulaire français-amarigna. Dire Daoua, 1929, col. 542: «*pppp* (*yamyam* ou *nyamnyam*) 1. Nom d'une région du Soudan dont les habitants seraient (ou auraient été) anthropophages; 2. Anthropophage».

нивхский	фуль	суто-чуана
<i>f</i> ~ <i>ph</i>	<i>f</i> ~ <i>p</i>	<i>f</i> ~ <i>ph</i>
<i>v</i> ~ <i>p</i>	<i>w</i> ~ <i>b</i>	<i>v</i> ~ <i>p</i>
<i>r</i> ~ <i>th</i>	<i>s</i> ~ <i>t'</i>	<i>s</i> ~ <i>ch</i>
<i>r</i> ~ <i>th</i>	<i>y</i> ~ <i>d'</i>	<i>š</i> ~ <i>čh</i>
<i>s</i> ~ <i>t'h</i>	<i>x</i> ~ <i>k</i>	<i>r</i> ~ <i>th</i>
<i>z</i> ~ <i>t'</i>	* <i>y</i> ~ <i>g</i>	<i>l</i> ~ <i>t</i>
<i>x</i> ~ <i>kh</i>		<i>x</i> ~ <i>kh</i>
<i>γ</i> ~ <i>k</i>		* <i>γ</i> ~ <i>k</i>

Буквой *h* отмечена придыхательность согласных. Часть пар не введена в таблицу как материал, несущественный для сравнения: язычковые *x̣* ~ *gh*, *ŷ* ~ *q* нивхского языка; шумно-боковые *ḷ* ~ *tʰh* языков суто-чуана и т.д. Среднеязычные согласные, отмеченные значком *'*, производят впечатление шипящих и нередко обозначаются как таковые (*t' = č*, *d' = ž*); глухое нивхское *ʧ* похоже на *š*, да и в звонком нивхском *r* слышится призвук *ž*.

Следует упомянуть, что в нивхском языке произношение разнится по диалектам, причем звукам *v*, *s*, *z* амурского диалекта, положенного в основу литературного нивхского языка, соответствуют звуки *w*, *š*, *ž* сахалинского диалекта. В языках суто-чуана *f*, *v* суть губно-губные [*φ*, *β*].

При сравнении приведенного материала следует заметить, что в нивхском и суто-чуана глухие длительные чередуются с придыхательными глухими мгновенными, а звонкие длительные — с непридыхательными глухими мгновенными. Фуль не проводит различия между придыхательными и непридыхательными¹⁵, но для сравнения его с нивхским дополнительно сообщим, что в контакте с предыдущим носовым согласным нивхские глухие озвончаются, причем непридыхательные *p*, *t*, *t'*, *k*, *q* изменяются вполне явственно в звонкие *b*, *d*, *d'*, *g*, *g'*, тогда как придыхательные *ph*, *th*, *t'h*, *kh*, *qh* могут озвончаться лишь частично, не переходя в ясно выраженные звонкие. Бывшее *γ представлено нулем звука или заменами — *w*, *y*. Внимательный наблюдатель заметит одну неясность в суто-чуана: *r* ~ *th*. Если *r* звонкий длительный (а это так), то он должен чередоваться с непридыхательным *t*; с последним, однако, чередуется другой звонкий длительный — *l*. Дело в том, что языки суто-чуана необычайно податливы на ротацизм; прежнее *th*, если оно не было защищено предыдущим согласным, превращалось в *r*, например *thatho 'три' в свободной позиции → *raro*, а в контакте с предыдущим согласным → *tharo*. Вот это-то чередование *r* → *th* вошло в таблицу наряду с другими, внешне аналогичными чередованиями, но в остальных парах мы имеем мгновенный как результат пермутации (превращения)¹⁶ длительного, а в паре *r* ~ *th* наоборот — мгновенный является исконным. Что касается пары *l* ~ *t*, она вполне нормальна, так как в юго-восточном секто-

ре языков банту фонема *l* исконна, тогда как фонема *r* либо результат ротацизма, либо вносится в составе заимствований из других языков.

2. ФУНКЦИИ ЧЕРЕДОВАНИЙ В СРАВНИВАЕМЫХ ЯЗЫКАХ

Рассмотрим, с какими грамматическими явлениями связаны чередования в привлеченных языках, и приведем примеры, иллюстрирующие изучаемое.

В нивхском языке переходные глаголы начинаются длительным согласным, а непереходные — мгновенным, например: *vəkzd'* 'потерять', а *pəkzd'* 'потеряться, пропасть'. Имена в большинстве случаев начинаются мгновенным, но после определения, если оно кончается не длительным и не носовым, мгновенный заменяется длительным; переходный глагол не меняет своего длительного начала после подлежащего, но меняет на мгновенное начало после прямого дополнения, если оно кончается не мгновенным и не гласным. Примеры:

<i>pəñx</i>	'суп'	<i>vəkzd'</i>	'потерять'
<i>t'xəf-pəñx</i>	'суп из медведя'	<i>t'həf-pəkzd'</i>	'потерять точило'
<i>həjk-vəñx</i>	'суп из зайца'	<i>mot-vəkzd'</i>	'потерять подушку'
<i>t'ho-vəñx</i>	'суп из рыбы'	<i>t'aqo-vəkzd'</i>	'потерять нож'
<i>eyə(ŋ)-bəñx</i>	'суп из коровы'	<i>nir(ŋ)-bəkzd'</i>	'потерять чашку'

Как видим из примеров, чередования происходят преимущественно в комплексах, составляющих особенность строя таких языков, к которым принадлежит нивхский, именно — в определенных и дополнительных комплексах, причем определение предшествует определяемому, а дополнение предшествует дополняемому. Теперь рассмотрим чередования согласных в предложениях, составленных из слов: *qan* 'собака', *t'hi* 'ты' (→ *t'h* 'твой'), *hi* 'я' (→ *h* 'мой'), *t'haŋ(d')* 'белый', *rud'* 'преследовать'. Имеем *qan rud'* 'собака преследовала'; *qan qan-thud'* 'собака собаку преследовала'; *t'h-xan h-saŋ-gan-thud'* 'твоя собака мою белую собаку преследовала'.

Следует заметить, что небольшое число имен начинается с длительного согласного и не меняет своего начала, нарушая таким образом столь своеобразные принципы нивхского языка; это частью заимствованные слова, например *seta* 'сахар', *xaza* 'ножницы', частью отдифференцированные варианты, например *raf* 'домик для покойника, который ставят на родовом кладбище, после сожжения умершего сородича' при *təf* 'дом' (сахалинский диалект), частью случаи, еще требующие разъяснения. Вообще же мгновенное начало имени распространено на многие заимствования, например «шаман» — *t'hama(ŋ)* при нанайском *saman* и эвенкийском *samān*.

Насколько глубоко пронизан строй нивхского языка закономерными чередованиями согласных, привлекавшими наше внимание, показывает то обстоятельство, что чередованию подвергаются и начальные согласные суффиксов, например:

мн. число		напр. пад.		вопр. част.	
<i>ти-уи</i>	'лодки'	<i>ти-рох</i>	'к лодке'	<i>ти-ѳа</i>	'лодка ли?'
<i>рах-ки</i>	'камни'	<i>рах-тох</i>	'к камню'	<i>рах-қа</i>	'камень ли?'
<i>қан-ги</i>	'собаки'	<i>қан-дох</i>	'к собаке'	<i>қан-қа</i>	'собака ли?'

В языке фуль чередование согласных в начале слова противопоставляет единственное число множественному (как в имени, так и в глаголе, например *fande* 'горшок' // *pande* 'горшки', *fi'a* 'стреляй!' // *pi'a* 'стреляйте!'). Однако у большинства имен различие по числу производится окончаниями, и на долю чередования согласных выпадает лишь второстепенная, подсобная функция — предупреждать об окончании, например самоназвание народности фуль в единственном числе *Pulo*, а во множественном числе *Ful'be*; у глаголов же, кроме повелительного наклонения, различие по числу производится местоимениями, например:

gor-ko on o uexi 'человек этот он пошел', т.е. 'этот человек пошел',

wor-'be 'ben 'beñ d'exi 'люди эти они пошли', т.е. 'эти люди пошли'*

Чередование согласных в фуль воспроизводится и в повторе, который является одним из ходовых грамматических средств, например *pipi'do* 'стрелок', мн. ч. *fifi'be*; *i'añ'añ'do* 'ткач', мн. ч. *sañsañ'be*; *bumbum'do* 'слепой', мн. ч. *wumwum'be*. Есть заметная тенденция к гармонизации чередований — к своего рода гармонии согласных, например *xofru* 'колени', мн. ч. *kopi*; *mi safsafta* 'я разрыхляю (землю)' // *məñ t'apt'apta* 'мы разрыхляем'.

Строгость чередования согласных в фуль не во всех диалектах одинакова: кое-где, например, отмирает чередование *s ~ t*. Заимствования обычно подвергаются чередованиям, например *kefero* 'неверный', мн. ч. *xefer'be* (из араб. *kāfir*); *basali* 'лук', единичное *wasalde* 'луковица' (из араб. *baṣḍ*). Некоторые новообразования не подчиняются чередованиям, например, от *xolsere yeso* 'передняя лапа' (букв. 'лапа лица') образуется мн. ч. *kolt'e yesod'e* 'передние лапы', где нельзя ни оставить *yeso* без изменения (прилагательное должно согласоваться!), ни взять его мн. ч. *gese*; *sawru* 'палка', уменьшительное *i'abel* 'палочка' (*saw ~ 'ab*).

* Следует пояснить, что «человек» выражается основой *gor, которая по исчезновении фонемы *y* приобрела начало *w-* в связи с губным округлением гласного, но до исчезновения *y* приобрела осмысленный вариант *g-*. Подобным образом основа *yi* 'видеть' представлена в *mi yi'i* 'я видел' // *meñ gi'i* 'мы увидели', приобретая начало *u* в связи с гласным *i*. Итак, *gor → *wor* → *gor*, *yi → *yi* → *gi*.

В группе языков суто-чуана чередование согласных сопровождается противоположение единственного и множественного числа имен, например чуана *lofafa* 'перо', мн. ч. *liphafa*; педи *levaka* 'время', мн. ч. *lipaka*; суто *seatla se sesweu* 'белая рука' (букв. 'рука, которая бела'), мн. ч. *diatla se cwheu**. Кроме того, чередование сопровождается противоположение глагола и отглагольного имени, а также глагола с дополнением «меня» или «себя» и глагола без дополнения или с другим дополнением, например: педи *šara* 'бичевать' → *oa nšara* 'он меня бичует', *o a išara* 'он себя бичует', *šapo* 'бичевание'.

Следует заметить, что не весь запас согласных сравниваемых языков участвует в чередованиях. В нивхском чередуются все шумные согласные, кроме *h*; при этом не забудем, что нивх. *r* принадлежит скорее к шумным, чем к сонорным, так как сопровождается шипящим шумом типа *ž* (можно сравнить с чешским *ř*). В языке фуль чередуются все шумные согласные, кроме *b*, *d*, *t*; из сонорных чередуется *r*, которое, возможно, было раньше шумным. То, что в одних фульских диалектах может быть обозначено посредством *x*, в других диалектах звучит как *h*, но это не влияет на чередование *x* ~ *k*, которое становится тогда *h* ~ *k*. Суто-чуана чередует все шумные, кроме *s* (*ts*), так как фонемы *z* нет, а из сонорных — *l*, *r* (о последнем мы уже говорили в связи с ротацизмом). Иногда мы не знаем, почему данный согласный не участвует в чередованиях, тогда как другие аналогичные ему согласные участвуют; так, в языке фуль вовсе вне чередований находится *t*, тогда как *p*, *k*, *b*, *d*, *g* чередуются. Заслуживает внимания разность трактовки *l*: оно не чередуется ни в нивхском, ни в фуль, но чередуется в суто-чуана. На этом мы закончим рассмотрение функций чередований. Дальнейшие детали и примеры можно найти в специальной литературе**.

3. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ЯВЛЕНИЯ

Что касается пермутации, наблюдаемой в языках банту и так называемых бантоидных, суть дела с фонетической стороны

* Приходится оговориться, что написание *swi* (в моем источнике даже *tswi*) выражает одну цельную фонему: придыхательный лабиализованный свистящий аффрикат (в аналитическом алфавите акад. Н.Я.Марра цельное написание: *š*).

** Для нивхского языка: Языки и письменность народов Севера. Ч. III, с. 181–222. Крейнович Е.А. Фонетика нивхского (гиляцкого) языка с приложением статьи: Зиндер Л.Р., Матусевич М.И. Экспериментальное исследование фонем нивхского языка. Л., 1937.

Для языка фуль: Meinhof C. Die Sprachen der Hamiten. Hamburg, 1912, с. 31–57; Klingensheben A. Die Laute der Ful. В., 1927.

Для языков суто-чуана: Tucker A.N. The Comparative Phonetics of the Suto-Chuana Group of Bantu Languages. L., 1929 (моя рецензия в сб: Africana. I, с. 106–109).

заключается в следующем: сонорные согласные, которые совмещают одновременно две противоположности – смычку, задерживающую выход воздуха, и открытый канал, свободно пропускающий воздух, – не являются по существу ни чисто мгновенными (несмотря на смычку!), ни чисто длительными (несмотря на открытый канал!), но являются, если можно так противоречиво выразиться, мгновенно-длительными. Это приводит к тому, что размычка сонорных согласных типа *n* и *l* может запаздывать, нисколько не вредя их слитности. Запаздывающая размычка может осуществляться в виде шумного смычного того же органа, например в немецком: *Triumpf* → *Triumpf*, *Mensch* → *Mentsch*; в русском: *Фомин сын* → *Фоминцын* (по В.А.Богородицкому¹⁷). И так во многих языках. То, что в одних языках встречается лишь спорадически и не является обязательным, а иногда даже считается предосудительным, в других языках может сделаться правилом. Так, в идише указанное выше явление позволило сформулировать правило: «Если *l* или *n* стоит в ударном слоге перед *z*, *ž*, *s* и *š*, то сибилант нужно произносить аффрицированно: *z* становится *dz*, *ž* становится *dž*, *s* становится *c*, *š* становится *č*»*. Немецким *unser*, *Fenster*, *Mensch*, *Felsen*, *falsch* соответствуют в идише по транскрипции Birnbaum'a *lîndžer*, *fencčër*, *menč*, *feldzn*, *fač*...

В мордовском языке аналогичное явление вполне регулярно для *s* после *l*, *n*, *r*, например *сало-сь* ~ *салць* 'соль', *вакано-сь* ~ *ваканць* 'чашка', *каре-сь* ~ *карьць* 'лапоть'^{**}.

К сказанному надлежит добавить, что по всему миру распространены такие переходы, как *ml* → *mbl*, *mr* → *mbr*, *nl* → *ndl*, *nr* → *ndr* (последний переход известен и в русском просторечии, например *нрав* – *ндрав*). Таким образом, общий ход пермутации становится яснее: мы имеем широко распространенные аналогии для чередований не только между шумными согласными, как *f* ~ *p*, *š* ~ *č* и т.д., но и между сонорным и шумным, как *l* ~ *d* или *r* ~ *d*. Остается выяснить, почему в одних случаях пермутация дает аффрикаты, а в других случаях – смычные без заметной аффрикации, так сказать, чистые; почему сонорные, вызвавшие пермутацию, так легко исчезают, и во всех ли случаях пермутация вызвана сонорными; наконец, почему в нивхском и суто-чуана глухость и звонкость длительных отражается в придыхательности и непридыхательности мгновенных.

Относительно аффрикатов заметим, что они – те же смычные, но с замедленным и скользящим размыканием, т.е. вместо

* *Birnbaum S. Praktische Grammatik der jiddisches Sprache.* – Hartleben's Bibliothek der Sprachenkunde. № 128, с. 123. В тексте ошибочно «palatalisiert» вместо «affriziert», но множество примеров подтверждает последнее. Идиш советских евреев следует указанному правилу не очень строго, но в основном следует.

** *Евсеев М.Е.* Основы мордовской грамматики. Изд. 2-е. М., 1931, с. 46, 128, 147, 166.

простого и четкого взрыва получается сдвиг смычки в щель, через которую на короткое время пропускается ток выдыхаемого воздуха¹⁸. К этому нелишне прибавить, что первым компонентом аффриката бывает лишь такой смычный, который не встречается без аффриката: губно-зубные смычные в *pʃ*, *bv*; особые, если можно так выразиться, сибилантофильные переднеязычные смычки в *tʃ*, *dʒ*, *tʃ̣*, *dʒ̣* (= *c*, *z*, *č*, *ǰ*); какие-то особые смычные в редких по встречаемости заднеязычных аффрикатах. Отсюда получается известное раздвоение и при пермутации: когда длительный согласный обеспечивает удобное место для смычки, образуется простой смычный (губно-губные щелевые *φ*, *β*; ошумленные разновидности *r*; среднеязычные щелевые *χ*, *ǰ* и их более передние разновидности; не очень глубокие и не очень продвинутые заднеязычные щелевые *x*, *ɣ*); когда длительный согласный не дает удобного места для смычки, получается аффрикат (губно-зубные щелевые *f*, *v*; сибиланты переднеязычного района *s*, *z*, *š*, *ž*; шумно-боковые *ʃ*, *ʒ*; крайние типы заднеязычных щелевых *χ*, *ǰ* и т.д.). Нужно только учитывать, что нынешние звуки не всегда совпадают со звуками той эпохи, когда происходила в данном языке пермутация. Иногда диалекты показывают, из каких звуков нужно исходить при объяснении пермутации: выше сообщалось, что сахалинские нивхи произносят *w*, *ś*, *ź* на месте *v*, *s*, *z* амурских нивхов; это типологически поддерживает предположение С. Meinhof'a (Hamiten, с.35) о том, что в фуль прежде произносилось не *s*, а *ś*, но не поддерживает А. Klingenheben'a (Laute, с. 88), который не решается принять это предположение. Ведь получить *t'*, *d'* из *s*, *z* невозможно, а *ś*, *ź* одинаково хорошо подходят к пермутационным парам и нивхского языка, и языка фуль. Где есть пары *f* ~ *p*, *v* ~ *b*, можно смело сказать, что исходное произношение *f*, *v* было губно-губным¹⁹.

Кроме того, между простыми смычными и аффрикатами есть промежуточный тип — аффрицированные смычные. Таковыми оказались при экспериментальном исследовании нивхские *t'*, *d'*, *k*, *g*, *q* (Зиндер и Матусевич, с. 113).

На вопрос, почему так легко исчезают сонорные, вызвавшие пермутацию, можно в общем ответить, что пермутация есть один из путей передачи функции отмирающей морфемы остающимся морфемам²⁰. Подобно тому как в немецком языке противоположение единственного числа *Vater*, *Tochter*, *Mutter* множественному числу *Väter*, *Töchter*, *Mütter* осуществляется через палатализацию гласных (*a*, *o*, *u* → *ä*, *ö*, *ü*), вызванную когда-то отпавшим окончанием *-i*; подобно тому как в туарегском языке²¹ противоположение мужскому роду *amašeq* 'туарег', *abaraq* 'молодой человек' женскому роду *tamašeq* 'женщина или язык туарегов', *tabaraq* 'девушка' осуществляется не через очевидный конфикс (префикс и суффикс сразу) *t...t*, как в случаях *amɣar*

'старик'/*tamyart* 'старуха', *awaqqas* 'лев'/*tawaqqast* 'львица' и т.д., но через префикс *t-* и мену звонкого дебелого согласного на глухой, вызванную отпавшим суффиксом *-t* (раньше было, как подсказывает система, **t-amašey-t*, **t-abaraq-t*), таким же образом морфемы в виде кратких префиксов, содержавшие носовые согласные или *l*, постепенно стираются, проходя ряд этапов: 1) утрата гласного и принятие слоговой функции сонорным согласным, например *mi* → *m*, *li* → *l*; 2) утрата слоговой функции и ассимиляция последующему согласному по органу, например *md* → *nd*, *nb* → *mb* (у звуков типа *l* это маловероятно); 3) отпадение сонорного, облегчаемое оглушением перед глухим согласным (например, *mp* → *mp* → *p*), за ненадобностью элемента, уже передавшего свою семантическую функцию первому согласному основы путем его пермутации. К сказанному полезно добавить некоторые уточнения. Во многих африканских языках носовые согласные могут быть другого органа, чем последующий носовой согласный, только при слоговой функции носового, например суахели²² *m̄thu* 'человек' из *muthu*, еще воспроизводимого в арабском написании (مُتْ); при утрате слоговой функции носовой согласный ассимилируется последующему неносовому по органу и обычно также по способу образования, отчего возникают так называемые полуносовые согласные — цельные фонемы, в начале произношения которых на короткое время приподнята небная занавеска. В латинском написании, автором которого является почти всегда европейец, обычно миссионер, носовой форшлаг полуносового согласного изображается особой буквой носового согласного: *mb*, *nd*, *ṅd*, *ṅd'*, *ṅg*... В арабском же написании, которое вырабатывается не иностранцами (в частности — немусульманскими миссионерами, несущими своей пастве арабский Коран и игнорирующими местные языки), а самими туземцами, носовой форшлаг ничем не выражается, как равно и лабиализация (у европейцев — *w* после буквы согласного: *kw*, *gw*, *ḡw*...); в этом принципе сходятся никогда не соприкасавшиеся между собою общества — суахели в Восточной Африке и фуль в Западной Африке. Суахели пишет, например, слово «мир, свет» латинскими буквами как *ulimwengu*, а арабскими буквами *وَلِيمِغْ*, т.е. как бы *wulimigu*; фуль пишет, например, «скажи мне!» латинскими буквами как *mbi'ayam*, а арабскими — *بَايَمْ*, т.е. как бы *bi'ayam*²³.

Отпадение оглушенного сонорного может оставлять после себя след: придыхательность глухого согласного, вызвавшего оглушение, например суахели **muntu* → *muthu* → *m̄thu* 'человек', **niraka* → **ṅraka* → *phaka* 'кошка'. И здесь семантическая функция отмирающего элемента живет в переносе на другой элемент.

Развитие неравномерно, и разные диалекты того же языка могут отражать разные этапы развития, да, кроме того, в преде-

лах самого диалекта или языка приходится считаться с архаизмами и неологизмами, составляющими «исключения» к «правилам». Так, в одном из диалектов языка фуль еще можно услышать глухие носовые, например *trpu'u* 'лошадь' при общефульском *pu'u*; в языках суто-чуана имя действия (отглагольное имя) сохраняет начальный носовой – остаток префикса, если основа односложна, но не сохраняет при двусложности основы, например, педи *fa* 'давать' → *mpho* 'даяние', но *viča* 'звать' → *pičə* 'зов'.

Пермутация после *l* не представляет трудности для объяснения, пока пермутируемыми согласными являются переднеязычными щелевые (*s, š, z, ž*). Здесь переход от артикуляции *l* к артикуляции другого типа запаздывает на короткий момент: боковые проходы уже устранены, но язычно-зубная или язычно-небная смычка еще держится, давая звук легкого *t* или *d*; получаются *lts, ltš, ldz, ldž = lc, lč, lz, lž*. Гораздо труднее было бы объяснить пермутацию губных и заднеязычных щелевых после *l*, т.е. переходы *lf → lp, lx → lk*. Подобная пермутация предполагается для языка фуль в тех случаях, когда классный префикс оканчивался на *l*, а также когда сама основа слова оканчивается на *l*. Однако дело могло обстоять и иначе: в языке фуль очень часто наблюдается замена *l* носовым согласным в контакте с классным суффиксом, например *duldu ~ dundu* 'лес' из *dul-ru; *soldu ~ sondu* 'птица' из *sol-ru, мн. ч. *t'oli*, уменьшительное *t'olet**; *d'aungal* 'цесарка', мн. ч. *d'aule* (стало быть, основа *d'aul*; ед. ч. *d'aungal* из **d'aul-ɣal*). С другой стороны, *l* изредка встречается в том же языке фуль перед щелевыми согласными и на них не воздействует, например *Fulfulde* 'язык фуль', *xolsere* 'лапа'. Отсюда можно сделать заключение, что *l* перед другим согласным превращалось в носовой того же органа; носовой-то и производил пермутацию. Причину такого же своеобразного звукоизменения можно усмотреть в том, что носовые согласные разнообразнее, чем боковые, и теснее примыкают к следующему за ними неносовому согласному, чем боковые; в качестве иллюстрации можно привести случай спорадической ассимиляции в современном арабском языке – *ambārəḥ* 'вчера' вместо древнего *al-bāriḥa*, где определенный член *al-* перестал созвучивать гово-

* F.Storbeck²⁴ в своем разговорнике Ful из серии «Metoula-Sprachführer», основанном на адамовском диалекте²⁵, называет птицу систематически *solndu*, мн. ч. *solli*; форма *solndu* может быть принята лишь с полуносовым *nd*, так как три согласных подряд для фуль необычны, и может быть истолкована как переходная ступень от старого *lr к новым *ld ~ nd*; форма *solli* вместо обычного *t'oli* объясняется утратой чередования *s - t'* в данном диалекте. С.Meinhof (Hamiten, с. 33) приводит *korŋ-gal* 'берцовая кость' (с таким именно делением на морфемы) наряду с *korl-al*, мн. ч. *korl-e*; здесь тоже невообразимое стечение согласных – возможно было бы лишь *korŋgal* с полуносовым. Там же, на с. 34, Meinhof приводит *bernde - berne* 'сердце' (у Storbeck'a лишь первая форма), которое опять-таки допустимо лишь с полуносовым.

рящими (переход от *m* к *b* несравненно легче и проще, чем от *l* к *b*). Различные сохранившиеся варианты в языке фуль позволяют примерно восстановить происходившие когда-то процессы; «берцовая кость», представленная в вариантах *korlal* и *korngal*, должна была звучать *korl-ɣal, но в одном варианте исчезло *ɣ и сохранилось предшествующее ему *l*, а в другом варианте *l* сменилось на носовой форшлаг *ɣ, пермутируя последнее в *g* (боковой форшлаг вообще невозможен, и стремление к компактной артикуляции неизбежно ведет к носовому форшлагу)²⁶.

До сих пор объяснения касались главным образом пермутации в африканских языках, где на основании обширного и достаточно прозрачного материала выясняется, что пермутация вызывается сонорными согласными типа *n* и *l*. При этом упоминавшиеся языки — фуль и суто-чуана — проявляют пермутацию лишь при гоморганности носового с последующим неносовым. Другие языки Африки пермутируют и без гоморганности; так, на языке вай (западносуданская группа манде)²⁷ от *ʒa* 'лицо' имеем *ʒalo* 'в лице', а от *kuŋ* 'голова' — *kuŋ do* 'в голове'. В подобных случаях, очевидно, играет роль не запаздывание одной артикуляции перед другой, а совместность обеих артикуляций в один и тот же момент; артикуляции *ŋ* и *l* несовместимы, так как задняя часть языка при *ŋ* должна быть в смычке с мягким нёбом, а при *l* бока языка должны образовать проходы, достаточно просторные, чтобы обеспечить сонорность *l*, артикуляции же *ŋ* и *d* относительно совместимы, так как язык может одновременно образовать смычку спереди и сзади (обычная вещь в языках Южной Африки — двусмычные и шелкающие согласные*), следовательно, смена артикуляций *ŋ/d* компактнее, чем смена *ŋ/l*.

Теперь перейдем к пермутации в нивхском языке. Здесь носовые согласные (кстати, без обязательной гоморганности) пермутируют последующий шумный длительный в звонкий мгновенный, но, как мы уже знаем, глухие длительные дают иной эффект, чем звонкие. В амурском диалекте часто отпадает окончание *-ŋ*, сохраняемое в сахалинском диалекте, но результат пермутации остается без изменения: вместо *eɣa(ŋ)-bəŋx* 'суп из коровы' и *nir(ŋ)-bəkzd'* 'потерять чашку' остаются *eɣa-bəŋx* и *nir-bəkzd'*. Исчезновение носового нужно всегда иметь в виду, иначе получится много ничем не объяснимых «исключений»**.

* См. профили речевого аппарата в моей статье «Фонетические параллели африканских и яфетических языков». — *Africana*. I, с. 31 и 41.

** «В конце слов *b* отмечен в трех словах: *kab* (собств. имя), *t'harb* 'шелк', *qob* 'поварешка'. Л.Шренком²⁸ название шелка записано как *qomb*. Л.Я.Штернбергом²⁹ название шелка записано как *t'harmp...* Следует напомнить, что в этих сочетаниях звук *b*, так же как и другие звонкие смычные, появляется только под влиянием конечных сонантов. В словах *t'harb* и *qob* наличие *b* объясняется утра-

За изъятием некоторого числа имен, начинающихся на шумный длительный и не поддающихся пермутации, чередования согласных в комплексах и суффиксах оказываются в зависимости от конца предыдущей морфемы: длительность сохраняется после мгновенных и гласных, например, *həjk-vəñx* 'суп из зайца', *t'ho-vəñx* 'суп из рыбы', *mot-vəkzd* 'потерять подушку', *t'aqo-vəkzd* 'потерять нож'; мгновенность без звонкости наступает после щелевых (длительных шумных), например *t'xəf-pəñx* 'суп из медведя', *t'haf-pəkzd* 'потерять точило'; мгновенность со звонкостью, которая не выражается на письме в случае придыхательности, наступает после носовых, как уже говорилось. Утрата действовавшего окончания не меняет прежнего воздействия, например: *ñi* 'я' + *thu* 'нарта' → *ñ-ru* 'моя нарта', *t'hi* 'ты' + *thu* 'нарта' → *t'h-ru* 'твоя нарта', *if* 'он' + *thu* 'нарта' → *i-thu* 'его нарта'; однако *t'h* 'твой' - 'тебя' и *ph* 'свой' - 'себя' оглушают последующий звонкий, например, *ñ-zaqo* 'мой нож', но *t'h-saqo* 'твой нож' (последнее явление не относится к пермутации, так как меняется лишь характеристика по голосу).

Здесь мы подходим к трудной части нашего вопроса - к пермутации под влиянием не сонорных, а шумных согласных, именно щелевых *f*, *ɾ*, *s*, *x*, *x̣* (звонкие щелевые в конце не встречаются). Найти аналогии в других языках будет нелегко; мы несомненно имеем дело с очень редким явлением. Прежде всего перед нами процесс диссимилятивного характера: два звука, однородных по способу образования, становятся разнородными. В мордовских диалектах, по сообщению Д.В. Бубриха, встречается такая диссимиляция, но лишь в области переднеязычных щелевых, например, от *вешемс* 'искать' вместо *веш-са* 'я поищу его' говорят и *веш-ца* ($\check{s} + s \rightarrow \check{s}c$)³⁰. Сюда ли относятся такие явления тюркских языков, как *башлар* → *баштар* 'головы', *арыслан* → *арыстан* 'лев', сказать трудно, так как переход *л* → *т* наблюдается там после весьма различных согласных, а не только после щелевых.

Похожим, но обратным по порядку явлением будет переход *xs* → *ks* для правописного *chs* в немецком, например *Wachs* [vaks]. Вообще же диссимиляция по способу образования - вполне обычное явление: по-русски мы нередко расподобляем два следующих подряд смычных, превращая первый из них в щелевой, например *кто* → *хто*, *когда* → *коуда*, *что* → *што*.

Нивхская пермутация, основанная на диссимиляции щелевых, имеет такой же практический смысл, как и африканские пермутации, основанные на ассимиляции весьма разнородных согласных, встретившихся на стыке морфем: приобретает компактность фонетики, потребная при возрастающей компактности

ченным т», см.: Крейнович Е.А. Фонетика нивхского (гиляцкого) языка. М.-Л., 1937, с. 81.

морфологии. Дело в том, что соединение двух шелевых не дает такой компактности, как соединение шелевого со смычным; это особенно заметно в таких устойчивых (и хорошо испытанных в индоевропейских языках) соединениях, как *sp*, *st*, *sk*. Можно даже найти нечто общее между обеими пермутациями и в отношении длительности (количества) звука; какое-нибудь *mw* (два длительных согласных - $\bar{\bar{}}$) превращается в *mb* (либо длительный с мгновенным - $\bar{\bar{}}$, либо [mb] один мгновенный - $\bar{\bar{}}$); точно так же какое-нибудь *sv* (два длительных согласных - $\bar{\bar{}}$) превращается в *sp* (длительный с мгновенным - $\bar{\bar{}}$). Если нивхский идет другим путем, чем африканские, то цель у них одна, но разные структуры и фонетический состав; это и определило разные пути. Что касается воздействия нивхских носовых на последующий согласный, здесь наблюдается полное схождение с африканскими языками, и мы на этом не останавливаемся.

Любопытное схождение нивхского языка с языками суто-чуана — звонкие длительные чередуются с чистыми глухими мгновенными, а глухие длительные — с придыхательными глухими мгновенными — объясняется тем, что глухие согласные более воздушны, чем звонкие, т.е. требуют большей затраты выдыхаемого воздуха, так как при звонких согласных голосовые связки сближены и дрожат, задерживая выход воздуха. Избыток воздуха, приходившийся на глухой длительный согласный, накапливался при пермутации и выходил по ликвидации нового мгновенного согласного в виде придыхания. Сближение голосовых связок, сопровождавшее звонкий длительный согласный, либо переходило в их смычку (и пермутированный согласный оказывался смычно-гортанным, каковы глухие непридыхательные мгновенные у большинства говорящих на языках суто-чуана), либо наоборот — сменялось удалением голосовых связок друг от друга (и пермутированный согласный был простым глухим, как у меньшинства говорящих на языках суто-чуана, но, по-видимому, у всех нивхов). Что касается языка фуль, в нем пермутация не затрагивала работы голосовых связок, но переносила почти всю энергию на работу ртовых звукопроизводящих органов, отчего получалась своеобразная гармония согласных, как, например: *wuwre* 'фурункул', мн. ч. *bubi*; *fouru* 'тиена', мн. ч. *robi*; *xolsere* 'лапа', мн. ч. *kolt'e*. Сюда же относится и пермутация второго согласного в слове, если первый не поддается пермутации, например *nofru* 'ухо', мн. ч. *nopi*; *limsere* 'длинное платье', мн. ч. *limt'e*.

4. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА ЯВЛЕНИЯ

Уже при рассмотрении фонетической стороны изучаемого явления мы были вынуждены делать небольшие экскурсы в область морфологических отношений: не один раз речь была о пе-

редаче отмирающей морфемой своей функции остающейся морфеме, говорилось также о связи между морфологической и фонетической компактностью.

Сравнение структуры привлекавшихся языков на первый взгляд очень неутешительно: в отношении порядка слов нивхский и упоминавшиеся африканские языки диаметрально противоположны (первый язык пользуется словопорядком «дом отца», «большой дом», «воду пить», т.е. предпосылает ограничивающий элемент ограничиваемому как в определительных, так и в дополнительных комплексах, последние же языки пользуются словопорядком «дом отца», «дом большой», «пить воду» и т.д.); в нивхском языке нет ни рода, ни класса, а в языках банту и бантоидных все имена делятся на много классов, каковое деление распространяется на все согласующиеся категории — существительное, прилагательное, местоимение, глагол (он согласуется с субъектом и с объектом), притяжательную частицу... — наделяя их классными показателями. Казалось бы, нечего и сравнивать! Однако есть и сходство, но оно не может быть достаточно заметным ввиду разных стадий развития, на которых находятся сравниваемые языки. Уже в порядке слов кое-что совпадает: подлежащее перед сказуемым, а не после него, как это обычно в семитских языках, принципиально близких к структуре банту; местоименный объект в языках банту ставится перед основой глагола, например суахели *ni - na - m - penda* 'я его люблю' (*ni* 'я', *m* 'его'), что совпадает с нивхским, но не с фуль. Столь важная часть структуры банту и бантоидных языков, как система именных классов, находит себе подобие и в нивхском языке, именно 24 класса числительных, дифференцированных применительно как к общим, так и к частным местнопроизводственным понятиям; например, числительное «три» звучит *íagr* по классу имен, называющих людей, *íem* по классу имен, обозначающих лодки, *íar* по классу связок юколы и т.д. Правда, эти нивхские классы не то, что мы привыкли видеть в африканских языках, но конкретное мышление, связанное с языковой классификацией понятий, сказывается одинаково ярко и там и здесь. Даже в семитских языках сохранились следы прежнего конкретного мышления на исчислении: в северноарабском языке имя периода, например *rib* 'четырехдневный период' при *'arba* 'четыре', в южноарабском наречии мехри³¹ особые числительные при слове «день», например *šidet yōm* 'шесть дней' при *hitt* 'шесть', *šiba yōm* 'семь дней' при *hōba* 'семь'.

В языках банту классные показатели, они же местоимения 3-го лица, примыкают в виде префиксов к основе слова так прочно, что граница между обеими морфемами стирается и получается срастание в одно слово. При этом наибольшему уплотнению и стиранию подвержены показатели, содержащие носовой согласный *-m* или *-n*, а из этих показателей в первую очередь

стираются содержащие узкий гласный *-u* или *-i*. Нужно заметить, что имена без классного показателя не употребляются*, например: суахели *mthu* 'человек' // *wathu* 'люди', нуики 'пчела' // *tyuki* 'мед', но нет слов *thu или *yuki. Такое положение вещей содействует интеграции слов (восприятию их как неделимого целого), и это требует максимальной компактности фонетического оформления вроде того, как по-русски словосложения по мере интеграции упрощают и сжимают свой звуковой состав, например *двоюродный* → *двоюрный*, *пятьдесят* → *пицят*, *шестьдесят* → *шицят*.

В языке фуль дело несколько иначе. Как показал А. Klingenberg**, фуль в прошлом находился на той стадии развития, какую можно наблюдать в наше время в группе гурма³² (Либерия): классный показатель дается в виде конфикса, т.е. префикса и суффикса вместе, например: гурма *bu-nim-bu* 'глаз', *bu-ño-bo* 'рот' (с ассимиляцией из *bu-ño-bu), *tu-ye-tu* 'тыквы-горлянки', *ŋ-ku-tu* 'железо' (уже стянуто из *tu-ku-tu). Сравните приводившийся выше берберский конфикс женского показателя *t...t*; в семитских языках подобные явления реже и не типичны, например: евр. *tiḥ'ārāḥ* 'украшение' (из **ta-p'ar-t*), араб. *taḏribat* 'опыт'. Чем бы ни объяснялось двукратное применение того же показателя к тому же слову (сейчас нам это не так уж важно), ясно, что в известный момент развития языка один из двух показателей будет осознаваться как ненужный плеоназм и в результате этого будет устранен. Так и случилось в языке фуль. Префиксы стали ослабевать и отпадать. Наиболее устойчивыми оказались соединения носовых со звонкими смычными, хотя и здесь пережил лишь остаток бывшего префикса, например, *mbaroga* 'лев', мн. ч. *baro'de*; *ndau* 'страус', мн. ч. *daud'i*; *ŋgeloba* 'верблюды', мн. ч. *gelo'di*. Кроме того, устойчиво *ñ-*, но оно неспособно чередоваться, например, *ñaku* 'пчела', мн. ч. *ñaki*. В остальных случаях отпал даже остаток бывшего префикса, но сохраняется пермутация, впитавшая в себя следы отпавшего сонорного согласного, например *rawandu* 'собака', мн. ч. *dawadi*. Что касается суффиксов, они тоже не остались в целости и сохранности, но все же удержались в виде окончаний, хотя уже упрощенных в своей форме – носовые согласные в кон-

* Здесь не имеются в виду случаи, утратившие классный показатель вследствие его фонетического стирания или – будучи заимствованиями – не принявшие показателя по аналогии со стертыми случаями. Формальная утрата показателя не снимает согласования данного стертого случая с другими словами в предложении, например, суахели *merikebu imetia nanga* 'корабль бросил якорь' (араб. *markab* 'корабль'); *i-* в глаголе показывает класс, к которому относится имя «корабль»; *rangi nzuri* 'красивая краска' (перс. *rang* 'краска'; *n-* в прилагательном показывает класс имен, куда входит слово «краска»).

** См. его итоговую статью по этому вопросу: *Die nominalen Klassensysteme des Ful.* – *Donum natalicium Schrijnen. Chartres, 1929, с. 175–181.*

це слова часто исчезают, а между тем начало слова нередко дает понять, что полная форма показателя содержала конечный носовой согласный; при скоплении согласных на стыке основы с суффиксом часть согласных гибнет, и суффикс может упроститься вплоть до одного гласного, например, *lingu* 'рыба', мн. ч. *li'di* содержит основу *li-* и суффиксы *-ngu* (ед. ч.) и *'di* (мн. ч.); тогда как *haku* 'пчела', мн. ч. *haki* выбрасывает согласные *ng* в первом случае и *d* в последнем за невозможностью скоплений *kng* и *k'd*. Интеграция в языке фуль происходила так же, как в языках банту; отсюда та же потребность в компактности фонетического оформления. Ряд суффиксов кончается на *-l* (*-gal*, *-ngol*, *-ngel*), откуда приписывание звуку *l* тех же пермутирующих способностей, как и у носовых согласных, но об этом мы уже говорили раньше. Почему именно префиксы исчезли (вплоть до немногих упоминавшихся остатков), а суффиксы в основном сохраняются? С фонетической стороны и те и другие, пожалуй, равносильны, так как ударение в языке фуль падает большей частью на основу, и вероятно, это было так и прежде: *'be-ful-be* → *Fulbe*, ср. *Fulfülde* 'язык фуль'. С морфологической стороны префиксы в этом языке не так важны, как суффиксы: в отличие от языков банту язык фуль не сливает субъектные местоимения с глаголом в одно целое, но допускает и нередко применяет инверсию (по крайней мере для первых двух лиц в обоих числах), что в языках банту невозможно; объектное местоимение ставится позади глагола, а не перед глагольной основой, как в языках банту. С синтаксической стороны суффиксы в языке фуль попадают в особо выигрышное положение благодаря замечательной особенности структуры этого языка – рифмованной местоименной цепи, соединяющей подлежащее и сказуемое именного предложения (например, *leki kin ki towi* 'это дерево высоко', букв. 'дерево это, оно высоко') или вводящей относительное предложение (например, *xondu ndu ndu ngi mi* 'палец, который я видел', букв. 'палец тот, тот видел я' или 'палец он, его видел я'). Троекратная рифмующая связь «классный показатель + указательное местоимение + связка», составленная из того же самого элемента, повторенного три раза подряд, это – сила; префиксы оказывались обескровленными и в конце концов уничтоженными!

Наконец, относительно нивхского языка. Его строй характеризуется определительными и дополнительными комплексами, которые интегрируются наподобие словосложения других языков; недаром исследователи языков народов Севера прибегают к таким показательным переводам на русский язык, как «человеко-олене-убийство» в смысле «человек оленя убил». Ясно, что язык с таким строем должен иметь елико возможно компактные фонетические соединения. Однако далеко не все комплексы нивхского языка равноценны и получают одинаковое фонетиче-

ское оформление. Если определительный комплекс содержит глагол и передает смысл наших причастий, такое определение не воздействует на определяемое имя, и последнее проявляет мгновенное начало, например *za-thuyɣ* 'кресало' (букв. 'бит-огонь'); *ni lat-taf* 'мною сделанный дом' (букв. 'я-сделал-дом'). В обоих случаях определяемые *thuyɣ* 'огонь' и *taf* 'дом', а не *ɣuyɣ* и *raɣ*, как после настоящих именных определений с гласным или мгновенным концом. Если первоначальными из чередующихся шумных согласных считать длительные (в силу первенства переходных глаголов и показаний известных заимствований), то у имен и непереходных глаголов можно предположить несохранившиеся префиксы, повлиявшие на первый согласный основы, быть может, даже один и тот же префикс (в смысле «его» ~ «себя; -ся»). Тогда в комплексах определительном и дополнительном префиксы будут лишними (в первых всегда сказано, чей предмет, в последних всегда сказано, кого или что обрабатывают). Какой же звук мог пермутировать начало следующего слова и исчезнуть? Очевидно, *-h*, т.е. шумный щелевой, который не встречается иначе чем перед гласным; значит, <он> мог бы пермутировать и исчезнуть. Зная местоимение *had* 'он, этот', можно думать, что какое-нибудь *t'ham(ɥ)* 'шаман' возникло из **hə-šamɥ* → **hšamɥ* → **ht'hamɥ*, а какое-нибудь *pəkzd'* 'потеряться' возникло из **hə-wəkzd'* → **hwəkzd'* → **hpəkzd'*. Отпадение этого предполагаемого **h-* должно было последовать как в силу его плохой слышимости, так и в силу его функциональной устарелости: первоначально, допустим, нивхи не представляли себе предмета вообще, но лишь «мой предмет», «твой предмет», «соседа предмет» и т.д., дальнейшей же ступенью развития должно было быть использование какого-нибудь одного местоимения, дававшего обобщение принадлежности или (что то же самое) устранявшего понятие принадлежности за счет понятия указания — «этот предмет», «данный предмет». Типологические аналогии найдутся во многих языках, причем в некоторых языках устарелый обобщитель сохранился в неотделимом для сознания виде в составе нескольких единичных слов*, а в некоторых языках подавляющее большинство имен (чуть ли не все) сопровождается единообразным оформлением, уже утратившим свой первоначальный смысл, например в абхазском и абазинском языках постоянное *a-* в начале имен; в берберских языках *a-* (муж. р. ед. ч.), *i-* (муж. р. мн. ч.), *ta-* (жен. р. ед. ч.), *ti-* (жен. р. мн. ч.), т.е. целая парадигма префиксов³³, но... без смысла, так как категории женского рода и множественного числа имеют свои особые суффиксальные показатели *-t* (жен. р.), *-n* (мн. ч.). Что касается непереходных глаголов, они могут

* См. статью: Абаев В.И. Осетинское *tæŋæw* 'пшеница'. — Язык и мышление. I, с. 67-70.

быть по сути дела возвратными, хотя в нивхском языке возвратное местоимение есть и звучит *phi* 'себя', в сложениях *ph-* (стало быть, не смогло бы служить префиксом, который пермутировал бы и исчезал). Однако непереходные глаголы могут развиваться и другими путями; поэтому не исключается и применимость **hə-*, связанного с современным *həd* 'он, этот'.

Если основа началась с гласного, можно ожидать, что предполагаемый префикс **h-* образует слог с этим гласным и, по утрате своей смысловой функции, сохранится как мертвый инвентарь.

Действительно, есть случаи, что начальное *h* чередуется с начальным *i*, которое Л.Я.Штернберг разъяснил как плеонастическое местоимение *i-* 'его', употребляемое нивхами, когда перед переходным глаголом не поставлено другого дополнения, например *jed* 'варить' // *hed* 'свариться', *iamamud* 'мять' // *hamamd* 'быть мягким', т.е. такие же противоположения, как *vəkzd* 'потерять' // *pəkzd* 'потеряться'; есть и случаи противоположения переходных глаголов именам, как *irkud* 'ловить петлями зверя' // *hirkus* 'петля' (ср. *fuvd* 'пилить' // *phuf* 'пила'). Во всех этих случаях звук *h* функционирует словно мгновенный против длительного, хотя сам по себе является длительным. Однако настоящего чередования у звука *h* нет: *i'ho-hed* 'рыбу варить' и *həy-hamamud* 'шкуру мять', тогда как после гласного тρέбуется не тот же согласный, что после *ɟ*.

Очевидно, префикс *i-* еще жив в сознании говорящих и не может оставаться после дополнения, а предполагаемый префикс *h-* уже мертв и механически замещается *i-*, где оно не может быть. Что касается имен и глаголов, начинающих на гласный в современном нивхском языке, они могли утратить какую-нибудь древнюю согласную фонему, чуждую современной нивхской фонетике и не изменявшуюся под влиянием предыдущих звуков. Такими утраченными фонемами могли быть либо гортанный взрыв [ʔ] (артикуляция, нередкая в языках народов Севера), либо язычковый носовой *ŋ*, как в эскимосском, что гармонировало бы с существующей серией *k, g, ŋ, x, ɣ*, пополнив серию *q, ǧ, ŋ̃, x̃, ɣ̃*.

Свести запас шумных согласных к одним длительным не удастся ни в африканских, ни в нивхском языке без значительных трудностей. Так, в нивхском языке есть местоимения *i'hi* 'ты', *i'həŋ* 'вы', *phi* 'себя'. Можно ли свести их к **ɟi, *ɟəŋ, *ɟi?* Фонетически можно, предположив исчезнувший префикс **hə* → **h-*, но морфологически невероятно, чтобы здесь был какой-то определенный член, когда личные и возвратные местоимения определены уже по содержанию. Может быть, их начало пермутировалось по аналогии с остальными именами, начинающимися с шумного согласного (исключая звук *h*, который не входит в пермутацию)? Во всяком случае, *phi* 'себя'

можно было бы увязать с *if* 'он', а *t'hi* 'ты' имеет какие-то связи с *si* других языков*.

III. ОСОБЕННОСТИ СООТВЕТСТВИЙ ПЛАВНЫХ СОГЛАСНЫХ В КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

А. ГРУЗИНСКОЕ *-l* // МЕГРЕЛО-ЧАНСКОЕ *-r*

1. Описание явления и примеры

Грузинскому интервокальному *l* соответствует мегрельское и чанское *r*, например «душа» – груз. *suli* // мегр.-чан. *šuri*. Однако настоящая интервокальность необязательна для грузинского языка в силу его малогласия, но обязательна для мегрельского и чанского в силу их полногласия, например «собака» – груз. *zaxli* // мегр.-чан. *žoxori*; назвать *l* интервокальным в грузинском примере нельзя, так как оно стоит между согласным и гласным, но *r* в мегрело-чанском примере действительно является интервокальным.

Интервокальное *l* отнюдь не чуждо также мегрельскому и чанскому языкам, но оно сводится: 1) к заимствованию из других языков, 2) к диссимиляции при скоплении двух *r* в том же слове, 3) к колебанию между звуками *l* и *r* в поствокальной позиции.

Примерами заимствованных слов, содержащих интервокальное *l*, могут служить мегр. *proli* 'пол' (из русского языка и, очевидно, через ступень *porli, как об этом говорилось в нашем I этюде) и чан. *meseli* 'поговорка' (из араб. *maḍal* через тур. *mesel*). Усвоение заимствованных слов облегчается многоязычностью Кавказа, и в частности тех его обитателей, о языках которых идет речь. Гораздо сложнее обстоит дело с мегрело-чанскими заимствованиями из грузинского языка. Говоря с детства и по-грузински, и на родном языке, мегрелы и чаны могут заимствовать из грузинского языка самые обыкновенные слова, так как поводом к заимствованию является зачастую не отсутствие нужного термина, а одинаковая понятность и своего, и грузинского слова. В таких случаях, собственно говоря, происходит не заимствование, а смешение языков, сопровождаемое подчас и гибридизацией родственных слов. Вот это последнее явление и приводит к загадкам для сравнительной фонетики картвельских

* В названной выше фонетике нивхского языка (с.54) это сопоставляется с нанайским, удэйским и эвенкийским *si*, эвенским *hi*, монгольским *čī*. Но последнее выводится из *ñ (ср. монг. *tā* 'вы').

языков, если эта дисциплина разрабатывается без учета гибри-
дизации слов. Приведем примеры: 'вода' – груз. *çqali* // мегр.-
чан. *çqari*³⁴; «дочь» – груз. *asuli* // мегр.-чан. *osuri* (с отклоне-
ниями в значении: мегр. «женщина», чан. «девушка»). Если бы
в мегрельском и чанском языках эти слова были исконными,
они звучали бы *çqori и *oşuri; между тем в форме *çqari* всего
33% мегрелизации, а в форме *osuri* – 66%. У старого кавказо-
веда Brosset³⁵ записана мегрельская форма *çqari* (так сказать,
66-процентная), но современные мегрелы ее не знают... Итак,
интервокальное мегр.-чан. -r- не всегда говорит за исконность
даже при груз. -l-. Что касается диссимиляции $r \rightarrow r...l$, она
хорошо известна и в грузинском языке, например, *arabuli* 'араб-
ский', *kartuli* 'грузинский', *rusuli* 'русский' при *çanuri* 'чанский',
somxuri 'армянский', *xaçauri* 'китайский'. По вопросу о соответ-
ствии плавных согласных в картвельских языках нас будут ин-
тересовать другие случаи. Нам известно слово «ласточка» –
груз. *mercxali* // мегр. *marçixoli*. Сравнивая обе формы, замеча-
ем строго закономерное соответствие гласных груз. *e* // мегр. *a*;
груз. *a* // мегр. *o*; гласный -i- внутри мегрельской формы не
имеет соответствия в грузинской форме и относится за счет пол-
ногласия, свойственного мегрельскому и чанскому языкам; неза-
кономерность в ступени аффриката (должно бы быть или груз. *c*
// мегр.-чан. *ç*, или груз. *ç* // мегр.-чан. *ç̣*) можно объяснить
тем, что в мегрельской форме *marçxoli* (*maçirxoli*) аффрикат не
находится в контакте с -x-, тогда как в малогласной грузинской
форме получился контакт, который подвергся ассимиляции в по-
рядке картвельских гармонических сочетаний, допускающих
лишь *sx*, но не *çx*; наконец, интервокальное -l- грузинской
формы имеет своим соответствием в мегрельской форме тоже *l*,
а не *r* (здесь действует диссимиляция $r \rightarrow r...l$, обязательная и
для мегрельского языка).

Относительно колебания $r \sim l$ в поствокальной позиции нуж-
но сказать, что это явление наблюдается главным образом в
окончании дательных падежей мегрельского склонения, напри-
мер от *çili* 'жена' образуют падежи *çils* ~ *çirs*, *çilk* ~ *çirk*. Само
собой разумеется, что это колебание может служить точкой, от-
куда по всей парадигме оно распространится на тот согласный,
который был в конце основы прежде, до колебания.

Близко к этому типу случаев, но не в связи с ним находится
другой тип – имя с отпадающим конечным *l*. Такое имя сохра-
няет *l* только в интервокальной позиции, но, очевидно, не мо-
жет сменить *l* на *r*, так как конечное *r* не отпадает; например,
«брат» – мегр. *zita*, чан. *zuta* образует мн. ч. мегр. *zimaleri*,
чан. *zumalere*. Стало быть, исторической основой является *zi-*

* См. мою статью «Фонетические параллели африканских и яфетических языков». – *Africana*. I, с. 35.

mal // *ʒmal*. Это переменное окончание *-al* не только держится в указанной форме, но и влечет за собой по аналогии также заимствованные слова: например, «священник» – мегр. *papa* образует не только мн. ч. *papepi*, но и мн. ч. *papalepi*. Таким образом, получается дополнительный источник, дающий этим языкам интервокальное *l*.

2. Стадии развития плавных

Интересующее нас соответствие интервокального *l* одного родственного языка интервокальному *r* других родственных языков получит широкое типологическое освещение, если посмотрим, как обстоит дело в других языках мира.

Языки проявляют различные стадии развития плавных согласных. Можно различить: 1) стадию с одним плавным согласным³⁶, 2) стадию с позиционным раздвоением плавного, 3) стадию с непозиционным различием двух плавных.

К стадии с одним плавным согласным принадлежат, с одной стороны, языки, имеющие только *l*, но не имеющие *r* (китайский*, зулу, самоанский³⁸, с другой стороны, языки, имеющие только *r*, но не имеющие *l* (из древних – египетский, ведический санскрит, зендский, из современных – японский, готтентотский, маори, таити)³⁹. Если родственные языки этой стадии расходятся в выборе плавного, то сплошь да рядом, когда в одном *l*, в другом будет *r*, например:

«волос» – самоан. *fulufulu* // маори, таити *huruhuru*;

«руки» – самоан. *lima* // маори, таити *rima*.

Этот простейший вид соответствия *l* одного языка *r* другого языка постепенно сходит с лица земли, так как взаимодействие языков приводит рано или поздно к заимствованию недостающей фонемы.

Из стадии с позиционным раздвоением плавного наиболее ярким образом можно признать корейский язык. В начале слова этот язык имеет лишь *n*; вместо *l* или *r* заимствованных слов в этой позиции тоже получается *n* (все многочисленные китаизмы, начинающиеся в подлиннике на *l*, наполняют корейский словарь в отделе N !). Внутри слова происходит чередование: в интервокальной позиции (и перед *h*) корейский язык имеет *r*, а в конце слога и, следовательно, в конце слова – *l*, например *mari* 'лошадь' (именительный падеж) ~ *mal* (винительный неоп-

* Следует оговориться, что в европейских транскрипциях китайского языка можно встретить не только *l* (*l*), но и *r* (*p*). Однако последний знак передает не звук, а слог, который воспринимается разными исследователями³⁷ по-разному: Karlgren: *ør*, Lessing: *õrl*, Hirth: *ir*, Wade: *êrh*, Couvreur: *eul*, Vissière: *eul*, Палладий: *эррь*.

ределенный падеж). На корейском языке видно, что когда язык свободен от семантического различия *l* и *r*, он идет по линии физиологического подбора и выбирает в интервокальной позиции *r* (сначала одноударное) как быстрое, редуцированное *l*. Дело в том, что артикуляция *l* слишком резко отличается от артикуляции других звуков, как гласных, так и согласных: переход от других звуков к *l* и от *l* к другим звукам сопряжен с известной задержкой, потребной для наведения или устранения боковых проходов (или одного такого прохода при унилатеральном *l*), между тем как одноударное *r* не требует боковых проходов и, кроме того, сверхкратно по длительности исполнения. Стоит языку выработать хотя бы одноударное *r*, вслед за этим легко развивается и многоударное, так как принцип уже усвоен – ведь при ротацизме звуки *r* разных типов вырабатываются из звуков совсем другого типа, чем *r*, именно *d*, *ž*, *z*...

Следующая стадия, известная нам из большинства языков, хотя бы и из русского, нередко содержит весьма яркие пережитки предыдущей стадии. В качестве образца возьмем румынский язык. В основном, вульгарно-латинском фонде румынского словаря интервокальное *l* отражается как *r*, например:

	«солнце»	«фиалка»	«скрипка»	«жернов»	«соль»	«яблоко»
вульг.-лат.	<i>sole</i>	<i>viola</i>	<i>viola</i>	<i>mola</i>	<i>sale</i>	<i>malu</i>
румын.	<i>soare</i>	<i>viorea</i>	<i>vioară</i>	<i>moară</i>	<i>sare</i>	<i>măr</i>

Удвоенное *ll*, однако, сохраняется, например «мягкий» – *molle* → *moale*. Интересно отметить колебание *l* ~ *r* в поствокальной позиции, например «ива» – *salice* → *salice* → *salce* → *sarce*; это напоминает мегрельское колебание *čils* – *čirs*, *čilk* – *čirk* (см. выше). Заимствования, и в особенности книжный греко-латинский вклад, сохраняют свои *l* в исправности, например *filolog*. Так как основной источник румынского языка – вульгарная латынь – принадлежит к языкам, различающим *l* и *r* в любой позиции, перед нами либо проявление субстрата, видоизменившего латынь в румынский язык, либо следы какого-то периода в истории уже сложившегося румынского языка, когда ускорение темпа речи сочеталось с ее небрежностью в артикулярном отношении*.

После наших типологических сравнений становится ясно, что мегрельский и чанский языки пережили какой-то период своей истории, аналогичный тому, что происходило в истории румынского языка. Дальнейшие исследования, производимые

* Быстрая и вместе с тем небрежная речь очень интенсивно содействует ротацизму, но и здесь, как и в других фонетических процессах, размах явления может быть весьма различен. В латыни ротацизм поражает своей регулярностью, хотя он, конечно, связан с определенным периодом в истории языка, между тем как в сербском языке он охватывает лишь единичные случаи – *боре*, *море* вместо *боже*, *може* (но эти словечки как раз и пестрят в речи).

специалистами в каждой отдельной области, приведут нас к разгадке причины интересующего нас явления, формальную сторону которого мы пытались осветить.

Б. ГРУЗИНСКОЕ -r- // МЕГРЕЛО-ЧАНСКОЕ -nʒ-⁴⁰

1. Описание явления и примеры

Как в предыдущем, так и в этом явлении интервокальная позиция играет господствующую роль; неподходящие случаи вызваны какими-либо переменами в слогоразделе слова. Кроме того, для картвельских языков следует особо учитывать возможность восприятия сочетаний типа *tk*, *kv* и т.п. за одну цельную фонему, как о том говорилось уже в этюде I, 3, где приведены примеры блуждающего сонорного согласного в мегрельском языке.

Если не во всех, то во многих случаях замечено, что грузинскому интервокальному -r- соответствует в мегрельском и чанском языках -nʒ- или его замены, например:

груз.	мегр.-чан.
<i>beri</i>	<i>badi</i> 'старик' (мегр. <i>badidi</i>)
<i>ceri</i>	<i>čanʒi</i> 'большой палец'
<i>cxviri</i>	<i>čxvindi</i> 'нос'
<i>čveri</i>	<i>čvanʒi</i> ~ <i>čvandi</i> 'верхушка' (дат. п. <i>čvans</i> ~ <i>čvanc</i>)
<i>čuri</i>	<i>čkuʒi</i> ~ <i>čkudi</i> 'сосуд', 'кувшин' (дат. п. <i>čkud</i>)
<i>kmari</i>	<i>komonʒi</i> ~ <i>kotoʒi</i> 'муж' (дат. п. <i>komons</i>)
<i>marčvi</i>	<i>munčkvi</i> ~ <i>mučkvi</i> 'барсук'
<i>m-čeri</i>	<i>čanʒi</i> ~ <i>čandi</i> 'муха' (арм. <i>čanʒ</i> ~ <i>čanč</i>)
<i>mhari</i>	<i>mxiʒi</i> ~ <i>pxiʒi</i> 'плечо'
<i>piri</i>	<i>piʒi</i> 'рот' (дат. п. <i>pis</i> ~ <i>pic</i>)
<i>xari</i>	<i>xoʒi</i> 'бык' (дат. п. <i>xos</i> ~ <i>xočk</i>)
<i>zamtari</i>	<i>zotonʒi</i> ~ <i>zotoni</i> 'зима' (дат. п. <i>zotons</i>)
<i>ziri</i>	<i>ʒinʒi</i> ~ <i>ʒini</i> 'дно', 'корень' (дат. п. <i>ʒins</i> ~ <i>ʒinc</i>)

В большинстве случаев чанский язык имеет формы уже без -n-, хотя кое-когда исследователи наталкивались на архаизмы с -n- (так, у Ачаряна⁴¹ «нос» *čxvinʒi*). В мегрельском языке чередуются формы и с -n-, и без него, но, конечно, не у каждого слова. Мегрельские варианты с -n без далее следующего согласного получаются в дательном падеже на -s вследствие скопления переднеязычных согласных, каковое обычно упрощается так, что конечное -d или -ʒ основы гибнет; особенно показателен пример «зима», дательный падеж которого *zotons* употребляется в качестве наречия «зимой», и благодаря этому в сознании говорящих доминирует основа *zoton*. Особенность проявляет и пример «барсук»: здесь грузинскому -r- соответствует непостоянное -n-, но

позиция не интервокальна (даже с оговоркой относительно *čv // čkv !*), и полное соответствие *-n-* или *-nd-* невозможно.

Приведем еще несколько примеров, подходящих к интересующему нас вопросу лишь с какой-нибудь одной стороны, но дающих возможность более широкого освещения. Именно сочетание *-nd-* или *-nʒ-* может появиться в мегрельском языке и в тех случаях, когда по-грузински не *-r-*. Так, «зять» – груз. *size //* мегр. *sinʒa ~ sinda* показывает, что чередование *nʒ ~ nd* может происходить и безотносительно изучаемого нами соответствия, так как грузинская форма содержит не *-r-*, а *-ʒ-*, каковому по-мегрельски закономерно отвечает *-ʒ-*. «Перстень, печать» – груз. *be-čedi //* мегр. *marçkindi*, чан. *ma-çkindi* показывает сочетание *-nd-*, получившееся в силу блуждающей назализации перед *-d-*, но в таких случаях, вероятно, не бывает *-ʒ-*. Наряду с формами *ʒgiʒgiʒia ~ çkiçkiçia*, употребляющимися по-мегрельски соответственно груз. *ʒinčveli // çiančvela* 'муравей', сообщают еще форму мегр. *ʒgəʒgəndu**, которая показывает *-nd-* для груз. *-l-*; последнее по-мегрельски должно было бы отобразиться через *-r-* согласно предыдущей части этого этюда. Еще более любопытным примером является «лук» (орудие) – груз. *švildi ~ mšvildi //* мегр. *škvili ~ škvindi*: здесь мегр. *-l-* удержалось от перехода в *-r-* благодаря сочетанию *ld*, что напоминает приводившееся выше румынское отражение вульгарно-латинского гемината *-ll-* через *-l-*, но вариант *-nd-* мог бы восходить и к **-r-*, и к **-l-*, судя по предыдущему примеру «муравей», хотя больше вероятия за удержание уже наличного в грузинском конечного *-d-* основы.

2. Объяснение явления

Необычность соответствия *-r-* одного родственного языка *-nʒ-* других родственных языков представляет трудность для объяснения лишь до тех пор, пока мы не сопоставим два явления: блуждающую назализацию (см. наш I этюд) и пермутацию согласных (см. наш II этюд). Стечение обоих явлений в одном языке и дает столь необычное соответствие. Не случайно, что интересующее нас соответствие появилось в языках, изобилующих блуждающей назализацией, но не случайно и то обстоятельство, что предполагаемое стечение согласных **nr*, которого картвельские языки не выдерживают, дало пермутацию *nʒ ~ nd*, так как и пермутация в этих языках – распространенное явление: вспомним хотя бы постоянное колебание окончания одного из дательных падежей *-s ~ -c* после носового или *l // r*. Это *-c*, свойственное главным образом самурзакано-зугдидскому говору

* Мещанинов И.И. Пособие к пользованию яфетидологическими работами. Л., 1931, с. 18.

мегрельского языка, объясняется, конечно, не «подъемом»*, а пермутацией, например *žami* 'время' → *žams* → *žans* → *žanc* 'когда'.

Колебание в звуке переднеязычного сочетания – зубное *nd* или передненебное *nʒ* – вызвано, очевидно, противоречием обычных точек артикуляции обоих слагаемых: картвельское *n* – зубное, а *r* – передненебное. Поэтому при победе зубного начала получается *nd*, а при победе подъема кончика языка к переднему небу получается *nʒ*. Возможно, что оба варианта принадлежали когда-то разным говорам, но смешение говоров привело к колебанию вариантов. Что касается блуждания *n*, это явление широкого распространения и объясняется несемантичностью фонетических «наростов» по крайней мере в известный период развития языка**. Вдобавок это явление спорадично и поэтому охватывает не все возможные случаи, а только часть их. Почему именно одни случаи подвергаются изменению, а другие нет, это дело специалистов по данным конкретным языкам. Пишущий эти строки не располагает ни нужными для этого материалами, ни нужной для этого подготовкой.

---

* *Кипшидзе И.* Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914, с. 024.

** Характерно, что академическая азбука 1888 г. рассматривала мегрельское произношение сочетания *nʒ* как один цельный звук – носовой звонкий шипящий аффрикат *ʎ*.

ПРИМЕЧАНИЯ*

¹ Язык хауса входит в западную группу чадской ветви афразийских (семито-хамитских) языков. См.: Смирнова И.А. Язык хауса. М., 1960; Порхомовский В.Я., Столбова О.В. Чадские языки. — ЯАА. Т. IV, кн. 2.

² Нивхский (гиляцкий), иначе гилякский язык, входит в сибирскую группу палеоазиатских языков. Основные работы: Крейнович Е.А. Фонетика нивхского языка. М.—Л., 1937; он же. Нивхский (гиляцкий) язык. — Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М.—Л., 1934; Панфилов В.В. Грамматика нивхского языка. Ч. I. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.—Л., 1962; ч. II. Глагол, наречие, междометия, служебные слова. М.—Л., 1965; Jakobson R. Notes on Gilyak. — The Bulletin of the Institute of History and Philology (of the Academia Sinica). Vol. XXIX, 1958; он же. Selected Writings. Vol. II. Word and Language. The Hague—Paris, 1971, с. 72—107.

³ Фуль, или фула, — язык, входящий в западноатлантическую группу нигеро-конголезской, или конго-кордофанской, семьи языков (Африка). См. работу: Коваль А.И., Зубко Т.В. Язык фула. М., 1986; по фонетике этой группы языков: Поздняков К.И. Развитие систем консонантных чередований в языках манде и в атлантических языках. — Африканское историческое языкознание. М., 1987, с. 297 и сл.

Здесь и далее Н.В.Юшманов приводит материалы и примеры из африканских языков из источников и работ своего и более раннего времени. В связи с этим следует отметить, что в их передаче и транскрипции возможны неточности, в частности не отмечены долготы гласных и согласных в примерах из языка фула и некоторых других. Однако в целом эти неточности нерелевантны для авторской интерпретации материала и не подрывают концепцию.

⁴ Суто-чуана — современное название сото-чвана — язык из подгруппы сото юго-восточной группы языков банту (см.: Африканское языкознание. М., 1963, с. 418).

⁵ Сборник *Africana*. Т. I. М.—Л., 1937.

⁶ Работа «Семито-хамито-яфетические сжатогортанные» вышла после смерти Н.В.Юшманова в XI томе сборника «Язык и мышление» (М.—Л., 1948).

⁷ Сборник «Памяти Н.Я.Марра». М.—Л., 1939.

⁸ *Mischlich A. Lehrbuch der hausanischen Sprache (Hausa-Sprache)*. В., 1902; он же. *Wörterbuch der Hausa-Sprache*. В., 1906.

⁹ *Bargery G.P. A Hausa-English Dictionary and English-Hausa Vocabulary*. Oxf., 1934.

¹⁰ Charles-Richard Lepsius (1810—1884) — египтолог немецкого происхождения. Относительно его фонетической системы см.: Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960 (§ 292).

¹¹ *Prietze R. Die Mädchen von Gaia*. — MSOS, 1926, с. 135—168.

¹² По вопросу о геминатах в семитских языках и их диссимиляции см. также более поздние работы: *Spitaler A. Zur Frage der Geminatendissimilation im Semitischen*. — *Zeitschrift für Indogermanische Forschungen*. 61, 1954, с. 257—266; *Cantineau J. Etudes de linguistique arabe*. P., 1960, с. 189—190, 195—198; *Kuryto-*

---

* Примечания № 34, 39, 40 составлены Я.Г.Тестельцом.

wicz J. L'apophonie en sémitique. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1961, с. 44-47, §57-61; McCarthy J.J. OCP effects: Gemination and Antigemination. Cambridge (Mass.), 1986, Vol. 17, № 2, с. 207-263. См. также по хауса: Carnochan J. Gemination in Hausa. - Studies in Linguistic Analysis. Special Volume of the Philological Society. Oxf., 1957.

¹³ Новые работы по грузинскому и картвельским языкам представлены в примеч. 34.

¹⁴ Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845-1929) - русский и польский языковед, чл.-корр. Петербургской АН, специалист по славянскому языкознанию. Основоположник казанской лингвистической школы. Первым обосновал теорию фонем и фонетических чередований. Основные работы представлены в «Избранных произведениях», т. 1-2. М., 1963; о нем см.: Леонтьев А.А. Общелингвистические взгляды И.А.Бодуэна де Куртенэ. Автореф. канд. дис. М., 1963; Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975 (гл. 7, 1); Шараденидзе Т.С. Лингвистическая теория И.А.Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX-XX вв. М., 1980.

¹⁵ О чередовании согласных в языке фула см. исследование, подводящее итог к настоящему времени: Коваль А.И., Зубко Г.В. Язык фула. М., 1986, с. 20-26; также: Поздняков К.И. Развитие систем консонантных чередований..., с. 397-425.

¹⁶ Анализ явления пермутации (превращения) согласных в группе атлантических языков в функциональном и диахроническом планах проведен в последние годы отечественными африканистами (см. указ. соч. А.И.Коваль, Г.В.Зубко, К.И.Позднякова) и позволяет дать чередованиям начальных корневых согласных историческое объяснение.

¹⁷ Василий Алексеевич Богородицкий (1857-1941) - русский языковед, чл.-корр. АН СССР, специалист по общему языкознанию, сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков, русскому языку, тюркскому языкознанию. О нем см.: Березин Ф.М. Некоторые проблемы общего языкознания (относительная хронология и морфологические процессы) в лингвистическом наследии В.А.Богородицкого. Автореф. канд. дис. М., 1961; соч.: «Очерки по истории лингвистики» (Гл. 6, IV); Андрамонова Н.А., Баграмова Л.К. В.А.Богородицкий. Казань, 1981.

¹⁸ Экспериментальную характеристику аффрикаты см.: Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960 (§130).

¹⁹ Ср. результаты исследования по языкам банту: Поздняков К.И. Развитие систем консонантных чередований..., с. 422-425.

²⁰ К аналогичному выводу приходят авторы исследования «Язык фула» (с. 22).

²¹ В современном афразийском языкознании классификация берберских (по новой классификации - ливийско-гуанчских) языков выделяет южную, или туарегскую, группу языков, которая распадается на две подгруппы - севернотуарегскую: гхат, аир, ахагар; южнотуарегскую: тауллемет, танеслемт. По вопросу генетической классификации берберских (ливийско-гуанчских) языков и места в них туарегских см.: Айхенвальд А.Ю., Милитарев А.Ю. Ливийско-гуанчские языки. - ЯАА. Т. IV, кн. 2. М., 1991; о туарегях см.: Militarev A.Yu. Tamahaq Tuaregs in the Canary Islands. - Aula Orientalis, № 6. Barcelona, 1989, с. 195-209.

Лексема *abarad* – из языка ахаггар, в языке гхат – *abarad* (СИСАЯ, I, № 106, с. 87); ср. НСВА, № 117. – SPbJAS, 1994, № 3; лексема *tamašeq* – обще-южногуарегская; *amyar/tamyart* 'старик/старуха' – общеберберская; *awaqqas* в форме *wəqqəs* отмечена в диалекте аир как 'дикий зверь', см.: *Hobeid Alojaly. Lexique touareg-français. Copenhagen, 1980.*

22 Суахили (у Н.В.Юшманова – суахели) – язык, входящий в восточную группу языков банту (Африканское языкознание. М., 1963); см. также о языке суахили: *Мячина Е.Н. Язык суахили. М., 1960.*

23 О пермутации согласных в фула, связанной с классными показателями, см. также: *Коваль А.И., Зубко Г.В. Язык фула (с. 86–87).*

24 *Storbeck F. Metoula-Sprachführer der Ful-Sprache (Dialekt von Adamaou). В., 1919–1920.*

25 Диалект адамауа (у Н.В.Юшманова – адамовский) входит в группу восточных диалектов фула и распространен на территории Северного Камеруна и прилегающих районов Нигерии.

26 О чередовании согласных в языке фула в неначальной позиции см. также: *Коваль А.И., Зубко Г.В. Язык фула (с. 23–26).*

27 Язык ваи (вай) входит в группу языков манде-тан (Африканское языкознание. М., 1963, с. 419); относительно консонантных чередований в языке манде см. также исследование: *Поздняков К.И. Развитие систем консонантных чередований..., с. 358 и сл.*

28 Леопольд Иванович Шренк (1826–1894) – российский этнограф и натуралист, директор Музея антропологии и этнографии в Петербурге (1879–1894). Его публикации в материалах экспедиции на Амур и Сахалин: Об инородцах Амурского края. Т. 1–3, 1883–1903.

29 Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) – советский этнограф, чл.-корр. АН СССР. Публикации: Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933; Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. О нем см. сб. «Памяти Л.Я.Штернберга (1861–1927)». Л., 1930; *Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.*

30 См.: *Бубрих Д.В. Звуки и формы эрзянской речи (по говору с. Козловки). М., 1930 (с. 17), где эти примеры интерпретируются как результат позиционных чередований. Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) – российский языковед, чл.-корр. АН СССР, специалист по славянской акцентологии, финно-угорским языкам, этногенезу и истории финских народов. О нем см.: *Керт Г.М. Дмитрий Владимирович Бубрих. 1890–1949. Очерк жизни и деятельности. Л., 1975.**

О фонетических корреляциях в мордовском см. также: *Трубецкой Н.С. Мордовская фонологическая система в сравнении с русской (1932 г.). – Избранные труды по филологии. М., 1987 (с. 63–66). О чередованиях в мордовском как диалектном явлении см. также: *Ермушкин Г.И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М., 1984 (с. 64–65).**

31 Язык мехри (с диалектом харсуси), равно как и языки шахри (шхаури), джиббали, сохранился на юге Аравийского п-ова. Вместе с языком сокотри (о-в Сокотра) классифицируются в настоящее время не как диалекты южноарабского (эпиграфического) языка, но как самостоятельные языки южносемит-

ской ветви. См. по этому вопросу: *Милитарев А.Ю.* Современное сравнительно-историческое афразийское языкознание: что оно может дать исторической науке? — ЛРДИВ. Тезисы и доклады конференции. Ч. 3. М., 1984 (с. 7); Приложение, с. 44.

³² Языки гурма включаются в группу гур центральнобантоидных языков (Африканское языкознание, с. 419).

³³ О значении указанных префиксов в берберских языках см. в общих работах по берберским: *Завадовский Ю.Н.* Берберский язык. М., 1967; *Basset A.* La langue berbère. — HAL. Pt. 1. London—New York—Toronto, 1952; *Picard A.* Les parlers berbères. Initiation à l'Algérie. P., 1957; *Basset A.* Sur la voyelle initiale en berbère. — Articles de dialectologie berbère. P., 1959.

³⁴ Соответствие груз. *çgali* // мегр.-чан. *çgari* 'вода' — загадочное в картвельской этимологии, так как в нем не выполняется одно из надежных звукосоответствий: груз. -а- — мегр.-чан. -о- (пракартвельское *а), см. об этом: *Климов Г.А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964 (с. 159–160). Точка зрения Н.Я.Марра, А.С.Чиковавы и Н.В.Юшманова о «заимствовании» или «гибридизации» вряд ли приемлема ввиду того, что речь идет о важнейшем элементе исконной лексики. Г.И.Мачавариани попытался опровергнуть это сопоставление, предложив в качестве мегрельской параллели грузинскому слову не *çgari*, а *çgi* 'источник, родник', см.: *Мачавариани Г.И.* Общекартвельская консонантная система. Тб., 1965, с. 91 (на груз. яз.), см. также *Fähnrich H.* Kartwelischer Wortschatz III. — Georgica. Н. 8. 1985. Jena, Tbilissi, с. 28.

Здесь и ниже Н.В.Юшманов считает отклонением от регулярных звукосоответствий соотношение «груз. свистящие — мегр.-чан. свистящие». Однако в начале 60-х годов была продемонстрирована их полная регулярность, см.: *Мачавариани Г.И.* О трех рядах сибилантных спирантов и аффрикат в картвельских языках. — XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

³⁵ *Brosset Marie-Felicite (1802–1879)* — Марий Иванович Броссе — российский ориенталист-лингвист и историк. Академик Петербургской АН (1838), с 1864 — директор Нумизматического кабинета в Эрмитаже. Имеет работы по грузинской и армянской историографии. О нем см.: *Марр Н.Я.* К столетию со дня рождения М.Броссе. — ЗВОРАО. 1902. Т. 14, вып. 4.

³⁶ Судя по примерам, имеется в виду фонемный статус плавного, но не его фонетическая реализация.

³⁷ *Bernhard Karlgren (1889–1979)* — шведский ориенталист. См. его *Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese, and Dictionary of Chinese Dialects.* Göteborg, [б.г.].

Ferdinand Lessing — шведский ориенталист-этнограф, участник китайско-шведской научной экспедиции в северо-западные провинции Китая и Центральную Азию. Автор ряда работ по религии и этнографии этих регионов, в том числе: *Lessing F., Othmer W.* *Lehrgang der nordchinesischen Umgangssprache.* Tsingtau, 1912; *они же.* *Manual of the Mandarin Language.* Shanghai, 1914.

Friedrich Hirth (1845–1927) — немецкий ориенталист-этнограф, специалист по языкам, искусству и культуре Дальнего Востока и Центральной Азии. См. о нем: *Festschrift für Friedrich Hirth zu seinem 75. Geburtstag.* В., 1920; *Hirth Anniversary Volume.* L., 1923.

Thomas Francis Wade (1818–1895) – английский дипломат и китаевед, автор системы романизации китайского языка (Wade-Giles System), из его работ см.: *Peking Syllabary* (1859).

F.S.Couvreur (1835–1919) – французский ориенталист; см. его более позднюю работу: *Dictionnaire classique de la langue chinoise*. Peking, 1947.

Vissière F. *Premières leçons de chinois. Langue mandarine de Peking*. 2 ed. Leide, 1914.

Архимандрит Палладий, в миру Кафаров П.И. (1817–1878) – русский ученый-китаевед. Из его работ см.: *Архимандрит Палладий, Попов П.С.* Китайско-русский словарь. Т. 1–2. Пекин, 1888; *Архимандрит Палладий*. Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам. – Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877; о нем см.: *Скачков П.Е.* Библиография Китая. М., 1960.

³⁸ Язык зулу принадлежит к юго-восточной группе языков банту. См.: *Охотина Н.В.* Язык зулу. М., 1961.

Самоанский язык входит в западную подгруппу полинезийских языков. См.: *Аракин В.Д.* Самоанский язык. М., 1973.

³⁹ О египетском языке см.: *Коростовцев М.А.* Египетский язык. М., 1961; *он же*. Введение в египетскую филологию. М., 1963; см. также библиографию, приводимую в указанных работах.

О ведийском языке см.: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Санскрит. М., 1960 (о ведийском санскрите с. 23); *Елизаренкова Т.Я.* Ведийский язык. М., 1987.

Зендский (уст.) – язык перевода «Авесты», так называемый зенд. По нему ранее именовался и собственно язык «Авесты». В настоящее время он обозначается как авестийский. См.: *Соколов С.Н.* Авестийский язык. М., 1961.

О японском языке см.: *Сыромятников Н.А.* Древнеяпонский язык. М., 1972; *он же*. Классический японский язык. М., 1983.

Готтентотский язык включается в группу палеоафриканских языков.

Язык маори входит в восточную группу полинезийской ветви австронезийской языковой семьи. См.: *Крупа В.* Язык маори. М., 1967.

Язык таити входит в восточную группу полинезийских языков. См.: *Аракин В.Д.* Таитянский язык. М., 1981.

О корейском языке см.: *Холодович А.А.* Очерк грамматики корейского языка. М., 1954; *Мазур Ю.Н.* Корейский язык. М., 1960.

⁴⁰ О соответствии груз. *r* – мегр.-чан. *-nǝ/-d-* перед *-i* см., например: *Рогова Г.В.* Из области звукосоответствий в картвельских языках: *r = ǝ*. – Вопросы структуры картвельских языков. I. Тб., 1959 (на груз. яз.)

⁴¹ М.Ачарян (1876–1953). Имеется в виду работа: *Adjarian M.H.* Etude sur la langue laze. – Memoires de la Société de linguistique de Paris. 1899, t.X, fasc. 2–3, 5–6.

ВВЕДЕНИЕ В СЕМИТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

(Конспект лекций 1933/34 уч.г.)

I. Общие сведения о семитских языках (§1-5)	68
II. История изучения семитских языков (§6-19)	71
III. Звуковой состав семитских языков (§20-28)	79
IV. Семитское письмо (§29-36*)	89
V. Строй семитских языков (§38-45)	96
Примечания	108

ЛИТЕРАТУРА

Для не читающих
на иностранных языках

1. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. Л., 1928 (с. 1-5; 21-22; 63 с самого низа - 64 до нижнего абзаца; табл. II и XVI).
2. Юшманов Н.В. Арабское наречие Советского Востока. - Журн. «Культура и письменность Востока». Кн. 10, с. 76-84.
3. Юшманов Н.В. Ассирийский (айсорский) язык и его письмо. - Письменность и революция. Кн. 1, с. 112-128 (детали по поводу орфографии не касаются нашего предмета, и их можно опустить).
4. Франк-Каменецкий И.Г. О некоторых пережитках дофлективного строя в древнееврейском языке. - Язык и мышление. Кн. 1, с. 149-162.

Для читающих по-немецки

5. Brockelmann C. Semitische Sprachwissenschaft. - Sammlung Göschen, № 291. Lpz., 1906, с. 14-52.
6. Bergsträsser G. Einführung in die semitischen Sprachen. München, 1928, с. 181-192.

* В оригинале рукописи Н.В.Юшманова §37 отсутствует.

I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕМИТСКИХ ЯЗЫКАХ

§1. Название «семитский» введено в европейскую научную литературу немецким ученым Шлецером в 1781 г.¹ и произведено от имени библейского патриарха Сима, сына Ноя, посредством греческого суффикса *-ИТ* в значении «потомка». Разница в огласовке форм *СИМ* и *СЕМИТ* свойственна только русскому языку. Подлинная еврейская форма имени — *ШЭМ* (с долгим Э); в греческой передаче по древнегреческому чтению — *СЭМ* (с долгим Э), а по новогреческому чтению — *СИМ*. Русский язык получил форму *СИМ* из церковнославянского перевода Библии, где все имена передаются по позднегреческому произношению, а форму *СЕМИТ* — из западноевропейской литературы, где принято передавать библейские имена по древнегреческому произношению. Такой же разнобой, происходящий от разных чтений греческого языка, наблюдается в русском языке также относительно имен *АРАБ* (*АРАВИЯ*, *ЕВРЕЙ*), *ГЕБРАИСТ*: звук *Б* передает древнегреческую «бэту», а звук *В* — новогреческую «виту», тогда как древнегреческое придыхание вроде украинского *Г* в позднегреческом произношении уже беззвучно.

§2. Классификация семитских языков представляется в виде следующей схемы²:

А. Северnoseмитские языки

Аккадский (ассиро-вавилонский)

Хананейский (еврейско-финикийский)

Арамейский: а) западноарамейский } (много наречий)
                  б) восточноарамейский }

Б. Южносемитские языки

Северноарабский (т.е. собственно «арабский»)

Южноарабские: а) минейский

                  б) сабейский

Абиссинские: а) эфиопский

                  б) амхарский³

К северносемитским относится еще недавно дешифрованный язык надписей из местности Рас-Шамра в Сирии⁴, представляющий нечто среднее между хананейским и арамейским. Возможно, что были еще какие-нибудь неизвестные нам семитские языки.

§3. Жизнь семитских языков. Многие семитские языки уже давно вымерли. Такие языки известны нам по сохранившимся письменным памятникам. К живым разговорным языкам в настоящее время относятся: 1) арамейские диалекты⁵ так называемых ассирийцев, или айсоров, в Персии, Турции, Месопотамии и в эмиграции чуть ли не по всему миру; 2) арабские диалекты в Азии и Африке с 50 миллионами говорящих, среди которых не все арабы, но много также арабизованных иноплеменников⁶; 3) три южноарабских диалекта⁷ — мехри, сокотри⁸ и эхкили, на которых говорит небольшая часть населения Южной Аравии и то лишь в порядке двуязычия с какими-либо северноарабскими диалектами⁹; 4) абиссинские диалекты¹⁰ — амхарская группа (амаринья, харари, гурагвэ, шоа¹¹ и т.д.) в Абиссинии и эфиопская группа (тигрэ и тигринья) в итальянской колонии Эритрее¹². Однако и вымершие языки могут поддерживаться искусственным путем в качестве письменной и устной форм литературной речи среди начитанных верхушек общества; таким образом в Палестине внедряется в качестве национального языка еврейства так называемый новоеврейский язык¹³, выработавшийся уже в ту эпоху, когда еврейские массы говорили на своих бытовых языках не семитской системы — идиш¹⁴, шпаньоль¹⁵ и т.д.; у арабов почти все книги, журналы и газеты выходят на едином классическом языке, до сих пор опирающемся на нормы Корана, но приспособленном терминологически для передачи современных научно-технических и общественно-политических понятий; речью образованного арабского общества является тот же язык, но с упрощенной грамматикой («без окончаний»)¹⁶.

§4. Скрещении семитских языков с другими¹⁷. История древних семитских языков еще во многом неясна, но уже несомненно, что в каждом известном нам семитском языке есть следы соприкосновения с несемитскими языками. Так, аккадский язык проявляет шумерскую подпочву (шумерский язык агглютинирующего строя, не семитской системы¹⁸); эфиопский язык там и сям обнаруживает подпочвенную и надпочвенную реакцию местных несемитских языков Африки. Относительно прочих древних семитских языков неизвестно, что там за подпочвы¹⁹.

Современные семитские языки находятся во взаимодействии с несемитскими языками на наших глазах. Поэтому картина скрещении современных семитских языков гораздо яснее. Айсорские диалекты обнаруживают влияние тех языков, на которых айсоры говорят с детства наряду с родной речью; но в разных местностях второй язык после родного у них иной (курдский,

тюркский, персидский, арабский, русский...) ²⁰. Арабские диалекты, распространившись из Аравии вместе с политической экспансией ислама на обширные территории Азии и Африки претерпели различные преобразования вплоть до того, что образовали местные группы диалектов; в Сирии и Палестине арабские диалекты отражают арамейскую подпочву; в Месопотамии – иранскую; в Египте – коптскую; в Северной Африке берберскую, причем берберские диалекты сосуществуют наряду с арабскими, и картина скрещения там особенно поучительна ²¹. Наконец, на острове Мальта в Средиземном море население говорит на особом смешанном итальянско-арабском диалекте ²², а у нас в Средней Азии есть таджикско-арабский диалект местных арабов ²³, еще не окончательно утративших родную речь. В Абиссинии и Эритрее скрещение с местными (кушитскими и даже суданскими) языками сделало семитские диалекты практически далекими от того, что мы привыкли называть семитским: в амхарском языке семитский материал падает до 40% всего состава ²⁴; стало быть, большинство амхарского материала уже не семитское...

§5. Роль семитских языков в мировой культуре весьма многогранна.

1) В истории религий видное место занимают древнейшие верования, отраженные в памятниках аккадской литературы; иудейская религия, с древнейших времен отраженная в Библии и Талмуде, стало быть, в еврейских и арамейских памятниках; апокрифические евангелия, сохранившиеся в литературах христианского Востока на сирийском (арамейском), арабском и эфиопском языках; ислам, отраженный в Коране, сунне и обширной мусульманской, богословской, философской и юридической литературе на арабском языке.

2) В истории общества видное место занимают данные о древних общественных формациях, отмеченные в аккадских и еврейских памятниках, о средневековых восточных обществах – в арабской литературе, о современной борьбе устарелых общественных укладов Востока с веяниями новой европейской и американской общественности – в фольклоре и некоторых литературных произведениях на живых семитских языках.

3) В истории наук и изобретений совершенно необходимо учитывать деятельность средневековых еврейских и арабских ученых, столь сильно повлиявших на развитие европейской науки. Для этого неизбежно использование арабских и еврейско-арабских источников.

4) В общем языкознании без привлечения семитских языков невозможно разрешение целого ряда важных проблем: происхождение и развитие алфавита; стадийная фонетика; общее учение о корне; развитие глагола из имени; развитие подчиненных предложений из сочиненных; развитие всех видов место-

имений из указательных. Смежная с литературоведением тема — происхождение рифмы — едва ли обойдется без арабистики, если будет серьезно поставлена.

Вряд ли найдется еще система языков, которая, как семитская, объединяет в себе близкие друг другу языковые факты на протяжении пяти тысячелетий, засвидетельствованные в памятниках и в живой речи. А это для общего языкознания вполне надежный базис.

II. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕМИТСКИХ ЯЗЫКОВ

§6. Национальная семитская филология. Наличие письменности есть уже свидетельство о работе туземцев-националов над языком. Древнейшими семитскими филологами являются ассиро-вавилонские, которые составляли списки знаков, словари, комментарии к трудным текстам. В средние века наблюдается расцвет семитской филологии у националов — арабов, евреев и сирийцев (арамейцев-христиан). В наше время национальная семитская филология совершенно захирела и выдохлась, занимаясь только пережевыванием старых учений. Но теперь есть уже арабы и восточные евреи, получившие европейское лингвистическое образование и работающие над своими родными языками методами европейской семитологии²⁵.

§7. Арабские филологи известны нам уже с VII в. Стимулом к их работе был Коран. Кропотливая и тщательная работа арабских филологов уточнила арабский алфавит введением различных точек для схожих букв, изобретением системы огласовки и прочих значков, уточняющих чтение, разработкой орфографии; потребность к установлению стандартного чтения Корана вслух побудила филологов тщательно разработать арабскую фонетику; потребность к стабилизации форм классического арабского языка, основанного на Коране и на доисламской поэзии, побудила филологов к точному изучению строя языка, доходящему порой до непревзойденного педантизма. В результате имеются классические туземные грамматики, достигающие огромного объема и расположенные в таком порядке: синтаксис, морфология, фонетика. В синтаксисе и морфологии арабы начинают с имени, продолжают глаголом и кончают частицами. Арабские филологи создали много словарей. Словари большей частью многотомны и чрезвычайно подробны, содержат в себе огромный материал, полезный не только для арабистов, но и для семитологов вообще. Большинство словарей толковые (арабско-арабские), а не переводные; располагают материал по корням, а корни по последнему согласному (например: *КТБ* ищется не под буквой *К*, а под буквой *Б*); материал подтверждается цитатами из Корана, преданий (хадисов) и поэзии. Есть также словари

синонимов, расположенных по классификации понятий (систематически); словари слов, имеющих противоположные значения (как, например, ТАМАУУАЛА 'разбогател' и 'обеднел'); словари собственных имен, растений, животных и т.д. При всей тщательности, добросовестности и наблюдательности арабские филологи страдают некоторыми специфическими недостатками: они рассматривают язык как законченную и неизменную сущность; избегают сравнения арабского языка с другими языками; злоупотребляют выводами по аналогии; уходят в детализацию и не делают обобщений (есть арабские термины для каждой детали строя языка, но нет терминов для падежа, наклонения, породы и прочих важных категорий)²⁶.

§8. Еврейские филологи. Стимулом к работе еврейских филологов была Библия. Редакция, огласовка, толкование текста — все это составило огромную кропотливую работу масоретов (еврейских ученых, работавших над Библией), проделанную к середине VII в. н.э. В X в. появляется крупный еврейский ученый — гаон Саадия, переводчик Библии на арабский язык и автор первой еврейской грамматики. Большая филологическая работа проделана испанскими евреями X—XII вв.; к толкованию Библии и к углубленному изучению древнееврейского языка они привлекали арабский язык, на котором обычно и писали. Знание других семитских языков помогало еврейским филологам по-иному рассматривать и язык вообще, и каждый семитский язык в частности <в отличие от того, как> арабские филологи рассматривали арабский язык. Так, испанские евреи дошли до признания двухслоговыми тех семитских корней, которые содержат непостоянный (слабый) согласный, наличный в одних формах слова, но отсутствующий в других; например, арабы упорно считают, что 'АБ 'отец', ИБН 'сын', КУМ 'встань' принадлежат к трехслоговым корням 'БВ, БНВ, КВМ, а евреи нередко приходили к двухслоговым корням 'Б, БН, КМ. От еврейских филологов сохранились грамматики, словари, труды по сравнению еврейского языка с арабским. Поздние авторы уже не представляют для нас того огромного интереса, который вызывается, например, рассуждениями и полемикой средневековых испанских евреев. Как у поздних арабских, так и у поздних еврейских филологов преобладают повторы и почти не встречается новых идей. Еврейская грамматика известного философа Спинозы хотя и оригинальна, но лингвистически неубедительна; написана она по-латыни²⁷.

§9. Сирийские филологи. Приняв христианство от греков, сирийцы переводили очень многое с греческого языка и усваивали греческие грамматические учения. Вместе с тем возростающее арабское влияние наступающего ислама втягивало сирийских ученых в русло арабской науки. В общем филология у сирийцев получила большое развитие: установление огласовки в

сирийском шрифте, грамматическая и лексическая разработка сирийского языка, составление грамматик и словарей. Литературная деятельность сирийцев известна со II в., но так как вся история сирийцев представляет сплошную борьбу религиозных сект, то и литературная, а с ней и филологическая деятельность развивалась обособленно по сектам, главным образом по яковитской и несторианской. Труды сирийских филологов писались первоначально по-сирийски, но после арабского завоевания все чаще и чаще стали писаться по-арабски. Католики-сирийцы в Риме писали и пишут свои филологические труды преимущественно по-латыни. Вообще, в сравнении с арабскими и еврейскими филологами, сирийские наименее оригинальны²⁸.

§10. Европейская семитология²⁹. Первые европейцы, серьезно занимавшиеся семитскими языками, были христианские богословы. Александрийский грек Ориген (185–253) собирал рукописи еврейской Библии; его сборник называется «Гексапла», т.е. «шестерное», и содержит отрывки шести разных редакций библейского текста, в том числе еврейский текст, писанный греческими буквами. Римлянин Иероним (331–420) изучал еврейский и пунический (позднефиникийский) языки и перевел на латынь Библию; его перевод называется «Вульгата», т.е. «распространяемое в народ». В дальнейшем изучается арабский язык путешественниками и купцами для сношений с Востоком. В средние века семитскими языками занимались и оккультисты (знатоки так называемых тайных или отреченных наук), так как на Востоке было много интересного для них материала. После крестовых походов (1096–1270) возник интерес к арабскому языку у католических миссионеров, стремившихся к пропаганде христианства на мусульманском Востоке. В эпоху гуманизма интерес европейских ученых к семитским языкам стал принимать систематический характер, и с тех пор можно назвать немало известных ученых, читавших и преподававших семитские языки — арабский, еврейский и халдейский (библейско-арамейский). Так, Рейхлин, друг Лютера, живший в 1455–1522 гг., составил еврейскую грамматику; француз Постель (1505–1581) и голландец Эрпений (1584–1624) составили первые арабские грамматики для европейцев. Все ученые труды писались тогда по-латыни. В немецких научных кругах интерес к семитским языкам подталкивался еще и тем обстоятельством, что лютеранство в противоположность католичеству разрешает мирянам читать Библию, а так как сам Лютер перевел Библию с еврейского подлинника на немецкий язык, то ученые усердно изучали подлинник и вместе с тем все то, что могло содействовать углубленному его пониманию. Профессор Михаэлис (1717–1791) составил арабскую, еврейскую и сирийскую грамматики; проф. Рейске (1716–1774), известный больше как классик, написал арабскую грамматику. Обширные и детальные труды по еврейскому языку

принадлежат отцу и сыну Буксторфам (отец умер в 1629 г., сын — в 1664 г.). Первое знакомство с эфиопским и амхарским языками относится к деятельности Людольфа (1624—1704), написавшего эфиопскую грамматику³⁰.

§11. Раскопки. Громадное значение для развития семитологии имеют раскопки; благодаря им стали известны надписи древнесемитских народов — финикийские, южноарабские и т. д., а также клинописные языки Древнего Востока, в том числе и аккадский. Недавно найденные надписи в Рас-Шамре (§2) обещают многое для углубления и расширения современной семитологии. Каждый новый вид письменности, выявленный раскопками, обновляет семитологию поправками и дополнениями³¹.

§12. Деятельность колонизаторов и миссионеров. Колониальная экспансия европейских империалистических держав действует не только военной силой, но и религиозной обработкой туземцев колоний. Поэтому империалисты обращают большое внимание на подготовку не только военных и административных, но и миссионерских кадров. В отношении арабов соответствующая работа ведется Францией, Англией, Испанией, Италией; в отношении абиссинцев и эритрейцев — Италией; в отношении айсоров — Англией и САСШ³², отчасти Францией. Колонизаторы и миссионеры изучают языки колониальных масс, составляют пособия, переводят религиозную и патриотическую литературу на данные языки. Многие пособия по живым арабским и абиссинским диалектам составлены офицерами колониальных войск, администраторами колоний и христианскими миссионерами различных церквей. Эта литературная продукция достигает значительных размеров, но не блещет качеством, так как авторы по большей части не имеют ни научной подготовки, ни языковедческих интересов. Правда, есть и исключения: американские миссионеры в Каире выпускают после <первой> мировой войны прекрасные пособия по египетско-арабскому диалекту, выполняемые при участии научно подготовленных работников³³.

§13. Преподавание семитских языков. Древнесемитские языки, сохранившие значение церковных языков, изучаются в школах, начиная с низшей, у тех народов, которые исповедуют какую-нибудь «семитскую» религию. Так, классический арабский язык служит основным предметом преподавания у мусульман всех наций; древнееврейский язык играет такую же роль у старозаветных евреев; эфиопский язык занимает соответствующее место в Абиссинии и Эритрее у христиан-монофизитов; сирийский (арамейский) язык изучается маронитами в Сирии и некоторыми группами айсоров в Урмии и Мосуле. Арабы-христиане пользуются в качестве литургического языка классическим арабским, но в нем делают немало послаблений в сторону живых говоров, так как христианско-арабская литература неза-

висима от Корана и прочих образцов мусульманско-арабской литературы.

В Европе и в Америке преподавание семитских языков производится с различными целями. Древнесемитские языки изучаются с богословскими и научно-исследовательскими (языковедческими, литературоведными, историографическими, географическими и т.д.) целями. Живые семитские диалекты преподаются чаще всего в практических целях: коммерческих, административных и т.д., лишь изредка изучаясь с научно-исследовательскими целями³⁴.

§14. Лектура. При преподавании восточных языков в европейских учебных заведениях, преимущественно высших (университетах, семинарах, институтах), с давних пор установился обычай своеобразного разделения труда между теоретиком-европейцем и практиком-туземцем (в России последний получил название «лектора»). Европейец читает студентам вводные курсы, объясняет грамматику, руководит разбором классической литературы и т.д., а туземец упражняет студентов в разговоре, чтении и письме на повседневные современные темы.

§15. Методология изучения семитских языков. Европейские исследователи семитских языков получают языковедную подготовку на основе индоевропейских языков и в своих исследованиях обычно механически переносят на семитский материал методы, полученные на изучении индоевропейских языков. В старые времена царила по всей Европе классическая филология, исходившая в своих построениях из латыни и древнегреческого языка. Отсюда в старых грамматиках семитских языков построение и терминология классической филологии. В новые времена по всей Европе языковедение пронизано сравнительной грамматикой индоевропейских языков, и семитология неизбежно разрабатывается в духе той же грамматики. Все сдвиги и новшества в среде индоевропейцев, например трактовка так называемых звуковых законов как законов природы, перенимаются сейчас же и семитологами³⁵. В результате методология изучения семитских языков хромает: этим языкам навязываются чуждые категории явлений, а свои коренные явления остаются у них незамеченными, необъясненными, иногда излишне запутанными. Так как господствующее учение о языке отражает текущую политику страны или стран, то немудрено, что обычно в Европе деление на «великие» и «малые» державы или нации переносится и на языки. Внимание к живым, бесписьменным диалектам семитских языков явно недостаточно, а самые диалекты обычно толкуются с точки зрения соответствующих книжных языков вместо того, чтобы использоваться для толкования этих последних. Но даже среди диалектов проводится деление на «великие» и «малые»: северноарабские диалекты как речь господствующего населения Аравии привлекают гораздо больше внимания, чем

ожноарабские диалекты подчиненного нацменьшинства Южной Аравии, хотя эти последние проявляют изумительные архаизмы, очень важные для историзма в языковедении³⁶. Конечно, и расовая теория, столь живучая в политических условиях современной Европы, полностью применяется заграничными семитологами к семитским языкам: свято и нерушимо проводится учение о семитских праязыке, пранароде и прародине³⁷; свято и нерушимо все особенности семитской языковой системы приписываются якобы особой «семитской расе», например, сжатогортанные согласные ХЭТ и АЙН слыт за непременную особенность структуры «семитского горла» (еще со времен Ренана), хотя эти же согласные вполне обычны и в горских языках Кавказа, притом далеко не только в арабских словах, принятых кавказскими мусульманами, но и во многих своих коренных словах... Только у нас в СССР семитские языки изучаются с методологией, свободной от вышеуказанных недугов, именно в духе нового учения о языке, основанного академиком Николаем Яковлевичем Марром.

§16. Семитология в России. Первыми знатоками семитских языков в России были немецкие ученые, группировавшиеся вокруг Академии наук, например Дорн, Френ, Эрдман. Из семитских языков они занимались преимущественно арабским, имеющим большое значение для страны с большим мусульманским населением, какой является Россия. Вслед за немцами появляются и русские семитологи, из коих назовем протоиерея Павского, выпустившего в 1818 г. интересную и оригинальную еврейскую грамматику, и проф. Болдырева, преподававшего арабский, еврейский и персидский языки и выпустившего пособия по арабскому языку в начале XIX в. В 1855 г. был основан факультет восточных языков (в просторечии «восточный факультет») Петербургского университета в соответствии с неотложной потребностью воспитания востоковедных кадров в эпоху усиленной экспансии русского торгового капитала на Востоке. На восточном факультете была представлена арабистика особой кафедрой, в отличие от западноевропейских университетов, где обе дисциплины совмещались в одной кафедре, так как там движущей силой являлась библеистика, а у нас исламоведение с арабским языком.

Из арабистов прежнего времени можно назвать Навроцкого, автора первой научной арабской грамматики на русском языке; Гиргаса и Розена, авторов до сих пор ходких хрестоматий и словаря; Медникова, автора большого труда о Палестине после арабского завоевания; Шмидта, исламоведа, ученика венгерского проф. Гольдциэра и члена-корреспондента Академии Наук СССР; академика Крачковского, являющегося в настоящее время главой советских арабистов.

Из семитологов прежнего времени нужно назвать Хвольсона и Гаркави, работавших по целому ряду исторических проблем, связанных с семитоязычными материалами, и академика Коковцова, крупнейшего знатока семитских языков в СССР, особенно известного своими трудами по еврейско-арабской средневековой филологии и по эпиграфике (надписям) северных семитов.

Наряду с более или менее узкими специалистами наша страна имеет и весьма широких энциклопедистов Востока, которые в своей деятельности уделяют немало внимания семитским языкам. Таковы, например, акад. Марр и проф. Крымский, которым принадлежит множество трудов по Востоку и в том числе труды по семитским языкам.

Из семитологов, сформировавшихся уже при Советской власти, в настоящее время работают: автор этих строк, изучающий преимущественно современные семитские языки; ассириолог Рифтин, гебраист и арабист Борисов, арабист Церетели. Все они являются учениками академиков Марра, Коковцова и Крачковского, а Церетели также учеником Юшманова. Кадры советских семитологов очень невелики и нуждаются в пополнении новой сменой, обучающейся теперь в ЛИФЛИ. Обилие материалов в советских библиотеках и музеях ждет работников.

§17. Семитология в СССР. Что касается преподавания семитских языков в послеоктябрьскую эпоху, оно продолжалось первое время по дооктябрьским планам и установкам. Правда, восточный факультет был ликвидирован в 1918 г., но восточный цикл факультета общественных наук Петербургского университета, впоследствии восточное отделение Историко-лингвистического факультета того же университета, существовали и давали место преподаванию семитских языков, именно арабского, еврейского, арамейского и аккадского. Научно-исследовательская разработка семитских языков производилась в семито-хамитской секции ИЛЯЗВ (Институт литератур и языков Запада и Востока) при университете. С течением времени, когда из вузов-гигантов стали выделяться особые отраслевые вузы и из Ленинградского государственного университета выделился Историко-лингвистический институт, а ИЛЯЗВ отошел от университета в виде ИРК (Институт речевой культуры), положение семитологии сильно изменилось: число семитских кафедр сократилось сначала до двух (арабская и еврейская), потом до одной (арабская) и, наконец, до нуля (арабский язык, единственно тогда уцелевший, вошел... в кафедру языков Советского Востока!). Семито-хамитская секция ИЛЯЗВ недолго просуществовала в ИРК'е и вскоре ликвидировалась. Но к тому времени (1930 г.) открылся кабинет семито-хамитского языкознания в Яфетическом институте академика Марра, ныне ИЯМ (Институт языка и мышления). В ЛИФЛИ с 1933/34 уч. г. открылась кафедра семитских языков и литератур с приемом студентов по арабско-

му, еврейскому и ассиро-вавилонскому циклам. Что касается семитологии в СССР вне Ленинграда, о ней говорить не приходится, так как и до революции она сосредоточивалась в этом же городе. Преподавание арабского языка, правда, производится еще в ряде институтов и университетов, но там не имеет такого значения для науки, как у нас в ЛИФЛИ, где арабский преподается не оторванно от других семитских языков, а в тесной диалектической связи с ними. Исследование же семитских языков производится лишь в Ленинграде, где есть необходимые силы и книжные богатства, равно как обширные залежи до сих пор не обработанного семитологического материала, как было уже сказано в §16³⁸.

§18. Актуальные задачи советской семитологии. Перед советскими семитологами немало задач, выполнение которых без прилива новых кадров едва ли возможно. Исследование семитских языков согласно новому учению о языке, основанному акад. Марром, но с использованием буржуазного наследия и новых фактов — уже эта задача требует больше сил, чем мы имеем в настоящее время. Но описание, исследование и издание памятников семитских письменностей — рукописей, таблеток, надписей — не менее важная задача, и кадров для нее также не хватает. Кроме того, ознакомление советской читательской массы с произведениями древних, средневековых и современных семитоязычных авторов должно быть не последним звеном в цепи средств культурной революции и интернационального воспитания молодежи, а переводчиками с семитских языков мы весьма небогаты. Наконец, не забудем, что у нас в СССР есть семитоязычные национальные меньшинства — айсоры и среднеазиатские арабы, культурное обслуживание которых немислимо без самого активного участия советских семитологов. Далее, наличие многих языков Советского Востока, переживших эпоху мусульманской культуры и связанной с ней арабизации, требует исследователей и преподавателей арабских элементов этих языков — тюркских, иранских, горских яфетических. Когда же наши историки религий поймут, что без первоисточников далеко не уедешь, потребуется немало преподавателей семитских языков для антирелигиозных научных и учебных организаций. Все эти задачи настоящего и недалекого будущего дают определенные указания на то, что наши молодые семитологические кадры должны подготавливаться одновременно и по исследовательской, и по педагогической линиям³⁹.

§19. Семитологические пособия. Русские студенты-семитологи старого времени были принуждены уже с первого курса пользоваться иностранными пособиями — за отсутствием русских. В лучшем положении были арабисты, так как арабский язык был общеобязательным предметом для всех ближневосточников, и большой спрос на арабистические пособия вызывал их

появление, кстати сказать, вполне рентабельное. Однако и арабисты не могли обойтись одними русскими пособиями — частью из-за их недостаточности для полного курса арабского языка и литературы, частью из-за их малотиражности (редко больше 500 экземпляров). Знание иностранных языков, выносившееся из царских гимназий, было далеко не блестящим, но его хватало для использования иностранных пособий благодаря объяснениям преподавателей-восточников. Пособия по еврейскому языку для русских евреев или для православных духовных академий не годились для восточного факультета, где постановка была гораздо серьезнее и научнее⁴⁰. По прочим семитским языкам русские пособия вообще не появлялись за слишком малым числом студентов и интересующихся; «Абиссинская азбука» казака-авантюриста Ашинова может рассматриваться лишь как курьез⁴¹.

В настоящее время положение с пособиями еще хуже: что было издано хотя бы недавно, и то распродано. Библиотечные экземпляры не отпускаются иногородним и уезжающим. Студенты поступают в ВУЗ, не зная иностранных языков, и с первого курса пользоваться иностранными пособиями затрудняются вообще. Эти обстоятельства побуждают нас всячески добиваться издания пособий по семитским языкам и литературам на русском языке, тем более что нигде в мире нет такой тяги к знанию, как в СССР, и предположить, что пособие никому не понадобится, значит смешать СССР со старой царской Россией.

III. ЗВУКОВОЙ СОСТАВ СЕМИТСКИХ ЯЗЫКОВ

§20. Противоположная роль согласных и гласных⁴². Согласные противопоставляются гласным как ртосмыкатели ртораскрывателям (термины немецкого фонетика Техмера в русском переводе советского фонетика Богородицкого). Это значит, что при произношении согласных речевые органы образуют какую-нибудь преграду для потока выдыхаемого воздуха, именно: смычку, как при *П, Т, К, Б, Д, Г*; щелеобразную теснину, как при *Ф, С, Ш, Х, В, З, Ж*; скользящий сдвиг смычки в теснину, как при *Ц = ТС, Ч = ТШ*; комбинацию смычки со свободным проходом для воздуха, как при *М, Н, Л, Р*. При произношении же гласных воздух имеет свободный проход, который бывает широким (как при *А*), средним (как при *Э, О*) или узким (как при *И, Ы, У*).

Между собственно согласными и собственно гласными бывают переходные моменты, как, например, «полугласные» — *Й* и такое *У*, которое мы производим при быстром произношении *МЯУ-МЯУ* или *ВАУ-ВАУ*. Эти звуки отличаются от соответствующих узких гласных (*И, У*) тем, что узость прохода для воздуха уже перешла меру, допустимую для гласных, но еще не

превратилась в настоящую теснину, характерную для согласных Ж, В или им подобных. Соединение полугласных с настоящими гласными образует дифтонги (двогласные)⁴³: АЙ, АЎ и т.д. Дифтонги представляют собой единство противоположностей: одна их часть, например А, требует расширения прохода для воздуха, другая их часть, например Й, Ў, требует сужения этого прохода; в результате получается относительное единство при абсолютной борьбе, которая прекращается только после переработки дифтонга в недифтонг, чаще всего – в долгий гласный (АЙ, АЎ дают Э, О). Так, вместо МАЎТ 'смерть', БАЙТ 'дом' во многих семитских языках и диалектах находим МОТ, БЭТ.

В семитских языках согласные являются носителями понятий, а гласные выразителями грамматических категорий. Иными словами, семитский корень состоит из согласных, а семитская грамматика пользуется гласными для отличия одной категории от другой. Так, если от европейских слов БАНК, МЕТР, КОНСУЛ, ЖУРНАЛ арабы образуют множественное число БУНЎК, АМТАР, КАНАСЫЛ, ЖАРАНЙЛ, а мы – БАНКИ, МЕТРЫ, КОНСУЛЫ, ЖУРНАЛЫ, ясно, что понятия, выражаемые этими словами, цепляются у арабов за группы согласных (корни), а у нас – за определенные сочетания согласных с гласными (основы).

Противоположная роль согласных и гласных в семитских языках сказывается и на развитии звукового состава семитских языков: число согласных, различаемое каждым семитским языком, значительно превышает число различаемых им гласных. Так, в классическом арабском 28 согласных и только три гласных (А, И, У)⁴⁴; в арамейском, по древним наречиям, 22 согласных и пять гласных (А, Э, И, О, У), но и эти пять сводятся к трем основам (А, И, У), обособившимся в различных условиях развития языка.

§21. Семитские гортанные. Одна из категорий семитских согласных, чуждых русскому языку, это гортанные. В школьных учебниках термин «гортанный» неправильно применяется к согласным К, Г, Х, которые на самом деле заднеязычные. Настоящие гортанные образуются без участия языка; они вырабатываются голосовыми связками, которые могут выполнять различные работы. Если связки полностью сомкнуть, то под давлением тока выдыхаемого воздуха они раскрываются в один миг с характерным шумом вроде легкого покашливания; такой согласный звук называется «гортанным взрывом» и выражается в семитских алфавитах буквою «АЛЕФ», а в арабском, сверх того, еще значком «ХЭМЗ» («гамза» в более популярной транскрипции); в русском языке можно наблюдать нечто подобное при отрывистом переходе от согласного к гласному, например, в выражении «перехожу от М к Н», т.е. не АТЭМ КЭН, а отрывисто АТ ЭМ К ЭН. Если связки образуют между собою щель (обычно треу-

гольной формы), выдыхаемый воздух трется о них, и мы слышим придыхание, которое выражается в семитских алфавитах буквою «ХЭ» (пятая в еврейском алфавите, третья с конца в арабском); чтобы произвести этот звук, непривычный человек должен сделать так, как дышат на стекло, дабы оно запотело; подобный звук есть в украинском языке (пишется Г), но в русском языке он выполняется только в междометиях (*ага!*, *эге!*, *ого!*). Не следует смешивать этот звук со звонким заднеязычным теснинным, обозначаемым через Г в старом произношении слов *бога*, *благо*, *господи* и через Х в современном произношении *их дом*, *двухдольный*. Если связки дрожат, т.е. быстро смыкаются и размыкаются, а прилегающие к ним хрящи сомкнуты, получается голос, который сопутствует каждому нормальному гласному и «голосному» или звонкому согласному (Б, Д, Г, В, З, Ж... М, Н, Л, Р...); когда врач осматривает нам горло и, записав металлическую ложку нам в глотку, предлагает сказать А (самый широкий гласный), голосовые связки дрожат, вырабатывая голос, нужный для А, тогда как проход из полости гортани в полость рта сожмется от прикосновения холодной ложки; в результате получается звук, который выражается в семитских алфавитах буквой «АЙН». Если связки сомкнуты, а прилегающие хрящи образуют треугольную щель, о которую интенсивно трется выдыхаемый воздух (чем уже щель, тем гуще выдох), получается шепот, но не такой, какой нужен для секретных переговоров «на ушко», а такой, какой нужен актеру, чтобы слышал весь зал; когда мы попьем горячего и расширим таким образом упомянутый проход (гортань—рот), а потом тяжело вздохнем и выдохнем, впуск холодного воздуха сожмет проход, и выдох получится резким шепотным — то, что в семитских алфавитах выражается буквою «ХЭТ» (в арабском «ХА без точки»). Таким образом, два гортанных — чисто связочные согласные, а два — связочно-хрящевые, осложненные сжатием прохода из полости гортани в полость рта.

Для более удобного сравнения гортанных друг с другом приведем таблицу.

Таблица 1

Голосовая щель	Хрящевая щель	Характер звука	Письменное обозначение
закрыта	закрыта	покашливание	«АЛЕФ» (араб. «ХЭМЗ»)
открыта	открыта	придыхание	«ХЭ» (араб. третья буква с конца)
открыта	закрыта	скрипучий голос	«АЙН»
закрыта	открыта	резкий шепот	«ХЭТ» (араб. «ХА без точки»)

В арабской грамматике к этим четырем согласным прибавляют под тем же наименованием «гортанные» еще два согласных,

образуемых тесниной между самой задней частью языка и язычком (или даже стенкой зева – разница в звуке невелика); они выражаются в арабском письме буквами «ГАЙН» и «ХА с точкой», причем первый – звонкий (голосовые связки дрожат), а последний – глухой (голосовые связки свободно раскрыты для дыхания); первый похож на «картавое Р», а последний – на храп. Эти оба согласных хорошо известны во всех ближневосточных языках, а их отнесение к гортанным неправильно.

§22. Неравномерное развитие согласных. При рассмотрении семитских согласных по рядам, объединенным тем или иным признаком, всегда заметны неравномерности в развитии, именно – отсутствие того или иного звука, ожидаемого по системе. Так, в еврейском имеем три глухих переднеязычных теснинных – «ШИН», «СИН», «САМЭХ» при одном только звонком этой категории – «ЗАЙН»; в аккадском и эфиопском имеем глухой язычковый теснинный (араб. «ХА с точкой»), но не имеем звонкого эквивалента (араб. «ГАЙН»). Но особенно заметна неравномерность развития в арабском: здесь есть *Б*, но нет *П*; есть *К*, но нет *Г* (кроме некоторых диалектов); есть *ДЖ*, но нет *Ч*; есть *Ф*, но нет русского *В*. Указанное явление становится особенно заметным, если сравнивать систему согласных какого-либо семитского языка с системой согласных какого-либо кавказского языка. В кавказских языках наблюдаются значительно более богатые системы согласных, чем семитские, но там поразительно равномерное развитие: каждая категория представлена симметрично, без изъянов. В русском языке можно привести, к примеру, отсутствие звонких эквивалентов к *Ч* и *Ц*.

Неравномерность сказывается и в соответствиях между семитскими языками: арабской паре межзубных «С_А» и «З_АЛЬ» соответствуют в арамейском симметрично «ТАВ» и «ДАЛЕТ», в эфиопском симметрично «САТ» и «ЗАЙ», но в еврейском и аккадском несимметрично – «ШИН» и «ЗАЙН». Например:

	араб.	эфиоп.	арам.	евр.	акк.
'бык'	САУР	СОР	ТАУРА	ШОР	ШУРУ
'волк'	ЗИБ	ЗЭБ	ДИБА	ЗЭБ	ЗИБУ

(Глухой звук пошел по шипящей норме, а звонкий по свистящей.) Еще более удивительное неравномерное развитие проявляет арамейский язык: когда по-арабски «ДАД», по-еврейски «САДЭ», т.е. везде переднеязычные согласные, арамейский имеет гортанный согласный «АЙН», например:

	'земля'	'овцы'	'наложница'	'ребро'	'он мыл'
араб.	АРД	ДАН	ДАРРА(Т)	ДЫЛЯ	РАХАДА
евр.	ЭРЭС	СОН	САРА(Т)	СЭЛЭ	РАХАС
арам.	АР'А	АНА	АРРТА	ЭЛА	РХА

Современная семитология еще не разъяснила неравномерность развития семитских согласных. Здесь одна из многих проблем для будущих семитологов⁴⁵.

§23. Диффузные звуки и их пережитки⁴⁶. Первобытная звуковая речь еще не имела наших современных расчлененных звуков⁴⁷. Она располагала лишь очень небольшим числом нерасчлененных (диффузных) звуков, в образовании которых принимали участие все или почти все речевые органы сразу; например, не было губных звуков, а были губно-язычно-гортанные, какие есть еще в абхазском языке; не было переднеязычных и заднеязычных звуков, а были, так сказать, общеязычные или целоязычные звуки (вроде нынешних среднеязычных, но еще с осложнением типа Л), наличные теперь лишь в немногих языках – в южноарабских диалектах, в черкесском, в южноафриканской ветви языков банту...; не было, конечно, и чисто гортанных звуков, которые и теперь невозможны без той или иной установки языка, так как воздух из гортани проходит вовне не иначе чем через рот.

След наличия губно-язычно-гортанного диффузного в тех первобытных говорах, из коих выработались семитские языки, можно видеть в том обстоятельстве, что южносемитскому «УАУ» в начале слова соответствует «ЙОД» северносемитских языков⁴⁸, например:

	‘дитя’	‘наследовал’	‘тетива’	‘месяц’	‘спустился’
араб.	УАЛЬД	УАРИСА	УАТАР	*	УАРАДА
эфиоп.	УАЛЬД	УАРАСА	УАТР	УАРХ	УАРАДА
евр.	ЙЭЛЭД	ЙАРАШ	ЙЭТЭР	ЙЭРАХ	ЙАРАД
арам.	ЙАЛЬДА	ЙИРЭТ	ЙАТРА	ЙАРХА	-**

Этому принципу не подчинилось только общесемитское словечко УА или У, выражающее союз ‘и, а, да’, но оно слишком часто внутри речи – именно как связующий элемент речи («царь и бог», «образ и подобие», «стар и мал»).

Следы наличия общеязычного диффузного очень многочисленны. Сравним хотя бы градацию – «рука» – «палец» – «ноготь» (часть по целому); «рука» у семитов либо ЙАД, либо (в смысле «кисти руки») КАФФ; «палец» – ‘ИСБА’; «ноготь» – араб. ЗУФР, эфиоп. СЭФР, араб. ТЭФРА, евр. СИППОРЭН, акк. СУПРУ; ясно, что первоначальное слово (архетип) было по форме «общеязычный + губной», а по содержанию «рука». Вышеприведенная (§22) особенность арамейского языка говорит нам тоже о первоначальной диффузности; прибавим только, что

* В южноарабском – УАРХ, в северноарабском лишь глагол УАРРАХА (‘АРРАХА ‘он поставил дату’) (старый семитский год – лунный, а не солнечный, как у нас).

** Сюда только сир. ЙАРДА ‘поток, река’ и ряд собственных имен.

из древних памятников нам известно написание слов этой категории через «К^ОФ», например, 'АРКА, но это лишь несовершенный способ выразить звук типа араб. «ГАЙН» (у Иеремии 10, 11 дано подряд 'АР'А и 'АРКА; оба = «земля»⁴⁹). Примесь Л в общезычном диффузном наблюдается, как уже говорилось, в современных южноарабских диалектах — мехри, сокотри и эхкли. В этих диалектах один такой согласный, как если бы произнести одновременно мягкие Ш и Л (вроде «шляпа»), соответствует сев.-араб. «ШИН», евр. «СИН»; другой такой согласный, как если бы произнести одновременно твердые З и Л (вроде «зло»), соответствует сев.-араб. «ДАД», о котором говорилось в §22. Что южноарабское произношение архаично и сохранило стадию развития, давно уже пройденную другими семитскими языками (только в классическом северноарабском засвидетельствовано «ДАД» с примесью Л), можно судить по многочисленным вариантам тех же корней в северноарабском с чередованием «ШИН»/«ЛАМ»/«ДАД»⁵⁰, например:

ШЯКЙМ 'удило'	—	ЛИДЖЯМ 'узда'	—	ДАГАМА 'укусил'
ШЯХАБА 'опалил'	—	ЛЯХАБ 'пламя'	—	ДАХХАБА 'жарил'
ШЯХМ 'жир'	—	ЛЯХМ 'мясо'	—	ДАХУМА 'был толстым'
ШЯДДА 'быть сильным'	—	ЛЯДДА 'одолел'	—	ДАДДА 'спорил'
ШЯБИСА 'держался'	—	ЛЯБИСА 'мешкал'	—	ДАБАТА 'задержал'

Пережитки диффузности лучше всего заметны именно на корневых вариантах⁵¹, где чередования не подчиняются так называемым звуковым законам, т.е. не проявляют той высокой стабилизации, которая может быть только результатом окончательно сложившейся языковой системы, в данном случае семитской. В этом смысле чрезвычайно любопытно колебание между Р и Н в арамейских словах: БАР 'сын' (при евр. БЭН, араб. ИБН) и ТРЭН (при евр. ШНАЙМ, араб. ИСНАЙН), наряду с коим имеются БНЙН 'сыновья' и ТЭНЙАНА 'второй'. Попытки западноевропейских семитологов объяснить эти случаи расподоблением (диссимиляцией) двух носовых в одном слове рушатся о такие случаи, как «восток» (арам. МАДНХА — евр. МИЗРАХ, где Д/З, согласно нашему §22) или как евр. КАНА/КАРА 'гнутья', где никакого расподобления нет и в помине; да и внутри самого арамейского языка объяснение расподоблением приводится только с натяжками — считают, что когда-то было БАНУН (вроде классической арабской формы ИБНУН с падежным окончанием -УН), но если такое окончание и было, то оно чаще отсутствовало, чем присутствовало, так как невозможно

* ДЖ — эквивалент Г: арам. ЛГАМА, ЛУГМА, эфиоп. ЛЭГУАМ.

** У северных семитов «хлеб» (евр. ЛЭХЭМ, арам. ЛАХМА), но скотоводство древнее земледелия. Старейшее скотоводство — овцеводство, и «мясо» идет от «овцы»: евр. СЭ (через «СИН»), араб. ШЯ (Т), а совокупность «мелкий скот»: евр. СОН, араб. ДАН (с 'АЛЕФ'ом).

перед определением в отчествах («сын такого-то») и перед местоименными суффиксами (в частом «сын мой»), т.е. как раз в самых употребительных случаях.

Примечание. Артикуляционная работа языка в диффузных звуках предполагается на ранней ступени вроде звонкого и глухого *Ль* (в русском «моль» и «воплъ»), а на поздних ступенях с расчленением задне- и переднеязычной работы *К : Т, Г : Д, Х : С...* и освобождением от примеси *Л*. В абхазских губно-гортанных артикуляция языком — *Й*; она же предполагается и перед раздвоением *Ў/Й* в начале слова в семитских языках, о котором говорилось выше.

§24. Три ступени озвонченности. Звук, при котором дрожат голосовые связки, называется звонким; таковы нормальные гласные и часть согласных (в русском языке звонкие согласные суть *Б, Д, Г, В, З, Ж; М, Н, Л, Р; Й*). Звук, при котором голосовые связки раскрыты для дыхания, называется глухим (в русском языке глухие согласные суть *П, Т, К, Ф, С, Ш, Х; Ц, Ч; Щ*). Таким образом, в русском языке только две ступени озвонченности: полная и нулевая. В других языках бывает иначе. В семитских языках принципиально различаются три ступени озвонченности: 1) глухие, 2) звонкие и 3) эмфатические⁵². Глухие согласные известны нам из русского языка, и нужно прибавить только то, что семитские *П, Т, К* (например, евр. «ПЭ», «ТАВ», «КАФ») придыхательные, т.е. что при них голосовые связки не свободно раскрыты для дыхания, а образуют щель, как для «ХЭ» (§21). Звонкие согласные тоже известны нам из русского языка. Эмфатические согласные прежде всего напряженные: мускулы речевого аппарата сокращаются, отчего весь речевой аппарат как бы натянут (это заметно на лице говорящего; Иероним пишет, что пуническое «ТЭТ» произносится «стриктис дэнтибус», т.е. «сжатыми зубами»; немецкий арабист Рейнхард⁵³ находит, что бедуины при произношении эмфатических имеют «варварское выражение лица»). Отсюда более сильное и низкое по тембру произношение согласных, которое захватывает своим влиянием и соседние гласные. Однако ни число эмфатических согласных в каждом отдельном семитском языке, ни способ их образования в точности не совпадают. В арабском языке эмфатическими согласными считаются четыре переднеязычных *С, Д, Т, З* и три язычковых *К, Х, Г*, а кроме того, *Л* и *Р* в некоторых словах⁵⁴; арабские эмфатические не только напряженные, но и сопровождаются опущением средней части языка, поднятием задней части языка к мягкому небу или к язычку и опущением гортани (это называется «веляризацией» от лат. «вэлум палати» = «мягкое небо»). В абиссинских диалектах эмфатическими считаются *П, Т, Ц, Ч, К*; они напряжены, но сопровождаются только гортанным взрывом (§21); это явление известно также во всех кавказских языках и называется «смычногортанностью», или «эЙективностью» от лат. «эЙектус» = «выброс» (имеется в виду, что при этих звуках воздух не вдвухается в рот, так как голосовые связки закрыты, но выбрасывается воздух, находя-

щийся в камере рта). Что касается остальных семитских языков, точное произношение их немногочисленных эмфатических («ТЭТ», «САДЭ»⁵⁵, «КОФ») неизвестно из живых говоров; в айсорском *Т*, *К* просто непридыхательны, тогда как *Т*, *К* придыхательны, а между *С* и *С* никакой разницы нет, но след бывших эмфатических арабского типа есть в явлении гармонии гласных (см. §26). В корневых вариантах все три ступени свободно чередуются, например, евр. ГАЗАЗ 'резал, стриг' (КАСАС 'дробил, жевал' /КАСАС 'рубил'); араб. МЭДДА и МАТТА 'протянул', ХЭДИЙА(Т) и АТЫЙА(Т) 'подарок', АФАР и ГАБАР 'пыль'... Сравните примеры на Ш/Л/Д выше в §23.

Характеристика эмфатических согласных как особой ступени озвонченности не подойдет к принятому у нас чтению арабского языка, где глухие эмфатические (*Т*, *С*) противопоставляются звонким эмфатическим (*Д*, *З*). В настоящем классическом произношении, описанном древними филологами, нашим *К*, *Т*, *С*, *Д*, *З* соответствовали *Г*, *Д*, *С*, *ЗЛ*, *З*, т.е. противополжения по голосу не было. В том архаическом произношении, которое мы застаем в современном южноарабском, нет даже исключения для *С*: в одних диалектах, как мехри и сокотри, имеем сильные звонкие *Г*, *Д*, *З*, *ЗЛ*, *З*; в других диалектах, как эхкили, имеем смычногортанные глухие *К*, *Т*, *С*, *СЛ*, *С*. Относительно *Х* и *Г* добавим, что они вообще не являются эмфатическими там, где это связано со смычногортанным произношением — ни в абиссинских, ни в южноарабских говорах; причисление *Х* и *Г* к эмфатическим многими оспаривается⁵⁶.

§25. Развитие гласных по качеству и количеству. То богатство, которое дает нам масоретская вокализация (огласовка) еврейского языка, сводится без труда к трем гласным *А*, *И*, *У* в двух количествах — в краткости и в долготе. Такова и огласовка арабского языка. Однако исследование типов словообразования в семитских языках приводит к мысли, что гласные *И* и *У* являются разновидностями одного и того же гласного, именно «неопределенного» гласного, который в научной транскрипции передается перевернутой буквой «е»⁵⁷. Но этот последний гласный возникает обычно из ослабления других гласных в неударенных слогах, например, мы его произносим по-русски во втором слоге слова «хобот». Откуда же этот гласный получился в прежнем состоянии семитских языков, если у нас имеются только *А* и «неопределенный» гласный? Очевидно, последний является ослаблением гласного *А*. Тогда, значит, до ослабления был только один гласный в языке — *А*. К этому мнению пришел известный немецкий семитолог Бергштресер⁵⁸, но оно не чуждо и новому учению о языке («завещанное от доистории аканье», как выразился Н.Я.Марр в работе «Чуваши-яфетиды на Волге». Чебоксары, 1926, с.26).

Соотношение кратких *А, И, У* с долгими $\bar{А}, \bar{И}, \bar{У}$ редко остается чисто количественным. Обычно при разном количестве гласных возникает и разное качество, в результате чего количественное противоположение совсем вытесняется качественным⁵⁹. Известно, например, что краткие *А, И, У* в семитских языках приближаются оттенком к $\bar{Э}, \bar{О}$; что долгое $\bar{А}$ имеет уклон то к $\bar{Э}$ (в арабском), то к $\bar{О}$ (в еврейском и арамейском), между тем как долгие $\bar{И}, \bar{У}$ оказываются наиболее стабильными. Поясним только относительно краткого *А*, что оно имеет оттенок широкого $\bar{Э}$, тогда как краткое *И* имеет оттенок узкого $\bar{Э}$; например, араб. *КЭЛЬБ* соответствует евр. *КЭЛЭБ* 'собака', но араб. *СИФР* или, точнее, *СЭФР* соответствует евр. *СЭФЭР* 'книга'. Таким же образом араб. *КУДС* или, точнее, *КОДС* соответствует евр. *КОДЭШ* 'святыня'. Для долгого *А* сравним араб. *ХИМАР* или, точнее, *ХЬМЭР* и евр. *ХМОР* 'осел'.

Краткие гласные в неударенном слове настолько сокращаются, что могут вовсе исчезнуть; в свою очередь, получившееся таким образом скопление согласных нередко облегчается вспомогательным кратким гласным⁶⁰. Так, уже приведенный пример звучит в разговорном арабском то как *ХИМАР*, то как *ХЬМАР*, то как *ЭХМАР*. Многие семитологи склонны думать, что в таких случаях, как 'АРБА' 'четыре', 'ИСБА' 'палец', имеет место стабилизовавшийся вспомогательный гласный (если раньше было *РБА*, *СБА* из еще более ранних *РАБА*, *САБА*)⁶¹.

§26. Взаимодействие гласных и согласных. Так как гласные в принципе ртораскрыватели, а согласные ртосмыкатели (§20), то слово представляет собою некое единство противоположностей (гласных и согласных), где единство относительно, а борьба абсолютна. Поэтому взаимодействие гласных и согласных многократно и многообразно⁶². Нам уже приходилось говорить о дифтонгах как совершенно особом виде единства противоположностей (§20); дифтонг — и один звук и два звука, так как при сильном взаимодействии частей каждая часть обособляется от других звуков языка и получается один сложный звук, но структура слова подсказывает наличие двух простых звуков (хотя бы в силу сохраняемого ритма или такта двух звуков). Как дифтонги стягиваются в монофтонги (простые звуки), например, *АИ, АУ* дают $\bar{Э}, \bar{О}$, так в южноарабском диалекте эхкили сочетания гласных с последующим *М* дают носовые гласные, например, *РЭНЛЬ* 'песок' при араб. *РЭМЛЬ*.

В большинстве случаев, однако, взаимодействие кончается не слиянием двух звуков в один, а отложением качества одного звука на качестве другого звука. Так, в абиссинском существуют лабиализованные (огубленные, с губным округлением) согласные⁶³; в эфиопском их четыре — *К^у, Г^у, Қ^у, Х^у*, и они получились из разложения более не существующего гласного — краткого *У* (теперь краткие *И* и *У* замещены «неопределенным» $\bar{Э}$),

например, *КЪЭЛЬ* 'все', *ЛЭГУАМ* 'узда', *КЪЭССЭИАТ* 'огурцы', *'ЭХУ* 'брат' при арабских *КУЛЛЬ*, *ЛИДЖАМ* (мн. число *ЛЮДЖОМ*), *КУССАА* (Т), *'АХ(УН)*. В амхарском разложилось и долгое *О* – на лабиализацию согласного и долгое *А*, в результате чего язык приобрел 20 лабиализованных согласных! В арабском эмфатические согласные окрашивают соседние *А*, *У* в оттенки *О*, *О* (первое широкое, второе узкое), а соседнее *И* в оттенок вроде *Ы*; кроме того, эмфатизованные гласные эмфатизируют и соседние неэмфатические согласные, так что *САУТ* 'бич' и *САУТ* 'голос' звучат обычно одинаково *СООТ*. Таким образом, короткие слова могут быть эмфатизованы насквозь⁶⁴, если в них есть хоть один эмфатический согласный; ср. *БЭЛЕД* 'город' и *МОТОР* 'дождь', оба одного и того же типа (*БАЛАД*, *МАТАР* по арабской орфографии). В айсорском языке таким путем развилась настоящая гармония гласных⁶⁵: в пределах одного слова могут быть или только «мягкие» гласные вроде *И*, или только «твердые» гласные вроде *Ы*; длина слова при этом не играет роли, так как вся суффиксация гармонируется по основе, например: *БИ-КТАВ-О-ВИН* 'я ее пишу', но *БЫ-КТАЛО-О-ВЫН* 'я ее убиваю' (букв. 'в писании ее есмь', 'в убиении ее есмь').

Арамейскому и еврейскому языкам свойственно явление спонтизации (обращения смычного в теснинный): если неударенный согласный из шести – *П*, *Т*, *К*, *Б*, *Д*, *Г* находится после гласного, он меняется на соответствующий из шести согласных – *Ф*, *С*, *Х*, *В*, *З*, *Г*; например, вместо ожидаемого *КАТАБ* 'писал' получается *КАСАВ*. В наше время не все айсоры и не все евреи произносят так, как указывает орфография, отмечая спонтизованное произношение иным значком, чем смычное. Эмфатические согласные *Т*, *К* не поддаются спонтизации; напряженность их артикуляции не позволяет расслабить смычку, тогда как более вялая артикуляция двух других ступеней озвонченности вполне позволяет гласным развить свою ротораскрывательную энергию и сокрушить не особенно крепкую смычку.

§27. Структура семитского слога. В классических семитских языках наблюдается строгий принцип структуры слога: каждый слог должен начинаться на согласный, и притом один. Поэтому если иностранное слово начинается на гласный, таковой либо удаляется, либо защищается предпосылаемым гортанным взрывом («'АЛЕФ»), например, *ИТАЛИАНО* – араб. *ТАЛИАН* и *'ИТАЛИАН*; если начало двухсложно, оно облегчается вспомогательным гласным с гортанным взрывом, например, *ПЛАТОН* – араб. *'АФЛАТУН*⁶⁶. Не допускается и зияние (стык гласных), которое устраняется вставкой «полугласных» *Й*, *У* или связочных гортанных («'АЛЕФ», «ХЭ»), например, вместо ожидаемых *ФААРИС* 'всадники', *СЭМААТ* 'небеса', *ДЭМИА* 'кровоотчил' арабский имеет *ФАУАРИС*, *СЭМАУАТ*, *ДЭМИА*. Этот принцип структуры слога – пережиток первобытных слов, которые

получались расклиниванием диффузного звука гласным (вроде САЛ, БЭР, РОШ, ЙОН – тип «согласный + гласный + согласный»). Кое-что из таких пережитков есть и в русском народном языке (*орган – варган, Родион – Родивон, идиот – адыет или адивот...*). В новосемитских языках структура слога разнообразнее и свободнее⁶⁷; чувствуется новая стадия развития, зародыши которой были уже в старых семитских языках (например, двухсогласное начало в еврейском при произношении вспомогательного гласного ШВА: евр. ШТАЙМ 'две').

§28. Ударение в семитских языках не вносит смысловых различий⁶⁸; за исключением одной категории, в айсорском (БЫК-ТАЛЭЛЫ 'он убивает' – БЫКТАЛЭЛЫ 'он убивает их') нет таких случаев, как рус. мука́/му́ка, ноги́/но́ги⁶⁹. Место ударения в семитских языках определяется преимущественно количеством гласных – долгий гласный предпочитается краткому, но вообще объединить все семитские языки одним или несколькими простыми правилами ударения нельзя: слишком много специфики в каждом языке и диалекте. Важно отметить, что семитское ударение основано на выдыхательном принципе (как русское); отсюда сильное влияние на огласовку.

IV. СЕМИТСКОЕ ПИСЬМО

§29. Древнесемитский алфавит. Все семитские системы письма восходят к двум: к шумерской клинописи и к древнесемитскому алфавиту^{69a}. Аккадская клинопись является приспособлением шумерской клинописи к семитскому аккадскому языку; некоторое извлечение из аккадской клинописи представляет клинописный алфавит надписей на новооткрытом семитском языке в Рас-Шамре. Древнесемитский алфавит выработан хананейскими племенами из древнеегипетского вспомогательного алфавита; промежуточным звеном между египетским и семитским алфавитами проф. Струве считает синайские надписи⁷⁰. Хотя письмо древних египтян было в основном картинное (пиктография), причем картинки, называемые иероглифами («священными письменами» по-гречески), могли обозначать не только тот предмет, который изображают, но и связанное с ним отвлеченное представление, создавая таким образом письмо понятий (идеографию), однако уже с древних времен египетское письмо пользовалось приемами ребуса, т.е. изображало трудновыразимые категории, как собственные имена, картинками созвучных предметов (вроде того, как по-русски было бы «сосна» вместо «со сна», «гриб» вместо «грипп», птица «кура» вместо реки «Кура»). Это ребусовидное письмо представляет уже решительный шаг от письма понятий к письму звуков, переходным звеном к которому всегда является слоговое письмо. Этим путем

египтяне выработали вспомогательный алфавит, который, не вытесняя привычных для египтян картинок в их собственном или переносном значении, позволял изобразить согласные (а впоследствии и гласные) трудновыразимого слова. Переработка вспомогательного египетского алфавита хананейскими племенами известна нам в виде нескольких очень похожих друг на друга древнесемитских письменностей – древнееврейских, моавитских, финикийских и древнеарамейских надписей. Ближе к этим письменностям, но с 29 знаками вместо их 22 знаков, стоит южноарабское руническое письмо, обладающее удивительно правильными геометрическими формами. Древнееврейское письмо породило целый ряд поздних шрифтов – квадратный, раши, различные скорописные шрифты с сильными отличиями друг от друга у различных еврейских общин. Древнеарамейское письмо породило множество всевозможных отпрысков, засвидетельствованных надписями, и что особенно важно – оно породило ряд шрифтов связного характера (сирийские и набатейский). Из набатейского шрифта произошли североарабские шрифты – куфический, нэси, магрибинский и т.д. Кроме того, деятельность христианских миссионеров-сирийцев распространила связное арамейское письмо на Дальнем Востоке (монгольский, уйгурский и индийские шрифты). Южноарабское письмо, занесенное сабейскими колонистами в Абиссинию, превратилось в слоговое абиссинское письмо, которым пользуются кроме эфиопского языка все современные семитские и хамитские письменные языки Абиссинии и Эритреи.

Принцип образования древнесемитского алфавита называется акрофоническим. Это значит, что каждая буква является историческим продолжением картинке предмета, название которого начиналось на данный звук (конкретно – на согласный звук, так как все буквы семитского алфавита обозначают основным образом согласные звуки и лишь в позднейшем применении иногда также гласные звуки). Например: *Б* = *БЭТ* 'дом', *К* = *КАФ* 'кисть руки', *Р* = *РЭШ* 'голова'.

§30. Проблема алфавитного порядка. Несмотря на многие попытки исследования, до сих пор остается загадочным, каким путем получился стандартный порядок древнесемитского алфавита, сохраняемый с древности (например, алфавитные псалмы в Библии) по сию пору неизбежно в еврейском и сирийском алфавитах, пережиточно и с отклонениями в других алфавитах. Многие думают, что этот порядок произволен и представляет только случайное расположение, закрепленное обычаем. Однако случайное расположение не могло бы закрепиться, если бы оно не было ничем связано в систему, удобную для запоминания. Древние христианские ученые и немногие поздние авторы полагали, что порядок букв отражает какой-то связный рассказ, и даже пытались восстановить этот рассказ (хотя, разумеется,

каждый по-своему, так как двигателем каждый раз являлась фантазия). У раввинов сохранились рассказы символистического характера о божественном происхождении порядка букв, где каждая буква одарена характером человека и даже способностью молиться, а божественное распределение мест в алфавите происходит, как распределение мест в человеческом обществе. Конечно, материалистическая наука не может удовлетвориться подобными рассказами (при всей их художественности и оригинальности). Ясно, что какой-то смысл в распределении букв по занимаемым ими местам был, но наличный алфавитный порядок, по-видимому, представляет скрещение по крайней мере двух разных принципов: во-первых, принципа классификации звуков (как, например, расположение всех трех звонких смычных согласных *Б, Г, Д* подряд) и, во-вторых, принципа смыслового подбора по названиям букв, как, например, ряды: «вода» – «рыба» в *М, Н, С*; «рука» в *Й, К*; «глаз» – «рот» в «*АЙН*» и «*ПЭ*»; «голова» – «зуб» в «*КОФ*», «*РЭШ*», «*ШЙН*». К тому же следует добавить, что не все буквы выработаны сразу и некоторые буквы вторичны; например, «*ХЭТ*» выработано из «*ХЭ*»; «*ТЭТ*» из совмещения «*ТАВ*» и «*АЙН*»; «*САДЭ*» – переделанное «*ШЙН*». Прибавка новообразованных букв могла нарушить порядок, установившийся для ранее готовых букв.

В арабской письменности, где древнесемитский алфавитный порядок сохранился лишь для нумерации (§33), в древности были попытки построить алфавитный порядок по органам речи – от гортани до губ; нам известны два таких «органических» порядка – менее точный аль-Халиля⁷¹ и более точный Сибавейхи⁷². Известен и словарь аль-Халиля «Китаб аль-Айн», расположенный по алфавиту автора, начинавшемуся с буквы «*АЙН*». Вообще арабский алфавитный порядок, который ныне считается общепринятым, основан на подборе гнезд из похожих букв, что действительно наиболее удобно для арабского письма, которое изобилует похожими друг на друга буквами, отличающимися одна от другой точками или небольшими вариациями. Хуже дело с абиссинским алфавитным порядком, который непохож на остальные и принцип которого до сих пор не разгадан: ср. евр. «*АЛЕФ*», «*БЭТ*», «*ГИМЭЛ*», «*ДАЛЕТ*»..., араб. «*АЛЕФ*», «*БА*», «*ТА*», «*СА*»..., абис. «*ХОЙ*», «*ЛЯВИ*», «*ХАУТ*», «*МАЙ*»... (здесь также особые названия букв, но из них особенно важно отметить «*НАХАС*» 'змея' вместо «*НУН*» 'рыба')⁷³.

§31. Выработка огласовки. Финикийское и южноарабское письма совсем неогласованы: они состоят сплошь из обозначения согласных. Еврейское и арамейское письма использовали буквы «*УАУ*» и «*ЙОД*» для выражения долгих гласных *У, О* и *Й, Э* (на основе монофтонгизации дифтонгов, как *МАУТ* – *МОТ* 'смерть', *БАЙТ* – *БЭТ* 'дом'), кроме того, в конце слова еврейское письмо использовало букву «*ХЭ*» для долгих *А, Э, О* (на

основе женского окончания -АТ, которое в известных случаях опускает Т), а арамейское письмо использовало конечное «'АЛЕФ» для $\bar{A}$, $\bar{E}$. Арабское письмо получило уже готовыми из набатейского «УАУ» и «ЙОД» в значении согласных и гласных; кроме того, постепенно развилось обозначение долгого $\bar{A}$ через «'АЛЕФ», так как в мекканском произношении, основном для Корана, гортанный взрыв не исполнялся и гласный перед ним удлинялся (такие слова, как РАС 'голова', писались искони через «'АЛЕФ», но такие, как КИТАБ 'книга', первоначально писались просто КТБ). Абиссинское письмо развило выражение гласных, по-видимому, под греческим влиянием; основные начертания южноарабского письма использовались под наиболее частые слоги с кратким А, прочие слоги выражаются видоизменением самого начертания буквы; таким образом, каждая буква варьируется на семь ладов и этим выражает семь слогов — два с краткими (А, Э) и пять с долгими ($\bar{A}$, $\bar{E}$, $\bar{I}$, $\bar{O}$, $\bar{U}$) гласными.

Потребность закрепить ортодоксальное чтение «священного писания» вызывала к жизни системы обозначения огласовки посредством маленьких дополнительных значков, прибавляемых к буквам; так, у евреев для Библии, у арабов для Корана и у сирийцев для богослужбных книг разных толков создавались довольно замысловатые системы пунктуации («снабжения точками») или вокализации («снабжения гласными»), т.е. способы уточнить чтение вслух.

Почему именно маленькие значки, а не обыкновенные буквы? Потому что текст, считающийся «священным», нельзя изменять, а можно только пополнять едва заметными значками для собственного и более или менее неофициального употребления. У всех трех названных языков выработка дополнительных значков происходила в VII в., хотя у сирийцев она возникла раньше и, по-видимому, служила образцом для других. В еврейском письме выработались две системы⁷⁴: вавилонская и тивериадская; первая старше (между прочим, не различает кратких А и Э, т.е. ПАТАХ и СЭГОЛ, пользуясь одним значком, как арабское письмо), но менее известна, чем общепринятая у евреев тивериадская система. В арабском письме гласные передавались когда-то точками (над буквой — А, около буквы — У, под буквой — И), а схожие буквы куфического шрифта отличались черточками; впоследствии стало наоборот: точки различают буквы, черточки выражают гласные (А, И); для У употребляется запятая над буквой, т.е. уменьшенное «УАУ»; для падежных окончаний -АН, -ИН, -УН всегда пишется удвоенный значок соответствующего гласного. В сирийском письме две системы огласовки: менее точная яковитская, состоящая из уменьшенных греческих букв А, Э, И, О, У, и более точная несторианская, состоящая из точек. Кроме огласовки дополнительные значки семитских письменностей могут выразить отсутствие гласного, уд-

воение согласного, смычное или теснинное (спирантизованное) произношение согласных *Б, Г, Д, К, Л, Т* и т.д., смотря по системе. Кроме того, еврейское письмо обладает богато развитой системой значков акцентологического назначения, выражающих ударение, интонацию и прочие чтения текста Библии нараспев.

Как сами дополнительные значки, так и их названия показывают весьма серьезную и глубокую работу соответствующих филологов по наблюдению над языком.

§32. Словораздел и знаки препинания. Финикийские надписи выполнены без словораздела сплошной массой букв; отсюда порою трудности для современных исследователей — одно место надписи иногда получает несколько чтений на выбор, и, конечно, все они условны. Южноарабское письмо выработало разделительный знак между словами, который перешел и в абиссинское письмо (там вертикальная черта, здесь двоеточие). Связное письмо сирийцев и северных арабов решает проблему словораздела иначе: начало и конец слова имеют иные начертания букв, середина слова — опять-таки иные; еврейское письмо, хотя и несвязное, выработало особые конечные начертания букв «КАФ», «МЭМ», «НУН» и «САДЭ». Знаки препинания в семитских письменностях возникают поздно и заимствуются чаще всего из европейских письменностей⁷⁵; так, современные арабская, еврейская и айсорская письменности заимствовали европейскую систему знаков препинания, приспособив их начертания к своему характеру письма (у арабов запятая и вопросительный знак повернуты в обратную сторону, чтобы удобнее писать справа налево). Древние надписи допускают свободный перенос части слова на следующую строку, хотя бы оставалась только одна буква. Такая абсолютная свобода переноса сохранилась только в абиссинском письме. Арабское, еврейское и сирийское письмо вообще не допускают переносов; при каллиграфическом письме и при наборе для печати следят за тем, чтобы в конце строки не осталось бы длинное слово, которое может не уписаться; свободное пространство в строке покрывается растянутыми начертаниями некоторых букв (евр. «^АЛЕФ», «ХЭ», «ЛАМЭД», «ТАВ» и конечное «МЭМ»; араб. «КАФ» и «НУН») или, для связных видов письма, путем введения ничего не значащих соединительных линий.

§33. Числовые знаки. Ассиро-вавилонцы и финикийцы как народы с обширной торговой деятельностью рано развили систему выражения чисел на письме более короткими знаками, чем полностью написанные числительные, именно — цифрами. Евреи, сирийцы и арабы пользовались первоначально буквами в алфавитном порядке с закрепленным числовым значением («^АЛЕФ» — 1, «БЭТ» — 2, «ГИМЭЛ» — 3 и т.д.). А впоследствии арабы заимствовали индийские цифры и стали их употреблять с переименованной формой, но в порядке слева направо, хотя араб-

ское письмо вообще идет справа налево, эти цифры перешли от арабов к европейцам под названием «арабских», а от европейских и вообще в международное употребление вплоть до евреев и айсоров. Абиссинцы усвоили в качестве цифр греческие буквы с числовым значением. И у нас сохранились названия «И восьмеричное» и «И десятиричное» для двух букв, различавшихся в старой русской орфографии, причем первое восходит к семитскому «ХЭТ» (числовое значение – 8), а последнее к семитскому «ЙОД» (числовое значение – 10). Употребление букв в роли цифр открывало широкое поле деятельности для всяческого остроумия, но и для суеверия. Арабы любят сочинять стихи, в которых те или иные слова при сложении своих букв в их числовом значении дают дату, подлежащую увековечению; этот вид стихов или выражений называется хронограммами. У евреев сложились изречения вроде того, что «вошло вино, вышла истина», где слово *ЙАЙН* 'вино' выражает $10 + 10 + 50 = 70$ и слово *СОД* 'истина' выражает $60 + 6 + 4 = 70$, т.е. два противопоставленных элемента оказываются в балансе. Число 15 должно бы выражаться по-еврейски буквами «ЙОД» и «ХЭ», но это сочетание напоминает имя Божье (Яхве) и поэтому заменяется сочетанием букв «ТЭТ» и «УАУ», т.е. 9 и 6. И в Европе увлекались числовым значением букв: сколько имен складывалось по числовому значению входящих в них букв, чтобы обнаружить, не скрывается ли антихрист, число которого «звериное» – 666...

§34. Сокращения. В еврейской письменности очень развиты сокращения слов и выражений, отмечаемые особым значком. За много веков этой письменности накопилось громадное количество сокращений (по ученому наименованию – аббревиатур). От времени до времени появляются словари еврейских аббревиатур.

В арабской письменности аббревиатуры тоже нередки, и наиболее частые из них приводятся в арабских грамматиках. Особые значки для отличия аббревиатур от окружающего текста имеются, но на практике опускаются. Любопытно, что арабские аббревиатуры берутся не только от начала сокращенного слова, но также от середины или от конца; поэтому разгадать неизвестную аббревиатуру весьма трудно, если сам автор не приводит списка употребляемых им аббревиатур.

§35. Техническая обработка. Печатание семитских шрифтов потребовало их соответствующей технической обработки. Клинопись исполняется типографским набором отдельных клинописных фигур, насколько тот или иной клинописный знак может быть удобно разложен и собран из фигур; сложные переплетенные или включенные (одна часть включена в другую) знаки архаической клинописи требуют изготовления особого клише. Еврейский шрифт требует почти двойного комплекта литер ввиду применяемости точки внутри буквы (*ДАГЭШ*). Связные виды письма, как сирийское и арабское, требуют отливки многих на-

чертаний для того, чтобы набор из отдельных литер производил впечатление связного (непрерывного) письма; если посмотреть на печатный текст этих шрифтов через увеличительное стекло, видны пробелы между каждыми двумя буквами, а иногда даже среди одной буквы, так как для экономии отливки литер практикуется иногда отдельная отливка «хвоста», общего ряду разных букв. Вспомогательные значки отливаются отдельно от букв (исключение представляет *ДАГЭШ* еврейского шрифта и весь новосирийский, т.е. айсорский шрифт, который отливается целиком со всеми возможными значками и потому очень дорог). Никакой экономии не удастся соблюсти по отношению к абиссинскому шрифту, который требует множества литер, неразложимых на более простые типографские средства.

Приспособление еврейского и арабского шрифтов для пишущей машинки потребовало большой экономии начертаний: в арабском шрифте пришлось устранить лигатуры (кроме единственно обязательной «ЛЯМ-’АЛЕФ»).

В настоящее время в арабских странах широко распространен телеграф и особенно радиотелеграф. Арабская азбука Морзе, применяемая для передачи арабского языка, представляет любопытный случай рецидива в развитии: в свое время греки, заимствуя финикийский алфавит, приняли лишние для себя семитские согласные в значении гласных («’АЛЕФ» – А; «ХЭ» – Э; «ЙОД» – И; «’АЙН» – О; «УАУ» – У), теперь же арабы, заимствуя европейскую азбуку Морзе, приняли лишние для себя европейские гласные в значении согласных (А – «’АЛЕФ»; Э – «ХЭ»; И – «ЙА»; О – «ХА»; У – «ТА»). Это показывает, что многие столетия, отделяющие финикийцев от телеграфирующих арабов, не внесли коренной перемены в семитское письмо.

§36. Транслитерация. Уже в древности наблюдается нередко передача одного языка знаками другого (транслитерация от лат. *ЛИТЭРА* ‘буква’; или транскрипция от лат. *СКРИБО* ‘пишу’). Особенный интерес для изучения семитских языков представляют передачи еврейского и финикийского (текст или отдельные слова) греческими и латинскими буквами; таких передач сохранилось довольно много, но они до сих пор надлежащим образом не собраны в единый свод и не изучены. Правда, греческий и латинский алфавиты не приспособлены к передаче семитской фонетики, но это не мешает использовать передачи для изучения огласовки, столь важной для семитской грамматики. Одна из важнейших особенностей греко-латинской передачи – отсутствие знаков для шипящих. В этом отношении любопытно одно место в Библии (Книга судей, 12,6), где говорится, что сфремляне (эфраимиты) произносили *С* вместо *Ш*, например *СИББОЛЕТ* вместо *ШИББОЛЕТ* ‘поток’; греческий алфавит не может передать этого эффекта и поэтому перевод семидесяти толковников прибегает к описанию: «и они не могли сказать так». У рим-

ского автора Плавта в комедии «Молодой пуниец» содержится несколько монологов на позднем финикийском языке, записанном латинскими буквами; хотя в рукописях этот текст очень искажен, но все-таки дает понятие об огласовке этого семитского языка.

В настоящее время в семитологических трудах применяется передача семитских языков научной транслитерацией, составленной из латинского и русского алфавита с прибавлением уточнительных средств, как-то: диаграмм или дробных буквиц (комбинаций из двух букв, чтобы выразить какой-нибудь промежуточный звук); диакритических или различительных значков над или под буквой; особых букв, заимствованных из греческого или иных алфавитов или заново придуманных⁷⁶. Список наиболее ходких знаков транслитерации помещен в моей «Грамматике литературного арабского языка» в табл. 2. До сих пор единой системы транслитерации нет, но все-таки нечто единое уже наблюдается⁷⁷: точка под буквой для эмфатических согласных, черта над буквой для долготы гласных, птичка над свистящими для выражения шипящих (впрочем, для ДЖ птичка ставится обычно на изображение Г на основании сравнительной грамматики, например, араб. *РИДЖЛЬ* 'нога', *ДЖЕННА* 'сад', *СЕЛЬДЖ* 'снег' соответствуют евр. *РЭГЭЛ*, *ГАН*, *ШЭЛЭГ*). Алфавит Международной фонетической ассоциации, принятый у нас и за границей для изучения английского произношения, применяется в семитологии крайне редко — только в некоторых пособиях по живым арабским говорам. Аналитический алфавит академика Н.Я. Марра до сих пор недоработан для точной передачи семитских языков и применяется только в СССР. Возможно, однако, что этот алфавит при доработке и расширении делается единым научным алфавитом советских языковедов, потребность в котором ощущается все настойчивее⁷⁸.

V. СТРОЙ СЕМИТСКИХ ЯЗЫКОВ

§38. Стадии развития и их отношения⁷⁹. Семитские языки не появились на свет сразу в готовом виде; они развивались в течение тысячелетий, и те из них, которые не вымерли, продолжают развиваться в настоящее время. Развитие никогда не протекает равномерно (ср. §22); поэтому в каждом языке можно различить по крайней мере три стадийных слоя: 1) пережитки прежней, уже пройденной стадии развития; 2) большинство материала, находящееся на настоящей стадии развития; 3) зародыши наступающей, намечающейся новой стадии развития. Семитские языки проявляют флективную стадию развития⁸⁰, но не каждый семитский язык и диалект находится на том же самом этапе развития: одни запаздывают, другие опережают, третьи

развиваются уже в отрыве от семитской системы⁸¹ и в прикнovenии к несемитской системе. Все эти расхождения между семитскими языками ничуть не умаляют их сходжений, которые именно и дают нам право говорить о семитской системе языков, объединенной общностью строя и основного словарного запаса.

От аморфно-синтетической стадии развития, когда слово не имело внешних признаков грамматической категории и выполняло определенную грамматическую функцию лишь в зависимости от места в предложении⁸², семитские языки сохранили несклоняемость местоимений, «статус конструктус»⁸³ и применение повтора в качестве грамматического средства. Так, классический арабский язык склоняет, например, *’ИНСАН-У-Н* ‘человек’, *’ИНСАН-И-Н* ‘человека’ (род.п.), *’ИНСАН-А-Н* ‘человека’ (вин.п.), но не склоняет, например, *ХУМ* ‘они’: *КИТАБ-У-ХУМ* ‘книга их’, *ДАРАБ-А-ХУМ* ‘он ударил их’. Правда, аккадский язык выработал склонение местоимений, но, во-первых, иными средствами, чем он склоняет прочие имена, а во-вторых, косвенные падежи 2-го и 1-го лица образованы не от именительного; оба факта показывают, что исходной точкой была несклоняемость местоимений в ту эпоху, когда прочие имена уже склонялись. «Статус конструктус» как средство для выражения будущего родительного падежа в эпоху до выработки склонения замечателен тем, что он сохраняется даже в языках с уже развитым склонением, как классический арабский и аккадский, например: араб. *БЭН-Ў-НА* ‘сыны’, но *БЭН-Ў* ‘АДАМ-А ‘сыны Адама’; акк. *АНАКУ КАЛБ-У, КАЛАБ ШАРР-И БЭЛ-И-ШУ* ‘я пес, пес царя, господина своего’ (из ассирийского верноподданнического письма); *КАЛБ-У* – «статус абсолютус», *КАЛАБ* – «статус конструктус». Что касается применения повтора как грамматического средства, он употребляется для выражения собирательности, как евр. *МЭМЭ* ‘вода’ (конструктивный вариант *МАЙМ*), и даже с окончанием множественного числа, как араб. *РАБРЭБ-ЙН* ‘большие’ от *РАБ* ‘большой’ (фактически *РАЎ-РЭБ-ИН* с диссимиляцией *Б...Б*, как и араб. *КАЎКЭБ* ‘звезда’ из *КАБКАБ*); также для выражения разделительности, например, евр. *ШНАЙМ ШНАЙМ* ‘по два’; еще чаще для выражения повторительности, что особенно свойственно глаголам типа *РАФРАФ, ЗАЛЗАЛ* и т.д.

От агглютинативной стадии развития, когда слово имеет внешние признаки грамматической категории в виде прилеп, причем для каждой грамматической категории дается особая прилепа, семитские языки сохранили довольно многое⁸⁴. Так в спряжении имперфекта есть формы, построенные с наличием особой прилепы для каждой отдельной грамматической категории, например, араб. *ЙА-КТУБ-Ў-НА* ‘они пишут’, где *ЙА* ‘он’, *КТУБ* (вместо *КАТУБ*) ‘пишущий’, *Ў* (долгое) – множественное число, *НА* – изъявительное наклонение. Глагол, предшествующий

щий подлежащему, ставится в единственном числе независимо от числа подлежащего, например, араб. *ДАХАЛЯ БЭНУН* 'вошли сыновья', букв. 'вошел сыновья' (категория множественности выражена один раз на весь комплекс). Существующие у некоторых семитских языках виды конкретизации, как арабская нунация и аккадская мимация, построены с четким отличием признака падежа (*У, И, А*) от признака конкретизации (*Н, М*), например, араб. *КЯЛЬБ-У-Н*, акк. *КАЛЬ-У-М* 'собака'. Весьма поучительна статья проф. И.Г. Франк-Каменецкого «О некоторых пережитках дофлективного строя в древнееврейском языке» («Язык и мышление», Кн. I, с. 149–162).

Что касается основной для семитских языков стадии — флективной, она противопоставляется аморфно-синтетической тем, что флективное слово снабжено внешними признаками грамматических категорий и может занимать любое место в предложении, не меняя своей функции**. Стадия агглютинативной флективной стадии противопоставляется тем, что выразителями грамматических категорий во флективном слове являются не прилепы, отчетливо отделяемые от основы, а изменения в самой основе (например, мена гласных, мена ударения, мена согласных в связи с меной огласовки или слогораздела, как по-русски: *везу/воз, рукá/руки, лекарь/лечит, хлеб/хлеп...*). При всем этом необходимо заметить, что при флективном строе языка окончание не является прилепой агглютинативного строя с четко выраженной одной грамматической категорией, а является элементом, несущим одновременно несколько функций; например, рус. *воду* имеет не прилепу *У*, а окончание, показывающее 1) женский род, 2) винительный падеж, 3) единственное число, 4) определенность — в таких случаях, как *я не вижу воду* в отличие от *я не вижу воды*, где объект неопределенного состояния. Можно и должно различать флексию внешнюю и флексию внутреннюю, но они так тесно срастаются, что соответствующую стадию развития называют просто флективной; евр. *БЭН* 'сын' (*БАН-ИМ* 'сыновья') и араб. *ИБН* 'сын' (*БЭН-У-НА* 'сыновья') проявляют и внешнюю флексию — остаток агглютинации, и внутреннюю флексию — мену основы, почему для характеристики стадии развития достаточно сказать просто «флексия». Нужно заметить, что переход из одной стадии в другую может быть половинчатым, несовершенным: одна стадия еще не отмерла, другая уже наступила. Так называемая внешняя флексия есть переделка еще не отмершей агглютинации наступившей флективизацией строя (прилепы сжимаются в один комок и тесно прижимаются

* Конкретизация в данном случае (*-Н, -М*) противопоставляется конкретизации местоименным суффиксом или последующим родительным падежом.

** Агглютинирующий строй обычно не имеет свободного порядка слов, как и аморфный.

к основе; могут даже внедряться в нее как «внутренняя флексия»⁸⁵).

Вопрос о явлениях, предвосхищающих будущую стадию развития, остается пока спорным. Можно думать, что дальнейшая судьба флективного строя – максимальное его упрощение при сохранении, однако, свободного порядка слов в предложении (хотя бы до известной степени). На эти мысли наводит сравнение современного английского языка со староанглийским (англосаксонским) и современных арабских диалектов с классическим арабским языком. Но ведь еврейский и арамейский языки стадially смыкаются с живыми арабскими говорами (за исключением «множественного ломаного», непременно свойственного каждому арабскому говору); можно ли из этого заключить о том, что еврейский и арамейский языки были в дописьменную эпоху более сложными по строю, чем в том виде, в каком мы их застаем в памятниках⁸⁶? Мнения расходятся и у западноевропейских буржуазных семитологов, и у советских. Дальнейшие исследования в духе нового учения о языке позволят говорить о стадиях развития с большей уверенностью, но самих исследователей, стоящих на новом пути, пока еще очень мало⁸⁷.

§39. Класс и род. В семитских языках различаются два рода – мужской и женский. Род не совпадает с полом: неодушевленные предметы могут быть и мужского рода, и женского рода, но у одушевленных предметов род совпадает с полом, хотя бы оформление говорило и о другом, например араб. *ХАЛИФ-А* 'халиф' имеет женское окончание *-А/-АТ*, тогда как *АДЖУЗ* 'старуха' не имеет женского окончания. Однако роды происходят из классов⁸⁸. Во многих языках, например в африканских языках системы банту, все имена делятся на много классов – лица, вещи, животные, плоды, жидкости и т.д.⁸⁹. При развитии более отвлеченного мышления система классов лишается своей конкретности и постепенно стирается, пока не доходит до «класса лиц» и «класса вещей», т.е. до деления на социально активное и социально пассивное. Такое деление легко переходит в категорию грамматического рода: получается формальное различие «мужчины» и «женщины» даже у бесполов предметов, как и по-русски. Однако дело усложняется еще тем, что в языках с классным делением категория числа вклинивается в категорию класса, т.е. одни классы выражают единичность лица или вещи, другие классы – собирательность, множество. При сокращении числа и стирания конкретности классов привычка соединять категорию класса с категорией числа отнюдь не исчезает, но приводит к явлению «полярности» (взаимной, попарной противоположности) или «хиазма» (схемы буквы X); например, одно и то же женское окончание *-А/-АТ* может служить показателем единичности и показателем собирательности, как в араб. *ТИБН* 'солома' (*ТИБН-А* 'соломинка'), но *БАХРИЙ* 'моряк,

матрос' (БАХРИЙ-А 'моряки, матросня'). Отметим еще, что множественное число от социально пассивных существ может трактоваться как женская единица, т.е. не «они», а «она»; так в классическом арабском «всадники» считаются как «они», «лошади» — как «она». Напротив, социально пассивная единица может иметь множественное число по мужской норме; так евр. БЭС-А 'яйцо' (БЭС-ИМ 'яйца'), ДЭБОР-А 'пчела' (ДЭБОР-ИМ 'пчелы'), СЭ'ОР-А 'ячмень' (СЭ'ОР-ИМ 'ячменные зерна') и т.д.

Путаница между классом и родом приводит к таким явлениям, которые с трудом поддаются хоть сколько-нибудь удовлетворительному объяснению. Так, числительные от трех до десяти ставятся в роде, противоположном роду исчисляемого, например, араб. СЭЛЯС-АТ-У БЭН-Й-НА 'три сына', но СЭЛЯС-У БЭН-АТ-И-Н 'три дочери', евр. ШЭЛОШЭТ БАНИМ и ШЭЛОШ БАНОТ. Ясно только то, что в таких простейших случаях, когда исчисляемое женского рода имеет женское окончание, а исчисляемое мужского рода свободно от этого окончания (в отличие от вышеприведенных ХАЛЙФ-А и АДЖУЗ), мы видим потребность непременно поставить женское окончание один раз на весь комплекс. Почему обязательно женское окончание? Вероятно, в смысле имени единичности, т.е. «штука», «голова» и т.д.; но постановка этого окончания после исчисляемого совпадает с характеристикой женского пола и потому, когда нужна, наоборот, характеристика мужского пола, стало быть — отмена женского окончания, оно ставится перед исчисляемым, но в смысле имени единичности. Это объяснение предложено немецким семитологом Рекендорфом⁹⁰, который, однако, считает, что имя единичности имело особый показатель -ТУ, впоследствии совпавший с женским окончанием -АТ. Но такое мнение не считается с фактом, что в се классово-родовые показатели полярны (в арабском языке не только -АТ, но также -АН, -А, -ИЙ... прибавляются и к единственному и ко множественному числу).

Поскольку строй семитских языков тесно связан с огласовкой, можно указать на наличие некоторых взаимоотношений между классами и огласовкой⁹¹, воздерживаясь от комментариев, так как эти явления до сих пор не исследованы. Приведем табличку и примеры (гласный А нейтрален)*.

Лицо	Мужское	Большое	У.О. Долгота	
Содержание	Женское	Малое	И.Э. Краткость	Форма

Примеры: акк. ШУ, евр. ХУ 'он' / акк. ШИ, евр. ХИ 'она'; араб. ЭНТА 'ты' (м.р.), -КА 'твой' (м.р.), ЭНТИ 'ты' (ж.р.), -КИ 'твой' (ж.р.); именительный падеж (субъект) -У, родительный (принадлежность) -И, винительный (объект) -А; араб.

* В рукописи Н.В.Юшманова графический вариант таблицы не представлен.

КАТИЛ (первый гласный долог) 'убийца', **КАТЙЛ** (второй гласный долог) 'убитый'.

Относительно полярности арабского «множественного ломаного» см. мою «Граматику литературного арабского языка», с. 64.

§40. Глагол и местоимение. Спряжение есть соединение имени с местоимением. Местоимение есть имя столь широкого содержания, что может заменять все другие имена; вместе с тем местоимение может иметь и очень узкое содержание, когда имеется в виду замена данного предмета, на который указывают (каждый человек называет себя «я», и это расширяет содержание «я» до бесконечности; но в данный момент данный говорящий употребляет «я» лично про себя, и это сужает содержание «я» до неделимой единицы — до индивидуальности). Следовательно, глагол может рассматриваться как простейшее предложение, где одна часть более узка по содержанию, а другая более широка, например, вроде *Иван — человек*, где «Иван» более узкого содержания (не каждый человек есть Иван), а «человек» более широкого содержания (каждый Иван есть человек). Так, сочетание «ты убийца» или «убийца ты» может быть воспринято на известной стадии развития как одно слово-глагол. Однако не следует забывать, что древнее мышление не допускало названия предмета без конкретизации: чей он. Поэтому имя, порождающее в союзе с местоимением глагол, было большей частью связано либо с конкретным определением, как «ты убийца человека», либо с заменяющим его местоимением, как «ты убийца его». В результате получается настоящий глагол, где на первом месте местоимение субъекта, на втором месте имя более широкого содержания (ведь «ты» в речи будет указательно-индивидуально, а «убийца» — назывательно-обобщенно), на третьем месте — местоимение объекта, оно же и указатель принадлежности.

В семитских языках существуют префиксальные и суффиксальные типы спряжения⁹². Более древним является префиксальный тип спряжения, например *ТА-ҚТУЛ* 'ты убиваешь'. Почему? Во-первых, самое расположение составных частей близко к аморфно-синтетической стадии и даже к ручной речи первобытного человечества: сначала указывается субъект, а потом называется предикат (сказуемое, первоначально конкретное имя!) и, как полагается, с конкретизацией принадлежности, если не всегда одинакового типа выражения (см. выше). Во-вторых, префиксальные местоимения древнее суффиксальных* и самостоятельных, так как еще не дифференцированы по роду и

* Под суффиксальными местоимениями здесь понимаются окончания так называемого перфекта, например, *КАТАЛ-ТА* 'ты убил', ср. *ЭН-ТА* 'ты'; или *КАТАЛ-ТУМ* 'вы убили' (м.р.) и *ЭН-ТУМ* 'вы' (м.р.). Под древностью имеется в виду древность окончательного оформления, а не происхождения.

числу с такой точностью, как те; ведь, например, *ЙА* значит «он», и «они», *ТА* значит «ты, мужчина», «ты, женщина», «вы, мужчины» и «вы, женщины», причем уточнение дается лишь дополнительно, в конце глагола: *ЙА-КТУЛ* 'он убивает', *ЙА-КТУЛ-Ў* 'они убивают', *ТА-КТУЛ* 'ты убиваешь', *ТА-КТУЛ-Й* 'ты, женщина, убиваешь', *ТА-КТУЛ-Ў* 'вы убиваете', *ТА-КТУЛ-НА* 'вы, женщины, убиваете'. В-третьих, тип семитского имперфекта (префиксального спряжения) свойственен всем современным хамитским языкам, тогда как семитский перфект (суффиксальное спряжение) чужд даже аккадскому языку, а в хамитских языках находит себе лишь отдаленное подобие, и то совсем другого состава, например, «слышание твое» и «слышание ты делаешь» в смысле «ты слышишь».

Что касается притяжательно-объектных местоимений (местоименных суффиксов), они в своей дифференцированности подобны самостоятельным и перфектным суффиксальным, но в основном не менее древни, чем префиксально-субъектные в имперфекте; это видно хотя бы из арабского указательного *ЗАЛИКА*, ж.р. *ТИЛЬКА*, мн.ч. *УЛАЛИКА* 'тот, та, те', где состав буквально значит «то у тебя» (*ЗА-ЛИ-КА*)⁹³, но *-КА* неизменяемо и выражает потенциально все роды и числа 2-го лица.

§41. Вид и время. Под влиянием европейской грамматической терминологии, рассчитанной на языки иного типа флективного строя, чем семитские, семитология различает в глагольных формах семитских языков те же времена, что существуют в европейских языках. Однако категория времени чужда семитскому глаголу. Одна и та же глагольная форма выражает и настоящее, и прошедшее, и будущее время — понимание будет продиктовано контекстом⁹⁴. Правда, перфект (суффиксальное спряжение) чаще выражает прошедшее время, а имперфект (префиксальное спряжение) колеблется между настоящим и будущим. Но суть дела не в этом, а в том, что семитский глагол различается прежде всего по видам: именно — совершенный вид, выражающий законченность действия, и несовершенный вид, выражающий незаконченность действия⁹⁵. Термины «перфект» для совершенного вида и «имперфект» для несовершенного заимствованы из латинской грамматики, где они выражают времена. Учитывая всю разницу оформления между перфектом и имперфектом, мы можем предположить, что понятие законченности или состояния выражается постановкой на первое место не местоимения, а глагольного имени: «убийца — ты», т.е. сначала отмечается факт убийства как нечто уже известное и несомненное, «совершенное», а затем сообщается виновник; и что, напротив, понятие незаконченности выражается постановкой на первое место не глагольного имени, а местоимения: «ты — убийца», т.е. сначала отмечается лицо как нечто известное и несомнен-

ное, а затем сообщается то, что это лицо делает, может делать или хочет делать, следовательно, действие еще «несовершенное». Что касается, надо сказать, очень большой разницы в оформлении обоих семитских видов – даже за вычетом уже упоминавшегося разного порядка слагаемых, – разная огласовка основы частью объясняется действием ударения (после ударного префикса первый краткий гласный основы выпадает)⁹⁶, частью может быть непервоначальной (если второй или третий коренной – гортанный, огласовка обычно одинаковая: акающая), например, араб. *ФАТАХ-А* 'он открыл' (*ЙА-ФТАХ*) вместо *ЙА-ФАТАХ* 'он открывает'; разная форма местоимений объясняется, как мы уже говорили, разными эпохами возникновения обоих видов, причем окончания 3-го лица перфекта, несомненно, утратили какой-то согласный перед своими гласными (§27), так как окончания были раньше отдельными словами (в аморфно-синтетической стадии), и ничто нам не мешает вывести эти окончания *-А*, *-АТ*, *-У* из *ЙА*, *ЙАТ*, *ЙУ* или из менее вероятных *ХА*, *ХАТ*, *ХУ* (с долгим У).

Что касается аккадского языка, в нем особое положение⁹⁷: обычного семитского перфекта нет, но есть презенс («настоящее время») с основой семитского перфекта, но с внешним оформлением семитского имперфекта, например, *И-КАШАД* 'он завоевывает', *ТА-КАШАД-И* 'ты, женщина, завоевываешь'. Поздние семитские языки и диалекты вырабатывают настоящие времена, но, может быть, под влиянием языков других систем и, во всяком случае, при серьезных изменениях в идеологии говорящих.

§42. Породы. Старые семитологи, привыкшие к грамматике европейских классических языков, различали в семитских языках разные «спряжения» (конъюгации). Впоследствии, убедившись, что в семитских языках только одно спряжение, стали различать «основы», или «формы». Русские арабисты ввели для этого понятия термин «породы», который усвоен и новым учением о языке применительно ко всем языкам, где данное понятие имеется⁹⁸. Семитские грамматики называют каждую породу соответствующим образованием от глагола «делать» (араб. *ФА'АЛЯ*, евр. *ПА'АЛ*, сир. *ПЭ'АЛ*), только для простейшей породы у еврейских грамматиков установился особый термин *КАЛ* 'легкий'. Мы можем определить породы как формы, указывающие способ действия, т.е. его количество, качество, направление. Первая (простейшая) порода встречается с различной огласовкой – типы *КАТАЛ*, *КАТИЛ*, *КАТУЛ*; первый тип чаще всего переходный, последние же непереходны. Производные (осложненные) породы унифицированы по огласовке и этих трех типов не различают. Здесь, очевидно, сказываются различные стадии развития, причем разница в огласовке может быть сведена к предшествующей по стадильности разнице в окончаниях; неко-

торые современные хамитоидные языки имеют особые видовые окончания при глаголах, придающие значение активности, пассивности и т.д. (так, языки хауса и фуль⁹⁹), и такие окончания могли внедриться в основу, как в современных южноарабских диалектах женское окончание *-И* в имперфекте систематически внедрено в самую основу, например, мехр. *ТЭ-ТИБЭР* 'ты, женщина, ломаешь' при *ТЭ-ТОБЭР* 'ты, мужчина, ломаешь' (и *ТУ-ТАББЭР-И* и *ТУ-ТАББЭР*). Что касается производных пород, они образуются удвоением второго или третьего коренного (араб. *ХАММАРА* 'сделал красным', *ИХМАРРА* 'был красным'), удлинением первого гласного или прибавлением префиксов. Удвоение восходит к повтору, как это уже давно выяснено общим языкознанием на фактах многих языков всего мира. Префиксы при образовании пород суть возвратные *ТА-* и *НА-* 'себя' или 'себе' и каузативный (принудительный) *ША-* в аккадском, *ХА-* или *'А-* в других языках; аккадская (она же и миднейская) форма древнее и согласуется с общехамитским показателем каузатива *С*¹⁰⁰; арабская и эфиопская возвратная порода к каузативу сохраняет *С* под защитой *Т* (*ИСТАКТАЛЯ*, *'АС-ТАКТАЛЯ*).

По содержанию первая порода простейшая и отправная для прочих пород. Порода с удвоением второго коренного означает частоту и повторительность действия (интенсив-итератив), иногда же совпадает с каузативом. Удвоение третьего коренного редкость: это порода для выражения цвета или физической особенности. Порода с *ША-*, *ХА-* или иным эквивалентом называется каузативом и выражает заставление, принуждение, побуждение к действию или состоянию. Редкая порода с удлинением первого гласного называется конативом и служит в арабском и эфиопском для выражения стремления, намерения, иногда взаимности действия. Что касается возвратных пород, они являются эквивалентами прямых пород, но придают таковым значение или «себе-возвратное» или «себя-возвратное», т.е. либо «делать в свою пользу», либо «делать себя таким-то». Из возвратных пород замечательны те, у которых *ТА-* внедряется в основу (арабская VIII порода, еврейский *ХИТПА'ЭЛ*) при первом коренном из переднеязычных согласных; здесь сказывается флективная стадия развития, при которой прилепы и основы идут к максимальному сжатию в одно цельное слово.

Страдательный залог, признаком которого является гласный *У*, вводимый в первый слог или первые слоги формы, свойствен не всем семитским языкам и диалектам. Пассивная роль *У* известна и в африканских языках: в берберском это *У* — префикс, в языках банту — суффикс; и в этом пункте внутренняя флексия семитских языков может быть сведена ко внешней, т.е. в конечном счете к прилепам агглютинативного строя.

§43. Словообразование семитских языков весьма богато¹⁰¹ и восполняет почти полную невозможность словосложения, т.е. таких случаев, как у нас *пароход*, *небоскреб*, *краснокрыл*. Средства семитского словообразования можно продемонстрировать в виде следующей схемы:

Основы	Средства словообразования
Односложные:	Повтор (части корня или одного согласного)
КАТЛ, КИТЛ, КУТЛ	Удвоение (второго или третьего согласного)
Двусложные:	Удлинение (1-го, 2-го или обоих гласных)
КАТАЛ, КАТИЛ (КАТУЛ)	Префиксы (А-, И-, Т-, М-; реже Н-, Ш-)
КИТИЛ (КУТУЛ)	Инфиксы (-Й-, -У-, -?, -Н-)
КИТАЛ (КУТАЛ)	Суффиксы (-А, -АТ, -АН, -ИЙ)

Четырехгласные корни реже; пятигласные еще реже. Такие длинные корни могут укладываться в схему основ трехгласного корня, но могут принимать еще лишний гласный, например, араб. ЖАРĀНИЛЬ 'журналы' как множественное ломаное от ЖУРНĀЛЬ (тип КУТАЛ с удлинением второго гласного); в случаях дополнительного слога «лишним гласным» обычно является И. Двухгласные корни добавляют третий коренной из легковесного материала, который часто бывает некоренным; например, от двухгласных ЙАД 'рука', 'ИБН 'сын', ДАМ 'кровь' арабское множественное ломаное образуется: 'А-ЙДИЙ, ЭБНĀ', ДИМА' (в первом случае добавлено Й, в последних – гортанный взрыв).

§44. Двойственность и множественность¹⁰². В первобытной речи имена были собирательны. До сих пор существуют языки «без множественного числа», особенно на Дальнем Востоке. Следы древней собирательности еще живы в семитских языках, где простейшая форма имени может выражать собрание животных, растений, людей и т.д.; для выделения единицы из целого служат особые окончания (§39). Кроме собирательности, наряду с которой вырабатывается разделительная множественность (т.е. не «группа предметов», а «предметы там и сям») уже после выделения единичности, имеется еще категория парности («два глаза», «два рога»), которая выражается двойственным числом. На известном этапе мышления парность строго отличается от собирательности и множественности, но на высших этапах обычно сливается со множественностью. В семитских языках двойственное число применяется обычно лишь к существительным, обозначающим парные предметы. В арабском языке двойственное число пронизывает все изменяемые части речи – существительные, прилагательные, глаголы, местоимения. При таком избыточном развитии двойственное число теряет свой обычный характер и становится просто выразителем числа «два». Однако и в арабском языке нет двойственного числа для местоимений 1-го лица («мы оба»); лишь южноарабский диалект о-ва Сокотры имеет эту форму¹⁰³; она звучит КИ и произведена, вероятно, от

того же местоимения «я», которое скрывается в аккадском АНА-КУ 'я', южноарабском и эфиопском КАТАЛ-КУ 'я убил'. Обычный признак двойственности в семитских языках — долгое $\bar{A}$ или дифтонг $\bar{A}I$ в конце слова; в южноарабских диалектах $\bar{A}I$ стягивается в I (ср. сок. KI 'мы оба', TI 'вы оба', $I\bar{X}I$ 'они оба').

Для выражения множественного числа в семитских языках есть две главные формы — мужская ($-\bar{I}M$, $-\bar{I}N$, $-\bar{U}NA$ и т.д.) и женская ($-\bar{A}T$, $-\bar{O}T\dots$). Разница между ними не всегда родовая или половая; мужская форма может выражать разделительность, а женская — собирательность. Это особенно характерно во множественном числе от имени единичности (евр. и араб. — §39). В южносемитских языках выработалось «множественное ломаное», которое имеет иную основу, чем единственное, но те же окончания, и выражает собирательную множественность, хотя обычные собирательные имена простейшей формы сохраняются по-прежнему. Впрочем, «множественное ломаное» сильно вытеснило старые формы множественного числа, и поэтому разница между собирательностью и разделительностью особенно четко не проводится. Приведем примеры из арабского: $B\bar{A}IT$ «дом», множественное с собирательным оттенком $BUI\bar{U}T$, отсюда множественное с разделительным оттенком $BUI\bar{U}T\bar{A}T$. Большой успех множественного ломаного будет нам понятен, если мы обратим внимание на русское множественное число с ударенным окончанием $-A/-\bar{Y}$, например, профессора, учителя, джемпера, которое сильно и резко отличается от окончания единственного числа, тогда как множественное число с неударенным окончанием $-I/-\bar{I}$ слишком слабо отличается от единственного числа: профессоры, учителя, джемперы при профессор, учитель, джемпер. Как известно, форма $-A/-\bar{Y}$ постепенно вытесняет форму $-I/-\bar{I}$ и имеет большой успех. Арабам же, у которых понятие цепляется за согласные, а не за согласные с гласными, мало даже ударения на признаке множественности, и они предпочитают более сильное средство — перемену огласовки до неузнаваемости (конечно, по определенным типам в определенных случаях). Следует заметить, что множественное ломаное не делается из единственного какими-нибудь операциями, как пробовали некогда растолковать старые семитологи, а является самостоятельными именами собирательной значимости, как по-русски переписка в смысле «писем», тряпье в смысле «тряпок», знать в смысле «знатных».

§45. Корень. На аморфной стадии корень и слово — одно и то же, но слово разлагается на основу и прилепы. На флективной стадии, при внешней флексии, корень мыслим лишь как абстракция основы (обобщение главной составной части слова), а при внутренней флексии корень абстрагируется в виде группы согласных, хотя бы отдельно и непроизносимой, например, рус:

ВЗ в *везу/воз*, *МР* в *мру/умер/мор*. При расщеплении корня, как *ГР* в *жар/гореть*, *КС* в *чесать/коса*, *БД* в *бодрый/блюсти/будить*, обобщение корня возможно лишь в виде исторической абстракции, так как фактически общего корня уже нет (и в сознании говорящего не мыслится взаимопринадлежность столь разных слов, как, например, «начало» и «конец», где был общий корень *КН*). В семитских языках расщепление корня на данной стадии развития составляет редкость; семитский корень обычно составляет постоянную группу согласных, связанную с тем же самым значением при любом оформлении¹⁰⁴, например, *СЛМ* в *‘ИСЛЯМ, МУСЛИМ, СЭЛЯМ...* Подавляющее большинство семитских корней состоит из трех согласных¹⁰⁵; лишь меньшинство имеет два или четыре, или пять. Если один из коренных согласных «полугласный» (*Й* или *Ў*), корень будет колебаться между двухсогласным и трехсогласным, например, *КУМ* ‘встань’ / *КАУУИМ* или *КАВВИМ* ‘поставь’ (по происхождению такие корни большей частью действительно двухсогласны). Ведущая трехсогласность семитского корня заставляет двухсогласные корни приспособляться к нормам «трехсогласной грамматики», и добавочный «полугласный» может оказаться и закрепиться на первом, втором или третьем месте корня (или еще возможность: последовать типу корней с одинаковостью второго и третьего коренного, т.е. с результатом сокращения повтора двухсогласного корня, как *РФРФ* – *РФФ*); так, имеем *ЙХМ, ХЙМ, ХМЙ, ХММ* нередко в одном значении «горячий». При таком многообразии возможностей закрепление одной из форм является делом подбора, сущность которого недостаточно исследована, но факт которого хорошо известен из борьбы вариантов во всех изучавшихся языках. Трехсогласный корень делится на ведущую пару согласных (ячейку) и третий дополнительный согласный, который может закрепиться на любом месте корня. При сравнении ряда корневых вариантов¹⁰⁶ сразу видно, какие два согласных постоянны при данном общем значении и какой согласный в каком корне является добавочным, т.е. не вносит серьезных перемен в общее объединяющее значение всего ряда (корневых же вариантов в семитских языках очень много). Мало того, согласные в корневых вариантах могут чередоваться в пределах того же речевого органа, например губные между собой, переднеязычные между собой, заднеязычные и гортанные между собой. Заметим, что арабское *ДЖ* является эквивалентом *Г* и потому чередуется с заднеязычными и гортанными согласными. Существует немало теорий семитского корня, но проблема еще до конца не исчерпана и представляет много нерешенных трудностей. Результаты наших исследований корня и его вариантов уже частично сообщались в § 23 и 24 (примеры на корневые варианты и чередования согласных). Дальнейшее см. в моей «Грамматике литературного арабского языка».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Schlözer A.L. Eichkorns Repert. Bd 8, с.161.

² В настоящее время сравнительно-историческое изучение семитских и афразийских (семито-хамитских) языков на основе новых материалов глоттохронологии и исторической лексико-статистики позволило расширить и уточнить генеалогическую классификацию семитских языков и их подгруппировок. См.: Дьяконов И.М. Семито-хамитские языки. М., 1965; он же. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 179–425; Дьяконов И.М., Порхомовский В.Я. О принципах афразийской реконструкции. – Вальсаниа. Лингвистические исследования, М., 1979, с. 72–78; Языки Азии и Африки. Т. IV, кн.1, 2. Афразийские языки. М., 1991; Милитарев А.Ю. Сравнительно-историческое афразийское языкознание: что оно может дать исторической науке? – ЛРДИВ. Ч. 3, с.7; Приложение. – Там же, с.44; он же. Хронология разделения афразийских языков. – Проблемы лингвогенеза: сравнительно-историческое языкознание и глоттохронология (в печ.); Порхомовский В.Я. Афразийские языки. – Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1982; Diakonoff I.M. Afrasian Languages. М., 1988; Petráček K. Altägyptisch, Hamitosemitisch und ihre Beziehungen zu einigen Sprachfamilien in Afrika und Asien. Vergleichende Studien. Praha, 1988; см. также: Bender M.L. Toward a Lexicostatistic Classification of Ethiopian Languages. – Hamito-Semita. The Hague–Paris, 1975, с.377–389; Rabin Ch. Lexicostatistics and the Internal Division of Semitic. – Hamito-Semita. The Hague–Paris, 1975, с.85–103; Goldenberg Y. The Semitic Languages of Ethiopia and their Classification. – BSO(A)S. 1977, vol. 40, pt. 3, с.461–507; Hetzron R. Ethiopian Semitic Studies in Classification. – JSS. Monogr. 2, 1972; Hudson G. Language Classification and the Semitic Prehistory of Ethiopia. – Folia Orientalia. Т. 18, 1977; также см.: Семитские языки. – ЛЭС, с. 442–443.

³ Как уже говорилось в предисловии, Н.В.Юшманов не называет данную классификацию «генетической». Тем не менее эта классификация в основном отражает генетическую классификацию семитских языков, принятую в классической семитологии. Некоторые различия в группировке обусловлены различными языковыми признаками, положенными в основу классификации. Так, в классификации К.Брокельмана:

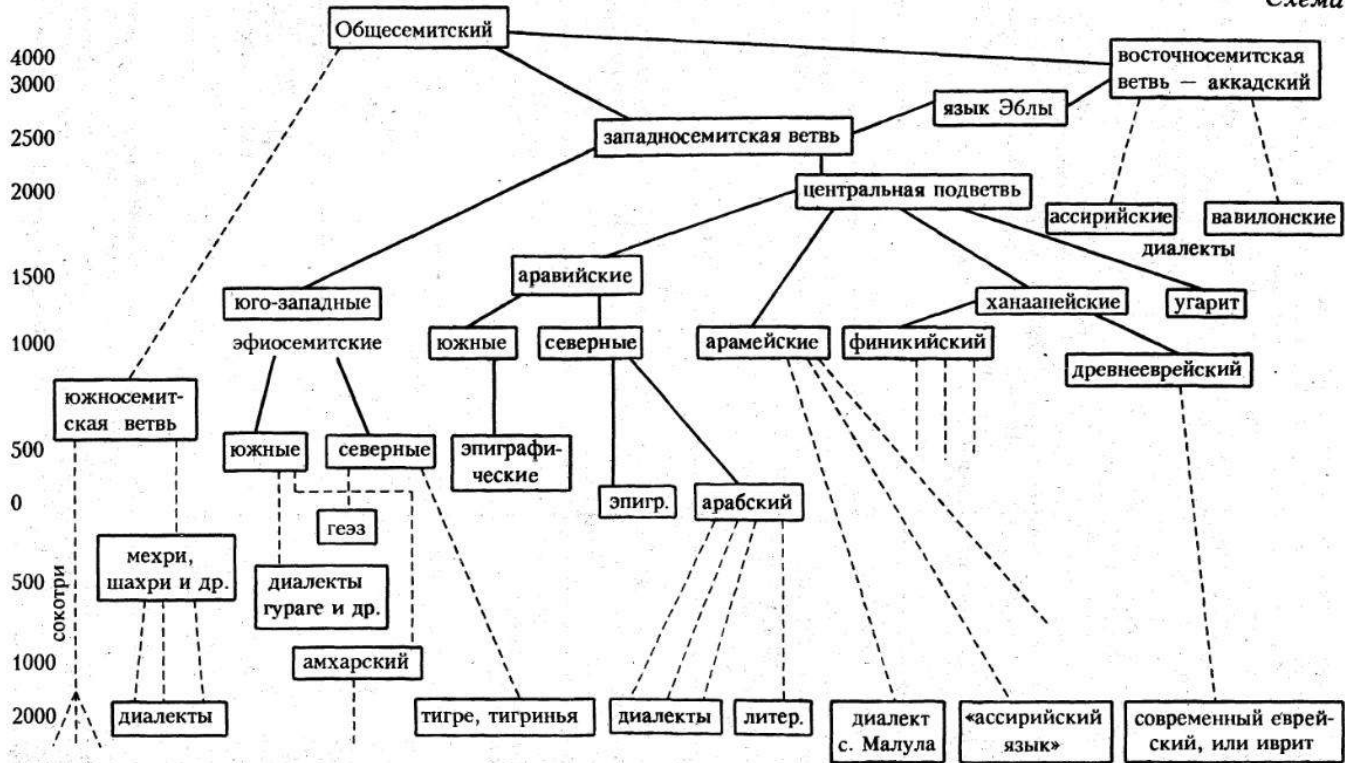
«ассиро-вавилонский» противопоставлен как «восточный» всем западным семитским на основании единственной для него системы глагольного спряжения (при редукции общесемитской фонологической системы); северо-западные и юго-западные семитские противопоставлены по отсутствию—наличию форм «ломаного множественного», III породы («А-основы») (хотя для группы амхарского и южно-эфиопских формы ломаного множественного не характерны), по некоторой лексической близости (*Brockelmann C. Semitische Sprachwissenschaft. 2. Aufl. Lpz., 1916, с.21–48, ср. аналогичную классификацию у Б.М.Гранде (Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972, с.6).*

Новая классификация семитских языков, предлагаемая И.М.Дьяконовым (Семито-хамитские языки..., с.9–10; Языки древней Передней Азии..., с.184–186; *Afrasian Languages...*, с. 17–18), опирается не только на степень близости генетических признаков (именная морфология, глагольная морфология и система местоимений), но и на диахронические признаки (степень архаичности, редукции или инновации фонологических систем, внешней флексии глаголов и имен), представляющие древнюю, среднюю и позднюю стадии:

Генетическая близость		Стадия		
		древняя	средняя	поздняя
Севернопериферийные (восточные, северо-восточные)		аккадский	поздне-вавилонский	
Североцентральные (северо-западные)		эблаит ханаанский аморейский угаритский	древне-еврейский, финикийский арамейские	иврит новоарамейские диалекты
Южноцентральные (юго-западные)		арабский (классический и современный литературный)		арабские диалекты, мальтийский
Южно-периферийные	южные	эпиграфические: сабейский, минейский, катабанский		мехри, шахри, харсуси, сокотри
	эфиосемитские		гезз	(?) тигре, тигринья; (?) амхарский, аргобба, гураге

Генетическая классификация А.Ю.Милитарева, разрабатываемая в последние годы (схемы генетической классификации и разделения афразийской семьи языков. — ЯАА. Т. IV, кн. 2. Приложение), опирается на данные глоттохронологии и по степени лексико-статистической близости семитских языков представляет хронологию распада семитской языковой общности (здесь приводится в сокращенном виде):

Схема

По хронологии разделения («чисто генетический» принцип) первое противопоставление «северносемитские—южносемитские» получает значение, коренным образом отличное от классической схемы, построенной главным образом на морфологических признаках.

⁴ Язык надписей из местности Рас-Шамра в Сирии в настоящее время известен как угаритский язык. Место этого языка среди языков северо-западной группы до сих пор спорно, см.: *Segeert S.* Угаритский язык. М., 1965 (1.6, 1.9, 1.16, 1.17); *Segeert S.A.* A Basic Grammar of the Ugaritic Language. Berkeley, Univ. of California Press, 1984; *Ugarit-Forschungen.* Bd.13, Kevelaer, Neukirchen-Vluyn, 1981; Bd.15, 1983.

О вновь открытых семитских языках см. сб. «Древняя Эбла (раскопки в Сирии)». Под общ. ред. и закл. ст. И.М.Дьяконова. М., 1985.

⁵ Об арамейских диалектах см.: *Церетели К.Г.* Современный ассирийский язык. М., 1964; *он же.* Арамейский язык. Тб., 1982 (разд. II. Новоарамейский, с.180—205).

⁶ По последним статистическим данным, количество арабоязычного населения составляет свыше 190 млн. человек.

⁷ В настоящее время представление о том, что это южноарабские диалекты, т.е. диалекты южноарабского эпиграфического (сабейского, минейского и др.), оспаривается. Последние исследования отечественных и зарубежных семитологов свидетельствуют о том, что эти языки представляют собой самостоятельную южносемитскую ветвь (см. комментарий к «Классификации...»), отделившуюся от прасемитского (общесемитского) одновременно с общесеверносемитским (или ранее), тогда как южноарабские эпиграфические языки и северноарабский восходят к последнему, см.: *Милитарев А.Ю.* Происхождение корней со значением «творить, создавать» в афразийских языках. — ПППИКНВ. Ч.III, с.79 (табл.); *он же.* Схемы генетической классификации...

Общую характеристику южноарабских языков в отечественной литературе см.: *Наумкин В.В., Порхомовский В.Я.* Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., 1981. Список основных исследований по отдельным языкам: *Jahn A.* Grammatik der Mehri-Sprache in Südarabien. Wien, 1905; *Lestau W.* Lexique soqotri. P., 1936; *Johnstone T.M.* The Harsusi-English Lexicon. L., 1977; *он же.* Jibbali Lexicon. L., 1981; *он же.* The Modern South Arabian Languages. — AAL. Vol.I, issue 5; *он же.* Mehri Lexicon and English-Mehri Word-list. L., 1987.

⁸ «Сокотри — язык земледельцев, скотоводов и рыболовов о-вов Сокотра и Абд эль-Кури» (Языки Азии и Африки. Т.IV, кн.1, с.389).

⁹ Как показывают современные экспедиции, внутренние горные районы о-ва Сокотры почти не затронуты арабским влиянием (см.: Очерки по этнолингвистике Сокотры, с.4).

¹⁰ В настоящее время «абиссинские диалекты» рассматриваются как языки южноэфиопские (амхарский, харари, гураге и др.) и северноэфиопские (тигре, тигринья).

¹¹ В настоящее время шоанский диалект выделяется как один из территориальных амхарских диалектов; это столичный диалект, являющийся основой литературного амхарского языка, см.: *Титов Е.Г.* Современный амхарский язык. М., 1971, с.11; *он же.* Грамматика амхарского языка. М., 1991.

¹² В настоящее время Эритрея является самостоятельным государством. Расположена вдоль побережья Красного моря.

¹³ Новоеврейский, или язык иврит, — современный еврейский язык, сложившийся на базе древнееврейского языка. Является официальным языком Государства Израиль. См. последние работы: Иврит-русский словарь. Сост. Ф.Л.Шапиро. М., 1963; *Гранде Б.М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972, с.24—31; *Корниенко Ю.М.* Морфология словообразования и словоизменения современного еврейского языка (иврит). Автореф. канд. дис. Тб., 1982;

Церетели К.Г. Об употреблении термина «иврит» в научной литературе. — Семитологические штудии. Тб., 1983; *Айхенвальд А.Ю.* Язык иврит. М., 1991.

¹⁴ Идиш — язык восточноевропейских евреев, определяемый как немецкий диалект, креолизованный в результате сильного влияния иврита (*Занд М.И.* Идиш как субстрат современного иврита. — Семитские языки. Вып. 2, ч.1. М., 1965, с.222).

¹⁵ Шпаньоль, или спаньоль, ладино, — язык западноевропейских евреев, сложившийся на испано-португальской основе на территории Пиренейского п-ова. В настоящее время распространен в различных районах Средиземноморья.

¹⁶ В настоящее время в арабском языкознании выделяются две исторические формы (или этапа) арабского языка: классический арабский и современный литературный арабский. Последний определяется как язык новоарабской литературы, активно развивающийся с XIX в., язык прессы, науки и официальной сферы информации и коммуникации. См.: *Шарбатов Г.Ш.* Современный арабский язык. М., 1961; *Шагаль В.Э.* Языковой аспект национальных процессов в арабских странах. М., 1987, гл. II, III; *Шарбатов Г.Ш.* Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки. — ЯАА: Т. IV, кн. 1, §1.

¹⁷ Н.В.Юшманов, используя марровский термин «скрещение», толкует его как результат воздействия на семитские языки контактирующих с ними древних и современных языков: как явления субстрата («подпочва») и суперстрата («надпочва»). В настоящее время под скрещением (скрещиванием, гибридизацией) понимается образование пиджинов и креольских языков; см. например: *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с.417; *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960, с.272; *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., 1987, §220, 255.

¹⁸ Здесь и далее Н.В.Юшманов, как было сказано выше, избегает термина, указывающего на генетическое родство семитских языков, оставляя лишь их наименование «семитские» в противоположность неродственным («несемитским») языкам. Однако в данной конкретной фразе противопоставление шумерского как агглютинирующего языка «семитской системе», возможно, имеет и некоторое типологическое значение, где под «семитской системой» подразумевается преимущественно флективный морфологический тип языков семитской семьи.

Результаты последних исследований о древнейших контактах древних семитских языков см.: *Милитарев А.Ю.* Афразийско-шумерские лексические связи. — ЛРДИВ. Ч.1; *Милитарев А.Ю., Старостин С.А.* Общая афразийско-северокавказская лексика. — Там же. Ч.3; *Милитарев А.Ю., Шнирельман В.А.* К проблеме локализации древнейших афразийцев. — Там же. Ч.1; *Ковалев А.А., Милитарев А.Ю.* Шумеры и семиты: встреча равновеликих культур. — Восток — Ориент. 1993, № 5; *Милитарев А.Ю.* Шумеры и афразийцы. — ВДИ. 1995, № 2.

¹⁹ О древнейших и более поздних контактах эфиосемитских языков, о степени влияния на них «несемитских» кушитских языков Восточной Африки см.: *Титов Е.Г.* Об особенностях амхарского языка в сравнении с некоторыми другими семитскими языками. — Африканский этнографический сборник. III. Языкознание. М.—Л., 1959, с.169—183; *Leslau W.* The Influence of Cushitic on the Semitic Languages of Ethiopia (a Problem of Substratum). — Word. 1945, № 1; *Moreno M.M.* L'azione del Cuscitico sul sistema morfologico delle lingue semitiche dell'Etiopia. — Rassegna di Studi Etiopici. Vol.VII, fasc.II, 1948; *Bryan M.A.* The Distribution of the Semitic and Cushitic Languages of the Africa. L., 1948; *он же.* The T/K Languages. A New Substratum. — Africa. XXXIX, 1, 1959; *Brockelmann C.* Abessinische Studien (I. Kuschitische Lehnwörter in den neuabessinische). — Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Klasse. Bd.97, H.4. B., 1950; *Leslau W.* The Influence of Sidamo on the Ethiopic Languages of Gurage. — Language. 28, 1952; *он же.* Cushitic Loanwords in Gurage. —

Ethiopian Studies. Rotterdam-Boston, 1986; *Титов Е.Г.* Амхарский язык. — ЯАА. Т. IV, кн.1.

О древних южноаравийско-кушитских языковых контактах подготовлены исследования для материалов II—III международных конференций по кушитским языкам (Турин, 1989; Берлин, 1994) (в печ.).

О семито-иранских языковых контактах см. «Ирано-афразийские языковые контакты». М., 1987.

²⁰ Название «айсорский» в качестве научного в настоящее время не употребляется; «айсорские диалекты», по терминологии Н.В.Юшманова, входят в современный ассирийский язык; по поводу названия и о самом языке см.: *Церетели К.Г.* Современный ассирийский язык. М., 1964.

²¹ Относительно субстратов в арабских диалектах см. общие работы: *Заводовский Ю.Н.* Лексический субстрат в арабских диалектах Северной Африки. — Языки Африки. Вопросы структуры, истории и типологии. М., 1966; *он же.* Зинджский субстрат в Северной Африке. — Семитские языки. Вып. 2, ч.1. М., 1965; *Diem W.* Studien zur Frage des Substrats im Arabischen. — Islam. Bd.56, № 1. В., 1979.

²² В арабском языкознании смешанный итальянско-арабский диалект обозначается как «мальтийский язык». Н.В.Юшманов занимался изучением мальтийского, о чем свидетельствуют его черновики и ряд материалов на мальтийском языке. Основные работы: *Stumme H.* Maltesische Studien. Lpz., 1904; *Sutcliffe A.* Grammar of the Maltese Language. L., 1936; *Schabert P.* Laut- und Formenlehre des Maltesischen an Hand zweien Mundarten. Erlangen, 1976; *Aquilina J.* A Survey of Contemporary Dialectal Maltese. Leeds, 1981.

²³ Первую лингвистическую оценку таджикско-арабский диалект получил у Н.В.Юшманова (Арабское наречие Советского Востока. — Культура и письменность Востока. Кн.Х. М., 1931); в дальнейшем и по настоящее время изучается советскими арабистами и семитологами; выделены бухарский и кашкадарьинский диалекты. См. основные работы по бухарскому диалекту: *Церетели Г.В.* Арабские диалекты Средней Азии. Тб., 1956; *Винников И.Н.* Язык и фольклор бухарских арабов. М., 1969; *Ахведиани Г.* Бухарский арабский диалект. Тб., 1985; по кашкадарьинскому диалекту: *Чиковани Г.Г.* Морфологическая структура кашкадарьинского диалекта арабского языка. Автореф. канд. дис. Тб., 1988.

В последние десятилетия работа по изучению и описанию современных арабских диалектов ведется в Институте востоковедения РАН под рук. проф. Г.Ш.Шарбатова, в Военном Университете МО под руководством проф. Э.Н.Мишкурова.

²⁴ Более поздние исследования показывают, что хотя «кушитский слой лексики в амхарском языке составляет довольно значительный пласт...» (*Титов Е.Г.* Современный амхарский язык, с.43), семитский пласт лексики в амхарском во много превышает 40% (см.: *Bender M.L.* Toward a Lexicostatistic Classification of Ethiopian Languages. — Hamito-Semita. The Hague-Paris, 1975, с.377—389; *Appleyard D.L.* A Comparative Approach to the Amharic Lexicon. — AAL. 5/2, 1977).

²⁵ В настоящее время в большинстве арабских стран, в Израиле и Эфиопии ведется интенсивная научно-исследовательская работа по изучению структуры и истории живых семитских языков, существуют специальные научные центры, периодические издания, академии (в арабских странах), центры при университетах. По вопросу о современном состоянии арабского языкознания см.: *Белова А.Г.* Проблемы арабского языкознания. — Семитские языки. Вып.3. М., 1976, с.224—244; *Шарбатов Г.Ш.* Арабский литературный язык... — ЯАА. Т. IV, кн.1, с.257—258. По другим семитским языкам: *Шифман И.Ш.* Современный иврит. — Там же, с.156—158; *Титов Е.Г.* Амхарский язык. — Там же, с.360—361; также см.: *Айхенвальд А.Ю.* Современный иврит. М., 1990, с.8—20.

²⁶ О грамматической арабской традиции см. общие работы: *Гиргас В.Ф.* Очерк грамматической системы арабов. СПб., 1873; *Габучан Г.М.* К вопросу об арабских грамматических учениях. — Семитские языки. Вып. 1. М., 1963; *Амирова Т.А., Ольховиков Г.А., Рождественский Ю.В.* Очерки по истории лингвистики. М., 1975, с.146—162; *Ахведиани В.Г.* Арабское языкознание средних веков. — История лингвистических учений. Л., 1981; *Fleisch H.* Esquisse d'un historique de la grammaire arabe. — Arabica. Vol.4, 1957; *Weil G.* Die Grammatischen Schulen von Kufa und Basra. Leiden, 1964; *Carter M.G.* Les origines de la grammaire arabe. — Revue des études islamiques. Vol.40, 1972; о некоторых методах арабской грамматической традиции см.: *Фролов Д.В.* Способы определения понятий в традиционной арабской грамматике. — Проблемы арабской культуры. М., 1987.

О методах арабской национальной лексикографии см.: *Рыбалкин В.С.* Арабская лексикографическая традиция. Киев, 1990.

²⁷ О том, что еврейская грамматическая традиция и грамматические школы сложились еще до X в. н.э., свидетельствуют следующие работы: *Зислин М.Н.* Восточная школа еврейских грамматиков в X—XII вв. — Семитские языки. Вып.2, ч.1. М., 1965, с.249; *Старкова К.Б.* Арабский язык и литература в оценке еврейских средневековых писателей. — Проблемы арабской культуры. М., 1987, с. 326. См. также общие работы по истории еврейской грамматической традиции: *Bacher W.* Die hebräische Sprachwissenschaft von X. bis XIV. Jahrhundert. Lpz., 1892; *он же.* Die Anfänge der hebräischen Grammatik. — ZDMG. Bd 49, 1899.

О лингвистических концепциях средневековых еврейских грамматиков см. также: *Айхенвальд А.Ю.* Проблемы фонологии и морфонологии в представлении еврейских грамматиков (на материале источников IX—XII вв.). — Лингвистические традиции в странах Востока. Материалы рабочего совещания. М., 1988; *History of Linguistics in the Near East.* Amsterdam, 1983.

²⁸ О сирийской филологической традиции см.: *Рылова Р.Г.* Грамматика сирийского языка Ильи Тирханского XI в. — ПС. Вып. 14 (77). М., 1965; также общие работы: *Пигулевская Н.В.* Сирийская культура средних веков и ее историческое значение; *она же.* Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976; *Церетели К.Г.* Сирийский язык. М., 1979; *он же.* Арамейский язык. — Тб., 1982.

²⁹ Более подробно о развитии арабского языкознания в Европе и России см.: *Крачковский И.Ю.* Предисловие. — *Юшманов Н.В.* Грамматика литературного арабского языка. Изд. 3-е, с.10—20; *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950; *он же.* Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955; *Fück J.* Die Arabischen Studien in Europa. Lpz., 1955; *Шарбатов Г.Ш.* Арабистика в СССР. М., 1959, а также материалы пленарных докладов по семитологии и арабскому языкознанию (Семитские языки. Вып.2, ч.1. М., 1965; Современное состояние восточного языкознания в СССР. — Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч.1. М., 1982; ВЯ. 1979, № 1); см. также соответствующие статьи в ЛЭС (М., 1990).

³⁰ *Iov Ludolf.* Grammatica Aethiopica. Francofurti ad Moenum, 1702; *он же.* Grammatica linguae Amharicae. Francofurti ad Moenum, 1698.

³¹ Новые материалы по южноарабским эпиграфическим языкам дают экспедиции в Южной Аравии, в том числе российская комплексная экспедиция (с 1993 г., в 1983—1991 гг. — советско-йеменская), работающая на территории Йемена; новые материалы по североаравийским эпиграфическим языкам (протоарабскому) дают дешифровки и публикации наскальных надписей Северной Аравии, Южной Сирии, Иордании, Ирака, см.: *Бауэр Г.М.* Язык южноаравийской письменности. М., 1966; *Белова А.Г.* Историческая морфология арабского языка (по эпиграфическим материалам доисламского периода). М., 1994, а также работы В.Каскела, Л.Хардинга, А.Жамма, Е.Кнауфа, Ф.Т.Милика, Ф.В.Виннета, М.Кроппа, К.Робэна, современных арабских ученых. Новый материал дают памятники курсивного письма из Южной Аравии.

³² САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты – прежнее название США.

³³ После второй мировой войны активное изучение и описание живых арабских диалектов, подготовка по ним практических пособий продолжается и расширяется, осуществляется не только в бывших метрополиях, но и во всех государствах, связанных с арабским миром. См. некоторые учебные пособия, самоучители и грамматики по основным арабским диалектам: *Kuhnt E. Syrisch-Arabischer Sprachführer*. Wiesbaden, 1958; *Cowell M.W. A Reference Grammar of Syrian Arabic*. Wash., 1964; *Wagoner M.Y. Spoken Iraqi Arabic*. N.Y., 1949; *Guirk Mc.R. Colloquial Arabic of Egypt*. London-Boston, 1986; *Harell R.S. A Basic Course in Moroccan Arabic*. Wash., 1965; *Singer H.R. Handbuch des Tunisischen*. Bd.1. В., 1978; *Aquilina J. Teach Yourself Maltese*. L., 1965; *Abu Absi S., Sinaud A. Spoken Chad Arabic*. Bloomington, 1966; *Trimingham J.S. Sudan Colloquial Arabic*. L., 1946; *Qafischeh H.A. A Basic Course in Gulf Arabic*. Univ. of Arizona Press, 1975; *Малаяров Ю.И., Мишукров Э.Н. Учебник арабского диалектного языка Ливии*. М., 1980; *Zaborski A. Dialekt egypski języka arabskiego*. Kraków, 1982 и многие другие.

³⁴ Об использовании семитских языков как языков культовых и их преподавании в настоящее время см. справочник «Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика». М., 1986, соответствующие разделы в очерках по семитским языкам из серии «Языки Азии и Африки» (М., «Наука»), а также: *Шагаль В.Э. Языковой аспект национальных процессов в арабских странах*. М., 1987.

³⁵ Критическая и негативная оценка методологии семитского языкознания к 30-м годам XX в. дается с позиций нового учения о языке Н.Я.Марра. Вместе с тем автор справедливо отмечает слабые места семитологической области компаративистики, переносившей индоевропейскую схему на материал семитских языков.

В настоящее время развитие сравнительно-исторического языкознания в области неиндоевропейских языков, методов внутренней и внешней реконструкции и глоттохронологии позволяет говорить о языке-основе, праязыке, предке, к которому восходят генетически родственные языки. На том же основании в современном семитском и афразийском языкознании утверждается понятие общесемитского (или прасемитского) языка и более дальнего, общеафразийского, предка.

Разносторонние интересы в области типологии языков позволили Н.В.Юшманову дать справедливую критику «имманентно семитских» особенностей фонетической системы семитских языков. В настоящее время генетическое родство языков ни в коей мере не отождествляется с родством кровным, расовым.

³⁶ За прошедшие полвека семитская диалектология, в частности изучение арабских и арамейских диалектов, а также общее семитское языкознание, включившее в круг своих интересов живые языки Южной Аравии, о-ва Сокотры и Эфиопии, обогатились научными описаниями как отдельных диалектов и языков, так и сравнительными исследованиями, специальными лексикографическими работами и двуязычными словарями. Во многих востоковедных центрах бывшего Советского Союза – Москве и Ташкенте, Ленинграде и Тбилиси, в Душанбе и Баку – ведутся планомерные исследования отдельных арамейских и арабских диалектов Сирии, Ирака, Египта, Судана, прилегающих районов оз. Чад, Северной Африки, Аравийского п-ова и арабских диалектов Средней Азии, а также обобщающие и сравнительные исследования по арабской диалектологии. Часть работ упоминалась в предыдущих комментариях. Перечисление всех изданий по частным и общим вопросам арабской и семитской диалектологии потребует приложения специальной библиографии.

³⁷ В результате сотрудничества лингвистов, историков, археологов намечаются реальные историко-географические границы прародины носителей языка, например общеиндоевропейского, общеафразийского, см.: *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.1, II. Тб., 1984. Более подробно о проблеме прародины афразийских народов и о существующих гипотезах в отечественном языкознании см.: *Дьяконов И.М.* Лингвистические данные к истории древнейших носителей афразийских языков. — *Africana. Африканский этнографический сборник.* X. Л., 1975; *Милитарев А.Ю., Шнирельман В.А.* К проблеме локализации древнейших афразийцев: опыт лингвоархеологической реконструкции. — *ЛРДИВ.* Ч.2; *Милитарев А.* Какими юными мы были двенадцать тысяч лет назад?! — *Знание — сила.* 1989, № 3; *Diakonoff I.M.* The Early Semites in Asia. — *Altorientalische Forschungen.* IX. В., 1981.

³⁸ См. подробнее: *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950; *Шарбатов Г.Ш.* Арабистика в СССР (1917—1959). Филология. М., 1959; Современное состояние восточного языкознания в СССР. — Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч.1. М., 1982; см. также о творческом пути акад. И.Ю.Крачковского и российской арабистике его времени: *Долинина А.А.* Невольник долга. СПб., 1994.

³⁹ Итоговые очерки, указанные в коммент. к §16—17, могут свидетельствовать о том, в какой мере задачи, намеченные Н.В.Юшмановым в начале 30-х годов, решены или решаются в отечественной науке.

Кроме того, итоги развития семитологии подводились на всесоюзных семитологических конференциях, на них же формулировались и актуальные задачи науки и преподавания, ср., например: *Струве В.В., Коростовцев М.А.* Семитология как отрасль востоковедения; *Винников И.Н.* Неотложные задачи советской семитологии; *Беляев В.Н.* Современные задачи арабского языкознания в Советском Союзе; *Ковалев А.А.* Основные вопросы лингвистической подготовки арабистов в вузах. — Семитские языки. Вып.2, ч.1. М., 1965; *Шарбатов Г.Ш.* Советская арабистика за 60 лет. — Тезисы докладов III Всесоюзной конференции семитологов (памяти акад. Г.В.Церетели). Тб., 1977.

⁴⁰ В настоящее время отечественная семитология располагает как теоретическими работами по общей семитологии и отдельным семитским языкам, так и учебными пособиями и словарями: по арабскому литературному языку, по отдельным курсам и дисциплинам арабского языкознания, по арабским диалектам, по языкам иврит и амхарскому.

⁴¹ Николай Иванович Ашинов, казачий офицер; в 80-е годы прошлого века провел несколько лет в Абиссинии. Впоследствии вышла его работа «Абиссинская азбука и начальная абиссино-русский словарь». СПб., 1888. О нем см.: *Крачковский И.Ю.* Введение в эфиопскую филологию, с.96. Сам Н.В.Юшманов также коснулся материала, собранного Н.И.Ашиновым, см.: Амхарские записки Н.Ашинова. — *Africana.* Т.1, 1937.

⁴² О разграничении согласных и гласных по функции и по физиолого-акустическим признакам см.: *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. Л., 1960, §93—97.

⁴³ Дифтонги в семитских, и более всего в арабском, название условное: с фонетической точки зрения гласный + полугласный (w/y) образуют дифтонг, однако с фонологической точки зрения в данном отрезке представлено сочетание двух фонем: гласная + полугласная в своей консонантной функции. В семитской фонологической системе дифтонги *aw/ay* не являются самостоятельными фонемами.

⁴⁴ Имеется в виду фонологическая система гласных, противопоставленных по качеству. Фонетические варианты гласных фонем (аллофоны), позиционно обусловленные, представляют более разнообразный инвентарь. В ряде грамматических форм имеется и противопоставление гласных по количественному признаку (по долготе), см. также §25.

45 В течение последнего десятилетия сравнительно-исторические исследования афразийских (семито-хамитских) языков позволяют реконструировать фонологическую систему как общесемитскую, так и более глубоко – общеафразийскую, см.: Дьяконов И.М., Порхомовский В.Я. О принципах афразийской реконструкции. – *Balkanica*..., с.79; СИСАЯ. Вып. I–III; Дьяконов И.М., Милитарев А.Ю., Порхомовский В.Я., Столбова О.В. Общеафразийская фонологическая система. – Африканское историческое языкознание. М., 1986.

Однако вопросы о причинах исторических изменений фонетической и фонологической систем в различных семитских языках, о неравномерности изменения или сохранения отдельных звуков в каждом из них остаются до настоящего времени открытыми. Фактически сравнительно-историческая семитология за прошедшие десятилетия эту проблему именно в таком плане не поднимала. При исторических исследованиях отдельных семитских языков возникает вопрос о роли субстрата, суперстрата или адстрата, влияющих на различные языковые аспекты. Так, некоторые явления относительно позднего времени, например переход межзубных сибилантов *t*, *d*, *ʕ* в зубные смычные в сиропалестинских арабских диалектах, объясняются арамейским субстратом. Действительно, в арамейских языках отсутствуют межзубные, соответствующие арабским классическим. Однако более древние причины этого явления в арамейских остаются неизвестными. См.: Церетели К.Г. Арамейский язык. Тб., 1982, с.129–133; мнение о первичности семитской фонологической системы арамейско-ханаанейского типа и инновационном характере классической арабской системы см., например: Garbini G. *Le lingue semitiche*. – *Studi di storia linguistica*. 2 ed. Napoli, 1984, с.99–103; Petráček K. *Sur le rôle des modalités sonantique dans l'élaboration de la racine en sémitique*. – *Arabica*. T.XXXIV, 1987, с.106–110, а также Коган Л.Е. О нерегулярных рефлексах протосемитских ларингалов в аккадском. – ВДИ. 1995, № 2.

46 Марровское понятие о диффузных звуках Н.В.Юшманов относит к гипотетической характеристике первобытной звуковой речи. Однако понятие «первобытности» остается достаточно нерасчлененным и может быть отнесено к периоду, в настоящее время не поддающемуся реконструкции, ср., например, об этом периоде: Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987, с. 186–188.

47 О характере звуков первобытной речи и о происхождении речи по данным антропологии см.: Бунак В.В. Происхождение речи по данным антропологии. – Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951; он же. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе. – Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966; Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963; он же. Проблема глоттогенеза в современной науке. – Ф.Энгельс и языкознание. М., 1972.

Вместе с тем реконструкция общесемитской системы фонем (ок. V тысячелетия до н.э.) и общеафразийской системы фонем (X–IX тысячелетия до н.э., см., например: СИСАЯ, вып. III, с.4, 79, а также: Милитарев А.Ю. Какими юными мы были двенадцать тысяч лет назад?! – Знание – сила. 1989, № 3) представляют различные фонетические и фонологические системы, отстоящие на большой период от предполагаемого «первобытного диффузного» состояния человеческой речи.

48 Чередование *ǰ/ǰ* в афразийской реконструкции отмечено в позиции одной морфемы.

49 О соответствиях араб. *q/* араб. *d* см. также специальное исследование Н.В.Юшманова: Соответствие арабского *qāḏ* арамейскому *ʕān*. – ДАН-В. Л., 1926; кроме того, вопросу о семитских соответствиях арабскому «гайну» посвящены исследования К.Петрачка. См. его библиографию в упомянутой книге: Garbini G. *Le lingue semitiche*..., с.99, а также исследование современника Н.В.Юшманова: Vilenčik J. Welchen Lautwert hatte (*q*) im Ursemitischen. – OL. XXXIII, 1930.

⁵⁰ Примеры на чередования *ш/л/д* могут отражать результат расщепления латеральной аффрикаты *š/ṣ̌.

⁵¹ О корневых вариантах см. также гипотезу: *Майзель С.С.* Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983.

⁵² Специальное исследование об эмфатических в семитских языках: *Н.В.Юшманов.* Теория эмфатических согласных в семитских языках. – ИАН СССР. Л., 15.IV.1925; см. также соответствующие разделы общих работ по семитской и арабской фонетике.

⁵³ *Reinhardt C.* Ein Arabischen Dialekt Gesprochen in Oman und Zanzibar. – Lehrbücher des Seminars für Orientalischen Sprachen zu Berlin. Vol.13. Stuttgart-Berlin, 1894.

⁵⁴ О явлении так называемой корреляции эмфазы см.: *Заводовский Ю.А.* Корреляция эмфазы в арабских диалектах Магриба. – Восточная филология. № 4. Тб., 1976; *Мишкуроев Э.Н.* Алжирский диалект арабского языка. М., 1982, §6; *Ferguson Ch.A.* The emphatic [l] in Arabic. – Language. Vol. 32, 1956.

⁵⁵ О «садэ» см. новое исследование: *Steiner R.C.* Affricated *sade* in the Semitic Languages. – BSO(A)S. 47, 1984.

⁵⁶ Согласные *Х* и *Г* не могут быть отнесены к эмфатикам ни по способу артикуляции (отсутствует веларизация), ни по фонологической системе: *Х* является глухим коррелятом *айна*; *Г* является звонким коррелятом *Х*, тогда как эмфатики irrelevantны к оппозиции по звонкости/глухости.

⁵⁷ Что касается оппозиции в семитских *а : *э, то в реконструкции обще-семитского вокализма в настоящее время восстанавливаются все три гласные *a : i : u* как в именных корнях, так и в системе падежных окончаний – см. все выпуски СИСАЯ, а также: *Дьяконов И.М.* Общеафразийские именные категории. – СИСАЯ. Вып.3, с.48–51. Явление *i/u < *э* на афразийском уровне подтверждается реконструкцией, однако оппозиция *a : э* в афразийском сохраняется, см.: *Дьяконов И.М., Порхомовский В.Я.* О принципах афразийской реконструкции. – Balcanica..., с.79; *Дьяконов И.М., Милитарев А.Ю., Порхомовский В.Я., Столбова О.В.* Общеафразийская фонологическая система. – Там же, с.11. Результатом сопоставления семитского вокализма с чадским в области именных корней является более сложная система афразийского вокализма: *а, *е, *i, *й, *и, *о, по сравнению с которой трехчленная семитская система *а, *i, *u представляется редуцированной, см.: *Орел В.Э., Столбова О.В.* К реконструкции праафразийского вокализма. – ВЯ. 1988, № 5. О гипотезе прасемитского первичного моновокализма см.: *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965, гл.IV; *он же.* Следы моновокализма в семитских внеграмматических гласных. – КСИНА, № 86, 1965; *он же.* Семитский корень и общелингвистическая теория моновокализма. – Семитские языки. Вып.2, ч.1. М., 1965.

⁵⁸ *Gotthelf Bergsträsser* (1886–1933) – автор сравнительно-исторических исследований в области арабского и семитского языкознания. Его фундаментальный труд в этой области: *Einführung in die Semitischen Sprachen.* München, 1928.

⁵⁹ Фонологическая оппозиция гласных по долготе в настоящее время отмечается в ряде семитских языков, см., например: *Khan G.* The Vocalic Length in Tiberian Hebrew. – JSS. I, 1988. Безусловная оппозиция гласных по долготе представлены в классическом арабском в основах I и III глагольных пород перфекта, ср. *katab-a* 'он писал': *kātab-a* 'он переписывался', та же оппозиция характерна для тех же основ перфекта в пассиве, ср. *kutib-a* : *kūtib-a*. См. также: *Газов-Гинзберг А.М.* Символика краткости-долготы в основах семитских спрягаемых форм. – ПС. Вып.19 (82), 1969.

⁶⁰ Указанное явление наблюдается в ряде современных арабских диалектов. См., например: *Белова А.Г.* Вокалическая структура слова в восточноарабских диалектах. – Семитские языки. Вып.4 (в печ.).

⁶¹ В §20–25 дается фонетическая характеристика семитских фонем и исторические изменения фонетических систем различных семитских языков без разделения на фонетику и фонологию. Фонологические системы семитских языков могут расходиться, так как выделяются на разных основаниях. Так, традиционно в классическом арабском выделяется: 1) 28 согласных фонем и три гласные фонемы, где гласные выделены только на основе оппозиции по качеству; 2) 23 согласные фонемы и шесть гласных фонем, где гласные выделены на основе оппозиций по качеству и количеству; 3) 26 согласных фонем и три гласные, где у/в трактуются как консонантный аллофон кратких *i/u* на основе их дистрибуции. См. по данному вопросу: *Cantineau J. Etudes de linguistique arabe*. P., 1960, с. 193–194, а также работы по общей и сравнительной семитологии: указ. соч. И.М.Дьяконова, А.Ю.Милитарева, Б.М.Гранде, а также: *Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages*. Wiesbaden, 1964; *Grundriss der arabischen Philologie*. Wiesbaden, 1982.

⁶² В настоящее время в ряде стран проводятся экспериментальные фонетические исследования консонантизма и вокализма живых семитских языков, см., в частности: *Kjell Norlin. Acoustic Analysis of Vowels and Diphthongs in Cairo Arabic*. — *General Linguistics, Phonetics Working Papers*. Dep. of Linguistics. Lund Univ., 27, 1984.

⁶³ Огубленные согласные в эфиосемитских, по мнению Н.В.Юшманова, являются вторичными, возникшими в результате редукции («разложения») краткого гласного *u > *wə* или *ō > *wā*. Афразийская реконструкция представляет обратный процесс: лабиовелярные реконструированы в общеафразийской фонологической системе, именно некоторые кушитские и эфиосемитские сохраняют их в своих системах. Напротив, краткий гласный *u* в соответствующих корнях других семитских языков является рефлексом древнего лабиовелярного (Общеафразийская фонологическая система. — Африканское историческое языкознание, с.26; *Afrasian Languages*, с.39).

⁶⁴ В указанных выше работах приведены примеры на «корреляцию эмфазы», см. также: *Завадовский Ю.Н.* Тунисский диалект арабского языка. М., 1979, с.40–41; *Мишхуров Э.Н.* Алжирский диалект арабского языка. М., 1982, §6, с.25–26.

⁶⁵ О сингармонизме в айсорском языке см. также: *Церетели К.Г.* Современный ассирийский язык. М., 1964, с.27–28.

⁶⁶ Араб. 'афлātūn или 'ифлātūn.

⁶⁷ Явление двухсогласного начала слога в начальной позиции наблюдается в восточноаравийских диалектах и в ряде североафриканских диалектов и обусловлено развитием силового ударения, см.: *Brockelmann C.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. I, §43. См. также о слоговой структуре: *Белова А.Г.* Вокалическая структура слога и слова в восточноаравийских диалектах. — Семитские языки. Вып.4 (в печ.).

⁶⁸ Об ударении и слоге в арабском см. в отечественной арабистике работы Б.Н.Ромачева: Вопросы словесного ударения в современном арабском литературном языке. Автореф. канд. дис. М., 1967; Некоторые вопросы словесного ударения в современном арабском литературном языке. — Арабская филология. М., 1967; Две проблемы в исторической акцентологии арабского литературного языка. — Семитские языки. Вып. 3. М., 1976; Некоторые акустические характеристики минимальной просодической единицы в современном арабском литературном языке. — Семитские языки. Вып.2, ч.1. М., 1965; а также: *Harrell R.S.* A Linguistic Analysis of Egyptian Radio Arabic. Contributions to Arabic Linguistics. Harvard Univ. Press. Cambridge, Mass., 1960; *Cantineau J.* Etudes de linguistique arabe. P., 1961; *Fischer W.* Silbenstruktur und Vokalismus in Arabischen. — ZDMG. Bd.117, H.1, 1967, с.30–77; *Lecerf J.* L'accent de mot en arabe d'orient. — Actes du I-er Congrès intern. de linguistique sémitique et chamito-sémitique. The Hague-Paris, 1974, с.322–328.

⁶⁹ Материал других живых семитских языков также свидетельствует об изменении функции ударения, которое в силу ряда причин начинает играть смысло-различительную роль, ср. пример из арабских диалектов (например, египетский), аналогичный айсорскому: *ḡarabu* 'они были', но *ḡarabū* 'они били его', где в результате морфологического переразложения (местоименная клитика *-*hu* теряет свою морфемную границу из-за редукции *-h-* и сливается с гласным окончанием личной формы глагола) смысл различается только передвижением ударения (точнее, ударение передвигается и в литературной конструкции: *ḡarabū* – *ḡarabū-hu*, но благодаря эксплицитно выраженному клитическому местоимению не является единственным смысло-различительным признаком). Из специальных работ см. также: *Dolġopolsky A.B. On Phonemic Stress in Proto-Semitic. – Israel Oriental Studies. VIII, 1978.*

^{69a} По вопросам происхождения и развития семитского письма см.: ЛЭС, с. 375–378.

⁷⁰ *Струве В.В. Происхождение алфавита. Пг., 1923.*

⁷¹ Ал-Халил ал-Азди (712–778) – арабский филолог, род. в Омане. Современник и учитель Сибавейхи и ал-Асма'и, скончался в Басре.

⁷² Сибавейхи (или Сибавейх) – Абу Бишр Амр ибн Осман Сибавейхи, род. в Басре (ум. в 770 г.). Считается основоположником арабской грамматической науки, родоначальник басрийской грамматической школы, его сочинение известно под общим названием «Китаб» («Книга»).

⁷³ Дополнительную информацию к материалам §29–30 см. в: *Гельб И. Западноевропейский силлабарий. – Тайны древних письмен. М., 1976; Фридрих И. История письма. М., 1979, гл. I, III.*

⁷⁴ В настоящее время исследователи выделили большее количество традиций вокализации древнееврейской Библии.

⁷⁵ Как отмечает А.Ю.Айхенвальд, в древнееврейских и сирийских текстах могут использоваться в качестве знаков препинания акцентные знаки, см.: *Айхенвальд А.Ю. О функциях акцентных знаков в Ветхом Завете (в печ.), а также: Segal J.B. The Diacritical Point and Accents in Syriac. L., 1956.*

⁷⁶ Следует отметить, что Н.В.Юшманов на протяжении 30-х – начала 40-х годов активно работал в области проблем транслитерации и транскрипции различных систем письма, особенно письменностей, созданных на иной основе, чем латинская. Ряд его работ по этим вопросам был опубликован: Опыт всемирного алфавита. – Культура и письменность Востока... Кн.4. 1929; Проблема оформления европейских собственных имен и научно-технических терминов в латинизированных языках СССР. – Революция и письменность. 1932, № 1–2; Справочник по транскрипции. – Революция и письменность. 1932, № 4–5; Латинизированный Коран. – Там же; Проблема алфавитного порядка. – Язык и мышление. 1940, № 9; Проблема названий букв латинского алфавита. – Там же; Ключ к латинским письменностям земного шара. М.–Л., 1941.

⁷⁷ Разработка единой международной системы транскрипции и транслитерации продолжается, см.: *Кямилев С.Х. Возможный подход к унификации транскрипции. – Семитские языки. Вып.3. М., 1976, с.260–273. Практическая транслитерация для оформления международной документации разрабатывается для иврита, арабского и других языков с соответствующими шрифтами в Международной организации по стандартизации (International Organization for Standardization); см.: *Церетели К.Г. К вопросу о транслитерации и транскрипции семитоязычных текстов. – Семитская филология. Тб., 1987, с.187–202.**

⁷⁸ Об аналитическом алфавите акад. Н.Я.Марра см.: *Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960, §291. После 30-х годов аналитический алфавит вышел из употребления.*

⁷⁹ Понятие «стадий» в историческом развитии языков в данном тексте эклектично: является отголоском первых попыток исторического языкознания обнаружить общие структурно-типологические закономерности в развитии языка и

отражением марровского учения о «стадиальном» развитии языка. Однако последнее положение Н.В.Юшманов принимает не полностью: он не связывает «стадии» с социально-экономическими отношениями носителей языков, а ограничивает лишь выделением в семитских языках структурно-типологических признаков, которые, по его мнению, могут соответствовать «аморфно-синтетической», «агглютинативной» и «флективной» стадиям. В своей трактовке автор фактически придерживается того взгляда, что с типологической точки зрения семитские языки, особенно арабский, не представляют собой «чистый» тип, но в их грамматической системе, главным образом в структуре слова, имеются элементы как фузионно-флективные, так и агглютинативные в способах оформления связи, как элементы синтетизма, так и аналитизма. В этом отношении типологическая характеристика, данная Н.В.Юшмановым, во многом соответствует точке зрения, принятой в общем и семитском языкознании. Ср. оценку Ф.Ф.Фортунатова семитских языков как флективно-агглютинативных (*Реформатский А.А. Введение в языкознание*, с.458; также: *Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии. — Языковые универсалии и лингвистическая типология*. М., 1969; *Мишкuroв Э.Н. Типологическая характеристика арабского языка*. М., 1977). Изменения в морфологической и фонетической системах живых семитских языков позволяют исследователям говорить также и об изменении их структурно-типологических признаков и строя, особенно на материале арабских диалектов. См., например, наблюдения о развитии фузионных явлений в морфологии, с одной стороны, и явлений аналитизма — с другой: *Шарбатов Г.Ш. Об аналитичности строя современных арабских диалектов. — Доклады XXV МКВ*. М., 1960; *он же. Современный арабский язык*. М., 1961; *он же. Проблема соотношения арабского литературного языка и современных арабских диалектов. — Семитские языки*. Вып.2, ч.1. М., 1965; *Завадовский Ю.Н. Типология арабских диалектов Магриба. — Семитские языки*. Вып.2, ч.2. М., 1965; *Мишкuroв Э.Н. Арабские диалектные и литературные языки как объекты типологического анализа. — Тезисы дискуссии «Типология как раздел языкознания»*. М., 1976; *он же. Типология диалектного и литературного грамматического строя современного арабского языка*. Докт. дис. М., 1985; *Мишкuroв Э.Н., Рауфова А.Г. Морфологический строй современного арабского языка*. Ташкент, 1992.

Что касается исторической последовательности развития структурно-типологических признаков семитских языков и их изменений, то современное сравнительно-историческое изучение афразийских языков, опираясь на степень архаичности и модификации фонологической и морфологической систем каждого из афразийских языков (в частности, семитских), использует понятие «стадий» — древней, средней и поздней, которые определяются не только хронологией, но и степенью изменений или консерватизма указанных систем (см., например: *Diakonoff I.M. Afrasian Languages...*, с.17–18). Одновременно афразийские исследования свидетельствуют об отсутствии типологически «чистых» стадий в их развитии. Для наиболее глубокого периода — «общеафразийского состояния» — реконструируется на основе анализа структуры семитского и афразийского слога в составе основы и слова развитый флективный строй. См., например, по этому вопросу: *Дьяконов И.М. Семито-хамитские языки...*, с.52–99; *он же. Языки древней Передней Азии...* Ч.II, гл. V; *он же. Общеафразийские именные категории. — ПППИКНВ*. Ч.III, с.47–62. И напротив, некоторые черты флективного характера (например, склонение, окончание наклонений) многими афразийскими языками, в частности семитскими, утрачиваются уже на средней ступени развития: *Дьяконов И.М. Семито-хамитские языки...*, с.54–63; *он же. Языки древней Передней Азии...*, с.183–189; *он же. Афразийские языки. — ЯАА*. Т. IV, кн.1, §3–14.

⁸⁰ Флективность, в частности явление внутренней флексии, реконструируется не только для прасемитского, но и для более глубокого — афразийского состоя-

ния: мена основ в глагольной системе, в системе именного словообразования и словоизменения.

⁸¹ Понятие «семитской системы языков», часто встречающееся у Н.В.Юшманова, как уже указывалось ранее, является также недостаточно определенным и употребляется в двух значениях (подчас одновременно): 1) как некоторая типологическая характеристика всех семитских языков, имеющих такой типичный признак, как консонантизм корня, тяготеющего к трехсогласному составу; в этом смысле, например, можно понять первую часть предложения «...их схождения, которые именно и дают нам право говорить о семитской системе языков, объединенных общностью строя...»; 2) второе значение, как уже говорилось в предисловии, подразумевает генетическое понятие «семьи семитских языков», ср. вторую часть предложения: «...объединенной общностью строя и основного словарного запаса» (разрядка наша. — А.Б.).

⁸² «Аморфно-синтетическая стадия» развития в настоящее время (см. выше) не реконструируется даже для самого глубокого — общеафразийского (или праафразийского) языка. Попытка «пристроить» ее к историческому развитию семитских языков — дань официальному в то время новому учению о языке.

⁸³ Статус конструктус (лат. status constructus) — особая «сопряженная» форма имени, определяемого следующим за ним другим именем (в языках со склонением — именем в родительном падеже, отсюда еще одно название — «генитивная» конструкция). Сама конструкция в арабском языкознании называется 'idāfa, в ирано-тюркском — изафет.

Н.В.Юшманов трактует здесь особые формы имен status constructus как реликт «допадежной» морфологии. В настоящее время система склонения реконструируется для прасемитского и афразийского, ср.: Дьяконов И.М. *Общеафразийские именные категории.* — ПППИКНВ. Ч. III, № 2, § 3.

Сравнительное изучение status constructus в современных арабских диалектах и классическом языке также свидетельствует в пользу того, что эта конструкция не является отражением «допадежного» состояния.

⁸⁴ Агглютинативный характер внешней флексии, в особенности для литературного арабского языка, в настоящее время подтверждается рядом исследователей, см.: Старинин В.П. *Структура семитского слова.* М., 1963; Мишкуров Э.Н. *Типологическая характеристика арабского языка.* М., 1977.

Вместе с тем, как указывалось выше, явления внутренней флексии являются для семитских языков столь же древними. Асимметрия и параллелизм грамматических способов (агглютинативно-аффиксальных и внутрифлективных) пронизывают морфологические системы семитских языков, известных нам по вокализации, а также многие системы других афразийских языков (берберских, кушитских, чадских).

⁸⁵ О происхождении некоторых форм внутренней флексии из внешней (по терминологии Н.В.Юшманова, прилепы), в частности формы мн. ч., структуры $aC_1C_2\bar{a}C_3$, см.: Greenberg J.H. *The Patterning of Root Morphemes in Semitic.* — Word. 6, 1950, с.162–181; Дьяконов И.М. *Общеафразийские именные категории.* — ПППИКНВ. Ч. III, § 4.

⁸⁶ См. примеч. 3; проблемы реконструкции морфологического и синтаксического строя семитских языков см. также: Дьяконов И.М. *Семито-хамитские языки...; он же. Языки древней Передней Азии...* Ч. I, гл. I; ч. II.

⁸⁷ «Дальнейшие исследования в духе нового учения о языке...» в области отечественного семитского языкознания не последовали, и в более поздние годы, даже до официального отказа от учения Марра, такие попытки не предпринимались.

⁸⁸ «...роды происходят из классов» — так же трактуется происхождение формы грамматического рода и числа в семитских языках в книге Б.М.Гранде «Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении» (М., 1963, §46). И.М.Дьяконов к реликтам классовых показателей также относил как согласные.

вошедшие в консонантный корень, так и суффикс *-at*, показатель женского рода (Общезападные именные категории. — ПППИКНВ. Ч. III, с. 47). Позже Н.В.Юшманов связывает с классными показателями ряд корневых согласных, главным образом в конечной позиции, вошедших позднее в трехгласный или четырехгласный корень (см. его исследование «Структура семитского корня»).

⁸⁹ Исследованию именных классов в языках семьи банту (по Н.В.Юшманову, системы банту) посвящены сборники: Именные классы в языках Африки. М., 1987; Африканская филология. М., 1965, а также монографии: Громова Н.В. Части речи в языках банту и принципы их разграничения. М., 1966; Мьячи-на Е.Н. Язык суахили. М., 1960; Охотина Н.В. Язык зулу. М., 1961; Яковлева И.П. Язык ганда (луганда). М., 1961; Дубнова Е.З. Язык руанда. М., 1979; в сборник «Африканское языкознание» (М., 1963) включены статьи иностранных ученых об именных классах в африканских языках. Среди авторов — К.Мейнхоф, Э.Келер-Мейер, А.Клингенхейбен, Д.Вестерман.

⁹⁰ Hermann Reckendorf (1863–1923), ученик Т.Нельдеке, автор обобщающих работ по арабскому синтаксису. В данном случае имеется в виду статья: Reckendorf H. Der Bau der semitischen Zahlwörter. — ZDMG. 65. 1911. с.550–559.

⁹¹ «...наличие некоторых взаимоотношений между классами и огласовкой...» и далее — о полярности: ср. развитие этой гипотезы (видимо, независимо от более ранней гипотезы Н.В.Юшманова, так как ссылки на его работы отсутствуют) на более широком материале в: Газов-Гинзберг А.М. Символизм прасемитской флексии. Ч. I, гл. 1, 4; ч. II, гл. 1, 2. М., 1974.

⁹² Отнесение более древнего типа спряжения — префиксального — к «аморфно-синтетической стадии» и «первобытной речи» является марровским «перескоком» от исторически засвидетельствованных языковых фактов к невосстановляемому периоду неизвестной глубины древности, что является нарушением сравнительно-исторического метода. Однако сквозь налет нового учения о языке Н.В.Юшманов приводит чисто компаративистский аргумент, обосновывающий общесемитский, более древний, тип префиксального спряжения — «тип семитского имперфекта... свойствен всем современным хамитским языкам, тогда как семитский перфект чужд даже аккадскому...» и т.д. О современной интерпретации происхождения префиксального и суффиксального спряжения см.: Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии... Ч. II, гл. V, §7; Дьяконов И.М., Порхомовский В.Я. О принципах афразийской реконструкции. — Balcanica..., с.77–79; Diakonoff I.M. Afrasian Languages..., с.85–90, а также: Порхомовский В.Я. О принципах сравнительно-исторического изучения бесписьменных и младописьменных языков. — Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. М., 1989.

⁹³ Следует отметить, что в классическом арабском и в арабских диалектах гласный предлога *li* в сочетании со слитным местоимением изменяется на *-a-*: *la-ka* 'у тебя', *la-hu* 'у него' и т.п.

⁹⁴ О развитии категории глагольного времени в афразийских см., например: Diakonoff I.M. Afrasian Languages... Гл. V; он же. Афразийские языки, §13. — ЯАА. Т. IV, кн. 1, с.48–66.

⁹⁵ Понятие вида, принятое в общем языкознании, также не совпадает со значением перфектной формы глагола, которая может передавать незаконченное, длительное, повторяющееся и даже постоянное действие или состояние. По вопросу о терминах и понятиях в отношении определения двух основ арабского глагола в синхронном плане мнения ученых расходятся. См. по этому вопросу замечания Б.М.Гранде в «Курсе арабской грамматики...», с.146–147; о категориальных значениях глагольных основ в арабском см.: Храковский В.С. Система глагольных времен классического арабского языка. — Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. 1960, № 2, вып. 1, с. 118–128; он же. Категориальное значение исходных форм глагола в классическом арабском языке. — НДВШ. Серия филол. наук. 1960, № 2; он же. О характере оппозиции форм *катаба-йак-*

тубу в арабском языке. — КСИНА. 1965, № 86; см. также *Rössler O.* Verbalbau und Verbalflexion in den semitohamitischen Grammatik. — ZDMG. Bd.C, 1950; *Buccellati G.* An Interpretation of the Akkadian Stative as a Nominal Sentence. — JNES. 27, 1, 1968; *Janssens G.* The Semitic Verbal Tense System. — AAL. 2/4, 1975.

⁹⁶ Об апофонии в семитских глагольных формах см.: *Kuryłowicz J.* L'apophonie en sémitique. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1964, chap.I-VIII.

⁹⁷ О глагольном спряжении в аккадском языке... см.: *Дьяконов И.М.* Языки древней Передней Азии... Ч.II, гл.VI; *он же.* Afrasian Languages... Гл.V, §42; *он же.* Аккадский язык, §9. — ЯАА. Т. IV, кн.1.

⁹⁸ О системе семито-хамитских глагольных пород см.: *Дьяконов И.М.* Семито-хамитские языки..., с. 96-97; *он же.* Afrasian Languages..., с. 104-107.

⁹⁹ О производных формах глагола в хауса см.: *Смирнова М.А.* Язык хауса. М., 1960, с.42-43; в языке фула: *Коваль А.И., Зубко Г.В.* Язык фула. М., 1986, с.43-47; см. также: *Порхомовский В.Я., Столбова О.В.* Чадские языки. — ЯАА. Т. IV, кн.2.

¹⁰⁰ Каузативный префикс для общеафризского состояния реконструируется как * $\dot{s}$.

¹⁰¹ О словообразовании в семитских языках подробнее см.: *Дьяконов И.М.* Языки древней Передней Азии... Гл.V, §3; *Гранде Б.М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков... Гл.IV.

¹⁰² По вопросу о происхождении форм дв. и мн. числа см.: *Лекиашвили А.С.* Образование форм рода и числа имен в семитских языках. Тб., 1963; *он же.* К вопросу о взаимоотношении между внутренними и суффиксальными морфемами рода и числа имен в семитских языках. — Семитские языки. Вып.2. М., 1965; *Murtonen A.* Broken Plurals. Origins and Development of the System. Leiden, 1964; *Corriente F.* Problematika de la pluralidad en semitico. El plural fracto. Madrid, 1971.

«В первобытной речи имена были собирательны», «этапы мышления» — элементы, взятые из нового учения о языке Н.Я.Марра. В настоящее время для общеафризского языка наряду с именами собирательными реконструируется трехчленная система форм числа: единственное — двойственное — множественное. См.: *Дьяконов И.М.* Общеафризские именные категории, §4, 5. — ПППИКНВ. Ч.III. М., 1986, с.47-62. См. также: *Панфилов В.З.* Типология грамматической категории числа и ее историческое развитие. — ВЯ. 1976, № 4.

¹⁰³ Показатель двойственного числа 1-го лица *-ki* оформляет как сокотрийские личные, так и слитные местоимения, а также глаголы в форме перфекта, имперфекта и субъюнктива. См.: Очерки по этнолингвистике Сокотры..., с.59-62. Иными словами, для языка Сокотры характерна полная парадигма по числу для всей системы личных местоимений и системы личных глагольных форм.

¹⁰⁴ Сравнительно-исторические исследования афризского корнеслова позволяют в настоящее время реконструировать не только консонантный, но и вокалический (и шире — сонантный) состав афризского корня: *Diakonoff I.M.* Problems of Root-Structure in Proto-Semitic. — АО. 38/4, 1970; *он же.* Afrasian Languages... Гл.2; *Белова А.Г.* К вопросу о реконструкции семитского корневого вокализма. — ВЯ. 1993, №6; а также: *Коган Л.Е.* К проблеме варьирования корневого гласного в семитских первичных именах. — Петербургское востоковедение. Вып. 7. СПб., 1995.

Фонологическая система вокалов *a : ə* и словообразующих сонантов */i/ɥ, /r/ ʕ, /t, /l, /r* представляла инвентарь, превышающий «классическую» систему кратких и долгих гласных *a : i : u/ā : ī : ū* в арабском. По вопросу о функции сонантов см. также: *Petráček K.* Sur le rôle des modalités sonantiques dans l'élaboration de la racine en sémitique. — Arabica. T.XXXIV. 1987.

¹⁰⁵ О трехгласном корне... Последующие исследования конкретного семитского и афризского материала дали возможность установить позиции и мате-

риальное выражение корневого компонента. Установление семантики или функции компонента – более сложная и еще не решенная задача. См. по этому вопросу: *Zaborski A. Prefixes, Root-Determinatives and the Problem of Biconsonantal Roots in Semitic.* – *Folia Orientalia.* 11, 1970; *он же. Biconsonantal Verbal Roots in Semitic.* – *Zęszty Naukowe Uniwersytetu Jagellonskiego CCLXIX. Prace Językoznawcze.* Z.35, 1971; *Дьяконов И.М., Порхомовский В.Я. О принципах афразийской реконструкции.* – *Balkanica...*, с.82–83; *Белова А.Г. Комплементы и структура корня в афразийском (рук.); она же. Структура семитского корня и семитская морфологическая система.* – ВЯ. 1991, №1; также о комплементх ср. *Ehret Ch. Origin of the third consonants in Semitic roots: an internal reconstruction (applied to Arabic).* – *JAL.* Vol.2, №2, 1989 – и рецензию на эту работу: *Белова А.Г.* – ВЯ. 1992, №3.

См. также статью Н.В.Юшманова в данном издании, специально посвященную этому вопросу: «Структура семитского корня».

¹⁰⁶ О корневых вариантах см. также указанную выше работу Н.В.Юшманова в данном издании, а также: *Майзель С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков.* М., 1983; *Письмо Н.В.Юшманова И.Ю.Крачковскому от 27.03.1925.* Публ. А.Г.Беловой. – Восток. 1996, № 6.

СТРУКТУРА СЕМИТСКОГО КОРНЯ

Предварительные замечания	127
Транслитерация	128
Введение	129
§ 1. Особенности семитского корня.....	129
§ 2. Теория семитского корня.....	131
§ 3. Трудности разбора корня.....	137
Корневые согласные	142
§ 4. Мена согласных.....	142
§ 5. Семитский консонантизм.....	144
§ 6. Основные язычные согласные.....	147
§ 7. Шумно-боковые согласные.....	148
§ 8. Губные согласные.....	151
§ 9. Переднеязычные согласные.....	152
§ 10. Полугласные.....	154
Ячейки	157
§ 11. Виды семитского корня.....	157
§ 12. Малосогласные корни.....	159
§ 13. Трехсогласные корни.....	161
§ 14. Многосогласные корни.....	165
§ 15. Обзор первоячеек.....	167
Классные показатели	170
§ 16. Пережитки классовых показателей.....	170
§ 17. Классы названий животных и растений.....	173
§ 18. Классы названий частей тела.....	177
§ 19. Классы названий тел с различными свойствами.....	178
§ 20. Мнимые классные показатели.....	180
Указатель	182
Арабский язык.....	182
Эфиопский язык.....	188
Еврейский язык.....	188
Арамейский язык.....	189
Ассиро-вавилонский язык.....	190
Египетский язык.....	190
Примечания	191

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исследование семитского корня не только представляет большой теоретический интерес общезыкового характера (в силу специфической трехсогласности семитского корня при преобладающей двухсогласности корня среди языков мира), но и имеет весомую практическую значимость для лиц, изучающих семитские языки, в особенности арабский. Дело в том, что учащиеся (даже те, которые легко овладевают семитской грамматикой) всегда жалуется на труднозапоминаемость семитского корнеслова. Причина этого явления заключается в том, что нам — людям, привыкшим с детства к европейским языкам с их большим разнообразием корней по звучанию, значению и объему, семитские корни представляются однообразными и по звучанию, и по значению, и по объему. В самом деле: европеец обычно не различает близкие по типу семитские согласные [*h, ħ, ḥ; s, š; t, ṭ* и т.д.], почти никогда не выражает схожие понятия схожими звуками [«резать», «рубить», «стричь», «брить», «косить» — все это в семитских языках вариации той же первоячейки корневого типа (*KT*)] и уж, во всяком случае, чужд трехсогласной схемы, господствующей в семитском корнеслове. В арабском же языке приходится иметь дело с непомерно разросшимся словарем, изобилующим синонимами, и труднозапоминаемость сказывается здесь с первых же дней изучения. Известно, что легче запоминается разложимое на части, чем неразложимое. Сделать все возможное, чтобы разложить семитский корень на его составные части и учесть вариации каждой части корня, — вот задача настоящей работы.

Мои искания в области семитского корня начались в 1925 г. по совету покойного акад. Н.Я.Марра, который в своем «Предварительном сообщении о родстве грузинского языка с семитическими» (Избранные работы, т. 1, с. 23—38)¹, опубликованном в 1908 г.², трактовал семитский трехсогласный корень как некое неразложимое единство, но в 20-х годах этого столетия стал на точку зрения разложимости корня. В 1928 г. результаты моих исследований были изложены в работе «Семитские корневые разновидности», которую я публично защищал 11.V.1929 г. в качестве кандидатской диссертации в Ленинградском государственном университете при официальных оппонентах акад. И.Ю.Крачковском и проф. Л.П.Якубинском; но эта работа осталась ненапечатанной. Как показывает заглавие исследования, я начал с

собирания, систематизации и изучения корневых разновидностей, т.е. корней, близких друг к другу одновременно по форме и по значению. Впоследствии мне приходилось неоднократно исправлять и дополнять сделанные раньше обобщения, но за отсутствием возможности подготовить работу к печати я ограничивался устными докладами на тему «Структура семитского корня». На эти-то доклады и ссылается проф. И.Г.Франк-Каменецкий в статье «Н.Я.Март и изучение семитических языков» (Язык и мышление. VIII, с. 181)³.

Следует заметить, что подавляющее большинство материала, приведенного в настоящей работе, относится к классическому арабскому языку. Это обстоятельство объясняется и тем, что арабский словарь при своем огромном объеме даёт большее количество корневых разновидностей, чем другие семитские языки, и тем, что мне в своей повседневной практике приходится иметь дело с арабским языком гораздо чаще, чем со всеми другими семитскими языками. Впрочем, основной словарный запас семитских языков проявляет достаточно много схождения (см. сравнительный словарик в: *Bergsträsser G. Einführung in die semitischen Sprachen. München, 1928, с. 181—192*)⁴. Поэтому материал из других семитских языков приводится лишь в случаях расхождений с классическим арабским. Связь между арабским и древнееврейским языками поддерживается указаниями в угловых скобках; так, при арабском слове может встретиться <š>, показывающее, что в данном случае арабскому *s* соответствует еврейское *š*, например, *lisān* <š> 'язык' — арабское *lisān*, эфиопское *lasān*, еврейское *lašon*, арамейское *lišānā*, ассиро-вавилонское *lišānu*.

Всемерно избегая библиографических сокращений, обычно наводящих специальные научные работы и непомерно мешающих чтению, пользуюсь лишь сокращением LA для туземного арабского словаря «*Lisān al-'Arab*»⁵ (римские цифры — номера томов, арабские — номера страниц).

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Приводимый материал из семитских языков передается знаками семитологической транслитерации, где точка отмечает напряженность (*ḏ, ḡ, ḥ, p, š, t, z*, но *q* вместо *k*) и в одном случае язычковый придумной — *ḡ*; две точки — гласные переднего ряда (*ā, ö, ü*); надстрочная черта — долготу гласных (*ā, ā, ē, i, ō, ū*) и подстрочная черта — придумное произношение согласных (*b, d, g, k, p, t*); акут ' ударение (на гласных) и в одном случае свистяще-шипящий — *š*; «птичка» — шипящие согласные (*č, ḡ, š, ž = ч, дж, ш, ж*); дуга — беглость гласных (*ā, ē, ö*; но *ə* вместо *ы* или *ö*) и в одном случае язычковый согласный — *ḥ*; свод — неслоговые гласные (*a, j, u*); кружок — близость к *o* (*ā*); ' — гортанный взрыв; ' — сдвоенный голос⁶.

Несемитский материал передается наиболее ходкими знаками транслитерации или орфографии соответствующего языка.

Для более точных фонетических указаний применяются знаки Международной фонетической ассоциации⁷; такие знаки заключены в квадратные скобки.

Для обобщенного обозначения чередующихся согласных однотипной звукопроизводной артикуляции условно приняты прописные буквы: *P* — губной согласный, *T* — переднеязычный, *K* — заднеязычный или гортанный, *L* — боковой; например, корни слов *qatta*, *qaṣṣa*, *haṣṣa* могут быть обобщены посредством *KT* в смысле «заднеязычный (или гортанный) + переднеязычный».

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. ОСОБЕННОСТИ СЕМИТСКОГО КОРНЯ

Семитский корень состоит исключительно из согласных, тогда как гласные несут службу словообразования и словоизменения⁸; например, араб. *qatl* 'убийство', *qatala* 'он убил', *qatila* 'он убит', *qātil* 'убийца', *qatīl* 'убитый', *qatūl* 'убийственный' и т.д., где понятие убийения «держится» за согласные *qtl*, а все прочее выражается гласными. Нормальное число согласных в семитском корне — три. Корни меньшего и большего объема встречаются реже. Ведущая роль трехсогласного корня в семитской грамматике такова, что целый ряд типов словообразования и словоизменения возможен исключительно лишь от трехсогласного корня. Так, в арабском: имя способа действия (тип *qitl-at*, например, *kitb-at* 'почерк' от *kataba* 'он написал'); имя профессии (тип *qattāl*, например, *fallāh* 'пахарь', 'крестьянин' от *falaḥa* 'он вспахал'); сравнительно-превосходная степень прилагательного (тип '*aqtal*, например, '*akbar* 'больше', 'большой' от *kabīr* 'большой'); прилагательное цвета и изъяна (тот же тип, например, '*aḥmar* 'красный', '*a-raḡ* 'хромой'); имя места и времени (тип *maqta'il*, например, *maṭba* 'типография' от *ṭaba'a* 'он напечатал'); имя орудия или сосуда (тип *miqtāl*, например, *miftāḥ* 'ключ' от *fataḥa* 'он открыл'). Корни меньшего и большего объема подвергаются трактовке, напоминающей прокрустово ложе: двухсогласные корни «добирают» недостающий третий корневой из так называемых слабых согласных (*w*, *y*, *h*, '), которые легко исчезают и достаточно обесцвечены в семантическом отношении; например, *dam* 'кровь', *damiya* 'он кровоточил'; четырехсогласные и тем более пятисогласные корни лишаются последнего корневого, например, '*aqrab* 'скорпион', '*aqira* 'оно (место) изобиловало скорпионами'. Однако метод прокрустово ложа наталкивается на большие семантические трудности: убрать корневой согласный без ущерба для значимости корня зачастую невозможно. Тогда упрямая внутренняя

флексия сдает свои позиции внешней флексии и описанию; например, от *bustān* 'сад' нельзя образовать тип *qattāl*, и 'садовник' выражается прилагательным относительным *bustān-īy*; если от корня со значением 'метр' образуется множественное ломаное *'amtār*, то от корня со значением 'километр' образуется лишь множественное правильное *kīlōmetr-āt*; от *gītris* 'надменный' нельзя образовать сравнительно-превосходную степень по типу *'aqtal*, значение 'надменнее' приходится выражать описанием *'ašadd(u) gaṭrasa(tan)* 'сильнее надменностью'. Вот какую роль играет трехсогласный корень в семитской, особенно в арабской грамматике.

Конечно, это состояние не может считаться первоначальным. Ученые, которые допускают исконную трехсогласность семитского корня (*Renan, Ewald, Brockelmann*)⁹, противоречат эволюционной теории (все сложнее из простейшего), которой они придерживаются в объяснении других частей семитской морфологии — склонения, спряжения, словообразования. Большинство семитологов выводит трехсогласный корень из двухсогласного, отнюдь не отрицая иных возможностей в единичных случаях (трехсогласное звукоподражание; усечение четырехсогласности). Словари семитских языков, в особенности же необъятный океан арабского языка, изобилуют коренными разновидностями самых различных типов. Вот примеры из синонимов со значением 'резать', 'рубить': арабские *ḡadda, ḡadda, ḡazza, qatṭa, qaṣṣa, ḡadda, ḡazza, ḡaṣṣa; ḡada'a, ḡada'a, ḡaza'a, qata'a, ḡadama, ḡadama, ḡazama, ḡadama, ḡasama, qaṣaba, qaḏaba, ḡadafa*; еврейские *ḡadad, ḡazaz, qāṣaṣ, kāsaḥ, ḡādā, ḡazar, qaṣar, qāṣab, ḡatab, ḡaṣab...* (полный список занял бы не одну страницу!).

Приведенные примеры ясно показывают обе основные черты корневых разновидностей — мену одной части корня при постоянстве другой и мену корня в целом. Относительно постоянную часть корня назовем ячейкой; она состоит нормально из двух согласных и может совпадать с двухсогласным корнем. В области мены нужно различать: во-первых, мену однородных согласных ячейки (т.е. согласных того же места образования или нескольких близких друг к другу мест образования; последние назовем районами мены) и, во-вторых, мену оформления (повтор одного из согласных ячейки, прибавление одного или нескольких согласных к ячейке). Прибавка дополнительного согласного может иметь место перед ячейкой, внутри ячейки или позади ячейки, т.е. в виде префикса, инфикса или суффикса, например, понятие «быть мягким, слабым» выражается по-арабски, между прочим, корнями *wrḥ, rḥḥ, ryḥ, rḥw* (ячейка *rḥ*).

Загадки структуры семитского корня суть¹⁰:

(а) что собой представляет согласный, дополняющий двухсогласный корень до трехсогласного?

(б) где находится этот согласный («некоренной коренной») чаще всего — на первом, втором или третьем месте трехсогласного корня?

(в) как квалифицировать неустойчивые корневые (так называемые слабые согласные)?¹¹

(г) как квалифицировать вариации корневых согласных в пределах того же звукопроизводного района?¹²

(д) как возникла взаимная слаженность семитской грамматики и трехсогласного корня?

Попытки решить эти загадки вызвали к жизни довольно большую литературу о семитском корне, но учение о корне в целом до сих пор составляет пробел в семитском языкознании, так как ни в одном пособии не находим ответа на вышеприведенные вопросы.

Несмотря на относительную легкость образования глагола из имени и наоборот — имени от глагола в семитских языках, семитские корни довольно отчетливо делятся на именные и глагольные, что не учитывается обычно исследователями и не поставлено ими в связь со второбразностью трехсогласного корня.

§ 2. ТЕОРИЯ СЕМИТСКОГО КОРНЯ¹³

Первыми учеными, обратившими внимание на состав семитского корня, были древние арабские филологи. Они пришли к выводу, что в трехсогласном корне первые два согласных носят основное понятие, а третий согласный является «привеском». Этим своим наблюдением арабские филологи пользовались для объяснения редких и малопонятных слов в Коране.

Позднее этими вопросами занимались средневековые еврейские филологи, которых больше интересовала проблема корней с непостоянной трехсогласностью, например, араб. *qāta*, евр. *qāt* 'он встал' (оба из *qawata*); одни стояли за двухсогласность таких корней, например, *qt*, другие за трехсогласность, например, *qwt* или *qwt* (см.: Кокковцов П.К. Новые материалы для характеристики Иехуда Хайбоджа, Самуила Нагйда и других представителей еврейской филологической науки в X, XI и XII вв. Пг., 1916, с. 148 и сл.).

Наконец, современная европейская наука. Здесь прежде всего важно отметить, что уже с давних пор европейские ученые искали подтверждения родства между всеми известными им языками, в особенности между семитскими и индоевропейскими. Поиски доводов в пользу родства между различными языками требовали сравнительного изучения словарного запаса сближаемых языков и таким образом наталкивали исследователей на всевозможные мысли о составе корня. Для объяснения общего состава семитского корня, а равно и частного состава единичных корней в каком-нибудь темном слове надписей или *ἀλαζ λευόμενον* Библии европейские ученые создали целый ряд весьма остроумных теорий. Не имея ни возможности, ни даже существенной надобности перечислять и излагать их полностью, указываю лишь то, что мне представляется наиболее важным.

(а) Префиксальная теория. Источники: 1) *Delitzsch*¹⁴ *Fr. Yesurun, sive isagoge in grammaticam et lexicographiam linguae hebraicae, contra G. Gesenium et H. Ewaldum. Grimmae, 1808*; 2) *Fürst Y. Hebräisches und chaldäisches Handwörterbuch. Leipzig, 1851*.

Авторы полагают, что дополнительным согласным в семитском корне является первый, и пытаются доказать это путем сравнения с индоевропейскими языками, например, *bqr* и $\chi\rho\iota\nu\epsilon\iota\nu\ w\acute{d}$ и $\theta\epsilon\iota\tau\alpha\iota$; *zmn* и $\mu\acute{\eta}\nu$, *mensis*; *qbl* и *volvere*. Теория расходится со взглядами арабских филологов и с большинством фактов. Однако мысль о префиксальном наращении корня может легко возникнуть при учете таких фактов, как, например, арабские *'akala* 'он съел' — *kul* 'ешь'; *wahaba* 'он подарил' — *hab* 'подари'; *masala* и *sāla* 'он тек'; *gamaza*, *hamaza* и *lamaza* 'он клеветал'.

(б) Суффиксальная теория. Это собственно туземная арабская, о которой уже говорилось, но у европейских ученых невольно возникает вопрос о происхождении и значении третьего согласного. Обычно приходится признавать, что значение третьего согласного неясно, по *liquidet*¹⁵. О происхождении сказать трудно, если не знаем значения. Любопытно мнение Ancessi, согласно которому третий согласный корня, исчерпывающий весь запас семитского консонантизма, не может выражать какое-нибудь значение и является лишь собственно звуком наподобие звуков музыкальной гаммы [междометием, как толкует Абель (*Abel C. Einleitung in ein ägyptisch-semitisch-indoeuropäisches Wörterbuch. Leipzig, 1886, c. 19—20*)]. Подобное впечатление особенно легко возникает при ознакомлении с такими рядами синонимов, как арабские междометия *wayb!*, *wayh!*, *wayh!*, *wayk!*, *way!* Все они соответствуют нашему 'ой!', но конечные согласные едва ли здесь являются чистыми звуками, т.е. не имеют значения; по крайней мере исторически можно усмотреть соединение ячейки *way*, до сих пор живой на Востоке, с местоименными суффиксами *-hu* 'ему', *-ha* 'ей', *-ka* 'тебе' и с предлогами, относящимися к следовавшему за ними дополнению *bi-* 'с', *li-* 'к', причем гласные ступевались в опрошении, а согласный *h* при усилении выдоха мог дать *h*.

В отличие от *Delitzsch*'а-старшего, державшегося префиксальной теории, *Delitzsch*-младший¹⁶ высказывался за суффиксальные определители (термин из индоевропейского языкознания), значения коих, однако, не постиг:

1) <i>q, k</i>	— араб.	<i>baraqa</i>	7) <i>b</i>	— араб.	<i>šariba</i>
2) <i>g</i>	— "	<i>balağa</i>	8) <i>r</i>	— "	<i>satara</i>
3) <i>h, ' </i>	— "	<i>sata'a</i>	9) <i>l</i>	— "	<i>safila</i>
4) <i>t, t</i>	— евр.	<i>qālat</i>	10) <i>s (š, z, ş)</i>	— "	<i>ħaraša</i>
5) <i>d, d</i>	— араб.	<i>marađa</i>	11) <i>n</i>	— эфиоп.	<i>safana</i>
6) <i>p(f)</i>	— "	<i>sahafa</i>	12) <i>m</i>	— араб.	<i>satama</i>

(*Delitzsch Fr. Studien über indogermanisch-semitische Wurzelverwandschaft. Leipzig, 1873*):

Прежде чем перейти к другим теориям, приведу пространную цитату из акад. А.Е.Крымского¹⁷, богато иллюстрирующую дополнительную именно третьего согласного в массе трехсогласных корней глагольного значения: «Обычное число коренных согласных звуков — три, не меньше и не больше. При этом можно подметить, что те корни, в которых два первых согласных одинаковы, а третий — разный, большей частью заключают в себе одну общую идею и разнятся лишь оттенками ее. Явление это было известно еще арабским грамматистам и называлось у них *tarkīb* (что, собственно, значит 'посадка верхом', а затем 'состав', 'конструкция'). Возьмем, например, арабские *nb'* 'возвыситься', 'возникнуть', *nbt* 'вырасти', *nbt* 'вычерпать', *nbġ* 'выйти наружу', *nbḥ* 'испустить лай', *nbḥ* 'взойти (о тесте)', *nbđ* 'выбросить', 'подрости', *nbš* 'выступить с речью среди собрания', *nbs* 'вырыть', 'откопать', *nbđ* 'отбивать (пульс)', *nbt* 'брызнуть струей', 'бить ключом', *nb'* (в том же значении), *nbġ* 'возникнуть', *nbq* 'выйти наружу', *nbn* 'быть возвышенным, гористым', *nbl* 'метнуть (копье)', *nbn* 'проснуться', *nbn* 'отпрыгнуть' — во всех этих корнях выражено понятие о движении вверх. Возьмем еще для примера какой-нибудь другой семитский корень — положим, *plg* (= араб. *flġ* 'разделить', 'расколоть'), и проследим параллельные корни: *fl* 'иззубрить', *fl* 'развязать', *flḥ* 'разбороздить', 'распахать', *flḥ* 'расколоть', *flđ* 'разрезать на куски', *fls* 'расстроить', *fls* 'расстаться', 'избавиться', *fl* 'устраниться', *fl* 'расколоть', *flq* 'рассечь', 'расколоть', *flm* 'обрубить нос', — известная общность идеи во всех этих корнях слишком ясна» (Семитские языки и народы. Т.Нельдке в обработке А.Крымского. М., 1903, с. 3—4).

(в) **Аффиксальная теория.** Источники: 1) *Boetticher P.* On the Classification of Semitic Roots. — Bunsen's Outlines of the Philosophy of Universal History Applied to Language and Religion. Vol. II, Appendix B; 2) *Philippi F.W.M.* Der Grundstamm des starken Verbums im Semitischen und sein Verhältniss zur Wurzel. — Morgenländische Forschungen. Leipzig, 1875, с. 71—102; 3) *Schultze M.* Zur Formenlehre des semitischen Verbs. Wien, 1886; 4) *Hurwitz S.T.H.* Root-Determinatives in Semitic Speech. New York, 1913.

Внося поправки в чисто префиксальную и чисто суффиксальную теории, многие ученые подошли к положению, что дополнительный согласный может занимать любое место в корне¹⁸. Приведу наиболее интересные схемы старых авторов, предупредив, что эти авторы отходят от еврейской или арамейской фонетики и потому рассматривают недостающие арабские звуки *ث t*, *خ ḥ*, *ذ d*, *ض đ* лишь как варианты.

Boetticher устанавливает, что (1) в начале корня могут быть добавочными следующие согласные: ' , y, w; h, ḥ, ' ; n; s, t, š; к ним могут

быть причислены: *l* как редкая замена *n*; *q* и *r* как редкие замены *h*; как редкая замена *h*; (2) в середине корня могут быть добавочными следующие согласные: *'*, *y*, *w*; *h*, *h*, *'*; *l*, *m*, *n*, *r*; *t*; (3) в конце корня могут быть добавочными следующие согласные: *'*, *w*, *h*, *h*, *'*; *l*, *m*, *n*, *r*; *b*, *p*, *q*, *t*, *ʕ*. Следующие согласные всегда являются корневыми:

в начале:	<i>b</i> ,	<i>g</i> ,	<i>d</i> ,	<i>z</i> ,	<i>t</i> ,	<i>k</i> ,	<i>l</i> ,	<i>m</i> ,	<i>p</i> ,	<i>ʕ</i> ,	<i>q</i> ,	
в середине:	<i>b</i> ,	<i>g</i> ,	<i>d</i> ,	<i>z</i> ,	<i>t</i> ,	<i>k</i> ,			<i>p</i> ,	<i>ʕ</i> ,	<i>q</i> ,	<i>s</i> , <i>ʕ</i>
в конце:		<i>g</i> ,	<i>d</i> ,	<i>z</i> ,		<i>k</i> ,						<i>s</i> , <i>ʕ</i>

В схемах Boetticher'a заметны некоторые недоработки и противоречия, но прежде всего заметен большой опыт автора, крупного семитолога, более известного под фамилией своей матери — de Lagarde.

Теперь перейдем к работе Schultze, в которой (на с. 52) дается любопытная «Схема распространения корня». В этой схеме автор на условно взятой ячейке *sm* показывает, какие типы корнеобразования он находит в семитских языках (преимущественно для трехслогового корня):

простой корень — *sam*, *sim*, *sum*;

афформативные корни — *sam-a*, *sam-ah*, *sam-ak*; *sam-an*, *sam-am*, *sam-al*, *sam-ar*;

преформативные корни — *ba-sam*, *ga-sam*, *sa-sam*, *ta-sam*; *a-sam*, *u-sam*, *ha-sam*, *ka-sam*, *na-sam*, *ma-sam*, *la-sam*, *ra-sam*;

редуплицированные корни — *sam-sam*, *sa-sam*, *sam-as*, *ma-sam*, *sam-am*;

дистрагированные корни: *sâm*, *sîm*, *sûm*; *saim*, *saum*; *saam*, *saham*, *sakam*; *sayam*, *sawam*.

Следует лишь пояснить, что совпавшие у автора типы — два *ma-sam* и два *sam-am* — на самом деле различны; от ячейки *qt* они звучат бы: *ma-qaṭ* (*ma-sam* № 1), *ta-qaṭ* (*ma-sam* № 2), *qaṭ-am* (*sam-am* № 1), *qaṭ-aṭ* (*sam-am* № 2). Кроме того, автор приводит условно только три ступени выдоха (*a—h—k*), но имеет в виду и другие ступени (*'*, *'*, *h* и т.д.).

(г) Теория повтора. Источники: Ernst Meier. 1) Hebräische Wurzelwörterbuch. Mannheim, 1845; 2) Die Bildung und Bedeutung des Plural in den semitischen und indogermanischen Sprachen, nebst einer Einleitung über den Bau der semitischen Verbalstamme. Mannheim, 1846.

Автор считает трехслогность семитского корня результатом перфектного повтора, как в лат. *cicurri* из *curcurri, греч. τέτακα и *τέκτακα, санскр. *tatana* из *tantana или (по его мнению) презентного повтора в лат. *cur-ro*, греч. βάλλ-λω. Так возникают семитские корни типа евр. *šāšar* 'был красным' (Иеремия 22, 14), эфиоп. *dadaqa* 'натолкнулся', 'встретил' (ячейка *dq* 'толкать') и наоборот — типа евр. *šāqaq* 'напал'. В большинстве случаев два одинаковых согласных подряд не выдерживаются и подлежат расподоблению (*Aufhebung des Gleichlauts*), например, евр. *hākam* 'был мудрым' из *kakam, а евр.

pārar 'сломал' дает ряд вариантов: *pāraṣ, pāras, pāraz, pāraš, pārat* и т.д., подобно расподоблению в греч. πεφίληκα, санскр. *jaḡāma*. Кроме того, автор наблюдает стяжения, например, евр. *rār* 'вытек' из **rāwar, lān* 'переночевал' из *lāyal, подобно стяжению в лат. *fūgi* из *fugugi*, нем. *hiess* при готск. *haihait*.

Автор считает первичной частью речи глагол и выводит все имена из глаголов. Так, по его мнению, общесемитское *kalb* 'собака' значило раньше 'лев' и происходит от перфекта *kaliba* 'был яростным, жадным, гневным', который является расподобленным повтором *klk* от корня *kl* 'разделить', 'отделить' (Meier признает корнем лишь двухсогласную группу; все, что более двух согласных, называется у него перфектной основой).

(д) Теория сращения. Источники: Leguest M. 1) *Études sur la formation des racines sémitiques, suivies de considérations générales sur l'origine et le développement du langage*. P., 1858; 2) *Moyen de rechercher la signification primitive des racines arabes et par suite des racines sémitiques*. P., 1860.

Пользуясь необычайно богатой синонимикой арабского языка, автор объясняет любой корень сращением двух других корней с подходящей формой и с подходящим значением, причем слабые согласные исчезают; например, *rafa'a* 'поднял' из *warafa* 'разросся' + *yafa'a* 'влез (на гору)'; *aḏaba* 'отсек' из *aḏā* 'расчленил' (или *aḏḏa* 'укусил') + *habba* 'отрезал'; *baršaqa* 'разрезал (мясо)', 'ударил (бичом)' из *barā* 'обрезал' + *šaqa* 'раскол'; *aqartal* 'слон' из *aqara* (в V породе) 'росло (растение)' + *īāla* 'был длинным'. Как видно уже из немногих приведенных примеров, автор подбирает синонимы или взаимно усиливающие понятия; это он называет законом плеоназма.

(е) Теория сложения. В семитских языках определение располагается за определяемым и дополнение за дополняемым. Такое положение вещей не позволяет семитским языкам выработать словосложение, и последнее заменяется описанием (например, 'самоубийство' — 'убийство души своей'). Тот факт, что в семитских языках словосложение активно не вырабатывается, показывает, что и в эпоху становления трехсогласного корня семитские языки не имели словосложения; отвыкнуть от столь плодотворного приема обогащения словаря мудрено, и история доступных нам языков, насколько мне известно, не дает подобных примеров. Следует заметить, что случаи типа арабских *māward* 'розовая вода' и *rāsmāl* 'капитал' являются не словосложениями обычного типа, а просто сращениями комплексов *mā' ward* 'вода розы' и *ra's māl* 'голова денег', т.е. тех же описаний, тогда как персидское *gulāb* 'розовая вода' — настоящее словосложение (описательно было бы сказано *āb-i gul* 'вода розы'). Затем следует заметить, что семитские языки, подвергшиеся слишком сильному влиянию подпочвы с агглютинативным строем, могут очень заметно изменять свой порядок слов и даже вырабатывать нечто вроде словосложения, но такие языки не

характерны для изучения собственно семитского языкового строя (речь идет об амхарском и некоторых других языках Абиссинии¹⁹).

Зная только что указанное свойство семитских языков, семитологи избегают теории сложения, предполагающей, что когда-то и семитские языки пользовались словосложением. Тем не менее находятся авторы, объясняющие трехсогласный и более многосогласные корни именно через словосложение в предшествующую эпоху («Vorsemitisch», как она называется по-немецки). Таково мнение W. Vycichl'a (Was sind Hamitensprachen? — Africa. 1935, Vol. VIII, № 1, January, с. 76—89). Выводя глагол из имени, автор занимается лишь именными корнями. Корни с числом согласных более двух автор склонен рассматривать как результат былого словосложения, предполагая, что семитский языковой строй прошел через порядок слов *rectum—regens*, т.е. определение перед определяемым, дополнение перед дополняемым, как в агглютинативных языках. Так, он пишет (с. 87): «Более старая постановка *rectum—regens* еще просвечивает там и сям; назову некоторые арабские слова, у коих первый член сложения *šin (*šin*) мог бы означать что-нибудь вроде 'скалы':

<i>šin-āḥ</i>	‘выступ горы’
<i>šin-ḥāb, šun-ḥūb</i>	‘вершина горы’
<i>šan-zāt</i>	‘вершина горы’
<i>šan-daḥ</i>	‘широкая скала’
<i>šin-da'at</i>	‘острая вершина’
<i>šin-'af, šun-ūf</i>	‘седловина горы’
<i>šun-tūf</i>	‘вершина горы’
<i>šin-zīrat</i>	‘скатывающийся кусок скалы’
<i>šin-did</i>	‘выдающаяся верхушка горы’

Табличка на вид подкупающая, но опытный семитолог сразу же видит в ней фальшь: срединный носовой *-n-*, находясь в контакте с последующим согласным, в подавляющем большинстве семитских слов является результатом диссимиляции гемината (т.е. расподобления удвоенного согласного: *nd* из *dd*, *nz* из *zz*, *nh* из *hh* и т.д.); это отлично сознавали уже древнеарабские филологи, и мы находим в LA XI, 86: «*šin'āf* и *šun'ūf* — ‘выступающая вершина горы’; *-n-* добавочное», а в LA XI, 78 находим и источник интересующих нас слов: «*ša'af-at* ‘каждой вещи — ее верхушка’; *ša'af-at* ‘горы — ее вершина’; мн.ч. *ša'af, šī'āf, šū'ūf* — ‘вершина гор’». Таким образом, вся табличка Vycichl'a оказывается коллекцией усилительных форм от двух- и трехсогласных корней: корневые варианты *šin'āf* // *šun'ūf* и *šinḥāb* // *šunḥūb* к *šf* и *šhb*; корневые варианты *šandaḥ* и *šinda'-at* к *šadaḥ* ‘каменный холм’; *šanḏā-t* к *šazā* ‘выступы колена и локтя’ в LA XIX, 164, где даются еще варианты *šazīy-at* // *šinḏīy-at* ‘большой выступ скалы’; с предыдущим роднит *šinḏīr-at*, по указанию древнеарабских филологов (LA VI, 76); *šun'tūf* — к ряду похожих корней, ср. приведенное *šun'ūf*;

šindid — к *šadd* ‘гора’. Слово *šināḥ*, возможно, поэтическая вольность — новообразование из *šunḥūb* (LA III, 509). Все случаи — очень редкие слова.

Последний согласный корня правильно учитывается Vycichl’om как возможный пережиток классного показателя, но автор понимает классный показатель как определяемое; например, берберское *a-gdi-ḡ* ‘птица’ и *a-yazi-ḡ* ‘курица’ понимаются им как ‘Flug-Tier’ и ‘Hühner-Tier’ (примеч. к с. 78), а араб. *šāḡna-b* ‘карлик’ — как ‘Zwergtier’ (с. 88).

§ 3. ТРУДНОСТИ РАЗБОРА КОРНЯ

Выше уже приходилось не раз указывать на трудность разбора семитского корня. Теперь можно рассмотреть важнейшие затруднения, которые встречаются при разборе семитского корнеслова.

(а) **Займствование**²⁰. Не зная многих языков, на которых говорили соседи древних семитов, мы не в состоянии распознать займствования из этих источников, несомненно сделавших вклады в семитский корнеслов как общий, так и частный, — отдельных языков. Если же слово займствовано из несемитского языка, разбор, приноровленный к семитскому корнеслову, или не дает результата, или дает ложный результат.

Особенно труден вопрос о словах, общих в той или иной форме чуть ли не всему миру. Укажу на работу, которая является первым шагом к всестороннему изучению таких общих слов (*mots-bouchons* ee автора): *Cohen M. Sur le nom d'un contenant à entrelacs dans le monde méditerranéen. — Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1926, с. 81—120* и продолжение: *Mots d'origine presumée océanienne dans le monde méditerranéen* (там же, 1928, с. 48—62). Здесь собрано множество слов, означающих вместилища и звучащих в пределах КР. К таким же общим словам, но иного значения и звучания принадлежат, между прочим, общесемитские *tawr* ‘бык’, *qarn* ‘рог’, *wayn* ‘вино(град)’ (= эфиоп. *sōr*, *qarn*, *wayn*; евр. *šor*, *qārān*, *yayin*; араб. *tawrā*, *qarnā*; асс.-вав. *šūru*, *qarnu*, *īnu*), которым соответствуют лат. *taurus*, *cornu*, *vinum*, греч. ταῦρος, κέρας, οἶνος.

Среди общих слов может встретиться немало займствований, но свести все общие слова к займствованиям нельзя. Кроме того, необходимо очень глубокое и тщательное исследование для установления пути займствования: кто, когда, каким образом и у кого заимствовал. Так, в арабско-латинском словаре Freytag’a слово *liḡām* ‘узда’ помечено как *vox persica* — персидское слово; но соответствия в других семитских языках — араб. *laḡāmā*, эфиоп. *laḡwām* и ряд корневых вариантов в семитских языках показывают, что это слово чисто семитское, попавшее в новоперсидский язык как двукратное займствование из

семитских языков — в форме *ligām* из арамейского и в форме *liḡām* из арабского (*Nöldeke Th. Neue Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft* Strassburg, 1910, с. 42).

Особый вид заимствования представляют собственные имена давшие производные глаголы и нарицательные имена. В таких случаях разбор семитского корнеслова дает не больше, чем разбор наших слов *объегорить* и *подкузьмить*, где корень представлен основой собственного имени. Свое или чужое собственное имя, в данном случае неважно: закономерное развитие значения прерывается, раз Толстой не обязан быть толстым, а Кузнецов — кузнецом. В семитском корнеслове можно ожидать множества случаев нарицательных производных от собственных имен, но установить этот путь развития для древних эпох мы не в состоянии, если туземные источники не дают нам соответствующего материала, а дают они его чрезвычайно редко.

(б) **Звукоподражание**²¹. Как среди языковедов, так и среди неязыковедов широко распространено мнение о том, что многие слова звукоподражательны, т.е. воспроизводят звуки и шумы природы и ее обитателей. Абиссинцы говорят, что 'ворон имя свое кричит' (*qurá samuḥ ḥarā*), так как амхарское *qura* 'ворон' представляется им отображением карканья. Попытки научного исследования звукоподражательных слов предпринятые некоторыми языковедами, дали пока сомнительные результаты; так, известный австрийский языковед Н. Schuchardt вывел формулу названия грома:

$$\text{Explosiva} + r + \frac{o}{u} + \frac{n}{m} \left(+ \frac{t, d}{b} \right)$$

(*Spitzer L. Hugo Schuchardt-Brevier. Halle, 1928, с. 239*). Эта формула подходит ко многим языкам, но наталкивается на принципиальную невозможность двухслогового начала в ряде других языков, в том числе и семитских (араб. *ra'd*, евр. *ra'am*, арам. *ra'mā* 'гром').

Корни, представляющиеся звукоподражательными, могут иметь вариации, как и корни, в которых мы не усматриваем звукоподражательности. Так, первоячейка *НК* доставляет множество корней, означающих крики и звуки самых различных существ; некоторые слова этого рода легко производят впечатление звукоподражательных, но нужно обратить внимание на то, что иногда одно и то же слово выражает совершенно разные крики, а иногда тот же крик передается довольно-таки разными словами. Здесь следует указать, что по новому учению о языке звукоподражательность — не источник происхождения слов, а результат живописующей пригонки уже готовых слов наподобие звукоподражательных стихов, составленных из вовсе не звукоподражательных слов. Приведу для примера арабские корни упомянутой первоячейки *НК* в значении криков и звуков, издаваемых живыми существами:

<i>na'aḡa</i>	‘рычал’, ‘выл’	<i>nāha</i>	‘ворковал’, ‘вопил’
<i>na'ā, ma'ā</i>	‘мяукал’	<i>naḥama</i>	‘пыхтел’
<i>na'ā</i>	‘рыдал’	<i>nahaba</i>	‘рыдал’
<i>na'ba</i>	‘каркал’	<i>nahata</i>	‘вздыхал’
<i>na'ara</i>	‘храпел’	<i>nahha</i>	‘жужжал’
<i>na'aqa</i>	‘блеял’, ‘каркал’	<i>nahafa</i>	‘храпел’
<i>naḡama</i>	‘жужжал’	<i>naḥama</i>	‘пел’
<i>nāha</i>	‘кричала сова’	<i>naḥara</i>	‘храпел’
<i>nahama</i>	‘рычал’, ‘вздыхал’	<i>naqa'a</i>	‘кричал’
<i>nahata</i>	‘рычал’, ‘кричал’, ‘вопил’	<i>naqnaqa</i>	‘квакал’, ‘клохтал’
<i>nahiqā</i>	‘кричал’	<i>naqqa</i>	‘квакал’, ‘клохтал’, ‘мяукал’

Приведу еще единичный пример вариации корня, звукоподражательность которого весьма вероятна: араб. *'aṭasa* и *kadasa* ‘чихнул’. В других семитских языках представлен лишь первый корень: евр. *'aṭišā* ‘чиханье’ (Иов. 41, 10), араб. *'aṭaš*, эфиоп. *'aṭasa* ‘чихнул’; араб. *kadasa* имеет еще значение ‘погнал’ и ‘скучил’ (букв. ‘собрал в кучу’).

Что касается евр. *baqbuq* // сир. *baḡbuḡ* ‘бутылка’, в прошлом несомненно ‘тыква-горлянка’, таких вариаций в семитских языках много.

(в) Разносоставность. Так как дополнительный согласный может занимать любую позицию в корне, нередко встречаются омонимы, обязанные своим возникновением не многозначности и не последующему культурному развитию, а просто разносоставности семитского корня. Так, араб. *šaraq* ‘опорожнил’ происходит из забытого каузатива *ša-rāqa* ‘вылил’ (как араб. *ha-rāqa* // *'a-rāqa* ‘вылил’, ср. *saraqā* ‘украл’), но араб. *šaraq* ‘свистнул’, как и евр. *šaraq* с тем же значением, считается звукоподражательным, как рус. *чиркать*, *чирикать*, *чирликать* и англ. *to chirp*. Этот и другие аналогичные примеры см. у Fr.Schulthess (Homonyme Wurzeln im Syrischen. Berlin, 1900). Для других семитских языков, в том числе и для арабского, подобной работы пока нет.

Большая часть корневой омонимии в семитских языках приходится на долю совпадения ранее различавшихся согласных; так, евр. и асс.-вав. *š* отвечает трем арабским согласным — *š, ḡ, z*; араб. ‘ отвечает тоже трем арабским согласным — ‘, *g, d*. Например, евр. *špr* удовлетворяет одному соответствию в случае *šippor* ‘птица’ = араб. *'uṣfūr* ‘воробей’, другому в случае *špīrā* ‘венок’ = араб. *ḡaṣīr-at* ‘коса’ (оба собственно ‘заплетенное’), третьему в случае *šippōrān* ‘ноготь’, ‘коготь’ = араб. *ziṣr*, эфиоп. *ṣaṣr*, араб. *ṭuprā*, асс.-вав. *špru* // *šuppāru*.

В арабском корнеслове приходится считаться с меной между *t* и *f*, например, *fumm* // *tumm* ‘рот’, *ḡadat* // *ḡadaf* ‘могила’, *ta-ḥannuf* // *ta-ḥannut* ‘благочестие’; такие примеры приводились уже древнеарабскими авторами. Возможно, что единичные случаи найдутся и в общесемитском корнеслове; так, араб. и эфиоп. *fahm*, евр. *pāhmtā*, араб. *paḥmtā*, асс.-вав. *pēntu* (из **paḥam-tu*) ‘уголь’ никак не подходят к первой ячейке

РК, ибо значение темной краски и продуктов горения выражается первоячейкой ТК, например, *tuḥm-at* 'буроватая краска', *duḥān* 'дым', *suḥr-at* 'красно-коричневая краска'; возможно, что первоначально было **tāh(a)mi*, но попутный уклон значения в сторону горящего, красного угля (таково значение асс.-вав. *pēntu* и изредка евр. *pāḥām*) привел к отрыву от своего ряда форм и значений, а отсюда и к естественному облегчению в звуке — уподоблению начального **t* конечному *m* (а *d* было слабым, придыхательным).

(г) **Перестановка**²². В семитском корнеслове очень часты перестановки согласных, и, чтобы определить их исходное положение, нужно подыскать соответствующий ряд корневых вариантов. Надо думать, что подавляющее большинство материала не поддавалось перестановке. Примерами перестановочных пар могут служить араб. *'amada//da'ama* 'подпер', *'amiqa//ma'uqa* 'был глубокий', *madaḥa//ḥamida* 'славил', а из длинных слов — *zarfaq-at//fazraq-at* 'поспешность' (LA XII, 5 и 182), *'anzal-at//na'zal-at* 'медленный бег'; евр. *kābās//kāšāb* 'ягненок' (араб. *kabš*, сир. *kebšā*, асс.-вав. *kabsu*), *šimlā//šalmā* 'плащ' (араб. *šaml-at*). Примеры перестановочных троек и четверок встречаются значительно реже, но все-таки они есть; приведу араб. *laḥt-at//lath-at//ḥalt-at* 'слух', 'бредни' (LA XVII, 435) и *'aqanbā-t//abanqā-t//qa'anbā-t//ba'anqā-t* 'орел' (LA II, 117) — усиленное новообразование от *'uqāb* 'орел' с расподоблением *bb* в *mb* (пишется *nb*).

(д) **Влияние рифмы**. Пристрастие к рифмованным оборотам свойственно многим народам. Оно же наблюдается и у семитов; например араб. *'ahla(n) wa saḥla(n)* 'добро пожаловать!', *rāḡim-dāḡim* 'волей-неволей', *šadara maḡara* 'в разные стороны', евр. *pālōni 'almoni* 'NN', *tohu wā bohu* 'хаос', *ha-kareṭi wə ha-pələṭi* 'стража Давида'. Потребность к округлению речи рифмой побуждает создавать новые ничем не значащие слова, преимущественно с началом *b-* или *m-*, например араб. *kaṭīr baṭīr* 'премного', *ḥasan basan* 'прекрасный', *ṭa'd ma'd* 'пре-свежий'. Такая склонность к рифмованным оборотам оказывает сильнейшее влияние на корнеслов, который полон рифмовками разного происхождения. Особенно заметно это влияние в арабском, например:

'глупый'	<i>bāhil, ḡāhil</i> ²³	'слезил (глаз)'	<i>dama'a, ḥama'a</i>
'гнул спину'	<i>ṭanība, ḥanība</i>	'собрал'	<i>ḡamma, ṭamma, lamma</i>
'лазутчик'	<i>dāsūs, ḡāsūs</i>	"	<i>kaffa, ḍaffa</i>
'носил'	<i>zamala, ḥamala</i>	'умер'	<i>qafana, ṭafana</i>
'отрезал'	<i>tabba, ḡabba</i>	'хоронил'	<i>kafana</i> ²⁴ , <i>ḍafana</i>

Более обильные и сложные примеры даются ниже в пункте (е) настоящего параграфа и в § 20. Вот еще любопытный пример рифмующихся корневых вариантов в значении 'ударил', 'толкнул', 'уколот', приведенный филологом ал-Киса'й (LA VII, 274): *lahaza, bahaza, mahaza, nahaza, naḥaza, baḥaza, maḥaza, wakaza*. Можно еще прибавить *rakaza*, так как про копые одинаково правильны и *markūz*,

mawkūz 'воткнутое'. Определить исходную точку в развитии таких вариантов можно лишь сравнением родственных языков и изучением корневых вариантов — по преобладанию какой-нибудь ячейки или первоячейки в таком-то значении или круге значений. Немаловажным представляется еще одно обстоятельство: насколько плодovit тот или иной корневой вариант; наиболее плодovитые варианты, имеющие много производных слов, можно считать основными.

За отсутствием критического словаря арабского языка работа идет негладко, и приходится довольствоваться предварительными и приближительными результатами.

(е) **Мозаичные соответствия.** Вследствие различных процессов — изменения и перестановки звуков, влияния рифмы и смыслового сходства — получаются целые ряды корневых вариантов, соответствия между которыми мудрено подчинить каким-нибудь точным правилам; это так называемые *unbestimmte Lautbilder*, о которых писал G.v.d. Gabelentz (*Die Sprachwissenschaft*. Leipzig, 1901, с. 296 — примеры из баскского языка и с. 301 — примеры из берберских языков). Приведу примеры из классического арабского, где этот материал весьма распространен; один ряд характеризуется общим началом *z-*, другой ряд наиболее упорен в окончании *-līq*, третий ряд (если учесть, что для араба *q*, *k*, и *s*, *ṣ* столь же важные фонемы, как *l* и *n*) сохраняет лучше всего срединный *-t-*, четвертый ряд начинается на *r-*, пятый ряд на *m-*, а шестой ряд порознь не проявляет ни одного общего согласного, хотя вместе создает впечатление какого-то несомненного единства ('*a-* принадлежит типу '*a-qtal*'). Итак:

'наполнил'	'толстуха'	'пыль'	'сосал'		'безволосый'
<i>za'aba</i>	(LA XI, 47, 318)	(LA XIV, 74)	а	б	(LA IX, 219)
<i>za'fada</i>	<i>ḡa'faliq</i>	<i>kaṣṭāl</i>	<i>raḡi'a</i>	<i>maḡada</i>	<i>'aḡraṭ</i>
<i>zafata</i>	<i>ḡaṣṣaliq</i>	<i>kaṣṭān</i>	<i>raḡaba</i>	<i>makka</i>	<i>'amrad</i>
<i>zakaba</i>	<i>ḡaṣṣaliq</i>	<i>qaṣṭāl</i>	<i>raffa</i>	<i>malaḡa</i>	<i>'amraṭ</i>
<i>zakama</i>	<i>ṣaṣṣaliq</i>	<i>qaṣṭān</i>	<i>raḡala</i>	<i>maḡqa</i>	<i>'aṭraṭ</i>
<i>zakara</i>	<i>ṣaṣṣaliq</i>	<i>qaṣṭalān</i>	<i>raḡaṭa</i>	<i>maṣṣa</i>	<i>'aṭaṭṭ</i>
<i>zakata</i>	<i>ṣaṣṣaliq</i>	<i>qaṣṭāl</i>	<i>raṣṣaṭa</i>	<i>mazza</i>	<i>'azaṭṭ</i>

Следует отметить, что значение приведенных корневых вариантов не всегда одинаково (не обязательно 'безволосый', но иногда 'безбородый', 'безбровый'); важно лишь, что какой-нибудь особенной, принципиальной разницы в значениях вариантов нет — в основном это именно варианты.

Ввиду изобилия материала выше были показаны лишь наиболее характерные случаи мозаичных соответствий, но уже в пределах настоящей работы можно увидеть немало других примеров точно такого же или несколько иного характера; сошлюсь на § 2(е) и пункт (д) текущего параграфа, а также на нижеследующие § 14(г) и § 20.

Как видно из уже приведенных примеров, корневые варианты отличаются друг от друга не только дополнительным согласным, но и меной основных согласных ячейки. Перед нами вопрос: как произошла и что, собственно, значит эта мена согласных?

(а) Семантическая мена согласных²⁵. Приведу мнения наиболее известных семитологов, занимавшихся вопросами корнеслова.

Gesenius мыслил таким образом: «Основы с твердыми, более сильными согласными, по общему ходу языка, должно понимать за древнейшие; основы же размягченные принадлежат более позднему времени, и потому последние очень часто употребляются для выражения переносных понятий, например, *qārāh* и *gālah* 'быть гладким, лишенным волос, плешивым', *gālā* 'быть обнаженным', вообще 'лишенным чего-либо (собств. голым)'. Иногда, впрочем, при звукоподражании, и твердый и нежный звуки одинаково существенны, и, таким образом, на последний не должно смотреть как на звук, непременно происшедший из первого, например, *gālah* 'катить' (о шаре и волнах), *gārah* о жестком, скрипучем звуке = *σαίρω*, *σίρω*, *verro*; *ḥāṣab* 'тесать' (камни или дерево), естественно, представляет собою более твердый звук, нежели *gāzaz* 'резать траву', 'жать'» (Еврейская грамматика В.Гезениуса. Пер. проф. К.Коссовича. СПб., 1874, с. 124).

Philippi говорит о «вариации корня», т.е. таком явлении, когда целые ряды двухсогласных, сходных в своем основном понятии, праякорней варьируют в степени силы начального или конечного согласного того же места образования, причем, как правило, сила значения соответствует силе обоих согласных; так, например, первая ячейка *KT* «обозначает — в зависимости от силы согласных — более сильную или более слабую резку, надрезку, порубку» (*Philippi F.W.M. Der Grundstamm des starken Verbuns im Semitischen und sein Verhältniss zur Wurzel. Morgenländische Forschungen... H.L.Fleischer... gewidmet. Leipzig, 1875, с. 101, примеч. 1).*

Эту же мысль встречаем и у другого выдающегося семитолога: *Ed.König* (*Hebräisch und Semitisch. Berlin, 1901, с. 7*) пишет о «параллелизме, наблюдаемом между ошущенной силой действия или состояния и степенью напряжения речевых мышц. Это проявляется при сравнении *qāṣaṣ* 'обтесать', *kāsam* 'обрезать' и *gāzaz* 'остричь'; далее *naqam* 'мстить' и *nah(h)am* 'удовлетворять себя' (Ис. 1, 24)».

Явления, отмеченные у этих авторов, известны в общем языкознании и в той или иной мере наблюдаются в различных языках, не исключая и русского: *писк* и *визг*, *прыскать* и *брызгать*, *плевать* и *блевать*. Из литературы по фоносемантике, как я назвал бы эти явления в целом, укажу прежде всего на обстоятельное изложение вопроса у

G.v.d.Gabelentz (Die Sprachwissenschaft. Leipzig, 1901, гл. V. Die Ausspracheweise oder Stimmungsmimik). Из более новых работ отмечу две статьи, помещенные в Festschrift Meinhof (Hamburg, 1927), а именно: Westermann D. Laut, Ton und Sinn in westafrikanischen Sudansprachen (с. 315—328); Hornbostel E.M.v. Laut und Sinn (с. 329—348).

Следует заметить, что семантическая мена согласных или, иначе говоря, фоносимволическая дифференциация в семитских языках может рассматриваться только как пережиток отдаленных эпох, а не как живое явление тех эпох, от которых до нас дошли письменные памятники семитских языков. В самом деле, ни один из известных нам семитских языков не дает полной картины упомянутой дифференциации корней (когда-то слов) путем чередования ступеней согласных — так, чтобы тип *qt* выражал какую-то высшую степень понятия, *gd* — среднюю степень и *kt* — низшую степень (авторы-немцы мыслят наоборот: *kt* — средней ступенью, а *gd* — низшей, так как у них глухие согласные «harte», а звонкие «weiche»). То, что мы действительно наблюдаем, это отдельные звенья разорванной цепи, по которым можно себе приблизительно представить, какова была вся цепь, но и только. Исследования аналогичных явлений в тех языках, где значимость чередования ступеней согласных жива или несколько живее, чем в семитских языках, несомненно пролили бы побольше света и на интересующие нас явления в семитских языках; кое-что можно было бы извлечь из осетинского языка (по устному сообщению В.И.Абаева). Примеры семантической мены согласных встречаются еще в дальнейших параграфах этой главы.

(б) Несемантическая мена согласных. Мена родственных согласных не всегда означает чередование ступеней. Во-первых, при отсутствии потребности в семантическом различии легко возникает мена близких друг к другу звуков, например, араб. *basaqa*//*bazaqa*//*baṣaqa* ‘плюнул’, *wasam*//*wasab* ‘болезнь’, евр. *‘ālas*//*‘ālaz*//*‘alaṣ* ‘ликовал’, *sāḡar*//*sākar* ‘заключил’. Во-вторых, в арабских туземных словарях нередко встречаются формы, возникшие из описки (это касается букв схожего начертания) или из передачи диалектального произношения.

I.Guidi (Alcune osservazioni di lessicografia araba. — Trattati del VII congresso internazionale degli orientalisti, sezione semitica. Vienna, 1887, с. 83 и сл.) нашел у арабских лексикографов нередкое смешение букв *t*, *ṭ*, *ṯ*, *ḡ*, *ḥ*, *ḫ*, *ḏ*, *d*, *ḏ*, *n*, *r*, *z*, *w*; *ع*, *غ*, *g*. Кроме того, нелитературный звук *g* арабских диалектов обозначается арабскими лексикографами посредством четырех разных букв: *ج*, *ḡ*, *ق*, *ك*.

C.Landberg (Études sur les dialectes de l'Arabie Méridionale. I. Ḥaḍramūt. Leide, 1901, с. 486) пишет, что арабские лексикографы, по-видимому, регистрировали диалектальное произношение, как *ḡamasa* и *qamasa* ‘нырнул’; *ḡadafa*, *qadafa* и *ḡadafa* ‘греб’.

G.S.Colin (Cas d'alternance entre palatales occlusives et dentales sifflantes en arabe. — Groupe linguistique d'études chamito-sémitiques (GLECS). La séance du 28/11, 1934) проследил у арабских же лексикографов немало случаев, когда переднее произношение арабских заднеязычных согласных в диалектах (*k, ġ, ġ* → *č, ġ* или *ts, dz*) было записано посредством букв, выражающих переднеязычные звуки *s, z, š*; особенно часто встречается в этой функции буква *ص š*, которой многие семитологи склонны приписывать — для древних эпох — произношение *č* или *ts*²⁶ (как в языках некоторых групп современных евреев и абиссинцев).

Более поздние арабские лексикографы уже не в состоянии решить, что правильно; так, LA II, 26 приводит в смысле 'опрометчивый' формы: *ḏay'ab* и *ḏay'az* с указанием, что в некоторых копиях словаря «*as-Sahāh*» (написанного за три века до LA) стоит *ḏay'an*; дело в том, что в старом письме *ḏ* и *z* и *ḏ* и *n* могут совпасть.

§ 5. СЕМИТСКИЙ КОНСОНАНТИЗМ

Изучая чередование ступеней согласных в семитских корневых вариантах, я пришел к выводу, что все богатство консонантизма, засвидетельствованное арабским языком, особенно же южноарабским, является результатом развития очень немногих первоначальных согласных, которые можно себе представить или (а) нерасчлененными [диффузными] — так, что в произношении звука участвовали все речевые органы вместе; или (б) безразличными — так, что выполнялось то *p*, то *b*, то *m*, но все было равносильно, ибо не вносило смысловых различий; или (в) средними — например, *t*, из которого можно прийти и к *t*, и к *s*. Для моей работы достаточно представить себе, что прописные знаки (*P, T, K* и т.д.) являются собирательными для ряда строчных (см. Палеонтологическую классификацию семитских согласных).

Относительно нерасчлененных звуков см.: *Мещанинов И.И.* Основные лингвистические элементы (в яфетидологическом их освещении). — Язык и мышление. II, с. 7—31.

Относительно безразличных звуков см.: *Gabelentz G.v.d.* Die Sprachwissenschaft 2. Leipzig, 1901, с. 193 и сл. Сюда можно добавить много примеров из нижнекушитского языка *сахо*²⁷ (кое-что см. в моей статье «Сибилантная аномалия в числительных тигринья»).

Относительно средних звуков достаточно привести исторический пример: в арабских диалектах так называемой городской группы литературные межзубные придумные *ث t*, *ذ d*, *ظ d* произносятся в просторечных словах как зазубные смычные *t, d, d*, а в словах наносного книжного вклада — как зазубные придумные *s, z, z* (см. мою работу «Строй арабского языка». Л., 1938, с. 9).

В приводимой здесь классификации семитских согласных фигурирует знак *R*, условно поставленный вместо трех знаков — *L*, *N*, *R*. Дело в том, что звуки этих рядов неоднократно чередуются и установить первенство какого-нибудь из них дело мудреное. Ряд *N* даже и не существует, но ввиду самостоятельной роли семитского *n*, который не является членом ряда *T* и, по-видимому, рано обособился от *l* и *r*, приходится пользоваться знаком *N* [см. перваяейку *NK* в § 3(б)].

Палеонтологическая классификация семитских согласных

<i>T</i>	{	<table style="border-collapse: collapse; margin: 0 auto;"> <tr> <td style="padding: 0 5px;">ت <i>t</i></td> <td style="padding: 0 5px;">د <i>d</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ط <i>t</i></td> </tr> <tr> <td style="padding: 0 5px;">ث <i>t</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ذ <i>d</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ظ <i>t</i></td> </tr> <tr> <td style="padding: 0 5px;">س <i>s</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ز <i>z</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ص <i>s</i></td> </tr> </table>	ت <i>t</i>	د <i>d</i>	ط <i>t</i>	ث <i>t</i>	ذ <i>d</i>	ظ <i>t</i>	س <i>s</i>	ز <i>z</i>	ص <i>s</i>	} <i>y</i>		{	<table style="border-collapse: collapse; margin: 0 auto;"> <tr> <td style="padding: 0 5px;">ك <i>k</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ج <i>g</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ق <i>q</i></td> </tr> <tr> <td style="padding: 0 5px;">ح <i>h</i></td> <td style="padding: 0 5px;">غ <i>g</i></td> <td style="padding: 0 5px;">خ <i>h</i></td> </tr> <tr> <td style="padding: 0 5px;">ه <i>h</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ع <i>'</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ح <i>h</i></td> </tr> </table>	ك <i>k</i>	ج <i>g</i>	ق <i>q</i>	ح <i>h</i>	غ <i>g</i>	خ <i>h</i>	ه <i>h</i>	ع <i>'</i>	ح <i>h</i>	} <i>K</i>
ت <i>t</i>	د <i>d</i>	ط <i>t</i>																							
ث <i>t</i>	ذ <i>d</i>	ظ <i>t</i>																							
س <i>s</i>	ز <i>z</i>	ص <i>s</i>																							
ك <i>k</i>	ج <i>g</i>	ق <i>q</i>																							
ح <i>h</i>	غ <i>g</i>	خ <i>h</i>																							
ه <i>h</i>	ع <i>'</i>	ح <i>h</i>																							
<i>R</i>	{	<table style="border-collapse: collapse; margin: 0 auto;"> <tr> <td style="padding: 0 5px;">ش <i>'</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ل <i>l</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ي <i>'</i></td> </tr> <tr> <td style="padding: 0 5px;">س <i>'</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ر <i>r</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ن <i>n</i></td> </tr> <tr> <td style="padding: 0 5px;"></td> <td style="padding: 0 5px;">م <i>m</i></td> <td style="padding: 0 5px;"></td> </tr> <tr> <td style="padding: 0 5px;">ف <i>p</i></td> <td style="padding: 0 5px;">ب <i>b</i></td> <td style="padding: 0 5px;">پ <i>p</i></td> </tr> </table>	ش <i>'</i>	ل <i>l</i>	ي <i>'</i>	س <i>'</i>	ر <i>r</i>	ن <i>n</i>		م <i>m</i>		ف <i>p</i>	ب <i>b</i>	پ <i>p</i>	} <i>P</i>										
ش <i>'</i>	ل <i>l</i>	ي <i>'</i>																							
س <i>'</i>	ر <i>r</i>	ن <i>n</i>																							
	م <i>m</i>																								
ف <i>p</i>	ب <i>b</i>	پ <i>p</i>																							

Примечания

1. Арабские буквы даются здесь для приблизительной ориентировки, так как транскрипция передает фонетику отдаленной эпохи и часто не соответствует принятому у нас чтению арабского литературного языка; вот отличия:

ظ	ش	س ²	ف	ض	ب ²	ح	ج
<i>z</i>	<i>s'</i>	<i>s</i>	<i>f</i>	<i>d</i>	<i>b</i>	<i>h</i>	<i>g</i>

О буквах с цифрами см. примеч. 5—7.

Транскрипция арабских слов в настоящей работе следует именно современному чтению арабского литературного языка (*g*, а не *g* и т.д.).

2. Горизонтальные ряды подобраны по ступеням озвончения, т.е. по триаде «глухой—звонкий—эмфатический» (о последнем см. примеч. 4). Вертикальные ряды подобраны по ступеням сжатия, т.е. по триаде «смычный—придувной с узкой щелью—придувной с широкой щелью» (узость и широта понимаются здесь относительно), характеристика по ступеням сжатия возможна лишь для районов *T* и *K* (стало быть, не относится к *R* и *P*).

3. Девятка согласных *K* восстановлена весьма условно. Считаю согласные этой артикуляции (заднеязычно-гортанной) сильно сбитыми в отличие от девятки согласных *T* (переднеязычных). Противоположное мнение см. у *G. Bergsträsser* (*Einführung in die semitischen Sprachen*. München, 1928, с. 5). Дела не изменит транскрипция *k* вместо *q*, потому что второй и третий горизонтальные ряды не проявляют такой внутренней гармонии, как те же ряды в группе *T*; первый же горизонтальный ряд можно транскрибировать *k—g—k* по симметрии с *t—d—t*.

4. Так называемые эмфатические согласные не противопоставались друг другу по степени участия голоса, как в современном арабском (*t—d*; *s—z*), а были, вероятнее всего, сильными звонкими, которые постепенно оглушались; в южноарабском произношении они звонки (кроме *h* и *h*, прежняя звонкость которых под вопросом, ввиду неясности путей развития в группе *K*; см. примеч. 3); в северноарабском классическом оглушению уже *ص s*; в современном литературно-арабском произношении звонки только *ظ z* и *ض d*, в остальных семитских языках все эмфатические глухи, но непридыхательны

(обычно же глухие *p, t, k* придыхательны и передавались в древнегреческой транскрипции посредством ϕ, θ, χ). См. мою статью: *Théorie des consonnes emphatiques sémitiques*. — Доклады Академии наук СССР. 1925. Серия В, с. 55—58.

5. Относительно ش и س нужно заметить, что первое — общесемитское *s*, второе же в одних языках š , в других *s*. Сравним примеры соответствий: 'связал' — араб. 'asara, эфиоп. 'asāra, евр. 'asar, араб. 'asar, асс.-вав. 'esēru (это س); 'голова' — араб. ra's, эфиоп. ra'as, евр. roš, араб. rišā, асс.-вав. rēšu (это س). Южноарабские надписи различают обе фонемы ($\text{š} = \text{س}$; $\text{h} = \text{س}$)²⁸.

6. Относительно خ и ح нужно заметить, что ни один известный нам семитский язык их целиком не сохранил, но ассиро-вавилонский язык отражает одно из них нулем согласного (с изменением гласного *a* на *e*), другое же — посредством *h* (что совпадает с исконным خ). Попытки Brockelmann'a (предпринятые в его пособиях по сравнительной грамматике семитских языков) свести эту разницу к комбинации с сонорными согласными оказываются несостоятельными, так как обе возможности (нуль и *h*) встречаются в любой комбинации согласных. Если исходить из положения, что семитские местоимения не содержат согласных эмфатической ступени, то соответствие араб. nahnu/асс.-вав. nīni 'мы' говорило бы за * $\text{h} = \text{r}$, $\text{h} = \text{r}$. Условное обозначение h отнюдь не имеет в виду египетского согласного * h , который тоже транскрибируется h ²⁹.

7. Под ب разумеется эмфатический губной — одна из сомнительных, но вполне возможных фонем древнейшего семитского консонантизма³⁰. Предполагается, что в арабском эта бывшая фонема отразилась как *b*, совпадая с исконным *b*, в других же семитских языках она совпала с исконным *p* (в силу процесса оглушения эмфатических, см. примеч. 4); например: 'распространил' — араб. basata, эфиоп. pasatama, евр. pašat, араб. pašat, асс.-вав. pašātu; 'блоха' — араб. burgūl (эфиоп. 'an-far'aša 'прыгнул, как блоха'), евр. par'oš, араб. purta'nā, асс.-вав. puršu'u.

8. При изучении корневых вариантов выясняется, что полугласный *w*(*y*) относится к артикуляционной зоне *P*, а полугласный *Y*(*j*) и гортанный взрыв ' — к артикуляционной зоне *K*. Однако все три звука очень часто обмениваются между собой, легко исчезают и легко появляются там, где их не было. Вместе с тем эти согласные тесно связаны с гласными, образуя группы взаимной мены *I(i-ī-j)*, *U(u-ū-y)* и *A(a-ā-')*. Это ставит звуки *w, y, '* в особое положение, что и отмечено в приведенной классификации, но отнюдь не снимает указанного выше родства их с *P* и *K*³¹.

Особо отмечу, что, по объяснениям древнеарабских филологов, звук ' не глухой, как в современном произношении, а звонкий, но без характерного гула звонких смычных (*qal—qalat* нем. Blählaut).

9. Очень важно, хотя совершенно не учтено в семитском языкознании, то обстоятельство, что семитский *n* был не зубным (как *t, d, ṭ*), а передненёбным (английского типа?). Это указание есть уже у древнеарабских филологов вместе с указанием на то, что *n* в препозиции к согласному принимает уклад этого последнего (*nk* → [nk], *ni* → [nɪ], *nb* → [mb]), оставаясь передненёбным перед гортанными согласными и гласными. Такая легкая ассимилируемость *n* объясняет много явлений в семитских языках — неправильность глаголов с начальным *n*- в северносемитских языках, обычное возникновение *n* при диссимиляции геминат [§ 2(с)]. Близость же места образования семитского *n* к местам образования *l* и *r* объясняет их частое смешение друг с другом.

10. Предполагаю, что исконное качество древнесемитского *u* (т.е. u , w) было средним между задними оттенками, [*u, w*], как во фр. *loue, Louis*, и передними [*y, u*], как во фр. *lu, lui*, значит — [ü, w]. Отсюда: 1) классический араб. *w* не окрашивал *a* в *ā*, как в живых диалектах; 2) в Коране свободно рифмуются ü и ī ; 3) в эфиопском и некоторых арабских диалектах краткие *u* и *i* совпадают в u ; 4) начальный *w*- (кроме союза *wa* 'и' и немногих заимствований) в арамейском и еврейском дает *y*-, например, 'дитя' — араб. и эфиоп. *wald*, евр. *yālad*, араб. *yaldā*; 5) часть евреев произносит евр. *o, u* как *e, i* — это явление не находится ни в какой связи с языком идиш, так как у йеменских евреев, не имеющих представления об идиш, ü (ⱪ) может читаться как ü , а *o(i)* читается как *ej* или äy (Ydelsohn A.L. Die gegenwärtige Aussprache des Hebräischen bei Yuden und Samaritanern. — Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums, 1913).

Как видно из примеров на синонимы «резать», «рубить»³², приведенных в § 1, согласные, объединяемые условными знаками *T* и *K*, могут замещать друг друга; при этом значение корня не меняется или претерпевает незначительные изменения, как говорилось уже в § 4(а). Теоретическое *T* представлено на практике по крайней мере девятью согласными: *t, d, ʔ, ʔ̣, ʔ̣̣, s, z, ʃ*; теоретическое же *K* представлено не только девятью согласными *k, g, q, ʕ, ʕ̣, ʕ̣̣, h, ʕ, h*, но еще ' и *y*.

(а) **Гармония согласных.** На основании как общих соображений о развитии звуковой речи, так и изучения глаголов с одинаковыми вторым и третьим корневыми можно считать вполне вероятным, что первоначальные ячейки были гармоничны, т.е. содержали лишь взаимно соответствующие ступени согласных, например, первоячейка *KT* выражалась в ячейках *kt, gd, qt, ht, ʕd, ht, hs, 'z, hʃ*. На практике встречается много разнородных ячеек с нарушением гармонии по ступени озвончения, например *qd*, или по ступени сжатия, например *ht*, или даже в обоих отношениях, например *kd*. Нарушение гармонии можно объяснить размножением ячеек путем скрещения, например, *qt × gd → qd*, а также иногда путем диссимилиации. Последнее имеется в виду, когда ступени консонантизма не сходятся в родственных языках, например, *qtl//qtl* 'убивать', *mtq//mtq* 'быть сладким', но семитологи не согласны между собой в том, какую форму считать первичной, исходной (араб., эфиоп. *qatala* // евр. *qatal*, араб. *qatal*; араб. *matq-at* 'сладость', эфиоп. *matiq* 'сладкий' // евр. *matq* 'сладкий', сир. *matq* 'сосать', асс.-вав. *matqu* 'сладкое', 'мед'). С точки зрения предполагаемой первичной гармонии согласных следует признать первичными *qt* и *mtq*, а вторичными (именно + диссимилированными) *qtl* и *mtq*. Так думает и Р.Пужичка (*Růžička R. Konsonantische Dissimilation in den semitischen Sprachen. Leipzig, 1909, c. 220*).

Труднее с такими случаями, как 'огурцы': араб. *qittā*, эфиоп. *qwassayāt*, евр. *qiššw'a*, асс.-вав. *qiššū*, но араб. *qattutā* и *qattayyā*. Последнее может быть рецидивом — из общесемитской формы с ячейкой *qt* вместо *qf*.

(б) **Обмен T и K.** На основании некоторых примеров можно прийти к предположению, что *T* и *K*, в свою очередь, являются раздвоением какого-то общего собирательного звука. Так, *šb* 'палец' (араб. 'išba', эфиоп. 'ašba'-t, евр. 'āšba', араб. šeb'ā', егип. db', копт. teb) и *ʔpr* 'ноготь' (араб. zifr, эфиоп. šəfr, евр. šipporān, араб. ʔəprā, асс.-вав. šupru и šuppāru) подходит к *kp* 'рука' (араб. kaff, евр. kap, араб. kappā, асс.-вав. kappu). Однако подобный обмен *T* и *K* должен восходить к глубокой древности — к состоянию языка, предшествовавшему образованию трехслогового корня. Поэтому большинство случаев, где мы могли бы усмотреть обмен *T* и *K*, окажется, вернее всего, результатом влияния рифмы (см. § 3).

В тех случаях, когда сравниваемые слова принадлежат разным семитским языкам, мысль о влиянии рифмы, естественно, отпадает, и в качестве объяснения мы вынуждены обратиться опять-таки к обмену *T* и *K*; так, асс.-вав. *summatu* 'голубь' и араб. *ḥamām-at* 'голубь' (ср. еще *yamām-at* 'горлица').

Акад. Н.Я.Марр выводил наши *T* и *K* из предполагаемого диффузного звука, который он обозначал так: *h̄*.

§ 7. ШУМНО-БОКОВЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Если исходить из обыкновенного европейского *l* и произнести его без голоса, получится очень слабый звук, слышимый во фр. *peuple* [pærp] или рус. *воплъ* ([vop]). С более сильной струей воздуха (как при произнесении *s* или *t*) получится достаточно сильный звук *s'*. Если произнести *s'* с сильным напряжением языка и щек и с низким тембром (вроде *ō*), получится *š*, а с голосом — *š'*; последнее и предполагается как основное (см. мою статью: *La correspondance du Dād arabe au 'Ayn agaméen*. — Доклады Академии наук СССР. Серия В, 1926, 45—48).

(а) **Боковая триада**³³. В палеонтологической классификации согласных содержится триада *s'—l—š'*, объединяемая условно собирательным знаком *L*, который не помещен в классификацию, но оговорен в тексте перед ней. Эта триада согласных сохраняется в более или менее чистом виде в современных южноарабских наречиях, причем любопытно, что непривычное ухо легко смешивает *s'* и *š'* (*Jahn A. Grammatik der Mehri-Sprache in Südarabien*. Wien, 1901, с. 4), в современном же литературном арабском эта триада звучит *š—l—d*, следовательно, сохраняет боковую артикуляцию лишь у сонорного согласного.

В корнеслове семитских языков, и особенно арабского классического, можно наблюдать варианты с меной *š—l—d*, например:

<i>šakim</i>	'удило'	<i>liḡām</i>	'узда'	<i>ḡagama</i>	'укусил'
<i>šahaba</i>	'опалил'	<i>lahab</i>	'пламя'	<i>ḡahhaba</i>	'жарил'
<i>šahm</i>	'жир'	<i>lahm</i>	'мясо'	<i>ḡahuma</i>	'был толст' ³⁴
<i>šadda</i>	'был силен'	<i>ladda</i>	'спорил'	<i>ḡadda</i>	'одолел'
<i>šabiṭa</i>	'держался'	<i>labiṭa</i>	'медлил'	<i>ḡabata</i>	'держал'
<i>hiš-at</i>	'чаща'	<i>ḡil</i>	'чаща'	<i>ḡayḡ-at</i>	'чаща'

Из двойных соответствий *š // d* (т.е. *s' // š'*):

<i>šā-t</i>	'овца', евр. <i>šā</i>	<i>ḡa'n</i>	'мелкий скот', евр. <i>šo'n</i>
<i>šahā</i>	'был похож'	<i>ḡahā</i>	'был похож'
<i>šahina</i>	'злobilся'	<i>ḡagina</i>	'злобствовал'
<i>ša'ita</i>	'растрепался'	<i>ḡā'a</i>	'растрепал'
<i>šarra</i>	'был зол'	<i>ḡarra</i>	'вредил'
<i>širdim-at</i>	'небольшой отряд'	<i>ḡirzim</i>	'небольшая партия'
<i>šaf-at</i>	'губа'	<i>ḡaff-at</i>	'берег'; <i>ḡabb</i> 'опухоль губы'
<i>šafdu'</i>	'лягушка' (Йемен)	<i>ḡafda'</i>	'лягушка'

шׁו'בׁוּב	‘облако’	qabāb	‘туман’
שׂוּדָּ	‘жарил’	qabā	‘жег’
евр. <i>šahaq</i> ,		араб. <i>qahika</i>	‘смеялся’ ³⁵
эфиоп. <i>šahaqa-</i> , евр. <i>šahaq</i>			
евр. <i>šahat</i>	‘давил’	араб. <i>qagata</i>	‘давил’
евр. <i>šarap</i>	‘палил’	араб. <i>qarima</i>	‘палился’
егип. <i>ršw, ršš</i>	‘был доволен’	араб. <i>raḏiya (rḏw)</i>	‘был доволен’

Но тут же надо отметить, что соответствия: араб. *šar* ‘волосы’ // эфиоп. *šagwə* (наряду с *šə'ert*) и араб. *šabi'a* ‘насытился’ // эфиоп. *šagba* (с перестановкой корневых) требуют многих объяснений, а именно: эфиопские формы «кушитизованы» (*š...* → *š...g*), являясь репатриацией семитских слов, рано вошедших в кушитские языки.

Двойные соответствия *š*//*l* (т.е. *s*'//*l*):

<i>šakisa</i>	‘был упрям’	<i>lakisa</i>	‘был упрям’
<i>šatta</i>	‘рассеял’	<i>latta</i>	‘раздробил’
<i>šarwāz</i>	‘пламя’	<i>laziya</i>	‘пылал’
<i>šabaka</i>	‘сплел’	<i>labaka</i>	‘спутал’ ³⁶
<i>šahiya</i>	‘желал’	<i>lahiya</i>	‘любил’
<i>šam'</i>	‘свечи’ (из воска)	<i>lama'a</i>	‘блестел’
<i>šamaḡa</i> ³⁷	‘шил’	<i>laḡama</i>	‘шил’
<i>kašaha</i>	‘злился’	<i>kalaḡa</i>	‘мрачно смотрел’
<i>nāša</i>	‘схватил’	<i>nāla</i>	‘достиг’
<i>tašš</i>	‘дождичек’	<i>tal</i>	‘роса’, ‘дождичек’ ³⁸
асс.-вав. <i>kašādu</i>	‘завоевать’	евр. <i>lakad</i>	‘поймал’

Примечание. Ассиро-вавилонское *š* (результат слияния *s, s', t*) было, можно думать, близко к *s'*. На это указывают «вавилонские» колебания, такие, как *ḡamišu*//*ḡamiltu* ‘пять’, *lubušu*//*lubultu* ‘одежда’, *kaldu* = евр. *kašdim* ‘халдеи’ и т.п. Пример асс.-вав. *nēšu* // араб. *layl* ‘лев’ указывал бы на диссимиляцию *l...s' → n...s'*. [Ф.Хоммель (*Hommel F. Die Namen der Säugetiere bei den südsemitischen Völkern. Leipzig, 1879, c. 282*) сближает асс.-вав. *nēšu* с араб. *nahūs*, но это лишь арабский эпитет с огласовкой по типу прилагательного.]

(б) Обмен *L* и *T*. В условиях, приведенных в § 3(в), или иных, еще не выясненных условиях происходил обмен *L* и *T*, следствием которого является некоторая путаница в чередованиях. Так, наблюдаем араб. *ḡašab*//*ḡaṭab* ‘дрова’, где вошли во взаимодействие *KL ‘дерево’ и *KT ‘рубить’; отмечаем неправильное чередование согласных в араб. *ḡašama*//*ḡaṭama*//*ḡatama* ‘сломал’, ‘сокрушил’; наблюдаем совпадение понятий ‘зло’ (*LR) и ‘искры’ (*TR) в одном корне *šrr* (*šarr* и *šarar*). Проще всего объясняются такие случаи, как араб. *'adas*//*'alas* ‘чечевица’ (при евр. *'adāsa*), *'ida*//*'ila* ‘когда’; здесь имеет место соноризация шумного согласного между гласными, т.е. случай ассимиляции.

Гораздо важнее обратить внимание на вопрос о втором *qād*. Нормальное соответствие таково: араб. ض *ḡ*, эфиоп. *ḡ*, евр. и асс.-вав. *š*, но араб. *ḡ*. Однако в ряде случаев арамейский язык имеет соответствия арабскому *ḡ* не *š*, а *š*, как еврейский и ассиро-вавилонский.

Именно:

<i>damada</i>	‘перевязал’	—	<i>šamad</i>
<i>darik</i>	‘бедный’	—	<i>šarikā</i> ³⁹
<i>dar</i>	‘вымя’	—	<i>šar</i> ‘ā ⁴⁰
<i>diru</i>	‘бальзам’	—	<i>širwā</i>
<i>gammaḏa</i>	‘зажмурил’	—	<i>‘ammeš</i>
<i>‘araḏa</i>	‘встретил’	—	<i>‘raš</i>
<i>hammuḏa</i>	‘был кисел’	—	<i>hamaš</i> ⁴¹
<i>raḏḏa</i>	‘сломал’	—	<i>raš</i>
<i>nu</i> ‘d	‘терн’	—	<i>nə’aš</i>
<i>nafaḏa</i>	‘тряс’	—	<i>nəpāš</i>

Ни заимствованием, ни диссимиляцией эти случаи не объясняются. Brockelmann в своих пособиях по сравнительной грамматике семитских языков объясняет эти случаи преимущественно диссимиляцией нового гортанного из былого *d̄ (так Brockelmann и многие другие представляют себе первоначальное *dād*) гортанному или *r*, находящемуся в том же слове. Однако это невозможно, так как, во-первых, случаи вроде ‘земля’ — араб. ‘arḏ, евр. ‘ārāš, араб. ‘ar ‘ā, или ‘одна из жен’ — араб. ḏarr-at, евр. šārā, араб. ‘arrā‘ā, говорят против влияния *r*; во-вторых, случаи вроде ‘смеялся’ — араб. ḏahika, евр. šāhaq, араб. gəḥaḏ, или ‘давил’ — араб. ḏaḡata, араб. gə‘at, показывают, что новый гортанный из былого *š, resp. *z̄ диссимилировался не в *š*, а в *g*.

Встречающиеся двойники ‘ara, hama, ra, nəpa наряду с ‘raš, hamaš, raš, nəpāš говорят о каком-то колебании, может быть, диалектального характера. Некоторые исследователи высказываются за то, что было два разных *dād*: одно отражалось по-арамейски как ‘, другое как *š* (Vollers K. The System of Arabic Sounds. — Transactions of the IX International Congress of Orientalists. London, 1893, с. 147; Zimmern H. Vergleichende Grammatik der semitischen Sprachen. Berlin, 1898, с. 27). Мысль о втором *dād* имеет кое-что в свою пользу, хотя наличие упомянутых двойников придает явлению диалектальный характер, как уже говорилось. Дело в том, что араб *z* (в приведенной выше классификации показанное как *t̄*) встречается крайне редко; по моему приблизительному подсчету: *ص* *š* — 43,5%, *ض* *ḏ* — 21,3%, *ط* *t* — 30%, *ظ* *z* — 5,2%.

Ввиду такой редкости *z* (*t̄*) немудрено, что обмен его с другими межзубными придувными в корневых вариантах тоже крайне редок. Приведу для примера:

<i>za’ana</i>	‘удалился’	<i>ḏahaba</i>	‘ушел’
<i>zib-at</i>	‘острие’	<i>ḏabaha</i>	‘зарезал’, ‘заколол’
<i>‘azm</i>	‘кость’	<i>‘atama</i>	‘была плохо вправлена (кость)’ ⁴²
<i>šazifa</i>	‘огрубела (рука)’	<i>šatila</i>	‘огрубел (палец)’
<i>laziya</i>	‘пылал’	<i>lada’a</i>	‘жер’ ⁴³

Напротив, где мы ожидали бы *z*, мы, наверное, найдем *ḡ*, например:

<i>ta'lab</i>	'лиса'	<i>di'b</i>	'волк' ⁴⁴	<i>ḡagaba</i>	'был волком'
<i>tarra</i>	'оросил'	<i>ḡarra</i>	'сыпал'	<i>ḡar'</i>	'вымя' ⁴⁵
<i>tafā</i>	'подгонял'	<i>ḡaffa</i>	'был скор'	<i>ḡaffa</i>	'спешил'
<i>tamma</i>	'собрал'	...		<i>ḡamma</i>	'сжал'
<i>tamaḡa</i>	'красил'	...		<i>ḡamaḡa</i>	'натерся'
<i>'atta</i>	'ужалил'	<i>'adama</i>	'укусил'	<i>'aḡḡa</i>	'укусил'

Можно высказать предположение, что в какую-то эпоху эмфатизация межзубных давала не *t, а другой согласный, похожий на *ṣ' (откуда арабское отражение *ḡ*), но в то же время дававший арамейцам повод к смешению с обычным *ṣ*. Восстанавливать такое воображаемое второе *ḡād* было бы мудрено и, пожалуй, бесполезно. Ограничусь указанием на то, что корни *ḡmd*, *ḡr'*, *ḡrw*, *n-'dd* (→ араб. *ṣmd*, *ṣr'*; *ṣrw*, *n'ṣ*) могли бы иметь второе *ḡād*, так как первому корню соответствует эфип. *zamada* (из *damada?), второму корню — варианты *trr* и *dr* (см. выше), третий разносоставен (араб. *ḡiru* с первым *ḡād* значит 'охотничья собака' — из *LR в смысле наличия семантики «злость», «кровожадность»; со вторым *ḡād* значит 'бальзам' — из *TR в смысле наличия семантики «влажность», «свежесть»), четвертый — забытый рефлексив с префиксом *n-*, т.е. арабская VII порода, евр. *Niphal*, именно 'терн' — растение, которое «кусаются», а *ḡḡ*, как указано выше, роднит с *'tt*, *'dm* и т.д., а евр. *na'āṣūṣ* 'колючая изгородь' сохраняет повтор последнего корневого.

§ 8. ГУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Самое богатое семейство согласных — переднеязычные (*T*, *L*, *N*, *R*), что объясняется большой подвижностью передней части языка. Заднеязычные уже значительно беднее вследствие меньшей подвижности задней части языка и ограниченности возможностей резонанса; за отсутствием иного выхода развитие *K* перенесено в полость гортани. Еще беднее оказалось губное семейство: хоть губы и очень подвижны, но не хватает условий для резонанса — артикуляционная работа происходит вовне, в воздухе.

Некоторые народности уродуют себе губы введением в них особых деревяшек или костяшек; теперь это наблюдается разве лишь у ботокудов, проживающих в Южной Америке, и у колошей (тлинкитов), обитателей Северной Америки, но, по мнению известного французского фонетиста Р. Passy⁴⁶, обычай охватывал и ряд народностей, говорящих на индоевропейских языках, откуда развитие *p* → *h* → ∅ (нуль)⁴⁷ в ирландском и армянском языках, например: лат. *pater* 'отец' соответствует ирл. *athir*, арм. *hayr*. Трудно себе представить нечто подобное у семитоязычных народностей, но эмфатический губной *p*, который можно восстановить⁴⁸, зная тройное деление семитского консонантиз-

ма, мог бы совпасть с неэмфатическими губными, если губы отяжелены введением постороннего тела. О двух возможных случаях *p* см. § 5, примеч. 7.

На семитской почве различие между *m* и *b* весьма шатко. Есть немало случаев с устойчивым *m*, например: *mā'* 'вода', *mi'-at* 'сто', и немало случаев с устойчивым *b*, например: '*ab* 'отец', *bāb* 'дверь', но при разборе корнеслова оказывается, что отделить *m* от собирательно-го *P* не так-то легко; см., например, арабские:

<i>fataha</i>	'расширил' ⁴⁹	<i>baṭiḥa</i>	'простер'	<i>madaḥa</i>	'хвалил'
<i>ṭafisa</i>	'был грязен'	<i>ṭabasa</i>	'погрузился в грязь' ⁵⁰	<i>damasa</i>	'запачкался'
<i>ḡafara</i>	'покрыл' ⁵¹	<i>ḡabar</i>	'пыль' ⁵²	<i>ḡamara</i>	'покрыл'
<i>rafa'a</i>	'поднял'	<i>rabā</i>	'рос'	евр. <i>ram</i>	'был высок'

Относительно формы и значения *madaḥa* см. мою работу: «Строй арабского языка». Л., 1938, с. 34.

Само собой разумеется, что вопрос о *m* нужно рассматривать вне случаев уподобления и расподобления (как араб. *zamān*, арам. *zabnā* 'время'), и вышеприведенные примеры, конечно, свободны от подозрений.

Согласный *m* не является какой-нибудь из ступеней *P*: судя по «зонам» *T* и *K*, где среди ступеней не фигурирует носовой, можно и по отношению к «зоне» *P* считать *m* лишь привходящим элементом, равно как и полугласный *w*.

§ 9. ПЕРЕДНЕНЁБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

По данным древнеарабских филологов, звуки *l*, *r*, *n* были не зубными, а переднеязычными. Отсюда их частый обмен между собой, например:

араб.	<i>ladasa/radasa</i>	'кидал камни'
—"	<i>lazaba/razaba</i>	'твёрдо держался'
—"	<i>la'asa/ra'aṣa</i>	'укусил'
—"	<i>niḡs/riḡs</i>	'грязь' (LA VII, 398)
—"	<i>nazaka/razaḥa</i>	'пронзил' (перс. <i>nāzā</i> 'копье')
—"	<i>namaqa/lamaqa</i>	'писал' (перс. <i>nāmā</i> 'письмо')
евр.	<i>liškā/niškā</i>	'комната'

Кроме одного случая (*namaqa*), примеры свободны от подозрения в диссимиляции. Относительно *L* см. предыдущий параграф. *N* вообще не обменивается с другими согласными, кроме только что названных; как редкое исключение называют обычно араб. '*ānām* 'люди', производимое из '*Ādam* 'Адам' и стоящее особняком. Остается объяснить *R* в узком смысле, т.е. *š* → *r* (эмфатической ступени нет; у древнеарабских филологов самое *r* считается эмфатическим, если оно не стоит по соседству с тембром *i*, т.е. *i*, *ī*, *y*).

(а) Семито-хамитский сибилант s^{53} . Как известно, семито-хамитские языки объединяются прежде всего общностью местоименно-глагольного костяка. В особенности замечательно сходжение семито-хамитских языков в области демонстратива и каузатива (см. мою статью: Редкий случай стирания служебной частицы. — Язык и мышление, II, с. 99—102). Хамитские языки⁵⁴ проявляют в этой функции звук s ; меньшинство семитских языков — s^{55} ; большинство семитских языков — h . Все эти звуки можно свести к одному — так называемому нечистому s , который обычно слышится в языках, не различающих как фонемы свистящий s и шипящий $\mathfrak{s}$ (явление, описанное S. Spieser'ом в журнале «Le maître phonétique». 1906, с. 82). Нечистый s легко дает $\mathfrak{s}$, но и легко редуцируется в h ; это особенно наглядно в современных южноарабских наречиях мехри, эхкили и сокотри, например:

	'слышал'	'украл'	'он'	'имя'	'язык'
евр. (араб.)	<i>šama'</i>	(<i>saraqā</i>)	<i>hu</i>	<i>šem</i>	<i>lašon</i>
мехри	<i>hīmā</i>	<i>herōq</i>	<i>he</i>	<i>hemm</i>	<i>lišn</i>
сокотри	<i>hīmah</i>	<i>herōq</i>	<i>yhe</i>	<i>šem</i>	<i>lišhen</i>
эхкили	<i>š'ah</i>	<i>šerōq</i>	<i>š</i>	<i>šum</i>	<i>lišān</i>

Приведенные примеры показывают: 100% сибиланта и 0% гортанного для эхкили; 80% сибиланта и 20% гортанного для еврейского и арабского; 40% сибиланта и 60% гортанного для сокотри (*lišhen* имеет h из разложения $*ā \rightarrow aħā$ или $eħē$); 20% сибиланта и 80% гортанного для мехри.

(б) Обмен $\mathfrak{s}$ и r^{56} . Подобно тому как оглушение l может дать сибилант s' (см. предыдущий параграф), оглушение r тоже дает сибилант, если дрожательную работу кончика языка заменить щелеобразующей, потребной для обычных придувных; именно получается так называемый нечистый s (см. предыдущий пункт настоящего параграфа), на слух средний между свистящим s и шипящим $\mathfrak{s}$. Этот звук обозначается в работах акад. Н.Я. Марра посредством лигатуры š и смело может считаться основным элементом древнесемитского (да и вообще семито-хамитского) консонантизма, так как в наличных семитских языках оба крайних отражения — в одних s , в других $\mathfrak{s}$; например, 'имя' — араб. *ism*, эфиоп. *šem*, евр. *šem*, араб. *šem* // *šum*, асс.-вав. *šumi*.

Поиски обмена $\mathfrak{s}$ и r затрудняются тем, что самый богатый из семитских языков — арабский — не различает s (س) и $\mathfrak{s}$ (س), которые совпадают в одно s (س). Приведу то немногое, что мне удалось пока найти:

эфиоп.	<i>rāmā</i>	'небо'	араб.	<i>samā'</i> < $\mathfrak{s}$ >	'небо'
араб.	<i>ramād</i>	'зола'	—"	<i>sawād</i>	'чернота' <? $\mathfrak{s}$?> ⁵⁷
арам.	<i>garmā</i>	'кость'	арам.	<i>gumā</i>	'тело'
араб.	<i>girm</i>	'тело'	араб.	<i>gism</i>	'тело' ⁵⁸
—"	'arra	'зажег'	евр.	'eš (*'išš)	'огонь'
—"	<i>širāk</i>	'ремень сандалии'	араб.	<i>šis'</i>	'шнур сандалии' ⁵⁹
евр.	<i>dəborā</i>	'пчела'	евр.	<i>dəbaš</i>	'мед' ⁶⁰

Как видно из сравнения с обменом $s'—l—\dot{s}$, обмен $\dot{s}—r$ не может равняться с ним ни по количеству, ни по качеству примеров. Ведь араб. *sawād* 'чернота' не имеет общесемитского распространения, и неизвестно $\dot{s}$ или s' было в этом корне; есть даже подозрение, что он сродни евр. *sod* 'тайна' (в смысле 'темное'/'черное'), и тогда у него $\dot{s}$. Соблазнительная параллель между 'пчелой' и 'медом' может встретить препятствие в области классных показателей [§ 18(г)], которые предполагаются значительно более поздними, чем эпоха обмена $\dot{s}$ и r . Еще более соблазнительные параллели, как общесемитские *rb* 'четыре' и *sb* 'семь', не приводятся выше вообще.

Ввиду столь слабой подкрепленности фактами обмен $\dot{s}$ и r может быть практически элиминирован из теории семитского корня, но самая возможность — аналогичная обмену s' и l — едва ли оспорима.

§ 10. ПОЛУГЛАСНЫЕ

Из двух неслоговых гласных, играющих роль корневых согласных, — $\dot{y}$ (y) и w (w)⁶¹ — наиболее часто встречается последний. При обследовании семитского корнеслова мне пришлось встретить по крайней мере два обмена с w : 1) с представителями P ; 2) с представителями L . Особо обстоит дело о свойстве полугласных служить простым ритмическим наполнением корня.

(а) Обмен w с представителями P . Этот обмен не носит характера чередования ступеней, так как губной ряд семитского консонантизма не обладает придумными (южносемитский f происходит из придыхательного p ⁶²). Тем не менее потребность к чередованию ступеней могла пробить брешь в системе и использовать w . Примеры обмена (арабские): *wakada* 'остался' // *baqiya* 'остался' // *makada* 'остался', *wada'a* 'порицал' // *bada'a* 'ругал' // *mazza* 'порицал', *wa'aša* // *ba'aša* 'опрокинул', *waqā* 'соблюл' // *faqā* 'следовал'⁶³, *wašuka* // *bašaka* 'был скор', *wagğa* // *fāga* 'спешил', *wataha* // *badaha* 'ударил палкой', *wadā* // *fadā* 'искупил', *šawā* 'жарил' // *dabā* 'жег', *wizr* 'ноша' // *fuzr-at* 'горб', *iħwalla* // *iqballa* 'косил глазами', *wa'iqā* // *ma'ağa* 'скоро шел'⁶⁴.

(б) Обмен w с представителями L . Этот обмен можно объяснить предположением, что после падения прежнего чередования ступеней $s'—l—\dot{s}$ возникла потребность в эмфатической ступени и вместо образования $\dot{s}$ от s' практиковалось образование $\dot{l}$ (l) от l . Но, как известно, звук f (= рус. *ль*) не обладает особой устойчивостью и легко переходит в полугласный w ; в свою очередь, w состоит в обмене с P . Отсюда неожиданное соответствие $L//P$.

Примеры (арабские, в скобках — имена):

'уколот'	'ударил'	'расколот'
<i>laqaza</i>	<i>lakaza</i>	(<i>laqq</i>)
<i>laqa'a</i>	<i>lahata</i>	...

<i>laka'a</i>	<i>lahaza</i>	<i>šaqqa</i>
...	...	(<i>šaqb</i>)
<i>šakka</i>	<i>wakaza</i>	...
<i>šāka</i>	<i>waqata</i>	(<i>waqb</i>)
<i>šakaza</i>	<i>wakaza</i>	...
...	...	<i>baqara</i>
<i>waḥaza</i>	<i>baḡaza</i>	евр. <i>bāqaq</i>
<i>waḥada</i>		<i>bāqa</i> ⁶⁵
<i>waka'a</i>	‘болело’	...
...	<i>la'aḡa</i>	<i>fa'ā</i>
<i>baḥaza</i>	...	<i>faḡara</i> ⁶⁶
<i>baḥaqa</i>	<i>waḡi'a</i>	
<i>ba'aḡa</i> (с перестановкой)		

(в) Полугласный у. Этот звук встречается в начале корня весьма редко. Так в южносемитских языках, а в северносемитских начальный w- дает у-, что существенно изменяет пропорцию корнеслова. Но даже и в южносемитских языках корневое начало у- часто вторично, как это выясняется из корневых вариантов, например *yabisa* <š> ‘был сух’ при *basbas* ‘пустыня’ (т.е. ‘сушь’, ‘безводное пространство’?) (Gray L.H. Introduction to Semitic Comparative Linguistics. New York, 1934, с. 36). Представляя собою неслоговой *i*, образуется фактически между *K* и *T*. Обмен происходит преимущественно с *K*, но не в порядке чередования ступеней; см., например, арабские:

<i>yamām</i>	‘горлицы’	<i>hamām</i>	‘голуби’
<i>yawm</i>	‘день’	<i>ām</i> (‘wm)	‘год’
<i>yamm</i>	‘море’	<i>āma</i> (‘wm)	‘плыл’
<i>yumnā</i>	‘правая рука’	<i>kaff</i>	‘рука’, <i>ḥams</i> ‘пять’
<i>yarra</i>	‘был горяч’	<i>harra</i>	‘был горяч’
<i>yatīm</i>	‘сирота’	<i>adīm</i>	‘лишенный’
<i>yad</i>	‘рука’	асс.-вав. <i>qātu</i>	‘рука’

(г) Шаткость полугласных⁶⁷. Еще в незапамятную эпоху полугласные w, у растворялись среди потока гласных, например, *awa* → *ō*; *aya* → *ē*; гласные же *ō*, *ē* временами играли роль фонем, временами утрачивали ее, то расширяясь в *ā*, то сужаясь в *ī*, *ī*. Этимены оставили глубокий отпечаток в грамматике и словаре семитских языков.

Полугласное начало корня легко растворялось в таком префиксальном производном, как *wakaza* → *na-wakaza → *nōkaza; дальнейшее развитие языка, неизбежно ведущее к унификации парадигм словообразования и словоизменения, выделяет из какого-нибудь *nōkaza новый корень *nkz*, где бывший префикс, давно уже переставший сознаваться говорящими в опростившемся производном, плотно прирос к новому корню. Однако в языке таким образом появилось немало вариантов вроде *wakaza* // *nakaza* (со второстепенной разницей в значении), а потому могли получиться и такие случаи, что корню придавалось ничего не значащее новое начало, например, «пилить» — евр.

šar, асс.-вав. *šaššāru*, но араб. *'ašara, wašara, našara*, эфиоп. *wašara*, араб. *našar*, евр. (библейское) *nāsar*. Многочисленные примеры этого рода см.: *Tegnér E. De vocibus primae radicalis w carumque declinatione quaestiones semiticae comparativae. Lunds Univ. Årsskrift, t. VI (1869); Nöldeke Th. Neue Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft. Strassburg, 1910, с. 179—206.*

Теоретически можно иметь в виду несохранившиеся породы с префиксами *ya-* и *wa-*, подобные хамитскому йотному каузативу (например, сахо *bal* 'видеть' → *i-bal* 'показать') и семито-хамитскому пассиву (на семитской почве известен лишь в виде огласовки *-u-*, например, *qutila* 'он убит' — *yuqtalu* 'его убивают'). Однако обследование семитского корнеслова не дает подтверждения: сравнивая евр. *yānaq*, араб. *uṇaq*, асс.-вав. *enequ* 'сосать (грудь)' с егип. *š-nq* 'кормить грудью', обнаруживаем ячейку *nq* 'сосать', но в египетском действительно каузатив, а в семитских языках нет; корни на *w-* в большинстве своем не дают ни малейшего намека на пассив. Может быть, мы имеем здесь дело с окончательно выветрившимися показателями пород, используемыми в качестве ритмического наполнения, чтобы сделать двухсогласный корень трехсогласным? Это вполне возможно, но тогда нет нужды говорить о забытых породах — точно так же, как в новосирийском языке было бы никчемным анахронизмом говорить об определенном члене *-a // -ā* (прежнее *-ā*, resp. *-ā̄*), который с давних пор стал простым «привеском» существительных и прилагательных в единственном числе (во множественном же числе *-i // -ī*) из прежнего (неопределенного!) *-īn*.

На втором и третьем месте корня полугласные менее устойчивы. Здесь приходится считаться лишь с тем фактом, что общий вывод о добавочности каждого срединного *-w-* или *-y-* был бы неточен. Есть случаи, когда сравнение корневых вариантов наводит на мысль о принадлежности *-w-* или *-y-* к самой ячейке корня; например, араб. *ḥabaša // hāša (ḥwš)* 'собрал', *šāba (šyb)* 'был сед' // *šāḥa (šyh)* 'составился'. *N. Porges (Über die Verbalstambildung in den semitischen Sprachen. Wien, 1875, с. 51—52)* считает всякое *-w* или *-y* в конце четырехсогласного корня показателем интенсификации (усилительной породы), например, араб. *sarsi* 'открыл', 'объявил', *balhi* 'испугал', *nakri* 'отчудил', *pargi* 'усладил'; эфиоп. *šāhyaya* 'выполнял', *šā'dawa* 'был ярко-белым', *bēzawa* 'искупил', *zarkaya* 'оклеветал'; араб. *baltā* 'отрезал', *ḡa'nā* 'простер' (← **baltay, *ḡa'naya*).

(д) К примерам, приведенным в пунктах (а) и (б) настоящего параграфа, теперь, после разъяснений, данных в пункте (г), можно прибавить еще некоторые (преимущественно арабские). К *waḡḡa* 'спешил' прибавим *naḡḡa* 'спешил', к *wakada* 'оставался' — *nakada* 'задержал' (как будто каузатив + вместо рефлексива, выражаемого префиксом *n-* ?!). Затем к ряду 'уколот' — *nakaza, naḥa'a, naḥasa, naḥaza, naḥaša, naḡaza*; к ряду 'ударил' — *nakasa, naqaḥa*, евр. *naḡa'*, *naḡap̄*.

Гораздо труднее разобраться в тех случаях, где аналогичные явления перебиваются переднеязычным началом не из *L, R, N* и не сибилантом каузатива [см. § 9(а)]. Так, например, 'пронзил'⁶⁸ араб. *šağara, šaḥaza, naqaba, naqara, taqaba, tağaba*, евр. *daqar*; это неплохая иллюстрация к мозаичным соответствиям [§ 3(е)], но, если допустим, что здесь первоячейка *LK*, возникает трудность с араб. *t-*, евр. *d-*; в семитологической литературе нередко проводится взгляд, что префикс рефлексива *t-* (элемент, общий семитским и хамитским языкам) может перерождаться в составе корня — опростившегося производного — на разные лады: *d-*, *t-*, *d-* и т.д., но может ли словообразовательный элемент так меняться вне условий ассимиляции или диссимиляции? Вопрос крайне трудный. Надежнее объяснять подобные явления влиянием одних корней на другие [§ 3(д); § 13(б)].

ЯЧЕЙКИ

§ 11. ВИДЫ СЕМИТСКОГО КОРНЯ

Семитский корень подлежит классификации по трем признакам деления: по объему, по составу и по значению.

I. Объем. По объему различаются:

- 1) односогласные, например, *p-* 'рот'⁶⁹ (араб. *f-*, эфиоп. 'af, евр. *pā*, араб. *pu-t*, асс.-вав. *pu*);
- 2) двухсогласные, например, *dm* 'кровь', *yd* 'рука', 'b 'отец';
- 3) трехсогласные, например, *klb* 'собака', *nbh* 'лять';
- 4) четырехсогласные, например, *kwkb* 'звезда';
- 5) пятисогласные, например, 'ndlb 'соловей'.

подавляющее большинство корней трехсогласно, а потому можно свести деление по объему до трех типов: 1) малосогласные, 2) трехсогласные, 3) многосогласные.

II. Состав. По составу различаются:

- 1) устойчивые (правильные), например, *qtl* 'убить';
- 2) неустойчивые (неправильные), например, *whb // hb* 'дать', *qwm // qm* 'встать', *rbw // rb* 'расти', *yqz // qz* 'быть бодрым', *syl // sl* 'течь', *rmy // rm* 'бросить', 'kl // kl 'кушать', для северносемитских языков — *npl // pl* 'падать'; далее с еще более резкой меной корня (вдвойне и втройне неправильные), например, *r'y // r* 'видеть'.

Особо следует отметить корни с одинаковыми вторым и третьим согласным, как *qtl* 'резать'; они устойчивы (за редкими исключениями), но их трехсогласность не качественна, а количественна, и это играет большую роль в грамматике семитских языков. Иначе обстоит дело с четырехсогласными корнями типа *qtqt*: здесь одинаковые согласные разъединены и не дают слияния, как в соответствующем трехсогласном типе (*qatātā* 'мы резали' — *qattū* 'они резали').

Итак, неустойчивыми элементами корня (именно в словообразовании и словоизменении) являются *w, y, '* и для северносемитских языков еще *n*. В более редких случаях бывают неустойчивы и другие согласные — *h, l*. Совсем не подлежат учету при изучении семитского корня те убавления согласных, которые происходят в поздних диалектах, например, новосирийское (урмийское) *qū* вместо *qūm* 'встань', и в сокращении слишком длинных слов, например, араб. *ḥaḍramīy* вместо *ḥaḍramawīy* (относительное прилагательное от *Ḥaḍramawt*).

К вопросу о составе семитского корня относится также крайне мудреный вопрос о совместимости⁷⁰ и несовместимости известных согласных в семитском корне. Как общее правило замечено, что структура семитского корня «избегает» однородных согласных (особенно подряд). В грамматиках семитских языков иногда помещают таблицу несовместимых согласных (в моей «Грамматике литературного арабского языка» такая таблица дана на с. 21 <в 3-м изд. — с. 41. — Примеч. ред.>), но в ряде случаев возникают сомнения; так, читаем в LA VIII, 235, что, по ал-Халилю, в арабском корне *š* не может следовать за *l*, но может лишь предшествовать ему, а по ал-Азхарӣ, *š* бывает за *l*, например, *lašša* 'оттолкнул'. По моему наблюдению, *č* крайне редко перед *q*, но довольно часто после *q*.

Абсолютно несовместимыми в одном арабском корне считаются *s, t, č, z, ž, š*; кроме того, ' предшествует *h*, но не следует ему, а *č* предшествует *ğ*, но не следует ему (LA I, 8).

Попытки лингвистического анализа вопроса о совместимости и несовместимости см.: Grill J. Über das Verhältniss der indogermanischen und der semitischen Sprachwurzeln. — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 27 (1873). Leipzig, Wiesbaden, с. 425—460.

III. Значение. Хотя от одного и того же корня могут быть образованы и имена, и глаголы, и частицы, приходится считаться с тем обстоятельством, что семитский корень почти всегда обладает каким-нибудь преимущественным, ведущим значением, заметно выделяющимся из всех прочих значений данного корня. Поэтому в настоящем исследовании встречаются выражения: корень с преобладанием именного значения и корень с преобладанием глагольного значения. Так, общесемитское *kalb* 'собака' имеет корень с преобладанием именного значения, и араб. *kaliba* 'был бешеным' является отыменным глаголом вопреки мнению Е. Meier'a [см. § 2(г)]. Напротив, ' *akl* 'пища' имеет корень с преобладанием глагольного значения и образуется от глагола ' *akala* 'он съел'; в этом случае глагол выражает действие, но многие корни с преобладанием глагольного значения выражают состояние, например, цвет или изъян.

Конечно, средствами различных морфологических типов семитских языков можно легко образовать глагол от имени и имя от глагола,

но производные имеют особые уклоны в значимости, которые указывают на источник; так, от названий частей тела глагол может выражать нанесение ущерба, например, *ra'asa* 'ударил по голове', *yadā* 'ранил в руку', *ṭahala* 'ранил в селезенку' (наряду с другими значениями — переносными). Не следует смущаться встречающимися иногда сложными переходами через цепь словообразовательных категорий⁷¹; например, араб. *kalab* 'водобоязнь', 'собачье бешенство' является именем действия от глагола *kaliba* 'был взбешен', а этот последний образован от имени *kalb* 'собака'.

§ 12. МАЛОСОГЛАСНЫЕ КОРНИ

Существительные малосогласных корней собраны в работе: *Nöldeke Th. Neue Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft. Strassburg, 1910, с. 109—178.*

Как уже говорилось в § 1, семитская грамматика рассчитана преимущественно на трехсогласный корень. Поэтому малосогласные корни должны «добирать» недостающий согласный. Для изучения структуры семитского корня чрезвычайно важно учесть все способы увеличения двухсогласного (или еще более редкого — односогласного) корня, так как исследование хорошо представленных случаев, изобилующих вариантами, помогает рассмотрению плохо представленных случаев, не имеющих вариантов.

(а) До сих пор известны следующие способы превращения малосогласного корня в трехсогласный, а иногда и более объемистый: 1) добавление так называемых слабых согласных (*w, y, h, ';*); 2) удвоение согласного; 3) удлинение гласного (долгий гласный равносителен дифтонгу и виртуально содержит *w* или *y*); 4) сращение с отмирающей служебной частицей; 5) заимствование части чужого слова со схожим началом. При этом добавление слабых согласных может быть на любом месте корня (чаще всего + в конце).

Для иллюстрации воспользуюсь двумя случаями, наиболее богатыми в отношении вариантов и поэтому наиболее поучительными.

(б) Односогласный корень *p- // f-* 'рот'⁷² (евр. *pā*, асс.-вав. *pū*, эфиоп. 'af) имеет в арабском следующие варианты:

<i>fā-</i>	<i>fāh</i>	<i>fam</i>	<i>famm</i>	<i>fawh-at</i>
<i>fī-</i>	<i>fīh</i>	<i>fim</i>	<i>fimm</i>	<i>fūh-at</i>
<i>fū-</i>	<i>fūh</i>	<i>fum</i>	<i>fumm</i>	<i>fūwah-at</i>

Формы *fā-, fī-, fū-* являются винительным, родительным и именительным падежами сопряженного состояния в классическом языке, например, *min fī-ka* 'изо рта твоего', *fū zayd(in)* 'рот Зейда'. Второй ряд сохраняет бывшие падежные гласные уже вне норм склонения (так же как *nār* 'огонь', *nīr* 'игло', *nūr* 'свет', только в одном значении — 'рот')

и присоединяет паузальный выдох *-h*, сделав его последним корневым. Третий ряд, как в араб. *rum*, имеет в качестве второго корневого согласного бывший неопределенный член *-m* (мимация); наиболее обычная форма *fam*, тогда как *fim* и *fum*, вероятно, диалектальны. Чтобы сделать этот двухсогласный тип трехсогласным, удваивают *-m* и даже образуют множественное ломаное *'afmām* вместо обычного *'afwāh*; это — четвертый ряд. Пятый ряд уже излишество: женское окончание *-at* не входит в корень, который здесь сделан трехсогласным — путем дифтонгизации (*-aw-*), удлинения гласного (*-ū-*) и удвоения добавочного слабого согласного (**fawwah- → fuwwah?*) (Материал по: LA XVII, 421 и сл.; *Brugsch M. Arabisch-Deutsches Handwörterbuch. Hannover, 1926*).

(в) Двухсогласный корень, свойственный, вероятно, лишь арабскому, — *dad* ‘развлечение’, ‘пустая забава’. Слово имеет варианты: *dad, dayd, dadā(n), dadd, dadan, day(a)dān, daydabūn* [Материал по LA XVIII, 277 и по словарю *Brugsch*'а (см. выше)].

Здесь наблюдаем: дифтонгизацию (*dayd*), удвоение согласного (*dadd*), трактовку как корня со слабым концом (**dadawu[n] → dadā[n]*), закрепление неопределенного члена *-n* (нунация) в качестве третьего корневого, производное от дифтонгизованной формы посредством суффикса *-ān* и, наконец, подозрительное наращение, напоминающее совсем постороннее слово — *daydab* ‘дикий осел’ или *daydabān* ‘сторож’, ‘сторожевой пост’, ‘предосторожность’ (с перс. *dīdibān*).

(г) Указанные выше способы дополнения малосогласных корней весьма ходки, но редко используются в такой мере, как в двух только что приведенных примерах. Обычно у малосогласного корня найдется один вариант (*dam // damm* ‘кровь’, *yad // yidd* ‘рука’), а то и ни одного вообще. Весьма характерно для интересующего нас вопроса правило, которое дают древнеарабские филологи: чтобы обратить двухсогласную частицу в существительное, нужно удвоить последний согласный, например, *kam* ‘сколько?’ → *kamm* ‘квантум’ (→ *kamm-īy-at* ‘количество’); *law* ‘если бы’ → *laww* (мое, твое и т.д.) ‘если бы’.

(д) Многие трехсогласные корни могут быть сведены к корням меньшего объема, если учесть способы дополнения малосогласных корней. Так, ‘мать’ — араб. *'umm*, эфиоп. *'əmm*, евр. и араб. *'em*, асс.-вав. *umti*, вполне может быть усилением двухсогласной формы **'am* с обычным помутнением краткого *-a-* перед удвоенным согласным; с предположенным **'am* ‘мать’ можно связать также общесемитское слово ‘рабыня’ — араб. и эфиоп. *'am-at*, евр. *'āmā*, араб. *'amiā*, асс.-вав. *'amtu*, так как оно не является производным от мужского ‘раб’, и если раньше значило ‘мамка’, ‘кормилица’, могло бы быть производным от **'am* ‘мать’ в смысле уменьшительного или заменительного имени.

Можно принять как общее правило, что трехсогласный корень восходит к прежнему двухсогласному слову, получившему какой-нибудь прирост и ставшему трехсогласным. В предыдущем параграфе были показаны пути роста тех сравнительно немногочисленных мало-согласных корней, которые уцелели как самостоятельные слова даже в эпоху господства трехсогласного корня; следовательно, речь шла о трактовке пережитков эпохи двухсогласного корня в эпоху, когда грамматика сжилась с трехсогласным корнем (см. § 1). Теперь перейдем к способам образования трехсогласных корней, составляющих основу семитского корнеслова и являющихся, так сказать, душой семитской речи.

Важнейшие вопросы развития, связанные с превалированием трехсогласного корня, — это как раз те, которыми занимались исследователи семитского корня (см. § 2); правда, многие ученые искали какого-то единого пути, но это безнадежно: семитский корнеслов представляет собой слишком пеструю картину, сложившуюся разными способами и не в одну эпоху (см. § 3). По моим исследованиям, важнейшие пути развития трехсогласного корня суть: 1) повтор, 2) скрещение и 3) сращение со служебными морфемами (префиксами и суффиксами, реже инфиксами).

(а) Повтор. Это всемирно распространенное речевое средство. Оно придает слову преимущественно собирательное или участительное значение, но таковое может со временем стереться и более не осознаваться. Повтор двухсогласного слова должен дать четырехсогласное слово; это — полный повтор, который представлен в семитском корнеслове известной группой имен и глаголов, но относится к четырехсогласному корню (особенно при диссимиляции согласных). Полный повтор в дальнейшем развитии языка сокращается путем убавления одного из схожих согласных и переходит в частичный повтор, тоже представленный в семитском корнеслове и уже относящийся к трехсогласному корню. Можно установить три типа повтора:

- 1) *qátqat → *qatat, например, евр. qázaz ‘резал’,
- 2) *qatqát → qaqat, например, эфиоп. dadaqa ‘натолкнулся’,
- 3) *qatáqat → qataq, например, араб. qaliqa ‘был беспокоен’.

Наиболее частый тип в семитских языках — первый [см. § 11(б)]. В ряде случаев происходили особенные явления, но они не всегда нам ясны и доступны. Укажу хотя бы на общесемитское слово ‘ночь’ — араб. layl (мн. lāyālī от *laylay), эфиоп. lētīt, евр. láyil, араб. lelyā, асс.-вав. līlātu (здесь ‘вечер’, но это не меняет дела); ясно, что в основе лежит повтор *laylay, но арабская и еврейская форма лишились конечного -ay, принятого за окончание женского рода (как оно должно было звучать в глубокой древности; впоследствии араб. لَيْلٌ -ā, эфиоп. -ē).

Особо нужно отметить случаи, когда слово и корень представляются результатом повтора по типу *qataq*, т.е. совпадением первого и последнего согласных в трехсогласном корне, но, как показывают данные родственных языков, самый повтор сомнителен и даже невероятен; так, например: 'солнце' — араб. *šams*⁷³, евр. *šāmāš*, араб. *šimsa*, асс.-вав. *šamšu* (в эфиопском этот корень не сохранился); 'три' — араб. *talāt*, эфиоп. *šalās*, евр. *šaloš*, араб. *talāṭa*, асс.-вав. *šalšu*; 'шесть' — араб. *sitt* (но *sādis* 'шестой'), эфиоп. *sadas*, евр. *šēš*, араб. *šet*, асс.-вав. *šiššu*. Прибавим формы из южноарабских надписей: *šmš* 'солнце', *š* 'три', *šdt* 'шесть'. Повтор или не повтор? Если признать повтор, то формы с расходящимися начальным и конечным согласными окажутся результатом диссимиляции; если признать, что здесь не было повтора, то формы со схождением начального и конечного согласных окажутся результатом ассимиляции. При неясной этимологии этих слов придется учитывать обе возможности — ведь ассимиляция и диссимиляция суть самые обыкновенные явления в семитских языках! Современная семитология принимает **šidt* как праформу слова 'шесть', но **šam* для 'солнца' и **talāt* для 'трех'.

Подобие повтора по типу **qataq* может получиться и в том случае, если префикс и суффикс, сросшийся с корнем, созвучен одному из согласных корневой ячейки [что-нибудь вроде *qa-taq* или *qat-aq*; ср. § 2(в), конец].

Удвоение согласного не во всех случаях происходит из повтора, оно может быть и средством усиления малосогласного корня (§ 12) по аналогии со случаями, возникшими из повтора. Теория Н.Вauer'a, согласно которой глаголы типа *farra* 'бежал' — *yafirr* 'бежит' выводятся непосредственно из простейшего императива типа **fir*, несостоятельна, так как имеем варианты вроде араб. *rafrafa* и *raffa* 'порхала (птица)', *dandana* и *danna* 'гудело', *dardara* и *darra* 'сеял', 'рассеивал', т.е. сосуществование полного и частичного повтора, а частичный повтор всегда является редукцией полного повтора.

(б) **Скрещение**⁷⁴. Покойный акад. Н.Я.Марр объяснял большинство слов и корней скрещением синонимов первобытной речи. Это явление наблюдается кое-когда и в современных языках либо как средство межплеменного взаимопонимания (один синоним понятен одним племенам, другой — другим, оба вместе скрещенные — всем родственным племенам), либо как средство уточнения значения многозначных коротких словечек (два многозначных словечка, взятые вместе, выделяют общее значение, напоминая друг о друге, вроде того как выражение *стопа бумаги* имеет только одно значение, тогда как отдельно взятые *стопа* и *бумага* обладают несколькими значениями; никто не поймет в этом выражении *стопу* в смысле стопы ноги или стопы стиха и *бумагу* в смысле документа, денежного знака и т.п.). Так в суданских и разговорных китайских языках (*Westermann D. Die Sudansprachen*,

Hamburg, 1991, с. 141 под № 29 и с. 135 под № 109; Попов П.С. Краткое введение к изучению китайского языка. Йокогама, 1908, с. 11).

Семитские языки находятся на другой стадии развития, чем суданские и китайские. Пользоваться скрещением такого примитивного типа им не требуется, но они прибегают к другому типу скрещения, представляющему большие трудности для исследования ввиду большей сложности и тонкости семитских морфологических процессов. Уже туземные филологи заметили, что в наличном состоянии семитских языков некоторые слова скрещены из двух разных слов, но самое скрещение здесь уже не сложение с последующим сращением и опрощением сложного слова, как это имеет место в языках, находящихся на более низких стадиях развития, а совмещение наиболее впечатляющих признаков двух разных слов в одно новое слово; для семитских языков такими признаками являются корневые согласные, так как все некорневое предполагается однотипным, если скрещиваются синонимы или взаимно уточняющие слова той же грамматической категории. Так, араб. *ḍafaza* 'прыгнул' получилось, по объяснению аз-Замахшари (LA VII, 232), из *ḍafara* и *qafaza* в том же значении; здесь один признак уже совпал — *-fa-*, одно слово дало начало *ḍa-*, другое конец — *-za*. Араб. *šākaha* 'был похож' получилось из синонимов *šābaha* и *šākala*, здесь уже совпадало начало *ša-*, одно слово дало середину — *-ka-*, другое конец — *-ha*. Обычное в еврейском выражение *pālōni 'almoni* 'такой-то' встречается в одном месте скрещенным: *palmoni* (Даниил 8, 13); пусть <...> это ошибка автора или переписчика, но тип явления вполне обычен для семитских языков, о чем свидетельствуют мозаичные соответствия [см. § 3(е)].

Что касается отдаленного прошлого семитских языков, то для него приходится предполагать такого же типа скрещение, но с переработкой двухсогласного слова-корня в трехсогласный слово-корень подобно тому, как это получается из повтора, т.е. вместо четырехсогласности получается в конечном счете трехсогласность. Подобное скрещение легче всего могло происходить при сходстве начального согласного обоих синонимов (как частая у нас обмолвка *нудо* и *нажно* вместо *надо* и *нужно*). Так, араб. *kanaf* 'крыло'⁷⁵, *kanab* 'опухоль', *ḥanaf* 'кривоногость', *ḥanab* 'изгиб спины у лошади' восходят сразу и к *KN 'гнуть' (например, *ḥanā* 'гнул') и к KP 'выпуклое'/'вогнутое' (например, *ḡabal* 'гора'⁷⁶, *ḡubb* 'колодец'). В таких случаях очень правдоподобно предположить примитивное скрещение, например, *kan-kap, которое впоследствии редуцировалось в *kanaf*, так же как повтор *qat-qat дает *qatat* (→ *qatt*). Тут только нужно оговориться, что в эпоху преобладания трехсогласного корня похожие явления, основанные на диссимиляции повтора, например, общесемитское *kawkab* 'звезда' из *kabkab или араб. *qa'qa'a* → *qarqa'a* 'скрипел', напротив, содействовали закреплению четырехсогласного корня и препятствовали редукции его в трехсогласный.

В настоящее время трудно установить, в какой связи находятся между собой явление нарушения гармонии согласных [см. § 6(a)] и явление скрещения схожих корней, о чем мы только что говорили. Неясно, например, как сложился корень араб. *kaḏaba* 'лгал': сначала было нарушение гармонии согласных (*kat* × *ḡaḏ* → *kaḏ*), а затем скрещение (*kaḏ* × *kab* → *kaḏab*) или наоборот (*katap* × *ḡaḏab* → *kaḏab*)?

(в) **Сращение служебных морфем.** Трехсогласные корни, у которых устойчивы только два согласных, легко сращиваются со служебными морфемами — префиксами и суффиксами; в таких случаях при опрошении слабые согласные легко отпадают (вернее, растворяются в гласных) и результатом оказывается опять трехсогласный корень, но другой по форме и по значению. Большую роль в мозаичных соответствиях [§ 3(е)] играют такие второобразные корни.

Из префиксов сращиваются с корнем:

1) *m-* имени места, например, араб. *kāna* 'был' → *ma-kān* 'место' → *makuna* 'был крепок (т.е. имел свое точное местопребывание)'; *sāla* 'тек' → *ma-sīl* 'течение' → *masala* 'тек';

2) *n-* рефлексива, например, араб. '*aḏḏa* 'кусал' → *na-'aḏḏa* 'кусался' → *ni'd* 'терн', 'колючее растение'; *faḏḏa* 'рассеял' → *nafaḏḏa 'рассеял у себя (держа в руках?)' → *nafaḏa* 'вытряс';

3) *š-/s-* каузатива, например, араб. *rāqa* 'лился', *rīq* 'слюна' → *sa-rāqa* (арам. *šraq* 'опорожнил', 'опустошил'), *saraqa* 'украл' [см. § 9(a)]; араб. *kāna* 'был' → *ša-kāna (асс.-вав. *šakānu* 'делать', 'налагать', 'складывать') → *sakana* 'обитал';

4) *t-* рефлексива, например, араб. *walada* 'родил' → *ta-walada 'родился (здесь?)' → *talada* 'было родовым (имение)'; ввиду обычной перестановки с начальным корневым префикс становится инфиксом *-t-*, например, араб. *ra'ā* 'пас' → *irta'ā* 'пасся' → *rata'a* 'пасся'.

Из суффиксов сращиваются с корнем бывшие классные показатели (§ 16) и окончание женского рода *-t // -at*, легко принимаемое за третий корневой в производных от неустойчивых корней, например, от корня *wḏ'* образовано сир. *du'-tā* 'пот', а отсюда глагол *də'eṭ'* 'потел' со второобразным корнем *d't*. В эфиопском такое сращение стало правилом, но вообще в семитских языках известны лишь единичные случаи. Очень возможно, что такое же приросшее *-t* содержится в слове 'смола' — араб. *zift*, эфиоп. *zəft*, евр. *zāpāt*, арам. *zəp̄tā*, но форма без *-t* нам неизвестна.

В качестве прироста в конце корня бывают и предлоги — из оборотов с очень тесной внутренней связью. Так, предлог *l* 'у', 'к' прирос в араб. *māl* 'средства', 'деньги', 'богатство' из *mā li...* 'то, что у...' (теперь корнем считается *mwl*, например, *'amwāl* — мн.ч. от *māl*; *ta-mawwala* 'разбогател', 'обеднел' — V породе глагола того же корня) и *wayl* 'горе' из *way li...* 'увы (такому-то...)' [см. § 2(б)]. Предлог *b* 'с', 'в' прирос в новоарабском глаголе *ḡāb* 'принес', 'привел' из древнего *ḡā'a bi* 'пришел с...', 'принес', 'привел' (теперь корнем считается *ḡyb*).

Четырехсогласные корни получаются из двух- или трехсогласных. Пятисогласные — из трех- и четырехсогласных. Вообще многосогласные корни встречаются сравнительно редко; лишь в эфиопском они получили значительное развитие и распространение (*Hartmann M. Die Pluriliteralbildung in den semitischen Sprachen. Halle, 1875; Stade B. Über den Ursprung der mehrlautigen Thatwörter der Ge'ezsprache. Leipzig, 1871*).

(а) Из двухсогласных. Прежние двухсогласные слова-корни могли развиваться в четырехсогласные либо путем повтора [§ 13(а)], либо путем развития в трехсогласные [§ 13(б)] и уже оттуда далее в четырехсогласные. В конечном счете все многосогласные корни сводятся к первичным двухсогласным словам-корням, но весьма различными путями.

Простейший тип четырехсогласного корня *qatqata* сохраняется обычно при сохранности повторительного (итеративного, фреквентативного) значения, которое и вызывает к жизни повтор элемента. Иногда сохраняются и полный и частичный повторы, например, *daqdaqa* и *daqqa* 'стучал', *ḥarḥara* и *ḥarra* 'храпел', *naṭnaṭa* и *naṭṭa* 'прыгал' (так в арабском). Очень часто оба типа повтора различаются по значению, например, араб. *balbala* 'смутил' (и другие значения) и *balla* 'смочил', но весьма характерно, что туземные арабские лексикографы помещают и полный, и частичный повторы в одну статью (так что нужно искать *balbala* в статье *balla*).

Второй согласный изредка диссимилируется четвертому, например, *kabkab 'звезда' — араб. *kawkab*, эфиоп. *kōkab*, евр. *kōk̄ab*, араб. *kawkabā*, асс.-вав. *kakkabu* (но мехри *kebkīb* — рецидив).

(б) Из трехсогласных. Наблюдаются следующие пути развития:

1) сращение со служебной морфемой — префиксом, инфиксом или суффиксом, например, араб. *mi-smār* 'гвоздь' → *masmara* 'вбил гвоздь', *sa-lqā* = 'a-lqā 'свергнул', *ša-qlaba* = 'a-qlaba 'перевернул' [см. § 9(а)], *saqar* 'ад', 'пекло' → *ismaqarra* 'был очень горяч' (LA VI, 37 и 138, но -*ma*- неясно), *ruḡḡ-ān* 'перевес' → *irḡaḡanna* 'склонился'; особо — корни с забытыми классными показателями (см. § 16—19);

2) скрещение трехсогласных синонимов, например, 'опустился на колени (верблюды)' — араб. *baraka* × *raka'a* → *barka'a*, 'свернулось молоко' — араб. *madaqa* × (ta)maddara → *imdakarra* (по другому объяснению *madaqa* × *qarra* → *imdaraqarra*) [см. пункт (б) предыдущего параграфа];

3) превращение некоренного начального гортанного взрыва (') в 'айн, каковое всегда считается корневым, так как нет префикса, начинающегося с 'айн, а облегчительный гласный при трудном двухсогласном начале нормально предваряется гортанным взрывом; например, араб. 'у^сfūr 'воробей' при евр. *šippor*, араб. *šippar*, асс.-вав. *iššuru*

‘птица’, араб. *‘atğal* ‘толстобрюхий’ вместо *‘a-tğal*, которое тоже сохранилось;

4) удвоение второго корневого, который в интенсивно-итеративной породе подвергается диссимиляции⁷⁸, например: *ğammara* → *ğamhara* ‘собрал’, *ta-kattara* → *ta-kawtara* ‘размножился’, *sabl* // *sumbul* ‘колос’; этот путь развития очень распространен (*Růžička R.* Konsonantische Dissimilation in den semitischen Sprachen. Leipzig, 1909);

5) повтор последнего корневого, например: араб. *ğalbaba* ‘оделся в верхнюю одежду’, *šamlala* ‘был скор’, *dağššaša* ‘ослепил’. Тип сравнительно редок. Вообще трехсложный корень полностью не повторяется, а повторяет лишь один слог или согласный; так обстоит дело и в африканских языках, где повтор является весьма излюбленным морфологическим средством;

6) появление гортанного взрыва (‘) в качестве нового корневого согласного, необходимого для ритма многосложных образований и достаточно «бесцветного», чтобы появляться так же легко, как и исчезать; например: *šariba* ‘пил’ → *išra’abba* ‘вытянул шею’, *ṭamana* ‘успокоил’ → *ṭa’mana* ‘положился на...’ // *iṭma’anna* ‘успокоился’ (обратите внимание на различное место гортанного взрыва в корне: *t’mn* // *tm’n*).

Арабские лексикографы считают этот гортанный взрыв добавочным (некорневым) и помещают *išra’abba* под корень *šrb*, а *ṭa’mana* и *iṭma’anna* под корень *ṭmn*.

(в) Из многосложных речевых единиц. Из наиболее ходких культурных формул арабы извлекли четырехсложные глаголы: *al-ḥamd li-llāh* ‘хвала Аллаху’ → *ḥamdala* и *bi-smi llāh* ‘во имя Аллаха’ → *bas-mala* в смысле ‘произнес (данную формулу)’. Четырехсложные глаголы извлекаются также из заимствованных имен многосложного объема, например, *faylasūf* ‘философ’ → *ta-falsafa* ‘философствовал’, *sikūrtā* ‘страхование’ → *sawkara* ‘застраховал’ (важно обратить внимание на место -w-, передающего -ū- имени), а иногда и из арабских же имен, но с опущением менее важных корневых, например: *‘an-dalīb* ‘соловей’ → *‘andala* ‘пел соловьем’, *Ḥaḍramawt* — название области → *ḥaḍrama* ‘плохо произносил по-арабски’; ср. имя относительное *ḥaḍram-īy*.

(г) Пятисложные корни. Простейший тип пятисложного корня получается путем повтора двух последних согласных трехсложного корня, например: араб. *‘aramram* ‘многочисленный’, эфиоп. *waraqraq* и евр. *yəraqraq* ‘зеленоватый’. Более затруднительны для объяснения такие пятисложные корни, в которых нет повтора одинаковых согласных, например: араб. *‘andalīb* ‘соловей’, евр. *šəpārdeq* ‘лягушка’; в таких случаях можно ожидать, что два разных, но смежных согласных являются результатом диссимиляции удвоенного согласного, т.е. *‘andalīb* из **‘addalīb*, *šəpārdeq* (при араб. *ḍifda*’, араб. *‘urdə’ā*) из **šlippadi*’; стало быть, пятисложные корни с разными согласными

можно свести к четырем согласным, что не значит облегчить задачу намного (здесь хватит своих трудностей...).

Вообще средства увеличения объема корня, как мы знаем, многочисленны. Поэтому неудивительно, что какая-нибудь корневая ячейка входила в моду и размножалась всеми имеющимися средствами, доставляя множество корневых вариантов (главным образом — эпитетов) с мозаичными соответствиями [§ 3(е)], среди которых нередко фигурируют и пятисогласные. Для иллюстрации размножения эпитетов из одной ячейки приведу нижеследующий ряд примеров, не принимая на себя задачи объяснить каждую деталь этого сложного корневого хозяйства.

(д) Ячейка 'as 'сила'⁷⁹.

'ans 'скала', 'сильная верблюдица'

'ads 'крепкая поступь'

'adbas u 'addabas 'крепкий верблюд', 'злонравный', 'долговязый'

'irīs 'громадный дородный человек'

'antarīs 'крепкая мясистая верблюдица'

'iltaws 'отборная понятливая верблюдица'

'atallas 'длинный'

'arandas и 'alandas 'очень твердый', 'сильный лев', 'мощный верблюд'

'afs '(сильная) гонка (верблюдов)'

'irmis 'крепкая верблюдица', 'скала'

'amarras 'сильный и крепкий', 'сварливый' = 'amallas

'ifrās 'сильный лев' (ср. farasa 'растерзал')

'irfās 'терпеливая верблюдица'

'afarnas 'сильный лев' (ср. farasa 'растерзал')

'utmūs и 'aytamūs 'прекрасная крепкая верблюдица (или женщина)'

'altamīs 'тучная верблюдица', 'сильный', 'тучный' = 'alṭabīs '(сильная) хватка'

'anqas 'тощий длинный человек'

'aḡannas 'крепкий тучный верблюд'

'aqanfas и 'afanqas 'злонравный', 'высокомерный'

'abanqas 'злонравный', 'долговязый'

'ukāmis 'жирный верблюд' = 'ukābis

Приведенный список и классификация содержащихся в нем слов даны лишь в виде пробы этого огромного и запутанного материала, требующего особого критического отбора и изучения. (Весь материал из LA VIII.)

§ 15. ОБЗОР ПЕРВОЯЧЕК

Свести семитский корнеслов (за вычетом заимствований и отдельных сбитых случаев) к перечню первобытных корней или, как я выра-

жаюсь, первоячеек — задача заманчивая, но чрезвычайно трудная. Целый ряд авторов дает подобные перечни, которые между собой не сходятся ни по форме, ни по значению, но это не должно нас смущать. Правильный перечень может быть составлен лишь коллективной критической работой нескольких опытных семитологов, так как индивидуальный опыт каждого семитолога в отдельности не дает всестороннего учета семитского корнеслова. Как ради истории вопроса, так и ради известной практической ценности каждого серьезного опыта, я привожу ниже перечни первоячеек разных авторов.

(а) Ячейки Дитриха⁸⁰ (*Dietrich F. Ed. Chr. Abhandlungen für semitische Wortforschung. Leipzig, 1844, с. 300*):

- 1) *ba* и *pa* 'открывать' и 'быть открытым'
- 2) *ga* 'быть высоким' и 'покрывать'
- 3) *dsa* 'дрожащее движение', 'про- и уходить'; 'блестеть'
- 4) *da* 'парить-летать', 'идти покачиваясь', 'качаться'
- 5) *la* 'идти в кругу'
- 6) *ra* 'волноваться', 'течь', 'веять'
- 7) *na* 'дышать', 'вдыхать', 'фыркать'
- 8) *scha* 'течь (обильно как молоко)', 'быть белым'
- 9) *sa* 'спускать', 'сбрасывать', 'сдирать'
- 10) *ta* 'бродить (хлеб)', *präkeln*? 'жарить'
- 11) *cha* 'живо двигаться', 'ткать' и 'жить'
- 12) *qa* 'быть острым', 'резко звучать'

(б) Ячейки Филиппи (*Philippi F. W. M. Der Grundstamm des starken Verbums im Semitischen und sein Verhältniss zur Wurzel. — Morgenländische Forschungen. Leipzig, 1875, с. 71—102*):

- 1) *PT*⁸¹ 'с большей или меньшей силой разнять что-нибудь', 'от того — взломать', 'открыть', 'разделить', 'отделить' и т.д. (с. 101);
- 2) *PL*⁸² 'раскалывание', 'вскрывание' (с. 84); низшая ступень от *PR* (с. 98, примеч. 4);
- 3) *PR*⁸³ *bar* 'что-нибудь от чего-нибудь отделить острым орудием', 'разделить', 'распустить', от того также 'скоблить', 'стругать' и т.д. (с. 87); *par* 'более или менее насильно отделить' (с. 101);
- 4) *PK*⁸⁴ = *bah, baq, bak, bah* 'колоть' (с. 100);
- 5) *TL* (ссылка на Бейдāвī, 547 2 и 3 относительно *dal*; с. 84);
- 6) *TR*⁸⁵ = *dar* 'дребезжащее проталкивание' (с. 98, примеч. 4);
- 7) *TK*⁸⁶ 'проталкивание' (с. 100);
- 8) *KP* (ссылка на Бейдāвī [к Корану, 81, 1 *kuwwiral*] относительно *kaw*; с. 84, примеч. 4);
- 9) *KT* 'смотря по силе согласных, более сильная или более слабая резка, надрезка, порубка' (с. 101, примеч. 1);
- 10) *KR* = *gar* 'грубые гортанные и горловые звуки' (с. 87);

- 11) *KN* = *han, ḥan, 'an* 'сгибание', 'отгибание', 'искривление', 'сужение' (с. 98, примеч. 1); 'тусклые гнусавые звуки' (там же);
 12) *LK* = *ṣah* (евр. פֶּסַח) 'блистание', 'просветление'; сюда же автор относит и 'смех' — араб. *dhk* (с. 98, примеч. 1);
 13) *MR* = *mar* 'гладить', 'полосовать', 'быть тугим, напряженным' (с. 87);
 14) *RK* 'толкание или приведение толчками в возбуждение и движение' (с. 100).

Примечание. Символизация обобщенных согласных прописными буквами проведена мной на основании примеров источника; в нужных случаях приведена транскрипция конкретных ячеек.

(в) Ячейки Казе (*Cazet C. Du mode de filiation des racines sémitiques et de l'inversion. Paris, 1882; Généalogies des racines sémitiques. Paris, 1886*):

Двухсогласные

- 1) *br* 'резать', 'колоть'⁸⁷//*mr*
 2) *hm* 'быть оживленным'
 3) *zr* 'рассеивать', 'сеять'
 4) *yr/ry* 'течь', 'орошать'
 5) *mr* 'толочь'
 6) *l* 'быть наверху', 'подыматься'
 7) *qr* 'кричать', 'звать'
 8) *rb* 'сжать'
 9) *rn* 'звучать', 'отдаваться (о звуке)'
 10) *šb* 'толочь', 'топтать'⁸⁸
 11) *š'r* 'мясо'
 12) *tl* 'поднять', 'подвесить'⁸⁹
 13) *tn* 'распростирать'
 14) *tr* 'повернуть'⁹⁰

Односогласные

- 15) *ab* 'рыть', 'унести', 'сдирать' // *tb, db, kb, gb, hm*
 16) *ab* 'производить', 'породить'
 17) *ag* 'сжать', 'ударить', 'толкнуть' // *l, šg* 'смотреть'
 18) *ad* 'резать', 'колоть' // *bd, gd, hd, d*
 19) *ud* 'сжать' // *md, nd, qd, rd*
 20) *al* 'вить' // *bl, gl, hl, ml, kul, lul, mul, sl*
 21) *am* и *aw* 'связать', 'соединить'⁹¹ // *dm, zm, gn, šm, šb, hm, lm, rm*
 22) *an* 'колоть', 'проникнуть' // *n, pn*
 23) *p'* и *'p* 'дышать'⁹² // *šp* 'блистать', 'гореть'
 24) *ar* 'копать'⁹³ // *br, gr, hr, kr, 'r, qr; 'ur* 'гореть'

Примечание. В перечне сохранены нумерация и классификация автора, но не учтено его смутное деление корней на глагольные и указательные. Еврейские буквы автора переданы здесь латинскими.

(г) Ячейки Габеленца (*Gabelentz G.v.d. Die Sprachwissenschaft* 2. Leipzig, 1901, с. 410):

- 1) *PL* 'клониться', 'опускаться', 'падать'⁹⁴ (*PL, NPL* и т.д.)
- 2) *PR* 'разорвать'⁹⁵
- 3) *TP* 'окружать', 'вращать'
- 4) *TR* 'окружать', 'вращать'⁹⁶
- 5) *KP* 'покрывать', 'скрывать'
- 6) *KP* 'выдалбливать', 'сверлить'
- 7) *KTR* 'опоясывать', 'обвязывать', 'окружать'
- 8) *KR* 'быть голым'
- 9) *-KR* 'блестеть' (*PKR?, NKR, TKR*)
- 10) *RT* 'разорвать' (чаще *PRT, KRT*)
- 11) *NK* 'быть', 'попадать (в цель?)'

Примечание. Символизация обобщенных согласных прописными буквами проведена мной на основании примеров источника. Черточка перед первоячейкой показывает, что первый согласный корня должен быть добавочным.

КЛАССНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

§ 16. ПЕРЕЖИТКИ КЛАССНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ⁹⁷

Корни с преобладанием именного значения нередко оканчиваются на согласный, общий целой группе соотносящихся предметов. При большом накоплении фактов становится ясно, что указанное явление не простая случайность и что согласный, объединяющий корни однородного значения, может быть опознан как пережиток отдаленной эпохи, когда семитские языки, подобно многим африканским, имели систему именных классов. Согласно современным лингвистическим воззрениям классы предшествуют родам, т.е. на месте сработавшихся и стершихся именных классов появляются грамматические роды, представляющие абстракцию от прежних конкретных классов, а потому и менее численные (в семитских языках только два рода — мужской и женский, а классы в африканских языках насчитываются десятками).

Все согласные семитского звукового запаса могут встречаться в конце корня, но не все они могут быть классными показателями. Не берусь утверждать, что я открыл и описал все классы, какие сохранились пережиточно в семитском корнеслове, но я сделал то, что мог, и получил следующую схему:

1)	класс	-b	}	названия животных
2)	"	-l		
3)	"	-r		
4)	"	-m	}	названия растений
5)	"	-l		

6)	—"	-n	} названия частей тела
7)	—"	-r	
8)	—"	-m	
9)	—"	-d	} названия твердых и устойчивых тел
10)	—"	-'	
11)	—"	-q	} обозначения всего гибкого и скользкого
12)	—"	-r	

Этот список поражает тем, что, во-первых, не содержит классов, вполне обычных в классифицирующих языках Африки, например, класса названий лиц, класса названий вещей, но содержит классы, необычные для этих языков, например, класс названий твердых и устойчивых тел, класс всего гибкого и скользкого; во-вторых, показатели разных классов совпадают в звуке: три *-r*, два *-m*; в-третьих, количество меньше, чем количество их показателей. Разъяснить все недоумения по этому поводу было бы крайне мудрено — мы вступаем в совершенно неисследованную область, вдобавок пережиточную. Тем не менее кое-что можно сказать уже теперь.

(а) Класс названий лиц и класс названий вещей несомненно были в семитских языках, но их показатели не осели пережиточным образом в составе корня, а превратились в показатели рода: мужского *-ān* и женского *-t*, *-ā*, *-ā'* (наиболее обычен *-t*, который можно назвать общим семито-хамитским). Есть подозрение, что один из показателей класса названий лиц отложился в виде *s <š>*, например, 'люди' — араб. *'ins* // *'unās*, евр. *'iš* // *'ēnoš*, араб. *'enāš*, и 'душа' — араб. *nafs*, эфиоп. *nəfs*, евр. *nāpāš*, араб. *nāpšā*, асс.-вав. *napiš-tu*, но это *-s <š>* нам известно в качестве демонстратива и каузатива [§ 93(а)]. Необычные же классы могут составлять специфику данной системы — ведь в системах именных классов разных языков всегда есть нечто общее и нечто особенное.

(б) Совпадение разных классовых показателей в звуке — вещь вполне обычная для африканских языков; показатели как служебные элементы подвержены интенсивному упрощению в звуке и могут утратить прежние различия. Не следует забывать, что раз мы имеем дело с корнями, а семитские корни состоят только из согласных, то прежде всего от нас совершенно скрыта исконная огласовка показателей и *ma-*, *mi-*, *ti-* или *-am*, *-im* превратились для нас в одно и то же *-m*. Впрочем, не лишено вероятия, что иногда мы имеем дело с одним показателем, обслуживающим несколько классов; так, в африканском языке фуль много классов для единственного числа, но мало классов для множественного числа, и, таким образом, названия предметов разных классов единичности нередко собираются в один класс множественности. Обратный случай — когда на один класс приходится не-

сколько показателей — может объясняться обычной парностью классов, как в языках банту, где один показатель связан со значением единичности, а другой — со значением множественности, например: суахили *m-tu* 'человек' // *wa-tu* 'люди', *ki-tu* 'вещь' // *vi-tu* 'вещи'; с другой же стороны, приходится учитывать возможность классов, близких друг к другу и принимаемых нами за один класс.

(в) Имена без классовых показателей — явление, вполне обычное для семитских языков, так как предполагаемая система классов давно уже вымерла и не может распространяться на целый ряд имен: 1) на заимствованные в эпоху упадка системы классов или еще позже; 2) на отглагольные, образовавшиеся в ту же эпоху и позже; 3) на те имена, которые слишком часто употреблялись в спряженном состоянии, выражая подчас переносный смысл (например, 'рука', 'рот', 'кровь', 'вода', а также термины родства). Необходимо заметить, что те классовые показатели, которые не просто приросли к корню, а превратились в родовые показатели (*-ān*, *-t*, *-ā*, *-ā*), имели много шансов сохранить корни в чистом виде, т.е. без приросших классовых показателей, но, с другой стороны, родовые показатели могли прибавляться к именам, уже сросшимся с классовыми показателями. Так, имеем араб. *šaf-āt* 'губа' при *šufr* 'срамная губа'; *nimm-at* // *namā-t* 'муравей', 'вошь' при *naml* 'муравьи'; *ma'ā* // *mi'ā* 'кишка' при *ma'id-at* // *mi'd-at* 'желудок' [по ал-'Азхарй, *mi'ā* значит вообще 'внутренность живота' (LA XX, 156); возможно, что *-ā* здесь первоначально родовой показатель, а затем уже часть корня (*m'y*) — ведь слово это колеблется в роде и числе]. Бывает и так, что в одном семитском языке имя не снабжено классовым показателем, а в другом снабжено, например, сир. *parsā* 'расщепленное копыто' при араб. *firsin* 'нога', 'лапа'⁹⁸, подобно тому как имя бывает снабжено родовыми показателями в одном языке и не снабжено в другом, например, араб. *šā-t* 'овца' при евр. *šā* 'овца'.

Отсутствие классового показателя во множественном ломаном, как *'arānī* вместо *'arānib* 'зайцы' или *ta'ālī* вместо *ta'alīb* 'лисицы', может быть чисто фонетическим явлением, которое древнеарабские филологи называют *tarḥīm* и которое весьма обычно в звательных оборотах, например, *yā šāhī* вместо *yā šāhibī* 'о, друг мой' или *yā Māl(i)* вместо *yā Mālik(u)* 'о, Малик'. Впрочем, нельзя отрицать, что упомянутое фонетическое явление могло быть подготовлено в далеком прошлом каким-нибудь утраченным морфологическим явлением вроде необязательного употребления (или обязательного неупотребления?) классового показателя в звательных оборотах; в классической арабской поэзии бывают случаи отбрасывания родового показателя в звательных оборотах, например, *yā 'Utmi* вместо *yā 'Utmānu* 'о, 'Осмān', 'a Fātima не смешивать с паузальной формой *Fātimah* вместо 'a Fātimatu 'о, Фāтыма!'

(г) Имена с разными классовыми показателями могут иметь одно и то же значение или принадлежность к общему кругу значений, так как

классы делятся на соотносящиеся группы (см. список в начале настоящего параграфа). Так араб. *ġism* и *ġasad* 'тело'; *šaġar* 'деревья' и *šaġan* 'ветвь' (т.е. часть тела у дерева, ср. *ġuṣn* 'ветвь'); может быть, сюда же относятся *kitr* и *kidn-at* 'горб верблюда'. Любопытный пример: 'горло' — араб. *ġirān*, евр. *ġaron*, асс.-вав. *girānu* при эфиоп. *gwər'ē*, новоевр. *gerā*, асс.-вав. *girru*; здесь в одних случаях показатель *-n* (ср. *lisān* <*š*> 'язык'), в другом — показатель *-'* (ср. араб. *laṭ* 'небо'), и в некоторых случаях вовсе нет классного показателя (евр. *-ā* — показатель женского рода, из **-at*).

(д) Имена с двумя классными показателями являются результатом различных процессов, протекавших в эпоху упадка системы классов и большей частью уже неясных для современного исследователя. Так, 'лиса' — араб. *ta'lab* и *tu'āl-at*, евр. *šū'al*, араб. *ta'lā*, асс.-вав. *šēllibu* и *šēlabu*; 'ноготь' — евр. *šippórān* при араб. *zifr*, эфиоп. *šəfr*, араб. *teprā*, асс.-вав. *šupru* и *šuppāru*; 'саранча' — араб. *ġardam* и *ġarad*. Действительно ли перед нами наложения однородных классных показателей — *-l + -b* (названия животных), *-r + -n* (названия частей тела), *-d + -m* (названия твердых тел)? Может оказаться и иначе; так, в евр. *šippórān* некоторые склонны видеть забытый демонстратив, который обычно видят в араб. *purta'nā* 'блоха'⁹⁹ при араб. *burgūt*, евр. *par'oš*, асс.-вав. *puršu'u*.

Иное дело — встреча двух классных показателей, когда одно имя произведено от другого, уже имевшего классный показатель; но тут встретятся разнородные классные показатели. Очень возможно, с моей точки зрения, что 'заяц' — араб. *'arnab*, евр. *'arnābāt*, араб. *'arnābā*, асс.-вав. *annabu* — значит, собственно, 'ушастый зверь', т.е. **'adnab* от *'udn* 'ухо', и тогда проявляет сразу два классных показателя — названия животных (*-b*) и частей тела (*-n*).

(е) Имена, оканчивающиеся на удвоенный согласный, представляют большую трудность для решения вопроса, есть ли у них классный показатель. Названия животных — *dubb* 'медведь'¹⁰⁰, *ḡabb* 'съедобная ящерица'¹⁰¹, *dubāb* 'муха'¹⁰² и частей тела — *sinn* <*š*> 'зуб', *ṭinn* 'волосы на лошадином копыте', *surr* <*š*> 'пупок' (все примеры в арабской форме) — могут быть поняты или как сложения с классным показателем (**dub-b*, **šin-n*), или как результат повтора двухсложной ячейки (т.е. **dubdub*, **šinšin* без всякого классного показателя). Еще труднее объяснить триаду *dob* 'медведь' — *dəborā* 'пчела' — *dəbaš* 'мед' [§ 9(6)].

§ 17. КЛАССЫ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ

Ниже приводятся примеры, главным образом из арабского языка, иллюстрирующие сказанное в предыдущем параграфе применительно к классам названий животных и растений. При этом я решил ограничиться примерами лишь непосредственного значения, т.е. означающи-

ми самих животных и растения, и оставить без упоминания многочислен-
ные случаи смежного значения, например, названия продуктов,
действий и пр.; между тем имеются исторические примеры, подтвр-
ждающие, что названия животных могут переноситься на изделия из
этих животных — вспомним хотя бы общеизвестный семитизм в Но-
вом Завете: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели
богатому войти в Царство Божие» (Мат. 19, 24), где *верблюд* употребе-
ляется в смысле корабельного каната, как араб. *ḡamal* 'верблюд' и
'корабельный канат'.

(а) Класс названий животных -b.

<i>kalb</i>	'собака'	<i>qarnab</i>	род грызуна
<i>saqb</i>	'верблюжонок'	<i>qarhab</i>	'старый бык'
<i>wagb</i>	'большой верблюд'	<i>'ankab</i>	'паук'
<i>dī'b</i>	'волк' ¹⁰³	<i>gurāb</i>	'ворон'
<i>dī'b</i>	'рыба'	<i>'uqāb</i>	'орел'
<i>tu'b-at</i>	род ящерицы ¹⁰⁴	<i>ḥirb-ā'</i>	'хамелеон'
<i>'aqrab</i>	'скорпион'	<i>zarib-ān</i>	'хорек'
<i>'arnab</i>	'заяц'	<i>sun'ub-at</i>	'куница'
<i>ṭa'lab</i>	'лиса'	<i>daydab</i>	'дикий осел'

По поводу примера *'ankab* 'паук' нужно добавить, что чаще употре-
бляется форма *'ankabūt* (с вариантами *'ankab-ā'*, *'ankabāh*, *'ankabūh* — LA II, 23); это окончание *-ūt* представляет трудность, так как в
евр. *'akkābiš* и араб. *'akkābiṭā* отражается не *-ūt*, а **-īl*, какового мы в
других словах не знаем; в примере *ḥirbā'* бывшее женское окончание
-ā' уже утратило свой смысл и стало неотделимым: теперь *ḥirbā'*
'самец хамелеона', а 'самка' — *ḥirbā'-at* (LA II, 297).

В семитологической литературе уже давно обратили внимание на
-b в названиях животных. Довольно много примеров на класс *-b* дает
W.Vycíchl (Was sind Hamitensprachen? — Africa, Vol. VIII, № 1, Jan.
1935, с. 87).

(б) Класс названий животных -l.

<i>nahl</i>	'пчелы'	<i>'iḡl</i>	'теленок'	<i>waral</i>	'большая ящерица'
<i>naml</i>	'муравьи'	<i>riḥl</i>	'овечка'	<i>ḡamal</i>	'верблюд'
<i>ṭawl</i>	'пчелы'	<i>hiṣl</i>	'молодая ящерица'	<i>'aḡal</i>	'полевая мышь'
<i>qaml</i>	'вши'	<i>šibl</i>	'львенок'	<i>wa'il</i>	'каменный козел'
<i>baḡl</i>	'мул' ¹⁰⁵	<i>'ibil</i>	'верблюды'	<i>gazāl</i>	'газель'
<i>ra'l</i>	'молодой страус'	<i>'ayyil</i>	'олень'	<i>ḡawzal</i>	'голубок'

Пример *qaml* сильно варьирует форму по языкам: эфиоп. *qwəṣāl*,
евр. *kinn-ā*, араб. *qalmāṭā*, асс.-вав. *kalmatu*. Пример *ḡamal*, как в араб.
gamlā, не проявляет удвоения согласных, которое имеет место в асс.-
вав. *gammalu* (второй согласный) и евр. *ḡamāl* в своих производных,
например, мн.ч. *ḡmall-im* (третий согласный); уже несовпадение уд-
ваиваемых корневых говорит за вторичность явления.

(в) Класс названий животных -г.

I. «насекомые»

<i>dabr</i>	‘пчелы’
<i>nibr</i>	‘клещ’
<i>zunbūr</i>	‘оса’

II. «птицы»

<i>nasr</i> <š>	‘орел’
<i>qunbur</i>	‘жаворонок’
<i>saqr</i>	‘сокол’

III. «хищники»

<i>namir</i>	‘тигр’
<i>hinbir</i>	‘гиена’
<i>usbur</i>	‘пантера’

IV. «домашние животные и их дикие родичи»

<i>ṭawr</i>	‘бык’	<i>ḥimār</i>	‘осел’	<i>ḥinzīr</i>	‘свинья’
<i>muhr</i>	‘жеребенок’	<i>ḥuwār</i>	‘верблюжонок’	евр. <i>‘immār</i>	‘ягненок’
<i>baqar</i>	‘коровы’	<i>ba‘īr</i>	‘верблюд’ ¹⁰⁶	асс.-вав. <i>šapparu</i>	‘дикий козел’

Относительно *ṭawr* см. § 3(а). Пример *ḥinzīr* варьирует форму по языкам: эфиоп. *ḥanzar*, евр. *ḥāzīr*, араб. *ḥāzīrā* (новосир. *ḥzūjīrā*), асс.-вав. *ḥumšīru* (теперь толкуют как ‘мышь’); но араб. *ḥinnawš* ‘поросенок’ подтверждает -n-.

(г) **Возможность других классов названий животных.** Так как нам неясны причины деления названий животных на три вышеприведенных класса¹⁰⁷, мы не можем ни утверждать, ни отрицать возможность еще одного (да и одного ли?) класса названий животных. Так, приходится считаться с рядом названий животных, оформленных окончанием -š в арабском (из *-s’): *kabš* ‘теленка’, *ḡaḥš* ‘осленок’, *barḡaš* ‘комары’, *farāš* ‘бабочки’, *waḥš* ‘дикий зверь’, *birqīš* ‘зяблик’. Если возникает мысль, не является ли это -š (*-s’) оглушением исконного -l согласно § 7, то оглушением исконного -b явилось бы -f//p [например, евр. *‘ālāp*, асс.-вав. *alpu* ‘бык’, а оглушением более редкого для названий животных исконного -r было бы -s//š, например, евр. *dəbor-ā* ‘пчела’, но *dəbaš* ‘мед’; см. § 9(б)]. Принципиальный вопрос о возможности оглушения звонкого согласного в роли классного показателя было бы преждевременно рассматривать: до сих пор не сделано той коллективной разработки семитского корнеслова, о которой говорилось в § 15.

В связи с классами названий животных, отмечаемыми посредством классных показателей, заслуживает внимания своеобразный класс названий животных, отмечаемый средствами внутренней флексии и переносимый с названий животных на обозначения людей в виде презрительного прозвища; таковы араб. *‘iḡḡawl* ‘теленка’, *ḥinnawš* ‘поросенок’, *sinnawr*<š> ‘кошка’ и т.д. от трехсогласных корней; *ḡirdawn* ‘крыса’ (= *ḡuraḍ*), *ḥirdawn* ‘ящерица’, *birdawn* ‘наемная лошадь’ (= *birdūn*) и т.д. от четырехсогласных корней, причем *ḡirdawn* новообразование от *ḡuraḍ* → мн. *ḡird-ān* → мн. *ḡarādūn*, да и прочие четырехсогласные вторичны. Лишнее -n появилось в конце приведенных четырехсогласных корней при образовании вторичного множественного ломаного, как в случае *mašīr* ‘кишка’ → мн. *mišr-ān* → мн. *mašārīn* [некоренной согласный срачивается с корнем согласного § 14(б), 1].

(д) **Классы названий растений.** Судя по тому, что в африканских языках бывают классы названий растений, особенно класс названий деревьев, можно ожидать нечто подобное и в семитских языках. Однако то, что я здесь заметил, совпадает по звуку показателя с другими классами (-*m*, -*l*) и этим затрудняет выяснение вопроса, имеем ли мы дело действительно с классом названий растений или эти слова попали в разные классы по другим признакам, т.е. не как обозначения растений. В живой системе классов можно было бы разобраться и легче и точнее, но ведь перед нами пережитки давно уже вымершей системы классов. Приведу примеры на оба предполагаемых класса названий растений:

			- <i>m</i>		
<i>tūm</i>	'чеснок'	<i>ratam</i>	'дрок'	<i>'aḡam-at</i>	'пальма'
<i>butm</i>	'теревинф'	<i>ḥazam</i>	род пальмы	<i>taḡām-at</i>	'польнь'
<i>ḡurm</i>	'лавандула'	<i>'anam</i>	род дерева	<i>qurtum</i>	'дикий шафран'
<i>'utm</i>	'масличное дерево'	<i>ḡalham</i>	род терна	<i>tannūm</i>	род дерева

			- <i>l</i>		
<i>baql</i>	'злаки' ¹⁰⁸	<i>daqal</i>	'плохие финики'	...	
<i>'aṭl</i>	'тамариск'	<i>wazal</i>	'дрок'	<i>ḥarmal</i>	'рута'
<i>naḥl</i>	'пальмы'	<i>fūl</i>	'бобы'	<i>ḥardal</i>	'горчица'
<i>rabl</i>	'осенние растения'	<i>ruḡl</i>	'лебеда'	<i>ḥanzal</i>	'колоквинты'
<i>baṣal</i>	'лук'	<i>fūḡl</i>	'редька'	<i>ḥariāl</i>	'овес'
<i>'ab(a)l</i>	'тамариск'	<i>ṭil</i> и <i>ṭayyil</i>	'лен', 'конопля'	<i>ḥunbul</i>	'бобы'

Относительно примера *naḥl*: в других семитских языках значение 'долина' (евр. *nāḥal*, араб. *naḥlā*, асс.-вав. *naḥlu* и *naḥallu*), в южно-арабских надписях значение 'пальма', 'плантация', 'сад', но связь с пальмой неразрывна, и в некоторых местах Библии предлагают переводить евр. *nāḥal* посредством 'пальма' (см. словарь Gesenius'a).

Трудность фонетического свойства представляет 'душистый горошек' — евр. *ḥarūl*, араб. *ḥurūlā* при араб. *ḥallar*, асс.-вав. *ḥallūru*; какая форма ближе к исходной, сказать сложно. Принадлежность к классу названий растений требовала бы порядка согласных *ḥrl*. Можно подозревать фонетические изменения и в других случаях: не к классу ли -*m* относились первоначально *'inab* 'виноград', *hindab* 'цикорий', *kurunb* 'капуста' (если не из *kurubb), *zarnab* 'папоротник', *kammūn* 'тмин'? Предполагалось бы **'inam*, *hindam, *kurunm, *zarnam, *kammūn. Относительно евр. *boṭn-ā*, асс.-вав. *buṭnu-*, араб. *buṭm*, араб. *buṭmā* 'теревинф' можно сказать с большей уверенностью, что здесь наблюдается диссимилиация *b...m* → *b...n*, ср. евр. *bōḥān* 'большой палец', асс.-вав. *ubāni* 'палец' = араб. *'ibhām* 'большой палец'.

Как относительно редких классов названий животных, так и относительно редких классов названий растений ничего определенного сказать нельзя. Кое-когда внимание исследователя привлекается названиями растений с окончанием -*s*, но тут нужно проявлять большую

осторожность ввиду сложности отражений семитских сибилантов, в частности ввиду двойной природы арабского и эфиопского *s* [§ 5, примеч. 5; § 9(б)]; так, араб. 'adas 'чечевица' и hadas 'мирт' не могут принадлежать к одному классу, судя по еврейским эквивалентам 'ādāša и hādas.

Лишь как курьез можно привести мнимый класс названий растений с совпадающим -awz: 'awz 'виноград', mawz 'бананы', ḡawz 'орехи', ḥawz 'стиракс', lawz 'миндаль' (евр. 'ēḡoz и не рифмуется, но араб. guzā и luzā, эфиоп. gawz и lawz рифмуются); добавочное 'ē- в еврейском 'ēḡoz напоминает такое же 'ā- в евр. 'āḇattih 'арбуз' = араб. baṭṭih, сир. patṭihā.

§ 18. КЛАССЫ НАЗВАНИЙ ЧАСТЕЙ ТЕЛА

Один из классов названий частей тела — -n — был обнаружен еще F.Ed.Chr. Dietrich'ом (Abhandlungen für semitische Wortforschung. Leipzig, 1844, с. 196).

(а) Класс названий частей тела -n.

'ayn	'глаз'	hiḥn	'лоно'	daqan	'борода'
batn	'брюхо' ¹⁰⁹	'udn	'ухо'	lisān <š>	'язык' ¹¹¹
ḍabn	'подмышка'	ṣifn	'мошонка'	burtun	'когти'
ḥafn	'горсть'	waḡn-at	'щека'	евр. ḡaron	'горло'
matn	'хребет'	kidn-at	'верблюжий горб'	— ḡāhon	'брюхо'
qarn	'рог'	badan	'тело' ¹¹⁰	— šippórān	'ноготь'

Очень возможно, что к классам названий частей тела относились и названия частей растений, как tibn 'солома', ḡuṣn и šaḡān 'ветвь'; не менее вероятно и отнесение сюда обозначений болезненных видоизменений тела, например, ḥibn 'гнойная язва', daran 'опухоль', mašn-at 'царапина'. Более гадательно, но не лишено вероятия отнесение сюда названий продуктов животного происхождения, например: laban, 'молоко' duhn и samn <š> 'жир', 'масло', 'ihn 'шерсть'. Относительно евр. bó-hān 'большой палец' см. § 17(д).

(б) Класс названий частей тела -r.

'ayr	'penis'	hiḡr	'лоно'	natr-at	'носовой хрящ'
'ayr	'зрачок'	kitr	'верблюжий горб'	tuḡr-at	'верх спины'
baṣr	'клитор'	dubr	'зад' ¹¹²	'udr-at	'praerucium'
ṣadr	'грудь'	šufr	'срамные губы'	ḥinšir	'мизинец'
ša'r	'волосы'	ḍakar	'penis'	эфиоп. kanšar	'губа'
zahr	'спина'	wabar	'мягкий волос'	евр. šawwā'r	'шея'

В соответствии с оговоркой в предыдущем пункте можно привести примеры: «части растений» — qišr 'кожура', евр. ḥōtār 'сук'; «болезненное» — 'aqr 'рана' (→ 'aqrab 'скорпион?'), 'iḡr 'нарост'; «вещества

и продукты» — *ba'r* и *ǧa'r* 'навоз' (но *ba'ir* 'верблюд!'), *ṭatr-at* 'сливки', евр. *šāmār* и араб. *'amrā* <ḏ> 'шерсть'.

Слово 'нога' — араб. *riǧl* (в диалектах также *'iǧr*), эфиоп. *'əgr*, евр. *rāǧāl*, араб. *raǧlā*, *reǧlā*, *leǧrā*, *neǧrā* представляет трудность; вероятнее исходить из *rgr, откуда диссимиляция *r...r* → *r...l* в одних языках, но *r...r* → *'...r* в других [дальнейшие изменения идут подобно уже приводившемуся *ḥrl* в § 17(д)].

§ 19. КЛАССЫ НАЗВАНИЙ ТЕЛ С РАЗЛИЧНЫМИ СВОЙСТВАМИ

Классы названий тел, характеризующихся теми или иными свойствами, весьма пестры в своем составе, так как у каждого предмета много признаков, а не один-единственный. По какому признаку предмета привлечено его название в данный класс, не так легко сказать, если не знаем ни истории данного предмета, ни тех представлений, которые имели данные народы о данном предмете.

(а) **Классы названий твердых и устойчивых тел.** Эти классы имеют показателями *-m* и *-d*. Приводя примеры, разбиваю их для удобства на группы:

«камни» и т.д.		«орудия» и т.п.		«места»	
<i>'iram</i>	'камень'	<i>'alam</i>	'знак'	<i>'uǧum</i>	'убежище'
<i>burm-at</i>	'каменный горошек'	<i>ǧušam</i>	'груз'	<i>'uṭm</i>	'твердое место'
<i>ruǧm-at</i>	'куча камней'	<i>šanam</i>	'идол'	<i>iaḥm</i>	'граница'
<i>raḥm</i>	'камни'	<i>'iqm</i>	'связка'	<i>italam</i>	'борозда'
<i>ǧalmad</i>	'скала'	<i>wašm</i>	'узел'	<i>ḥarm</i>	'пик горы'

«части тела»		«животные»	
<i>ǧirm</i> , <i>ǧism</i>	'тело'	<i>bahm</i>	'мелкий скот' (если не из * <i>bah-b</i>)
<i>'azm</i>	'кость'	<i>būm</i>	'сова' (если не из * <i>bū-b</i> , ср. лат. <i>bubo</i>)
<i>qadam</i>	'ступня'	<i>ǧanam</i>	'овца', 'баран' (если не из * <i>ǧana-b</i>)
<i>'ibhām</i>	'большой палец'	<i>raḥam</i>	'стервятник'
эфиоп. <i>sanām</i>	'горб'	<i>ǧardam</i>	'саранча' (с обоими классами <i>-d</i> , <i>-m</i>)

Среди примеров очень ненадежны названия животных, что и указано оговорками в скобках. Арабскому *šanam* соответствуют евр. *šālām*, араб. *šalmā*, асс.-вав. *šalmi* 'картина', 'образ', тогда как корень *šnm* в северносемитских языках значит вообще 'твердость' — новоевр. *šanum* 'твердый', араб. *šunnāmā* 'твердый камень'.

Некоторые случаи с окончанием *-m* могут оказаться пережитками мимации (древнего неопределенного члена *-m*, как *ibnum* 'сын' наряду с *ibn* 'сын'); трудно сказать, мимация или классный показатель наличны в усиленных прилагательных цвета, например, *ḥulkum* 'пречерный' при *'aḥlak* 'черный', *zurqum* '(пре)синий' при *'azraq* 'голубой', или в

некоторых анатомических терминах, например, *ḥulqūm* 'гортань' при *ḥalq* 'гортань', *zulqūm* 'дыхательное горло' при *zaliqa* 'был скользок' (семантическая связь требует уточнения), или, наконец, в любопытном *ḥursūm* 'высокая гора' при *ḥaraša* 'царапал' (не «небоскреб» ли своего рода?). Во всяком случае, именно к описываемому классу нужно отнести целую серию глаголов в смысле «кусать», восходящих, надо думать, к конкретному существительному 'зуб', хотя бы и уточненному в своей простейшей форме: *'azama*, *'aḏama*, *'aḡama*, *ḥaḡama*, *bazama*, *ḏaḡama* [§ 7(a)] и т.д. Зато вне этого класса следует поставить *rahim* 'матка'¹¹³, так как хамитские параллели говорят о двухсогласной ячейке *rm*: фуль¹¹⁴ *rima* 'рожать', сомали *rima* 'матка', *riman* 'беременная', галла *rimesa* 'быть плодовитым' (уже семантика не допускает заимствования с семитских языков, а огласовка *-i-* тем более).

Очень важное слово семитских языков 'камень' — эфиоп. *'abn*, евр. *'āḇān*, асс.-вав. *abnu* — должно бы относиться к классу названий твердых и устойчивых тел; предположим, что оно звучало **'ab-m*, но обычное противление двум губным в одном слове привело к диссимиляции в *'abn* (кстати сказать, я не знаю ни одного семитского слова со встречей *-bm-*).

(б) Класс названий твердых и устойчивых тел *-d*.

I. «камни» и т.д.		II. «орудия»		III. «состояния» и т.д.	
<i>barad</i>	'град'	<i>'amūd</i>	'столб'	<i>'abad</i>	'вечность'
<i>ḡamad</i>	'лед'	<i>'uqd</i>	'узел'	<i>'atd</i>	'твердость'
<i>ḡalmad</i>	'скала'	<i>mahd</i>	'колыбель'	<i>ḡahd</i>	'сухой'
<i>kalad-at</i>	'грунт'	<i>mikd</i>	'гребень'	<i>ḥarad</i>	'гнев'
<i>tawd</i>	'высокая гора'	<i>watad</i>	'кол'	<i>ḥasad</i>	'зависть'

IV. «части тела»

<i>ḡasad</i>	'тело'
<i>ḡild</i>	'кожа', 'шкура'
<i>lugd</i>	'мочка уха'
<i>mi'd-at</i>	'желудок'
<i>nahd</i>	'женская грудь'

V. «животные»

<i>'asad</i>	'лев' (юж.-араб. 'муж')
<i>'ugd</i>	'крепкоспинная верблюдица'
<i>ḡarād</i>	'саранча' (ср. <i>ḡardam</i>)
<i>ḥuld</i>	'крот'
<i>naqad</i>	особый вид овец

Относительно группы III замечу, что эти слова тесно связаны с глаголами; их корни не могут быть причислены к корням с преобладанием именного значения. Тем не менее, руководствуясь принципом «все абстрактное из конкретного», мы должны предполагать, что в подобных случаях когда-то были конкретные существительные, впоследствии вышедшие из употребления и предоставившие свои корни — конечно, с классным показателем, с которым они срослись, — глаголам и отглагольным именам. Известная доля спорности, именно ли это корень или глагольный, разумеется, сохраняется и останется впрямь до выяснения всех когда-то активных ячеек (для чего потребна коллективная работа, см. § 15).

(в) **Класс названий гибких и скользких тел**¹¹⁵. Этот оригинальный класс оканчивается показателем -' (звонкий гортанный согласный 'айн'). В него входят названия частей тела, а также названия животных и растений, но всякий раз с указанием на наличие у денотата более или менее отчетливого признака — гибкости, скользкости, подвижности. Приведем примеры по группам:

I. «части тела»		II. «животные»		III. «растения»	
<i>dirā'</i>	'локоть'	<i>ḡab(u)'</i>	'гиена'	<i>naka'-at</i>	'амарант'
<i>'iṣba'</i>	'палец'	<i>sab(u)'</i>	'лев'	<i>faq'</i>	'гриб'
<i>kurā'</i>	'голень'	<i>ḡafda'</i>	'лягушка'	<i>qaza'</i>	'лен'
<i>ḡil(a)'</i>	'ребро'	<i>qata'</i>	'древоточец'	<i>gar'</i>	'тыква' (соби́р.)
			(червь)		
<i>laṭ'</i>	'небо'	<i>har'-at</i>	'вошь'		
<i>sin'</i>	'сгиб руки'	евр. <i>šāpa'</i>	'ядовитая змея'		

Слово 'палец' — араб. *'iṣba'*, эфиоп. *'aṣbā't*, евр. *'āṣba'*, араб. *ṣeb'ā* — имеется и в древнеегипетском (обычная транскрипция — *db'*). Вместо *kurā'* 'голень', евр. *kāra'*, араб. *kar'ā*, асс.-вав. *kurītu*, эфиопский имеет *kwərnā'* (из **kurrā'*). Относительно слова 'лягушка' см. § 14(г); для классического арабского зарегистрированы формы *ḡafda'*, *ḡifda'*, *ḡufda'* и, кроме того, как йеменский диалектизм *ṣafdu'* [§ 7(a)].

(г) **Классы влажных и жидких тел.** Класс жидкостей известен в африканских языках, например, фуль *-am*. В семитских языках с трудом прослеживаются пережитки аналогичного класса с показателем *-q* или *-r*. Для первого приведем *rīq* 'слюна', *dibq* 'птичий клей', *'araq* 'пот', *marāq* 'похлебка', *buṣāq* 'плевок'; для второго — *ḡamr* 'вино', *qaṭr* 'капли', *maṭar* — 'дождь', *nahr* 'река', евр. *rīr* 'слюна' (если не повтор). Привести в качестве примера *bahr* 'море' было бы тем менее надежно, что в эфиопском имеем того же корня *bəḡēr* 'земля' (но *bāḡr* 'море'), значит, дело тут не в семантике «жидкость»; ср. араб. *barr* 'суша', 'материк'.

§ 20. МНИМЫЕ КЛАССНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Выработка новых корней путем взаимодействия старых приводит к любопытному явлению: в семитских языках можно подыскать целые серии глаголов, совпадающих полностью или частично в значении и объединяемых общим конечным согласным. Создается впечатление, будто наряду с именными классами существуют и глагольные, а наряду с показателями именных классов (§ 16—19) — также показатели глагольных классов. На самом деле в таких случаях большей частью мнимые классные показатели — завершения двухсогласных ячеек, выросших в трехсогласные корни. Приведем примеры:

(а) глаголы течения ('течь'): 'azaba, naḏaba, qasaba, sāba (syb), saraba, šaḥaba, ta'aba, wazaba; евр. dāḥab, zub; варианты — saḡama, darafa, naṭafa;

(б) глаголы «носа» (обозначающие различные действия, связанные с ударом по носу): daḥima, faḡama, ḥaḡama, ḥarama, ḥatama, ka'ama, ratama; в значении «вонять» можно привести случаи вроде qanima, zaḥima;

(в) глаголы трения ('тереть'): da'aka, dalaka, faraka, hakka, ḥakka, ma'aka, sāka (swk), 'araka; варианты — ḥaraqa, fataḡa, ramāḡa;

(г) глаголы «ударов» ('ударить', 'хлопать'): daqqa, ḥafaqa, saḥaqa, šafaqa, šalaqa; евр. dāpāq, šāpāq; варианты — lataḥa, labaḥa, lakaḥa, mataḥa, bašaḥa, labaḥa, yafaḥa, šafa'a, sama'a; евр. nāḡa', pāḡa', ṭāqa';

(д) глаголы «слабоглазия» («иметь больные, слабые глаза; иногда гноящиеся»): 'amiša, dawiša, ḡamiša, ḡatiša, ḥafiša, madiša, matiša, ramiša; варианты — ḥawiša, laqiša;

(е) глаголы прыганья ('прыгать'): ḏafaza, fazza, nafaza, naqaza, qaḥaza, qafaza, qalaza, qazza; евр. duṣ, qippeṣ, raqad, silled.

УКАЗАТЕЛЬ

Арабский язык

(Алфавитный порядок: ' , b, t, l, ġ, h, ħ, d, ḍ, r, z, s, š, ṣ, ḍ, ṭ, ẓ, ' , ġ, f, q, k, l, m, n, h, w, y).

'abad	19(б), III ¹	baršaqa	2(л)	bahm	19(а), 5
'ib(i)l	17(б)	burgūt	5, прим. 7; 16(д)	'i-bhām	17(д); 19(а), IV
'atl	17(д)	bargaš	17(г)	būm	19(а), V
'uġd	19(б), V	baraqa	2(б)	tabba	3(д)
'uġum	19(а), III	birqiš	17(г)	tibn	18(а)
'Adam	9	barka'a	14(б), 2	taħm	19(а), III
'udn	18(а)	burm-at	19(а), I	talada	13(в), 4
'arra	9(б)	barā	2(л)	talam	19(а), III
'iram	19(а), I	bazaqa	4(б)	tanmūm	17(д)
'arnab	16(д); 17(а)	basan	3(л)	tuġr-at	18(б)
'arānī	16(в)	bazama	19(а)	tarra	7(б)
'azaba	20(а)	basbas	10(в)	'a-tatt	3(е)
'azama	19(а)	basata	5, примеч. 7	ta'aba	20(а)
'asad	19(б), V	basmaia	14(в)	tu'b-at	17(а)
'asara	5, примеч. 5	basaha	20(г)	tu'āl-at	16(д)
'ašara	10(г)	bašaka	10(а)	ta'lab	16(д); 17(а)
'išba'	6(б); 19(в), I	bašaqa	4(б); 19(г)	ta'ālī	16(в)
'utm	19(а), III	bašal	17(д)	taġaba	10(б)
'akala	2(а)	baṭiħa	8	taġām-at	17(д)
'Umm	12(л)	baṭiħ	17(л), конец	taqaba	10(л)
'am-at	12(л)	buṭm	17(л)	tafā	7(б)
'ins	16(а)	baṭn	18(а)	talat	13(а)
'unās	16(а)	bazr	18(б)	tamma	3(д); 7(б)
'anām	9	ba'r	18(б)	taṃaġa	7(б)
'ayr	18(б)	ba'ir	17(в), IV	tin	16(е)
'ayyil	17(б)	ba'ada	10(б)	tawr	3(а); 17(в), IV
ba'aša	10(б)	ba'an-qā-t	3(г)	tawl	17(б)
baṭir	3(л)	baġaza	10(б)	tūm	17(л)
badaha	10(б)	baġl	17(б)	tayyil	17(л)
badan	18(а)	baqar	17(в), IV	tīl	17(л)
bada'u	10(б)	baqara	2(а); 10(б)	ġabba	3(д)
bahaza	3(л)	baql	17(л)	ġubb	13(б)
bahr	19(г)	baqiya	10(б)	ġabal	13(б)
baħaza	10(б)	balla	14(а)	ġahd	19(б), III
baħaqa	10(б)	balbala	14(а)	ġahš	17(г)
barr	19(г)	baltā	10(г), конец	ġadda	1
burtun	18(а)	balaġa	2(б)	ġada'a	1
barad	19(б), I	bahaza	3(л)	ġadafa	4(б)
birdawn	17(г)	bāhil	3(л)	ġadama	1

¹ Арабские цифры соответствуют номерам параграфов в тексте; (а), (б), (в), (г) и т.д. — рубрикам внутри параграфов, римские цифры обозначают группу примеров (в случаях, когда есть группировка по какому-либо семантическому признаку).

<i>ğaḍda</i>	1	<i>hasama</i>	1	<i>dibq</i>	19(г)
<i>ğada'a</i>	1	<i>haşsa</i>	1	<i>dad</i>	12(в)
<i>ğadama</i>	1	<i>haçrama</i>	14(в)	<i>dadd</i>	12(в)
<i>ğarad</i>	16(д); 19(а)	<i>hiçn</i>	18(а)	<i>dadān</i>	12(в)
<i>ğardam</i>	16(д); 19(а)	<i>haıtab</i>	7(б)	<i>dadā(n)</i>	12(в)
<i>ğuraḍ</i>	17(г)	<i>haıtama</i>	7(б)	<i>duḫān</i>	3(б)
<i>ğirdawn</i>	17(г)	<i>haıfn</i>	18(а)	<i>darān</i>	18(а)
<i>ğirm</i>	9(б); 19(а), IV	<i>hakka</i>	20(в)	<i>dāsūs</i>	3(д)
<i>ğirān</i>	16(г)	<i>hulkum</i>	19(а)	<i>da'aka</i>	20(в)
<i>ğism</i>	9(б); 16(г); 19(а), IV	<i>hulqum</i>	19(а)	<i>da'ama</i>	3(г)
<i>ğusam</i>	19(а), II	<i>hamām</i>	6(б); 10(в)	<i>dafana</i>	3(д)
<i>ğazza</i>	1	<i>hamida</i>	3(г)	<i>daqqa</i>	14(а); 20(г)
<i>ğaza'a</i>	1	<i>hamdala</i>	14(в)	<i>daqbaqa</i>	14(а)
<i>ğazama</i>	1	<i>himār</i>	17(в), IV	<i>daqal</i>	17(д)
<i>ğāsūs</i>	3(д)	<i>hamuça</i>	7(б)	<i>dalaka</i>	20(в)
<i>ğasad</i>	16(г); 19(б), IV	<i>hamala</i>	3(д)	<i>damm</i>	12(г)
<i>ğa'r</i>	18(б)	<i>hanab</i>	13(б)	<i>damasa</i>	8
<i>ğa'falıq</i>	3(е)	<i>haniba</i>	3(д)	<i>dama'a</i>	3(д)
<i>ğa'nā</i>	10(г), конец	<i>hunbul</i>	17(д)	<i>dana</i>	13(а)
<i>ğafşalıq</i>	3(е)	<i>hanzal</i>	17(д)	<i>dandana</i>	13(а)
<i>ğalbaba</i>	14(б), 5	<i>hanaf</i>	13(б)	<i>duhn</i>	18(а)
<i>ğild</i>	19(б), IV	<i>hanā</i>	13(б)	<i>dawıŝa</i>	20(д)
<i>ğalmad</i>	19(а), I	<i>huwār</i>	17(в), IV	<i>dayd</i>	12(в)
<i>ğalham</i>	17(д)	<i>hawz</i>	17(д), конец	<i>daybad</i>	12(в); 17(а)
<i>ğamma</i>	3(д)	<i>hāsa(hws)</i>	10(г)	<i>daydabūn</i>	12(в)
<i>ğamad</i>	19(б), I	<i>(i)hwalla</i>	10(а)	<i>day(a)-dān</i>	12(в)
<i>ğamal</i>	17(б)	<i>hatama</i>	20(б)	<i>dī'b</i>	7(б); 16(а)
<i>ğamhara</i>	14(б), 4	<i>harra</i>	14(а)	<i>dubāb</i>	16(е)
<i>ğanfalıq</i>	3(е)	<i>harhara</i>	14(а)	<i>dābaha</i>	7(б)
<i>ğāhil</i>	3(д)	<i>hardal</i>	17(д)	<i>darra</i>	7(б); 13(а)
<i>ğawz</i>	17(д), конец	<i>haraŝa</i>	2(б)	<i>dardara</i>	13(а)
<i>ğawzal</i>	17(б)	<i>hurşum</i>	19(а)	<i>dīrā'</i>	19(б), I
<i>ğāb(gyb)</i>	13(е), конец	<i>hartāl</i>	17(д)	<i>daraf a</i>	20(а)
<i>habaŝa</i>	10(г), конец	<i>harm</i>	19(а), III	<i>daffa</i>	7(б)
<i>hibn</i>	18(а)	<i>harama</i>	20(б)	<i>daqan</i>	18(а)
<i>hiğr</i>	18(б)	<i>hazam</i>	17(д)	<i>dakar</i>	18(б)
<i>hağama</i>	19(а); 20(б)	<i>haŝab</i>	7(б)	<i>dahaba</i>	7(б)
<i>haḍda</i>	1	<i>haıfiŝa</i>	20(д)	<i>ra's</i>	5, примеч. 5
<i>hađafa</i>	1	<i>hafaqa</i>	20(г)	<i>ra'asa</i>	11(в)
<i>hađama</i>	1	<i>hullar</i>	17(д)	<i>ra'l</i>	17(б)
<i>harra</i>	10(б)	<i>huld</i>	19(б), V	<i>'a-rba'</i>	9(б)
<i>hirbā'</i>	17(а)	<i>hamr</i>	19(г)	<i>rabl</i>	17(д)
<i>harad</i>	19(б), III	<i>hams</i>	10(в)	<i>rabā</i>	8
<i>hirdawn</i>	17(г)	<i>hinzīr</i>	17(в), IV	<i>rata'a</i>	13(б), 4
<i>haraqa</i>	20(в)	<i>hinşir</i>	18(б)	<i>ratam</i>	17(д)
<i>harmal</i>	17(д)	<i>hinnawş</i>	17(г)	<i>ratama</i>	20(б)
<i>hazza</i>	1	<i>hawıŝa</i>	20(д)	<i>(i)rğahanna</i>	14(б), I
<i>hasad</i>	19(б), III	<i>dubb</i>	16(е)	<i>riğs</i>	9
<i>hisl</i>	17(б)	<i>dabr</i>	17(в)	<i>riğl</i>	18(б)
		<i>dubr</i>	18(б)	<i>ruğm-at</i>	19(а), I

<i>rahim</i>	19(a)	<i>sağama</i>	20(a)	<i>şazifa</i>	7(б)
<i>rah̄ḥa</i>	1	<i>sahaḥa</i>	2(б)	<i>şazā</i>	2(e)
<i>riḥl</i>	17(б)	<i>sahaqa</i>	20(r)	<i>şazīy-at</i>	2(e)
<i>raḥam</i>	19(a), V	<i>sādis</i>	13(a)	<i>şa 'r</i>	7(a)
<i>rah̄ā</i>	1	<i>surr</i>	16(e)	<i>şa 'ita</i>	7(a)
<i>radasa</i>	9	<i>saraba</i>	20(a)	<i>şa 'af-at</i>	2(e)
<i>razaba</i>	9	<i>saraqa</i>	3(e); 9(a)	<i>şagnab</i>	2(e), конец
<i>razaha</i>	9	<i>sata 'a</i>	2(б)	<i>şaf-at</i>	7(a); 16(б)
<i>rāsmāl</i>	2(e)	<i>satama</i>	2(б)	<i>şafdu'</i>	7(a); 19(б)
<i>rašafa</i>	3(e)	<i>safila</i>	2(б)	<i>şufr</i>	16(б); 18(б)
<i>raḥḥa</i>	7(б)	<i>safana</i>	2(б)	<i>şafşaliq</i>	3(e)
<i>raḥaba</i>	3(e)	<i>saqb</i>	17(a)	<i>şaqqa</i>	2(a); 10(б)
<i>raḥi 'a</i>	3(e)	<i>sakana</i>	13(б), 3	<i>şaqb</i>	10(б)
<i>raḥm</i>	19(a), I	<i>salqā</i>	14(б), I	<i>şaqḥaba</i>	14(б), I
<i>raḥiya(r ḥw)</i>	7(a)	<i>samā'</i>	9(б)	<i>şakka</i>	10(б)
<i>ra 'ata</i>	9	<i>sama 'a</i>	20(r)	<i>şakisa</i>	7(a)
<i>ra 'd</i>	3(б)	<i>(i)smaqarra</i>	14(б), I	<i>şakaza</i>	10(б)
<i>rağata</i>	3(e)	<i>samn</i>	18(a)	<i>şakala</i>	13(б)
<i>ruğl</i>	17(a)	<i>sinn</i>	16(e)	<i>şakīm</i>	7(a)
<i>rağala</i>	3(e)	<i>sunbul</i>	14(б), 4	<i>şakaha</i>	13(б)
<i>raffā</i>	3(e); 13(a)	<i>sin'</i>	19(б), I	<i>şamağā</i>	7(a)
<i>rafrafa</i>	13(a)	<i>sun 'ub-at</i>	17(a)	<i>şams</i>	13(a)
<i>rafa 'a</i>	2(a); 8	<i>sinnawr</i>	17(r)	<i>şamşaliq</i>	3(e)
<i>rakaza</i>	3(a)	<i>sawād</i>	9(б)	<i>şam'</i>	7(a)
<i>ramad</i>	9(б)	<i>sāka (swk)</i>	20(б)	<i>şaml-at</i>	3(r)
<i>ramiṣā</i>	20(a)	<i>sawkara</i>	14(б)	<i>şamlala</i>	14(б), 5
<i>ramağā</i>	20(б)	<i>sāba (syb)</i>	20(a)	<i>şināḥ</i>	2(e)
<i>rāḥa (ryḥ)</i>	1	<i>sāla (syl)</i>	2(a)	<i>şinḥāb</i>	2(e)
<i>riq</i>	19(r)	<i>şu 'bub</i>	7(a)	<i>şinḥūb</i>	2(e)
<i>zaḥima</i>	20(б)	<i>şabita</i>	7(a)	<i>şuntūf</i>	2(e)
<i>zarfaq-at</i>	3(r)	<i>şabi 'a</i>	7(a)	<i>şun 'ūf</i>	2(e)
<i>zurqum</i>	19(a)	<i>şabaka</i>	7(a)	<i>şanşaliq</i>	3(e)
<i>zarnab</i>	17(a)	<i>şibl</i>	17(б)	<i>şinzir-at</i>	2(e)
<i>'a-zatt</i>	3(e)	<i>şābaha</i>	13(б)	<i>şanzā-t</i>	2(e)
<i>za 'aba</i>	3(e)	<i>şatta</i>	7(a)	<i>şinzīy-at</i>	2(e)
<i>zift</i>	13(e), конец	<i>şaṭila</i>	7(б)	<i>şin 'āf</i>	2(e)
<i>zafata</i>	3(e)	<i>şağar</i>	16(r)	<i>şahaba</i>	7(a)
<i>zafada</i>	3(e)	<i>şağara</i>	10(a)	<i>şahina</i>	7(a)
<i>zakaba</i>	3(e)	<i>şağan</i>	16(r); 18(a)	<i>şahā</i>	7(a)
<i>zakata</i>	3(e)	<i>şahm</i>	7(a)	<i>şahiya</i>	7(a)
<i>zakara</i>	3(e)	<i>şahaba</i>	20(a)	<i>şāka (şwk)</i>	10(б)
<i>zakama</i>	3(e)	<i>şahaza</i>	10(a)	<i>şarwāz</i>	7(a)
<i>zulqūm</i>	19(a)	<i>şadda</i>	7(a)	<i>şarwā</i>	7(a); 10(a)
<i>zamala</i>	3(a)	<i>şarar</i>	7(б)	<i>şāba (şyb)</i>	10(r), конец
<i>zamān</i>	2(a); 8; 10(б)	<i>şarra</i>	7(a)	<i>şāha (şyh)</i>	10(r), конец
<i>zunbur</i>	17(б)	<i>(i)şra 'abba</i>	14(б), 6	<i>şā-t</i>	7(a)
<i>sab'</i>	9(б)	<i>şariba</i>	2(б)	<i>şahr-at</i>	3(б)
<i>sab(u)'</i>	18(б), II	<i>şirdim-at</i>	7(a)	<i>şāḥi</i>	16(б)
<i>sitt</i>	13(a)	<i>şirāk</i>	9(б)	<i>şadd</i>	2(e)
<i>satara</i>	2(б)	<i>şis'</i>	9(б)	<i>şadah</i>	2(e)

<i>şadr</i>	18(6)	<i>dā'a</i>	7(a)	<i>'usbūr</i>	17(b), III
<i>şafa'a</i>	20(r)	<i>ta'mana</i>	14(6), 6	<i>'uṣūr</i>	14(6), 3
<i>şafaqa</i>	20(r)	<i>tabasa</i>	8	<i>'aḡḡa</i>	2(л); 7(6)
<i>şuḡn</i>	18(a)	<i>taṭr-at</i>	18(6)	<i>'aḡaba</i>	2(л)
<i>şaqr</i>	17(b)	<i>tahala</i>	11(b)	<i>'aḡal</i>	17(6)
<i>şalaqa</i>	20(r)	<i>tumh-at</i>	3(b)	<i>'aḡā</i>	2(л)
<i>şindid</i>	2(e)	<i>'a-ṭrat</i>	3(e)	<i>'atd</i>	19(6), III
<i>şandah</i>	2(e)	<i>tašš</i>	7(a)	<i>'atasa</i>	3(6)
<i>şinda'-at</i>	2(e)	<i>taḡisa</i>	8	<i>'atallas</i>	14(л)
<i>şanam</i>	19(a), II	<i>taḡana</i>	3(л)	<i>'utmūs</i>	14(л)
<i>ḡi'b</i>	17(a)	<i>tall</i>	7(a)	<i>'azm</i>	7(6)
<i>ḡa'n</i>	7(a)	<i>(i)ṭma'anna</i>	14(6), 6	<i>'ifrās</i>	14(л)
<i>ḡabb</i>	7(a); 16(e)	<i>ṭaniba</i>	3(л)	<i>'afarnas</i>	14(л)
<i>ḡabāb</i>	7(a)	<i>ṭawd</i>	19(6), I	<i>'afs</i>	14(л)
<i>ḡabata</i>	7(a)	<i>ṭāla (twl)</i>	2(л)	<i>'afanqas</i>	14(л)
<i>ḡab(u)'</i>	19(b), II	<i>zub-at</i>	7(6)	<i>'uqāb</i>	3(r); 17(a)
<i>ḡabn</i>	18(a)	<i>zarib-ān</i>	17(a)	<i>'uqd</i>	19(6), II
<i>ḡabā</i>	7(a); 10(a)	<i>za'ana</i>	7(6)	<i>'aqr</i>	18(6)
<i>ḡahika</i>	7(6)	<i>zifr</i>	6(6); 16(л);	<i>'aqara</i>	2(л)
<i>ḡahima</i>	20(6)		18(6)	<i>'aqrab</i>	17(a)
<i>ḡaḡuma</i>	7(a)	<i>zahr</i>	18(6)	<i>'aqartal</i>	2(л)
<i>ḡadda</i>	7(a)	<i>'ab(a)l</i>	17(л)	<i>'igm</i>	19(a), II
<i>ḡarra</i>	7(a)	<i>'abanqas</i>	14(л)	<i>'aqanba-t</i>	3(r)
<i>ḡirzim</i>	7(a)	<i>'abanqā-t</i>	3(r)	<i>'aqanfas</i>	14(л)
<i>a-ḡrat</i>	3(e)	<i>'itris</i>	14(л)	<i>'ukābis</i>	—
<i>ḡar'</i>	7(6)	<i>'utm</i>	17(л)	<i>'ukāmis</i>	14(л)
<i>ḡarīk</i>	7(6)	<i>'atṭa</i>	7(6)	<i>'alas</i>	7(6)
<i>ḡurm</i>	17(л)	<i>'atḡal</i>	14(6), 3	<i>'altamīs</i>	14(л)
<i>ḡarima</i>	7(a)	<i>'atama</i>	7(6)	<i>'iltaws</i>	14(л)
<i>ḡiru</i>	7(6)	<i>'iḡr</i>	18(6)	<i>'alam</i>	19(a), II
<i>ḡaḡaba</i>	7(6)	<i>'aḡs</i>	14(л)	<i>'alandas</i>	14(л)
<i>ḡaḡšaḡa</i>	14(6), 5	<i>'iḡl</i>	17(6)	<i>'amada</i>	3(r)
<i>ḡaḡata</i>	7(a)	<i>'aḡama</i>	19(a)	<i>'amūd</i>	19(6), II
<i>ḡaḡama</i>	7(a); 19(a)	<i>'aḡam-at</i>	17(л)	<i>'amarras</i>	14(л)
<i>ḡaḡina</i>	7(a)	<i>'aḡannas</i>	14(л)	<i>'amiša</i>	20(л)
<i>ḡaffa</i>	3(л); 7(6)	<i>'iḡḡawl</i>	17(r)	<i>'amuqa</i>	3(r)
<i>ḡaff-at</i>	7(a)	<i>'adbās</i>	14(л)	<i>'inab</i>	17(л)
<i>ḡafda'</i>	7(a); 19(b), II	<i>'adabbas</i>	14(л)	<i>'antarīs</i>	14(л)
<i>ḡifda'</i>	14(r); 19(b)	<i>'ads</i>	14(л)	<i>'andala</i>	14(b)
<i>ḡafara</i>	13(6)	<i>'adas</i>	7(6)	<i>'andalīb</i>	14(r)
<i>ḡafaza</i>	13(6); 20(c)	<i>'adīm</i>	10(b)	<i>'ans</i>	14(л)
<i>ḡil(a)'</i>	19(b), I	<i>'udr-at</i>	18(6)	<i>'anzal-at</i>	3(r)
<i>ḡamma</i>	7(6)	<i>'adama</i>	7(6); 19(a)	<i>'anqas</i>	14(л)
<i>ḡamaḡa</i>	7(6)	<i>'araḡa</i>	7(6)	<i>'ankab</i>	17(a)
<i>ḡamada</i>	7(6)	<i>'irfās</i>	14(л)	<i>'anam</i>	17(л)
<i>ḡahhaba</i>	7(a)	<i>'araḡ</i>	19(r)	<i>'ihn</i>	18(a)
<i>ḡahā</i>	—	<i>'araka</i>	20(b)	<i>'awz</i>	17(л), конец
<i>ḡay'ab</i>	4(6), конец	<i>'aramram</i>	14(r)	<i>'ām</i>	10(b)
<i>ḡay'an</i>	—	<i>'irmis</i>	14(л)	<i>'āma ('wm)</i>	10(b)
<i>ḡay'az</i>	—	<i>'arandas</i>	14(л)	<i>'ayr</i>	18(6)

'aytamūs	14(д)	<i>fum</i>	12(б)	<i>kidn-at</i>	16(р); 18(а)
'ayn	18(а)	<i>famm</i>	12(б)	<i>kaḏaba</i>	13(б)
gabar	8	<i>fimm</i>	12(б)	<i>kurā'</i>	19(в), I
gādafa	4(б)	<i>fumm</i>	12(б)	<i>kurunb</i>	17(д)
gurāb	17(а)	<i>fāga</i>	10(а)	<i>kastāl</i>	3(е)
gazāl	17(б)	<i>fūl</i>	17(д)	<i>kastān</i>	3(е)
guṣn	17(р); 18(а)	<i>fāh</i>	12(б)	<i>kašaha</i>	7(а)
gatiša	20(д)	<i>fūh</i>	12(б)	<i>ka'ama</i>	20(б)
gafara	8	<i>fawh-at</i>	12(б)	<i>kaff</i>	6(б); 10(в)
gamara	8	<i>fuwwah-at</i>	12(б)	<i>kaffa</i>	3(д)
gamaza	2(а)	<i>fiḥ</i>	12(б)	<i>kafana</i>	3(д)
gamasa	4(б)	<i>(i)qballa</i>	10(а)	<i>kul!</i>	2(а)
gamiša	20(д)	<i>qata'</i>	19(в), II	<i>kalb</i>	2(р); 17(а)
gammaḏa	7(б)	<i>qatala</i>	6(а)	<i>kalad-at</i>	19(б), I
ganam	19(а), V	<i>qittā'</i>	6(а)	<i>kalaha</i>	7(а)
gayḏ-at	7(а)	<i>qahaza</i>	20(е)	<i>kamm</i>	12(р)
gīl	7(а)	<i>qādafa</i>	4(б)	<i>kammūn</i>	17(д)
f-	12(б)	<i>qadam</i>	19(б), IV	<i>kanab</i>	13(б)
fa'ā	10(б)	<i>qurtum</i>	17(д)	<i>kanaf</i>	13(б)
fataḡa	20(в)	<i>qar'</i>	19(в), III	<i>-kawṭar-</i>	14(б), 4
faḡara	10(б)	<i>qarqa'a</i>	13(б)	<i>kawkab</i>	13(б); 14(а)
fuḡl	17(д)	<i>qarn</i>	3(а); 18(а)	<i>labīta</i>	7(а)
fahm	3(в)	<i>qarnab</i>	17(а)	<i>labaha</i>	20(р)
fadā	10(б)	<i>qarhab</i>	17(а)	<i>labaha</i>	20(р)
faraš	17(р)	<i>qazza</i>	20(е)	<i>labaka</i>	7(а)
firsin	16(в)	<i>qaza'</i>	19(в), III	<i>laban</i>	18(а)
faraka	20(в)	<i>qasaba</i>	20(а)	<i>laḡama</i>	7(а)
fazza	20(е)	<i>qastāl</i>	3(е)	<i>liḡām</i>	3(а); 7(а)
fuzr-at	10(б)	<i>qastālān</i>	3(е)	<i>latta</i>	7(а)
fazraq-at	3(р)	<i>qastān</i>	3(е)	<i>lataha</i>	20(р)
fataha	8	<i>qišr</i>	18(б)	<i>lahata</i>	10(б)
fāgama	20(б)	<i>qašša</i>	1	<i>lahm</i>	7(а)
faqara	10(б)	<i>qašiba</i>	1	<i>ladda</i>	7(а)
faq'	19(в), III	<i>qašāl</i>	3(е)	<i>ladasa</i>	9
faqā	10(б)	<i>qaḏaba</i>	1	<i>laḏa'a</i>	7(б)
falla	2(б)	<i>qatta</i>	1	<i>lazaba</i>	9
falata	2(б)	<i>qatr</i>	19(р)	<i>lisān</i>	18(а)
falaḡa	2(б)	<i>qaṭa'a</i>	1	<i>lassa</i>	11(б), конец
falaha	2(б)	<i>qa'anbā-t</i>	3(р)	<i>lat'</i>	16(р); 19(в), I
falaḡa	2(б)	<i>qafaza</i>	13(б); 20(е)	<i>lath-at</i>	3(р)
falada	2(б)	<i>qafana</i>	3(д)	<i>laziya</i>	7(а); 7(б)
falasa	2(б)	<i>qalaza</i>	20(е)	<i>la'aḡa</i>	10(б)
-falsaf-	14(в)	<i>qaliqa</i>	13(а)	<i>la'asa</i>	9
falaṣa	2(б)	<i>qamasa</i>	4(б)	<i>lugd</i>	19(б), IV
falata	2(б)	<i>qami</i>	17(б)	<i>laqq</i>	10(б)
fala'a	2(б)	<i>qunbur</i>	17(в)	<i>laqaza</i>	10(б)
falaqa	2(б)	<i>qanima</i>	20(б)	<i>laqiṣa</i>	20(д)
falama	2(б)	<i>kabš</i>	3(р); 17(р)	<i>laqa'a</i>	10(б)
fam	12(б)	<i>kitr</i>	16(р); 18(б)	<i>lakaza</i>	10(б)
fim	12(б)	<i>kadasa</i>	3(б)	<i>lakisa</i>	7(а)

<i>laka'a</i>	10(б)	<i>mühr</i>	17(в), IV	<i>naṭnaṭa</i>	14(а)
<i>lamma</i>	3(д)	<i>mahaza</i>	3(д)	<i>na'aba</i>	3(б)
<i>lamaza</i>	2(а)	<i>māward</i>	2(е)	<i>na'ara</i>	3(б)
<i>lama'a</i>	7(а)	<i>mawz</i>	17(д), конец	<i>nu'd</i>	7(б); 13(в), 2
<i>lamaqa</i>	9	<i>māl</i>	13(в), конец	<i>na'zal-at</i>	3(г)
<i>lahab</i>	7(а)	<i>na'aga</i>	3(б)	<i>na'aqa</i>	3(г)
<i>lahaza</i>	3(д); 10(б)	<i>naba'a</i>	2(б)	<i>na'ā</i>	3(б)
<i>lahṭ-at</i>	3(г)	<i>nabata</i>	2(б)	<i>na'ā</i>	3(б)
<i>lahiya</i>	7(а)	<i>nabaṭa</i>	2(б)	<i>naḡaza</i>	10(д)
<i>laww</i>	12(г)	<i>nabaḡa</i>	2(б)	<i>naḡama</i>	3(б)
<i>lawz</i>	17(д), конец	<i>nabaha</i>	2(б)	<i>naḡaza</i>	20(е)
<i>layṭ</i>	7(а)	<i>nabaḥa</i>	2(б)	<i>nafs</i>	16(а)
<i>layl</i>	13(а)	<i>nabaḡa</i>	2(б)	<i>nafaḡa</i>	7(б); 13(в), 2
<i>mataḥa</i>	20(г)	<i>nibr</i>	17(б)	<i>naqqa</i>	3(б)
<i>matiša</i>	20(д)	<i>nabara</i>	2(б)	<i>naqaba</i>	10(д)
<i>matn</i>	18(а)	<i>nabasa</i>	2(б)	<i>naqaha</i>	10(д)
<i>mahaza</i>	3(д)	<i>nabaša</i>	2(б)	<i>naqad</i>	19(б), V
<i>madaha</i>	3(г); 8	<i>nabaḡa</i>	2(б)	<i>naqara</i>	10(д)
<i>madiša</i>	20(д)	<i>nabata</i>	2(б)	<i>naqaza</i>	20(е)
<i>(i)mdaḡarra</i>	14(б), 2	<i>naba'a</i>	2(б)	<i>naqa'</i>	3(б)
<i>marada</i>	2(б)	<i>nabaḡa</i>	2(б)	<i>naqnaqa</i>	3(б)
<i>a-mrad</i>	3(е)	<i>nabaqa</i>	2(б)	<i>nakada</i>	10(д)
<i>a-mraṭ</i>	3(е)	<i>nabaka</i>	2(б)	<i>nakaza</i>	10(д)
<i>maraq</i>	19(г)	<i>nabala</i>	2(б)	<i>nakasa</i>	10(д)
<i>mazza</i>	3(е)	<i>nabaha</i>	2(б)	<i>naka'-at</i>	19(в), III
<i>masala</i>	2(а); 13(в), I	<i>nabā</i>	2(б)	<i>nimm-at</i>	16(в)
<i>masmara</i>	14(б), I	<i>naṭr-at</i>	18(б)	<i>namir</i>	17(в), III
<i>mašn-at</i>	18(а)	<i>naḡḡa</i>	10(д)	<i>naml</i>	16(в); 17(б)
<i>mašša</i>	3(е)	<i>niḡs</i>	9	<i>namaqa</i>	9
<i>mašārīn</i>	17(г)	<i>naḥḥa</i>	3(б)	<i>namā-t</i>	16(в)
<i>maṭar</i>	19(г)	<i>naḥaba</i>	3(б)	<i>nahata</i>	3(б)
<i>matq-at</i>	6(а)	<i>naḥaza</i>	3(д)	<i>nahd</i>	19(б), IV
<i>mazza</i>	10(а)	<i>naḥata</i>	3(б)	<i>nahr</i>	19(г)
<i>ma'aḡa</i>	10(а)	<i>nahl</i>	17(б)	<i>nahaza</i>	3(д)
<i>ma'd</i>	3(д)	<i>naḥama</i>	3(б)	<i>nahūs</i>	7(а)
<i>mi'd-at</i>	16(в); 19(б), IV	<i>naḥara</i>	3(б)	<i>nahiqa</i>	3(б)
<i>ma'uqa</i>	3(г)	<i>naḥaza</i>	10(д)	<i>nahama</i>	3(б)
<i>ma'aka</i>	20(в)	<i>naḥasa</i>	10(д)	<i>nāha</i>	3(б)
<i>ma'ā</i>	3(г)	<i>naḥaša</i>	10(д)	<i>nāša</i>	7(а)
<i>ma'ā</i>	16(в)	<i>naḥa'a</i>	10(д)	<i>nāla</i>	7(а)
<i>mi'ā</i>	16(в)	<i>naḥafa</i>	3(б)	<i>nāha</i>	3(б)
<i>maḡada</i>	3(е)	<i>naḥl</i>	17(д)	<i>hab!</i>	2(а)
<i>maqqa</i>	3(е)	<i>naḥama</i>	3(б)	<i>habba</i>	2(д)
<i>makka</i>	3(е)	<i>nazaka</i>	9	<i>hadās</i>	17(д)
<i>mikd</i>	19(б), II	<i>nasr</i>	17(в)	<i>har'-at</i>	19(в), II
<i>makada</i>	10(б)	<i>našara</i>	10(г)	<i>hašama</i>	7(б)
<i>makuna</i>	13(в), I	<i>naḡaba</i>	20(а)	<i>haḡama</i>	7(б)
<i>malaga</i>	3(е)	<i>naṭta</i>	14(а)	<i>hakka</i>	20(в)
<i>mahd</i>	19(б), II	<i>naṭafa</i>	20(а)	<i>halt-at</i>	3(г)

<i>hamaza</i>	2(a)	<i>wirz</i>	10(a)	<i>wahaba</i>	2(a)
<i>hama'a</i>	3(д)	<i>wazal</i>	17(д)	<i>way!</i>	—"
<i>hinbir</i>	17(б), III	<i>wasab</i>	4(б)	<i>wayb!</i>	—"
<i>hindab</i>	17(б)	<i>wasam</i>	4(б)	<i>wayh!</i>	2(б)
<i>hīš-at</i>	7(a)	<i>wašara</i>	10(г)	<i>wayh!</i>	—"
<i>wa'aša</i>	10(a)	<i>wašuka</i>	10(a)	<i>wayk!</i>	—"
<i>wabar</i>	18(б)	<i>wašm</i>	19(a), III	<i>wayl!</i>	2(б); 13(e), конец
<i>watad</i>	19(б), II	<i>waḡa'a</i>	2(a)	<i>wayn</i>	3(a)
<i>waḡḡa</i>	10(a)	<i>waḡaha</i>	10(a)	<i>yabisa</i>	10(в)
<i>waḡi'a</i>	10(б)	<i>wa'iqā</i>	10(б)	<i>ya'im</i>	10(в)
<i>waḡn-at</i>	18(a)	<i>wa'il</i>	17(б)	<i>yad</i>	10(в); 12(г)
<i>wahš</i>	17(г)	<i>waḡb</i>	17(a)	<i>yidd</i>	12(г)
<i>waḡaza</i>	10(б)	<i>waqb</i>	10(б)	<i>yadā</i>	11(в)
<i>waḡaḡa</i>	10(б)	<i>waqata</i>	10(б)	<i>yarra</i>	10(в)
<i>wadā</i>	10(a)	<i>waqaza</i>	10(б)	<i>yafaḡa</i>	20(г)
<i>waḡa'a</i>	10(a)	<i>waqā</i>	10(a)	<i>yafa'a</i>	2(д)
<i>wariḡa</i>	1	<i>wakada</i>	10(a)	<i>yamm</i>	10(в)
<i>waraḡa</i>	2(д)	<i>wakaza</i>	3(д); 10(б)	<i>yamām</i>	6(б); 10(в)
<i>waral</i>	17(б)	<i>waka'a</i>	10(б)	<i>yumn-ā</i>	10(в)
<i>wazaba</i>	20(a)	<i>wald</i>	5, примеч. 10	<i>yawm</i>	10(в)

Эфиопский язык

(Свой алфавитный порядок)

<i>laḡ'ām</i>	3(a)	<i>bahēr</i>	19(г)	<i>waraqriq</i>	14(г)
<i>šalās</i>	13(a)	<i>bēzawa</i>	10(г), конец	<i>zarkaya</i>	10(г), конец
<i>rāmā</i>	9(б)	<i>'abn</i>	19(a)	<i>dadaqa</i>	2(г); 13(a)
<i>sanam</i>	19(a), IV	<i>'ašbā't</i>	19(в)	<i>g' x 'ē</i>	16(г)
<i>qurā</i>	3(б)	<i>'əgr</i>	18(б)	<i>šahyaya</i>	10(г), конец
<i>q' amal</i>	17(б)	<i>kanfar</i>	18(б)	<i>šī'dawa</i>	10(г), конец
<i>bāhr</i>	19(г)	<i>k' x nā'</i>	19(в)		

Еврейский язык²

(Алфавитный порядок: ' , b, d, h, w, z, ḡ, ṭ, y, k, l, m, n, s, ' , p, š, q, r, š, ṣ, ṭ).

<i>'āḡattih-</i>	19(a)	<i>boṭnā</i>	17(д)	<i>gāzar</i>	1
<i>'āḡān</i>	19(a)	<i>bāqaq</i>	10(б)	<i>gāhon</i>	18(a)
<i>'ēḡoz</i>	17(д), конец	<i>baqbuq</i>	3(б)	<i>gālal</i>	4(a)
<i>'ālāp</i>	17(г)	<i>bāqa'</i>	10(б)	<i>gālah</i>	4(a)
<i>'immār</i>	17(e), IV	<i>gaḡl-ut</i>	2(a)	<i>gālā</i>	4(a)
<i>'āšba'</i>	19(c)	<i>gādād</i>	1	<i>gāron</i>	16(г); 18(a)
<i>'eš</i>	9(б)	<i>gāda'</i>	1	<i>gārar</i>	4(a)
<i>bōhān</i>	17(д)	<i>gāzaz</i>	1; 4(a); 13(a)	<i>gerā</i>	16(г)

² В данной работе под этим условным названием Н.В.Юшманов объединяет материал древнееврейского языка и отдельные языковые факты иврита.

<i>dāḥab</i>	20(a)	<i>nāga'</i>	10(д); 20(г)	<i>šāpa'</i>	19(б), II					
<i>dāborā</i>	9(б); 16(e)	<i>niḥam</i>	4(a)	<i>šippor</i>	14(б), 3					
<i>dābaš</i>	9(б); 16(e)	<i>na'āšuš</i>	7(б), конец	<i>šippórān</i>	16(д); 18(a)					
<i>dāpaq</i>	20(г)	<i>nāqam</i>	4(a)	<i>špardeq'</i>	14(г)					
<i>dāš</i>	20(e)	<i>niškā</i>	9	<i>qātal</i>	6(a)					
<i>dāqar</i>	10(д)	<i>sāgar</i>	4(б)	<i>qālat</i>	2(б)					
<i>hādas</i>	17(д)	<i>sod</i>	9(б)	<i>qippeš</i>	20(e)					
<i>zāḥ</i>	20(a)	<i>sākar</i>	4(б)	<i>qāšab</i>	1					
<i>hātab</i>	1	<i>silled</i>	20(e)	<i>qāšaš</i>	1; 4(a)					
<i>hōtār</i>	18(б)	<i>'akkāḥiṣ</i>	17(a)	<i>qāšar</i>	1					
<i>hākam</i>	2(г)	<i>'ālaz</i>	4(б)	<i>qārah</i>	4(a)					
<i>hāšab</i>	1; 4(a)	<i>'ālas</i>	4(б)	<i>rāga'</i>	20(г)					
<i>hārul</i>	17(д)	<i>'ālaš</i>	4(б)	<i>rām</i>	8					
<i>tāqa'</i>	20(г)	<i>pāga'</i>	20(г)	<i>rā'am</i>	3(б)					
<i>yālād</i>	5, примеч. 10	<i>par'oš</i>	5, примеч. 6;	<i>rāqad</i>	20(e)					
<i>yānaq</i>	10(г)		16(д)	<i>rār</i>	2(г)					
<i>yāraqraq</i>	14(г)	<i>pārar</i>	}	<i>rūr</i>	19(г)					
<i>kāḥāš</i>	3(г)	<i>pāraz</i>		2(г)	<i>šā</i>	7(a)				
<i>kinna</i>	17(б)	<i>pāras</i>			}	<i>šāha!</i>	7(a)			
<i>kāsaḥ</i>	1	<i>pāraš</i>				}	<i>šāhaq</i>	7(a)		
<i>kāsam</i>	4(a)	<i>pāraš</i>					}	<i>šalmā</i>	3(г)	
<i>kāra'</i>	19(б)	<i>pāra!</i>						}	<i>šimlā</i>	3(г)
<i>kāšab</i>	3(г)	<i>pāša!</i>							}	<i>šāpaq</i>
<i>lākad</i>	7(a)	<i>šo'n</i>	5, примеч. 7							<i>šār</i>
<i>lān</i>	2(г)	<i>šawwā'r</i>	7(a)	<i>šārap</i>						7(a)
<i>liškā</i>	9	<i>šālam</i>	18(б)	<i>šū'al</i>	16(д)					
<i>mātoq</i>	6(a)	<i>šāmār</i>	19(a)	<i>šūqaq</i>	2(г)					
<i>nāgāp</i>	10(д)	<i>šānum</i>	18(б)	<i>šūraq</i>	3(в)					
			19(a)	<i>šāšar</i>	2(г)					

Арамейский язык

(Алфавитный порядок еврейский)

<i>'urdə'a</i>	14(г)	<i>zabnā</i>	8	<i>parsā</i>	16(в)
<i>baḡbugē</i>	3(б)	<i>ḥurlā</i>	17(д)	<i>purta'nā</i>	16(г)
<i>buṭmā</i>	17(д)	<i>kar'ā</i>	19(в)	<i>šəḥ'ā</i>	19(в)
<i>balhi</i>	10(г), конец	<i>naḥri</i>	10(г), конец	<i>šalmā</i>	19(a)
<i>gāḥak</i>	7(б)	<i>sarsi</i>	10(г), конец	<i>šunnāmā</i>	19(a)
<i>gə'at</i>	7(б)	<i>'akkāḥitā</i>	17(a)	<i>šippar</i>	14(б), 3
<i>garmā</i>	9(б)	<i>'amrā</i>	18(б)	<i>qattayyā</i>	—
<i>gušmā</i>	9(б)	<i>pattihā</i>	17(д), конец	<i>qatūtā</i>	6(a)
<i>də'e!</i>	13(e), конец	<i>pargi</i>	10(г), конец	<i>qalmā!</i>	17(б)
				<i>šaraq</i>	3(в)

Ассиро-вавилонский язык
(Алфавитный порядок еврейский)

<i>abnu</i>	19(a)	<i>ḫalluru</i>	17(д)	<i>šalmu</i>	19(a)
<i>ubānu</i>	17(д)	<i>kalmatu</i>	17(б)	<i>qātu</i>	10(в)
<i>alpu</i>	17(г)	<i>kurītu</i>	19(в)	<i>šapparu</i>	17(в), IV
<i>iššuru</i>	14(б), 3	<i>kašādu</i>	7(a)	<i>šiššuru</i>	10(г)
<i>butnu</i>	17(д)	<i>nēšu</i>	7(a)		
<i>girru</i>	16(г)	<i>summatu</i>	6(б)		

Египетский язык³

<i>db</i> ⁴	6(б)	<i>ršš</i>	7(a)	<i>šnq</i>	10(г)
		<i>ršw</i>	—		

³ Такой рабочий термин Н.В.Юшманов использует для обозначения древнеегипетского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Март Н.Я.* Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими. — Избранные труды. Т. 1. М.—Л., 1933.

² Относительно гипотезы Н.Я.Марра о родстве грузинского языка с семитическими см. примечание Вяч.В.Иванова в: *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968, с. 336, примеч. 7 к с. 152.

³ *Франк-Каменецкий И.Г.* Н.Я.Март и изучение семитических языков. — Язык и мышление. VIII. 1937, с. 171—181.

⁴ Помимо сравнительного словаря семитских языков, приведенного в книге Г.Бергштроссера, сравнительная лексика дается в ряде словарей по отдельным семитским языкам, вышедшим в последующий период, например: *Gesenius W.* Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. Bear. von F.Buhl. 17. Aufl. Leipzig, 1921; *Koehler L., Baumgartner W.* Hebräisches und aramäisches Lexicon zum Alten Testament. 3. Aufl. Lfg. 3. Leiden, 1983; *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago.* 9 vols. 1965—1973; *Tomback R.* A Comparative Semitic Lexicon of the Phoenician and Punic Languages. Missoula (Mont.), 1978; *Leslau W.* Comparative Dictionary of Ge'ez. Wiesbaden, 1987; кроме того, вышло четыре выпуска сравнительного семитского корневого словаря: *Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées dans les langues sémitiques* par D.Cohen, J.Cantineau (et alii). Fasc. 1—4. Paris, 1970—1993. Сравнительная семитская лексика и корнеслов систематически приводятся также в «Сравнительно-историческом словаре афразийских языков» (Вып. I—III. М., 1981—1986) под соответствующими реконструированными корнями (СИСАЯ); также в переработанном и исправленном виде в *HCVA, StPJAS*, № 2—5, 1994—1995; в книге *Orel V.E., Stolbova O.V.* Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for Reconstruction. Leiden—New York—Köln, 1995.

⁵ «*Lisān al-'Arab*» — один из самых полных сводных арабских словарей, создан филологом Ибн ал-Мансуром (1232—1311), состоит из 20 частей. См. примеч. 1 к «Загадке...».

⁶ Автор переходит от терминов транслитерации к терминам фонетической транскрипции: ' — передает ларингальную фонему, называемую в арабском «хамза», в других семитских ей соответствует обозначение «алиф»; ' — передает фарингальную фонему, называемую в арабском «айн».

⁷ МФА создана в 1881 г. Акад. Л.В.Щерба, будучи членом МФА, разработал модифицированную транскрипционную систему, используемую в отечественном языкознании. См. по этим вопросам: *Матусевич М.И.* Введение в общую фонетику. М., 1959, с. 130—132; *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. Гл. VIII, § 291, 292. Л., 1960.

⁸ Это основное положение Н.В.Юшманова с точки зрения современной науки может быть интерпретировано как вывод из синхронно-типологического подхода к исследованию семитских языков. Именно такой подход к известным нам семитским языкам позволяет говорить о постоянной консонантной части основы (что и соответствует понятию корня слова) и о переменном составе гласных. Если автор и вкладывал в понятие «семитский» семантику «протосемитский», «общесемитский», т.е. значение, включающее исторический аспект, значение реконструированного протосемитского корня, то к настоящему времени новые сравнительно-исторические исследования семитских и других афразийских языков позволяют реконструировать не только афразийский корень с корневым вокализмом (как самый ранний этап), но и общесемитский именной (а в ряде случаев — и глагольный) корень с корневым гласным. О данном вопросе в общих чертах см.: *Diakonoff I.M.* Afrasian Languages. Ch. 2. М., 1988; *он же.* Афразийские языки. — ЯАА. Т. IV, кн. 1, § 3. М., 1991; *Soden W. von.* Grundriss der Akkadischen Grammatik, § 50b, 73c, 87a—d, 103b, 107b. Roma, 1952; по отдельным вопросам корне-

вого вокализма см.: *Белова А.Г.* Морфемы в семитских языках. — Морфема и проблемы типологии. М., 1991; *она же.* К вопросу о реконструкции семитского корневого вокализма. — ВЯ. 1993, № 6; *Коган Л.Е.* К проблеме варьирования корневого гласного в семитских первичных именах. — Петербургское востоковедение. Вып. 7. СПб., 1995; *Орел В.Э., Столбова О.В.* К реконструкции праафразийского вокализма. — ВЯ. 1988, № 5; 1990, № 2; *Bélova A.* Sur la reconstruction du vocalisme afroasiatique: quelques correspondances Égypto-Sémitiques. — Proceedings of the 5-th International Hamito-Semitic Congress 1987. Vol. 2. Wien, 1991.

Новейшие реконструкции афразийского и семитского корня отнюдь не снимают с повестки дня все те задачи и вопросы о структуре и составе семитского корня, которые поставлены Н.В.Юшмановым в § 1 данной работы, так как вопросы о путях развития трехсогласного корня, грамматикализации его гласного состава по-прежнему требуют решения от современной семитологии и афразистики.

⁹ Ernest Renan (1823—1892) — автор первого сравнительно-исторического труда по семитологии и *Histoire générale et système comparé des langues sémitiques* (1853). 3-е ed. Paris, 1863; Heinrich Ewald (1803—1875) разработал грамматическую систему арабского языка под влиянием идей и взглядов В.Гумбольдта и Фр.Боппа — *Grammatica critica linguae Arabicae*. Bd. I—II. Leipzig, 1831—1832; Carl Brockelmann (1868—1956) — автор фундаментальных работ по сравнительной семитологии: *Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen*. 2 Bd. Berlin, 1908—1911; *Semitische Sprachwissenschaft*. Leipzig, 1916.

Относительно структуры семитского корня см. критический обзор: *Майзель С.С.* Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983, гл. 6, а также обоснование противоположной мнению Н.В.Юшманова точки зрения о триконсонантизме семитского корня — гл. 7 (работа была закончена в 1952 г.); кроме того: *Botterweck G.J.* Der Triliterismus im Semitischen. Bonn, 1952. В более поздних общесемитологических работах постулируется, что в протосемитском сосуществовали как двухсогласные, так и трехсогласные корни, причем последние в дальнейшем получили преимущественное развитие. См.: *An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages* by S.Moscatti, A.Spitaler, E.Ullendorff, W. von Soden. Wiesbaden, 1964, III, 2, с. 72—74; о реконструкции двухсогласных корней в семитском см. также: *Zaborski A.* Biconsonantal Verbal Roots in Semitic. — *Zęszyty Naukowe Uniwersytetu Jagellonskiego*. CCLXIX. Prace Językoznawcze, № 35, 1971, с. 51—96; *Дьяконов И.М., Порхоновский В.Я.* О принципах афразийской реконструкции. — *Balkanica*. М., 1979, с. 82—83; о развитии семитского корня в афразийской перспективе см.: *Diakonoff I.M.* Problems of Root Structure in Proto-Semitic. — *ArOr*. 38, 1970, с. 453—480.

¹⁰ Надо сказать, что большинство проблем, сформулированных Н.В.Юшмановым, остаются актуальными до настоящего времени как в отечественной, так и в зарубежной семитологии: в работах И.М.Дьяконова, А.Ю.Милитарева, А.Г.Беловой, К.Петрачка, А.Заборского, Р.Фогга, П.Земанека, К.Эрета и др.

¹¹ По вопросам (а), (б), (в) в настоящее время ведутся исследования на более широком — афразийском — материале в ходе сравнительно-исторического изучения афразийских языков под руководством проф. И.М.Дьяконова. См., например: *Дьяконов И.М.* Предварительные материалы к словарю и сравнительной грамматике афразийских языков. — Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 3. М., 1986, с. 47—48 (ППШКНВ, XIX годовичная научная сессия ЛО ИВАН СССР, ч. III), а также его работы, упомянутые в сн. 8; *Белова А.Г.* Структура корня в древнеегипетском и семитских языках. — Проблемы языков Азии и Африки. Материалы международного симпозиума. Варшава, 1987; *она же.* Комплементы и структура корня в афразийском (рук.); *она же.* Структура семитского корня и семитская морфологическая система. — ВЯ. 1991, № 1.

¹² В связи с данным вопросом см. гипотезу С.С.Майзеля, изложенную в его труде «Пути развития корневого фонда семитских языков» (М., 1983), а также: *Милитарев А.Ю.* Варьирование согласных в семитском корне. Канд. дис. М., 1973; *он же.* Чередуемость и комбинируемость согласных в триконсонантном арабском корне. — Сб. статей по восточному языкознанию. М., 1973; см. также замечание И.М.Дьяконова о том, что это явление до сих пор не получает своего полного объяснения: *Afrasian Languages...* с. 55—56, примеч. 13, вступительную статью А.Ю.Милитарева к труду С.С.Майзеля.

¹³ В качестве более поздних обзоров и литературы по этому вопросу см.: *Гранде Б.М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972, гл. IV, с. 105—108; гл. V; библиография — с. 430—432; а также упоминавшуюся выше (примеч. 12) работу С.С.Майзеля, гл. V—VII.

¹⁴ Franz Delitzsch (1813—1890) — теолог и семитолог, ученик Генриха Флейшера (Heinrich Fleischer, 1801—1888), основателя лейпцигской школы арабистики.

¹⁵ *non liquet* (лат.) «неясно». По вопросу о месте дополнительного согласного ср. гипотезу у *Ehret Ch.* Origin of the third consonants in Semitic roots: an internal reconstruction (applied to Arabic). — JAAL (1989, Vol. 2, № 2) и рецензию А.Г.Беловой (ВЯ. 1992, № 3).

¹⁶ Delitzsch-младший (Friedrich Delitzsch, 1850—1922), ассириолог.

¹⁷ Акад. А.Е.Крымский (1871—1941); см. о нем: *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, с. 168—172.

¹⁸ Помимо первых работ, разобранных Н.В.Юшмановым в этом разделе, см. новые исследования (и ссылки на предшествующие): *Zaborski A.* Biconsonantal Verbal Roots in Semitic (примеч. 9), первые три выпуска упомянутого выше (см. примеч. 4) Сравнительно-исторического словаря афразийских языков, где под каждым реконструированным корнем выделены конкретные афразийские корни с комплементариями; указанную выше (примеч. 11) рукописную работу А.Г.Беловой о комплементариях в афразийском; все эти труды свидетельствуют о том, что третий согласный (или комплементарий) может занимать любую позицию по отношению к первичным согласным корня. Данное наблюдение позиционно-структурного характера является общим. Напротив, морфолого-функциональный и лексико-грамматический анализ комплементариев позволяет установить закономерности для определенной группы препозиционных и постпозиционных комплементариев: препозиционные и постпозиционные *m, n, s, ' ; h, t* являются морфологическими элементами, *y/w/* могут отражать корневой вокализм, *m, n, r, l, b* могут быть реликтами классовых показателей (см. далее, § 16—20). См. также: *Белова А.Г.* La structure de la racine afroasiatique. Le cas d'estension phonétique. — *Komparative Afrikanistik.* Wien, 1992.

¹⁹ О словосложении в языках Абиссинии (совр. Эфиопии) см. соответственно: *Юшманов Н.В.* Строй амхарского языка. Л., 1936, с. 16—17; *его же.* Амхарский язык. М., 1959, с. 20—23; *Титов Е.Г.* Об особенностях амхарского языка в сравнении с некоторыми другими семитскими языками. — Африканский этнографический сборник. III. Языкознание. М.—Л., 1959, с. 169—183; *он же.* Современный амхарский язык. М., 1971, с. 46—49 (примеч.); *он же.* Грамматика амхарского языка. М., 1991; *Leslau W.* Études descriptive et comparative du gafat. Paris, 1956.

²⁰ В противоположность Н.Я.Марру, который, не признавая заимствований, рассматривал иноязычные элементы как результаты скрещения (как и звукоподражания — см. ниже), Н.В.Юшманов допускает возможность заимствований в семитские языки и более того — необходимость их распознавания для того, чтобы избежать ошибочных результатов при историческом изучении исконно семитских корней.

Вопрос об отделении заимствований от исконной семитской лексики остается актуальным и в настоящее время для более точных сравнительно-исторических исследований, и особенно в области лексико-статистических расчетов степени родства и временного разделения родственных языков.

Расширение круга изучаемых языков, углубление сравнительно-исторических исследований и лексических реконструкций в более древние периоды развития языков Передней Азии и сопредельных территорий, выход на более дальнее родство афразийских языков с языками ностратической макросемьи позволяют уточнить и пересмотреть исконно семитский лексический и — глубже — корневой состав; см. некоторые последние работы в этой области: *Милитарев А.Ю.* Об одном общеафразийском сельскохозяйственном термине. — ВДИ. 1983, № 4; *он же.* Афразийско-шумерские лексические связи. — ЛРДИВ. Ч. 1. М., 1984; *он же.* Шумеры и афразийцы. — ВДИ. 1995, № 2. *Милитарев А.Ю., Старостин С.А.* Общая афразийско-северокавказская культурная лексика. — ЛРДИВ. Ч. 3. М., 1984; *Милитарев А.Ю., Шницерман В.А.* К проблеме локализации древнейших афразийцев. — ЛРДИВ. Ч. 1. М., 1984; см. также отдельные статьи в сборнике «Ирано-афразийские языковые контакты». М., 1987; *Fronzaroli P.* On the Common Semitic Lexicon and Its Ecological and Cultural Background. — *Hamito-Semitic. The Hague — Paris, 1975.*

²¹ См. по этим вопросам более поздние работы с большим фактическим материалом и библиографией: *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965; *он же.* Символизм прасемитской флексии. М., 1974.

²² См. развитие этой идеи и сравнительный семитский материал: *Майзель С.С.* Указ. соч., гл. 11, 12.

²³ *bāhil* 'глупый' также означает 'нерешительный', 'бездельник', 'праздношатающийся', 'бродяга'. Отсюда использование этого слова в усилительно-эмоциональной функции в паре с *gāhil* 'невежда', 'глупец'.

²⁴ *kafana* 'хоронить', а также 'завертывать в саван' (отсюда — 'хоронить'). Ср. изо-семантический ряд: *Майзель С.С.* Указ. соч., с. 256—257, II, № 4 и сл.

²⁵ Ср.: *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? (см. примеч. 21). Эта работа, опирающаяся в основном на семитский материал, дает структурно-семантическую классификацию консонантного состава семитского корня.

²⁶ Согласно сравнительно-историческим исследованиям афразийских языков реконструируется как свистящий сибилант *c (см.: Африканское историческое языкознание. М., 1987, с. 18, 24; Афразийские языки. — ЯАА. Т. IV, кн. 1, с. 18—19).

²⁷ По современной классификации язык сахо входит в восточнокушитскую группу языков. См.: *Юшманов Н.В.* Сибилантная аномалия в числительных тигринья. — *Africana. I, 1937, с. 80.*

²⁸ *س* реконструируется как афразийское *c; *س* реконструируется как афразийское *s.

²⁹ Относительно реконструкции Н.В.Юшмановым *ħ* и *h* для афразийского: до настоящего времени в этом ряду реконструируется только одна единица *h (СИСАЯ. III. М., 1986, с. 4); ранее для протосемитского реконструировались в этом ряду *ħ* и *h* как фарингальные фрикативные (An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages by S. Moscati... Wiesbaden, 1964, с. 24); см. также о соответствиях семитских *ħ/h/ħ'* в аккадском и других семитских: *Garbini G.* Le lingue semitiche. — *Studi di storia linguistica. Sec. ed. Napoli, 1984, с. 58;* из последних работ см. также: *Коган Л.Е.* О нерегулярных рефлексах протосемитских ларингалов в аккадском языке. — ВДИ. 1995, № 2.

³⁰ В СИСАЯ *ṣ* реконструируется на основе внутрисемитских и афразийских соответствий как *p в системе губных **p—p̄—b—f*; см., в частности, реконструкцию под № 40 **p̄æ* (СИСАЯ. I. М., 1981, с. 33—34); также в НСВА, № 44—51, с. 21—22. — *StPJAS, № 2, 1994; Милитарев А.Ю.* О предполагаемом прасемитском *p. — История и филогения Древнего Востока. М., 1976, № 20.

³¹ Специальные исследования семитских корней со «слабыми» *y/w* в сопоставлении с соответствующими им из других афразийских показывают, что в определенных позициях, в частности в средней между первым и вторым корневыми согласными,

указанные «слабые» могут быть рефлексамии корневого вокализма (*Bélova A. Sur la reconstruction du vocalisme afroasiatique...*).

³² Ср. другой изосемантический ряд, связанный с субстантивом «камень», «орудие», в: *Майзель С.С. Указ. соч. Гл. 18, с. 199—203.*

³³ Н.В.Юшманов реконструирует для семитского состояния три латеральных фонемы **s'*—**š'*—*l. В коллективном труде «An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages» (Wiesbaden, 1964) также реконструируются для протосемитского три фонемы *s—*š—*l (с. 24, 43—44); в афразийском в настоящее время реконструируется система из четырех латералов: *s—*š—*č—*l, таким образом, в семитском *s } *š* (Африканское историческое языкознание, с. 24—25, табл.). Иной подход см.: *Voigt R. Die Lateralreihe [š, ž] im Semitischen. — ZDMG. Bd 142, H. 1, 1992.*

³⁴ В связи с рядом *šahm—lahm—dahum* ср. пример на чередование *h/l* в указанной работе С.С.Майзеля [с. 167 (2)].

³⁵ В связи с рядом «евр. *šahaq...* араб. *dahika...*» ср. пример на чередование *š/d* и интерпретацию там же [с. 159, № (6)].

³⁶ В связи с сопоставлением *šbk* 'плести' — *lbk* 'спутать' ср. реконструкции для афразийских языков, приведенные *švb [СИСАЯ, III, с. 36—37, № 68] и *čvb [с. 40—41, № 77].

³⁷ Корень *šmğ* 'шить' по теории чередования попадает в ряд чередований с *š* — *l/š* [Майзель. Указ. соч., с. 153 (6)].

³⁸ Относительно сопоставления *tašš* 'дождичек' — *tall* 'роса', 'дождичек' см. афразийскую реконструкцию № 98 — *tj 'роса', 'влага' [СИСАЯ, II, 1982, с. 49], также в: НСВА, № 240. — StPJAS. 1995, № 4.

³⁹ В связи с арабско-арамейским соответствием *darik* 'бедный' — *šarikā* ср. пример на чередование *r/n* [Майзель. Указ. соч., с. 161, № 8] с иной интерпретацией чередования.

⁴⁰ В связи с арабско-арамейским *dar* — *šar* 'а' 'вымя' см. пример в арабском на перестановку (метатезу) [Майзель. Указ. соч., с. 175, 1(7), с. 179, п. 2].

⁴¹ Араб. *hmd* 'быть кислым' — араб. *hms* — ср. пример на другое чередование (внутриарабское) — *z/d* [Майзель. Указ. соч., с. 157, № (1)].

⁴² Араб. 'азт 'кость' — *tm* 'быть плохо вправленным (о кости)' — ср. иные чередование и интерпретацию [Майзель. Указ. соч., с. 177, п. 5, № (15)].

⁴³ *ld* 'жечь' — ср. другое соответствие и иной ряд внутриарабского чередования *d/s* [Майзель. Указ. соч., с. 152, № (1)].

⁴⁴ К ряду *la'lab* 'лисица' — *di'b* 'волк' см. афразийскую реконструкцию — **žə'b* [СИСАЯ, III, с. 33, № 60], которая имеет во всех афразийских языках звонкие рефлексии.

⁴⁵ *trr*- 'оросить' — *dr-* 'сыпать' — *dar*- 'вымя'; ср. разделение корня *trr*- на два ряда чередований и значений: араб. *trr*-*ldrr*- 'рассыпать' и *trr*-*ldrr*- 'давать много молока' (о верблюдице) [Майзель. Указ. соч., с. 152 — *dl* № (1) и с. 153 — *ld*].

⁴⁶ *Passy P. Étude sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux. P., 1891; он же. Petite phonétique comparée. Lpz., 1912.*

⁴⁷ Ср. явления, отмечаемые для ряда берберских языков: **b*₁ (общафраз. *b) > *h* > *ø* в туарегских [Африканское историческое языкознание, с. 17].

⁴⁸ Относительно *p > *p* см. примеч. 30.

⁴⁹ В связи с корнем *fh-* 'расширять' ср. афразийскую реконструкцию **pVth-* [СИСАЯ, I, с. 11, § 2]; см. также в: НСВА, № 2. — StPJAS. 1994, № 2.

⁵⁰ В связи с корнем *tbs-* 'погрузиться в грязь' см. афразийскую реконструкцию **tVp-* [СИСАЯ, II, с. 35, № 71], **tf-*, [с. 6, № 5], **dVf-* II 'грязь и т.п.' [с. 61, № 119]; см. также в: НСВА, № 151, 214. — StPJAS. 1995, № 4; № 259. — StPJAS. 1995, № 5.

⁵¹ Относительно корня *gr-* 'покрывать' ср. чередование *k/g* [Майзель. Указ. соч., с. 164, № (2)]; а также изосемантический ряд 'покрывать — прощать' [Там же, с. 234, № 40].

⁵² Относительно корня *gabar-* 'пыль' ср.: там же, с. 265, п. 11 и общесемитскую реконструкцию **apr-igaḫr-* 'пыль' [Милитарев А.Ю. О предполагаемом прасемитском *p...]. См примеч. 31.

⁵³ Семито-хамитский сибилант *z* реконструирован в общеафразийском как *š главным образом на основе общих демонстративов и показателей каузатива [Африканское историческое языкознание, с. 24—25, табл.].

⁵⁴ Термин «хамитские языки», использующийся как название остальных языковых ветвей семито-хамитской семьи, противопоставляющее их семитским языкам, устарел. Сравнительно-исторические исследования афразийских (семито-хамитских) языков показали, что языки кушитские, омотские, чадские, древнеегипетский и ливийско-гуанчские (берберо-гуанчские) не составляют какого-либо генетического или типологического единства, которое можно было бы противопоставить семитским языкам в пределах одной афразийской семьи. Каждая из ветвей «хамитской» группы в равной степени самостоятельна и обособлена по отношению как к семитской ветви, так и к каждой из остальных ветвей афразийской семьи. Изоглоссы между отдельными ветвями затрагивают разнородные генетические и типологические сходства на различных уровнях, которые не позволяют пока сгруппировать какие-либо отдельные ветви по всей совокупности единых признаков [Дьяконов И.М. Семитохамитские языки. М., 1965; он же. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 179—425; Дьяконов И.М., Порхомовский В.Я. О принципах афразийской реконструкции. — Balcánica. М., 1979, с. 72—78].

⁵⁵ Следует отметить реликты каузативного *š*, сохранившиеся в отдельных формах арабского языка [см. также указ. соч. И.Куриловича (L'apophonie..., с. 183); Ruzicka P. Ein Fall des kausatif *s*-Präfixes im Arabischen. — OLZ, 1923, с. 5—7], например, араб. *qib* 'поворачивать', 'вертеть' — *ša-qib* 'прыгнуть', 'перевернуть(ся)'; в суданском диалекте — 'опрокидывать'; *šql-* (<*qql-*) 'взвешивать' — *ša-šql* 'взвешивать монеты' (термин профессионального языка менял в Ираке, отмечен также в йеменском диалекте арабского языка как химьяритская лексема [١٩٦٧، بغداد، العربية باللغات اليمنية القديمة. بغداد، تأثر. هاشم العان.]; глагол *šḡr-* (*ḡarrat* 'кувшин') 'наполнить сосуд водой' в арабском, а также регулярный каузатив на *s-* — в мавританском диалекте (хассания) арабского языка [Завадовский Ю.Н. Мавританский диалект арабского языка. М., 1981, с. 33—34]; см. также соображения по поводу происхождения этой формы [Там же, с. 11, § 3].

⁵⁶ Н.В.Юшманов предполагает в этом чередовании отражение прасемитской фонемы ʃ . На основе внутрисемитских соответствий эта фонема реконструируется как *š* > акк. *š*, угарит. *š*, евр. *š*, сир. *s*, араб. *š*, IOAЭ *s*², гезз *š* [Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages, с. 34]; напротив, на афразийском материале араб. *š* может отражать как *s, так и *c (сибилян), араб. *š* — как *š, так и *č (латераль) [Африканское историческое языкознание, с. 24—25, табл.].

⁵⁷ Ср. примеры на чередование (аллотезу) по паре *mb* [Маузелъ. Указ. соч., с. 256, I, № (2)].

⁵⁸ Ср. пример на чередование *tl/s* [Маузелъ. Указ. соч., с. 153, II, № (4)]. Ср. также *ḡirm-ān-* 'тело', 'объем', 'масса' с суффиксом *-ān*.

⁵⁹ Ср. семитские соответствия на чередования *g/kl'*: евр. *šrg...* 'переплетаться', араб. (иуд.) *srg* 'плести', араб. *šrg* 'соединять', 'связывать' — евр. *šerōk* 'ремешок обуви'... араб. (иуд.) *srk* 'скручивать', сир. *srk* 'прикрепляться', араб. *šrk* 'быть связанным о кем-либо' [Маузелъ. Указ. соч., с. 161—162, № 1].

⁶⁰ Евр. *dəḥorā* 'пчела', евр. *dəbaš* 'мед' — см. два ряда семитских соответствий [Маузелъ. Указ. соч., с. 172, № 11 и с. 179, № 34].

⁶¹ О полугласных *y/w* как рефлексах корневого вокализма в семитских, имеющих соответствия в ряде других афразийских языков, см. примеч. 31.

⁶² Сравнительно-исторические исследования афразийского материала дают реконструкцию: общеафразийские лабиальные *f, *p, **p̄*, *b; южносемитские *f, **f̄*, *b, **b̄*; северносемитские *p, **p̄*, **p̄*, *b [Африканское историческое языкознание, с. 14—15].

⁶³ В связи с *faqā* 'следовал' ср. пример на перестановку в арабском *qfw-lfqw*- 'идти по следам', 'следовать за кем-либо' [Майзель. Указ соч., с. 175, № 34].

⁶⁴ В связи с *ta'ağa* 'скоро шел' ср. пример на метатезу в арабском *'mg-lm'g*- [Майзель. Указ. соч., с. 175, № 41; с. 180, № 5; с. 181, № 5]; пример на комплементарность в двухсложную ячейку: *mgg-lm'g-l'mg*- [Там же, с. 185(б), № 3; также см. с. 243, № 13].

⁶⁵ В связи с *baqa*' 'раскол' см. афразийскую реконструкцию и сравнительный материал [СИСАЯ, I, с. 65—67, № 83]; также в: HCVA, № 94. — StPJS. 1994, № 3.

⁶⁶ *fāğara* 'раскол' [HCVA, № 20. — StPJS. 1994, № 3].

⁶⁷ Относительно позиции *y/w* в семитских и афразийских корнях и их функции см. специальные работы: Грдзелидзе И.Д. Семантические категории в арабском слабом глаголе. — *Studia Semitica*. I. Тбилиси, 1983, с. 24—31; *Diem W.* Die Verba und Nomina tertiae infirmae im Semitischen. Ein Beitrag zur Rekonstruktion des Ursemitischen und zur Entwicklung der Einzelsprachen. — ZDMG. Bd. 127, H. 1. Wiesbaden, 1977, с. 15—60; *Lacau P.* (*w*-)préfixe verbal en ancien égyptien. — *Études d'égyptologie*. 2. Morphologie. Vol. 2. Le Caire, 1972, с. 17—4; *Otto E. von.* Die Verba I-ae inf. und ihnen verwandten im Ägyptischen. — *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 79 (1954).

В указанных работах авторы пытаются выделить лексическое или морфологическое значение *y/w* в различных позициях по отношению к устойчивым корневым согласным. В нашей работе [Белова А. Sur la reconstruction du vocalisme afroasiatique...] «слабые» *y/w* в семитских и египетских корнях рассматриваются как рефлекс древнего корневого вокализма. В связи с этим интересно и беглое замечание Н.В.Юшманова о возможной «принадлежности -w- или -y- к самой ячейке корня».

⁶⁸ По поводу примеров из арабского на значение 'пронзил' и далее ср. интерпретацию С.С.Майзеля в свете его теории аллотезы и изосемантических рядов [Майзель. Указ. соч., с. 152, 206 и др.].

⁶⁹ В афразийском реконструируется как **ʃh/h/y* [СИСАЯ, I, № 150, с. 124].

⁷⁰ Вопрос о совместимости корневых согласных в семитских языках рассматривается в некоторых работах последнего времени: *Жвания Н.А.* Дистрибуция согласных в корневых морфемах семитских языков Эфиопии. Тбилиси, 1985; также см.: *Милитарев А.Ю.* Чередуемость и комбинируемость согласных в трехконсонантном арабском корне. — Сб. статей по восточному языкознанию. М., 1973.

⁷¹ Ср. примеры на «изосемантический ряд» [Майзель. Указ. соч., гл. 18, № 261, с. 223].

⁷² Интерпретация расширения семитского корня на примере *p-lf- 'рот' в свете афразийской реконструкции представляет вторичный процесс в арабском [СИСАЯ, I, № 150, с. 124].

⁷³ По поводу реконструкции *šams см. последние результаты, достигнутые на афразийском материале [Милитарев А.Ю. Новая фонологическая оппозиция в прасемитской системе согласных (южноаравийские *š~s* — семитские и афразийские **š~s*). — Языки Азии и Африки. IV. Афразийские языки. Кн. 1. М., 1991].

⁷⁴ Н.В.Юшманов противопоставляет пониманию Н.Я.Марра скрещения как явления слово- и корнеобразовательного процесса свою точку зрения, основанную на наблюдениях традиционной арабской филологии и лексикографии. Арабские филологи постоянно обращали внимание на сходство значений корней, имеющих более одной общей корневой согласной, и, предприняв многочисленные попытки найти объяснение этому явлению, оставили последующим поколениям ученых большой лексический материал.

⁷⁵ Ср. изосемантический ряд ассоциации через метатезу [Майзель. Указ. соч., с. 256—257, II (4)].

⁷⁶ Ср. примеры на чередование *g/*' в семитских [Майзель. Указ. соч., с. 161, III (8); с. 163 (2); с. 216, 16 (2)].

⁷⁷ Из последних работ, рассматривающих этот вопрос, см.: *Kamil Murad*. Beiträge zur Entstehung der vieradikaligen Verben in den gesprochenen semitischen Sprachen. Le Caire, 1963.

⁷⁸ В связи с вопросом диссимиляции удвоенного второго корневого см. также: *Mustafa A.H.* Die sogenannte Geminatendissimilation in Semitischen. — Hallesche Beiträge zur Orientalwissenschaft. Halle (Saale), 1982, 4, с. 13—39.

⁷⁹ Сведения обширного конкретного материала, приведенного автором ниже, к одной «ячейке» 's представляется проблематичным. Достаточно указать на некоторые основы, выходящие из данного ряда, но входящие в совершенно иные семантические ряды: 'ads 'крепкая поступь' — ср. *d's/dhs/dws/d't/d's* 'топтать' (но не 'сила!') [*Maïzель*. Указ. соч., с. 175, гл. 15, (26)]; ср. также афразийскую реконструкцию *dæs > *dīlūs 'топтать', 'толкать' [СИСАЯ, I, № 122, с. 62]. В основе 'atallas 'длинный' можно выделить двухсложный корень **tl-* 'быть длинным' (ср. араб. *ṭawīl, ṭūl* 'длина'); основы 'ifrās — 'afarnas 'сильный лев' сам автор сопоставляет с корнем *frs-* 'быть хищным', 'растерзать' (ср. афраз. **pf-* [СИСАЯ, I, с. 24, 25, № 28], комплемент *pr-c), но никак не с предполагаемой «ячейкой» 's. В целом, учитывая, что семантически все члены списка основ представляют собой усилительные эпитеты, скорее можно предположить, что -s является пережитком суффикса — показателя элатива/суперлатива, родственного каузативному показателю -s-. (Постпозиция -s характерна для ряда кушитских и чадских языков; см., например: *Hayward R.Y.* A Question in Oromo Morphology. — *Folia orientalia*. T. XVII, 1976, с. 30, 38; *Reinisch L.* Die Chamitsprache in Abessinien. I, 1894, с. 616; -s в постпозиции со значением пассива: *Reinisch L.* Die Quarasprache in Abessinien. I. Wien, 1885, с. 27—29; со значением каузатива в хауса -ar < *as: *Щеглов Ю.К.* Очерк грамматики языка хауса. М., 1970; *Dauda Bagari.* Reanalyzing the Hausa Causative Morpheme. — *Papers in Chadic Linguistics*. Leiden, 1977, с. 3 и др.) В то же время сравнительный анализ семитского и афразийского материала позволяет предположить, что элемент ' в препозиции может служить фонетическим расширителем корня [*Белова А.Г.* Комплементы и структура корня в афразийском (рук.)].

Нельзя также исключить доарабский (и досемитский) субстрат, отразившийся в нехарактерных для семитского многосложных основах.

⁸⁰ Судя по приводимым примерам, ячейка представляет собой одноконсонантный слог.

⁸¹ Ср. афраз. *pVth 'открывать' [СИСАЯ, I, с. 11, № 2] и *fа III, *fа* IV [Там же, с. 112—113, № 135, 136].

⁸² Ср. афраз. **pt-* 'топор' [СИСАЯ, I, с. 30, № 35].

⁸³ Ср. афраз. **pf-* [СИСАЯ, I, с. 24—26, № 28].

⁸⁴ Ср. афраз. **pak-* [СИСАЯ, I, с. 19, № 17].

⁸⁵ Ср. афраз. [СИСАЯ, II, с. 83—85, № 166—169].

⁸⁶ Ср. афраз. [СИСАЯ, II, с. 9—12, № 12—19].

⁸⁷ Ср. афраз. **bf-* [СИСАЯ, I, с. 79—83, № 104(Б), (В), (Г)].

⁸⁸ Ср. *šp-* 'нога', 'бедро' [СИСАЯ, III, с. 34, 38, № 64] и **šp-* II 'нога' [№ 72].

⁸⁹ Ср. афраз. **rVl-* 'холм', 'груда' [СИСАЯ, II, с. 26, № 51].

⁹⁰ Ср. афраз. **rVr-* 'повторение', 'черед' [СИСАЯ, II, с. 22, № 43].

⁹¹ Ср. афраз. **šVb-* 'сцепляться', 'стягивать' [СИСАЯ, III, с. 36, № 68] и *šb 'плетение' [СИСАЯ, III, с. 40, № 77].

⁹² Ср. афраз. *fаh-* [СИСАЯ, I, с. 121, № 148].

⁹³ Ср. афраз. **bahf-* [СИСАЯ, I, с. 107, № 128].

⁹⁴ Ср. чад. **pal-* 'падать' — см.: *Столбова О.В.* Сравнительно-историческая фонетика и словарь западночадских языков. — Африканское историческое языкознание. М., 1987, с. 147, № 26.

⁹⁵ Ср. афраз. **pf-* 'отламывать', 'отделять', 'крошить' [СИСАЯ, I, с. 24, № 28] и nostr. **ṣ'ar* '(a) 'рвать', 'ломать', 'расщеплять' — см.: *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков: I — 3 М., 1976, с. 100, № 339.

⁹⁶ Ср. афраз. *tVr- [СИСАЯ, II, с. 22, № 43].

⁹⁷ Об именных классах в истории морфологической системы арабского языка см. также: Гранде Б.М. Курс арабской грамматики... М., 1963, с. 108—110; он же. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972, с. 118—124; Дьяконов И.М. Общеафризийские именные категории. § 1. Классы и род. — СИСАЯ, III, с. 47—48.

⁹⁸ Сир. *parsā* 'расшепленное копыто' при араб. *firsīn* 'нога', 'лапа' в афризийском реконструируется на двухслогоном уровне: *pʃ- 'палец ноги' [СИСАЯ, I, с. 29—30, № 34], однако в сир. (арам.) отмечена еще одна форма: *puršāl* 'копыто (козы)'.
⁹⁹ В связи с семитским названием блохи ср. ностратические сопоставления и реконструкцию *purʕʌ(gʌ)/pülʕʌ(gʌ) 'блоха' — см.: Иллич-Свитыч В.М. Указ. соч., с. 99, № 338.

¹⁰⁰ На афризийском материале реконструируется как *dVb [СИСАЯ, II, с. 57, № 113].

¹⁰¹ В связи с *ḍabb* 'съедобная ящерица' ср. афраз. *ḍVp' > *ḍVp̄ 'водяной червь', 'лягушка' [СИСАЯ, III, с. 42—43, № 83].

¹⁰² На афризийском материале реконструируется как *ʒVb [СИСАЯ, III, с. 30—31, № 56].

¹⁰³ См. афризийскую реконструкцию ʒə'b [СИСАЯ, III, с. 33, № 60].

¹⁰⁴ В связи с араб. *tu'b-at* — род ящерицы см. афраз. *čVb [СИСАЯ, III, с. 30, № 54].

¹⁰⁵ В связи с араб. *baḡl* 'мул' см. афраз. *baɣʷ [СИСАЯ, I, с. 71, № 91].

¹⁰⁶ В связи с араб. *ba'īr* 'верблюд' см. афраз. *b'r 'бык', 'скот' [СИСАЯ, I, с. 74, № 97].

¹⁰⁷ Согласно теории И.М.Дьяконова, классные показатели -b, -ll- в наименованиях животных могут отражать их характеристику как денотатов по признакам «вредности/полезности» — см.: Дьяконов И.М. Общеафризийские именные категории. § 1. Классы и род. — СИСАЯ, III, с. 47—48.

¹⁰⁸ В связи с *baql* 'злаки' ср. афризийскую реконструкцию *baqʷ 'травяная поросль', 'овощ' [СИСАЯ, I, с. 67, № 84].

¹⁰⁹ В связи с *batn* 'брюхо' ср. афризийскую реконструкцию *baʔ/byʔ [СИСАЯ, I, с. 44—45, № 57].

¹¹⁰ В связи с *badan* 'тело' ср. афризийскую реконструкцию *bad [СИСАЯ, I, с. 48—49, № 60].

¹¹¹ В связи с *lisān* <š> 'язык' ср. афризийско-ностратическую реконструкцию *Lšʌ и см. соответствия в: Иллич-Свитыч В.М. Указ. соч., № 273, с. 36—37; Столбова О.В. Африканское историческое языковедение, с. 237, № 839.

¹¹² В связи с *dubr* 'зад' ср. афризийскую реконструкцию *dab 'спина', 'зад' [СИСАЯ, II, с. 56—57, № 111].

¹¹³ В связи с *raḥim* 'матка' ср. изосемантический ряд в семитских [Майзель. Указ. соч., с. 221, № 251].

¹¹⁴ В настоящее время язык фуль (фула) не включается в семито-хамитскую (афризийскую) семью языков. Генетически он относится к западноатлантической ветви нигеро-конголезской семьи языков. См.: Коваль А.И., Зубко Г.В. Язык фула. М., 1986, с. 12—15.

¹¹⁵ Ср. афраз. *ḍVp' > *ḍVp̄ 'водяной червь', 'лягушка'.

ГРАММАТИКА АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Звуки	202
§ 1. Деление звуков	202
§ 2. Сравнение с европейскими звуками	202
§ 3. Зычные согласные	203
§ 4. Гортанные согласные	204
§ 5. Количество (мера) звука	205
§ 6. Уподобление	205
§ 7. Расподобление	206
§ 8. Стяжение	207
§ 9. Перестановка	207
§ 10. «Распределение сил» в слове	207
Знаки	208
§ 11. Виды букв	208
§ 12. Сравнение с другими мусульманскими азбуками	210
§ 13. Вспомогательные значки	211
§ 14. Цифры	211
§ 15. Техника	212
§ 16. Вязи	212
§ 17. Различения	212
§ 18. Сокращения	213
§ 19. Устарелости	213
§ 20. Принцип самостоятельности	214
Корни	215
§ 21. Извлечение корня	215
§ 22. Виды корня	215
§ 23. Ячейки	217
§ 24. Классные показатели	220
§ 25. Глагольные осложнители	221
§ 26. Звукоподражание	222
§ 27. Синонимия	222
§ 28. Омонимия	222
§ 29. Антонимия	222
§ 30. Аллитерация	223
Неизменяемые части речи	223
§ 31. Законы полярности	223
§ 32. Личные местоимения	224
§ 33. Указательные местоимения	225
§ 34. Прочие местоимения	225
§ 35. «Частицы»	226
§ 36. Особенности <i>-hi</i>	226
§ 37. Особенности <i>-ī</i>	226
§ 38. Особенности <i>-ā</i>	227
§ 39. Особенность <i>'a-</i>	227
§ 40. Правописание окончаний слов перед местоимениями	227

Глаголы	228
<i><Правильные глаголы></i>	228
§ 41. Основы.....	228
§ 42. Породы.....	228
§ 43. Виды.....	230
§ 44. Наклонения.....	231
§ 45. Залог	232
§ 46. Четырехсогласные глаголы.....	232
<i><Неправильные глаголы></i>	232
§ 47. Глаголы первого неустойчивого.....	232
§ 48. Глаголы второго неустойчивого.....	233
§ 49. Глаголы третьего неустойчивого.....	235
§ 50. Глаголы двух неустойчивых.....	236
Имена	237
<i><Словообразование></i>	237
§ 51. Внутреннее образование.....	237
§ 52. Наставки (суффиксы).....	239
§ 53. Вставки (инфиксы).....	240
§ 54. Представки (префиксы).....	240
§ 55. Смешанное образование.....	241
<i><Словоизменение></i>	242
§ 56. Род имен.....	242
§ 57. Склонение.....	242
§ 58. Наречия.....	244
§ 59. Числительные.....	244
§ 60. Обособленные имена.....	245
Примечания	246

ЗВУКИ

§ 1. ДЕЛЕНИЕ ЗВУКОВ

Арабский литературный язык различает 28 согласных и три гласных (см. табл.).

Таблица

По месту образования	По способу образования	Шумные				Плавные					
		Смычные		Щельные		носо-вые	боко-вые	дро-жа-щие	полу-глас-ные	глас-ные	
		глу-хие	звон-кие	глу-хие	звон-кие						
Губные	А	b				m					
	Б	f									
	В					w u					
Зубные	А			t	d						
	Б	t	d	s	z	n	l				
	*В	t	d	s	z	ɺ**					
Десняные		j		š	r						
Небные	А					y i					
	Б	k									
	*В	k									
Гортанные	*А			ħ	g						
	Б			h							
	В			h	ʕ a						

* Зычные (эмфатические).

** Только в слове *alkāh*, но не после *i*.

§ 2. СРАВНЕНИЕ С ЕВРОПЕЙСКИМИ ЗВУКАМИ

Из приведенного звукового запаса русскому языку свойственно 14 согласных и три гласных:

= b m f t d s z n l ʃ š r y k a i u =
 б м ф т д с з н ль (дж) (ш) р й (к) а и у,

причем ʃ, š, k соответствуют ч, щ, к в словах *лечь бы, тицетный, Кяхта*, т.е. суть мягче обычных *дж, ш, к*, а ʏ произносится слитно в один звук

(наподобие русских ч, ц). Отсутствуют в русском языке, но свойственны английскому согласные:

- w* — согласный по отношению к *и* [ў]; слышится в подражании лаю собак (*vaw-vaw*); *wa*, *wi*, *wu*, *aw* произносятся в один слог;
- t, d* — межзубные *s, z* в англ. *thank* [tʌŋk], *them* [ðem], но не *ц, дэ!*;
- l* — мягче *ль*, тверже *ль*, как в англ. *labour* [leɪbʊə], но не *kill* [ki:l];
- h* — придыхание, как в англ. *house* [haʊz], но в любом положении, например, *ahl*.

В арабском же отсутствуют европейские звуки *p, v, ʃ, č, ž, g* (*n, в, ц, ж, з*) и *e, o, ö, ü* (гласные сверх трех указанных). Эти звуки в заимствованиях и собственных именах заменяются приблизительными соответствиями:

<i>p</i>	→	<i>b</i>	тур. <i>paşa</i> → араб. <i>bāšā</i> 'паша'
		<i>f</i>	перс. <i>pīl</i> → <i>fīl</i> 'слон'
<i>v</i>	→	<i>b</i>	лат. <i>verēdus</i> 'почтовая лошадь' → <i>barīd</i> 'почта'
		<i>f</i>	рус. <i>Москва</i> → <i>muskūf</i> и <i>muskūb</i>
		<i>w</i>	франц. <i>vapeur</i> 'пар' → <i>wābūr</i> 'пароход', 'локомотив'
<i>ʃ</i>	→	<i>s</i>	слав. (пол., чеш.) <i>Niemcy</i> — Германия → <i>namsa</i> — Австрия
<i>č</i>	→	<i>s</i>	перс. <i>čānār</i> → <i>šanār</i> 'платан'
		<i>ʃ</i>	тур. <i>čakuš</i> → <i>ʃakūš</i> ~ <i>šakūʃ</i> 'молоток'
		<i>š</i>	кит. (рус., тур. и т.д.) <i>čaj</i> → <i>šāy</i> 'чай'
<i>ž</i>	→	<i>ʃ</i>	франц. <i>journal</i> → <i>ʃurnāl</i> 'журнал'
<i>g</i>	→	<i>ʃ</i>	греч. <i>génos</i> → <i>ʃins</i> 'род'
		<i>k</i>	европ. <i>gaz</i> → <i>kāz</i> 'керосин'
		<i>k</i>	греч. <i>gūpsos</i> → <i>kaşş</i> и <i>ʃəşş</i> 'гипс'
		<i>g</i>	греч. (европ. и т.д.) <i>фотозаграфия</i> → <i>fūtū grāf</i>

Гласные колеблются и по качеству и по количеству; примеры те же.

§ 3. ЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ¹

Звуки *t, d, ʃ, z, l* (*l*), *k, ʁ, g* отличаются низким тоном — как *ль* по отношению к *ль* или как *ы* к *и*. При зубных зычных *t, d, ʃ, z, l* передняя часть языка работает как при обычных — тонких — *t, d, s, z, l*, но средняя часть опущена, образуя углубление, а задняя часть приподнята к мягкому нёбу, как при произнесении гласных *o, u* [o, y]. Произносительные органы, особенно щеки, напряжены. Звуки же *k, ʁ, g* образуются при помощи задней части языка, которая при произнесении *k* образует затвор с язычком, а при произнесении *ʁ, g* — щель с ним же. Слуховое впечатление от *k* сравнивают со звуком, издаваемым кури-

пей, снесшей яйцо [қо-қо-қо...]; *k* сходно с храпом [kkk...]; *g* близко к картавому *p* [t], но без дрожания язычка. Отдача (резонанс) у *k* — в полости рта, а у более задних (глубоких) *k*, *g* — в полости зева, отчего сами арабы причисляют их к гортанным. Произносительные органы могут быть напряжены, особенно при артикуляции *k*. Звук *l* вообще тонок (кроме слова *allāh*), а звук *r* колеблется — тонок при соседстве с *i*, у [и, й], зычен при остальных условиях.

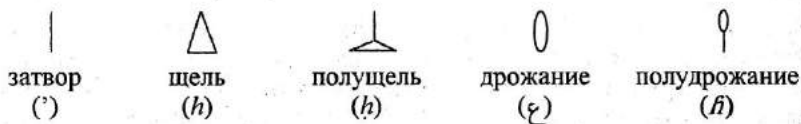
§ 4. ГОРТАННЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Звуки *'*, *h*, *ħ*, *ʕ* представляют, собственно, всем известные гортанные шумы — кашель, придыхание (как чтобы сделать стекло запотевшим), шепот, голос.

- '* — голосовая щель плотно закрывается и с шумом открывается;
- h* — голосовая щель образует треугольное отверстие, о которое трется струя выдыхаемого воздуха; не смешивать с *x* (*k*) или *z* (*g*);
- ħ* — голосовые связки закрыты, хрящики образуют маленькое треугольное отверстие — положение для шепота; нёбно-гортанные дуги, отделяющие полость рта от полости зева, сближаются; язычок под напором струи воздуха отскакивает вверх;
- ʕ* — голосовые связки дрожат, но не равномерно (сначала часто, потом реже); гортань поднята в положение для произнесения *a* (выше, чем для *u*, ниже, чем для *i*); мышцы гортани сокращены; сближение нёбно-гортанных дуг мало заметно; следует избегать легко возникающего носового оттенка (*h*).

Артикуляция двух последних звуков — *ħ* и *ʕ* — отличается от артикуляции двух первых — *'* и *h* — напряженностью гортани, но напряженности щек, как у зычных, нет. Первые выдерживают любую настройку (*i*, *e*, *a*, *o*, *u*), а последние лишь *a*—*ə*—*o*.

Схемы голосовой щели:

Мнение, что *ʕ* есть звонкая особь для *ħ*², неправильно, ибо звонкий *ħ* может быть (как и звонкий *h* = *ħ* в украинском и чешском); например, *muħammad* вместо *muħammad*.

§ 5. КОЛИЧЕСТВО (МЕРА) ЗВУКА

Все арабские звуки могут быть краткими (◌̣) и долгими (◌̣̣)³. В русском языке различаются лишь долгие согласные, например, *лунный* [lúṇṇy], *касса* [kạ́sa], *от дома* [aḍóma], но у гласных этого различия нет; только под влиянием душевных волнений (эмоций, аффектов) мы протягиваем гласные: *да ну?!* [daṇú?!]. В арабском и те и другие различаются строго: *kátala* 'он убил', *káttala* 'он убил многих', *kạ́tala* 'он стремился убить, боролся'.

§ 6. УПОДОБЛЕНИЕ

Стремление к упрощению речи и к сбережению затрачиваемой на нее работы побуждает говорящих заменять разнородные звуки однородными и таким образом выполнять одну работу вместо двух.

(а) Чистые оттенки гласных *a*, *i*, *u* поддерживаются лишь в торжественном произношении, тогда как в беглом чтении и при разговоре происходит окрашивание гласных соседними согласными. Основания окраски таковы:

1) при тонких согласных (§ 3) гласные обнаруживают уклон к *e*, т.е. *a—i—ú* (как в рус. *яр = yár*, *мур = m̄ir*, *юг = yúg*);

2) при зычных гласных (§ 3) гласные обнаруживают уклон к *o*, т.е. *á—î—û* (как в рус. *бал = bál*, *мыл = m̄il*, *пол = púl*);

3) при согласных *h*, *ç* сохраняется чистый *a* в силу особенности установки гортани (§ 4), но *i*, *u* → *ə*, *ò* (как в рус. *хобот = kòbət*, *нѣс = n̄òs*);

4) краткие гласные вялы и неустойчивы; они стремятся к неопределенному укладу *ə* и легко смешиваются между собой;

5) долгие гласные устойчивы и окрашиваются меньше, причем *î*, *û* перед *k*, *k̄*, *ç*, *h*, *ç* обнаруживают едва заметный призвук *ə**;

6) диграфы *ay*, *aw* стремятся к *ē*, *ō*; при тонких чаще *ē*, *aw*, при зычных чаще *ay*, *ō*.

Примеры: *nājd* — Неджд, *muslim* 'мусульманин'; *bāsrā* — Басра, *mīsr* — Египет, *kūr'ān* 'Коран'**; *hājāz* — Хиджаз, *çarāk* — Ирак, *çətmān* — Осман; *ləss* → *lāss*, *liss*, *lūss* 'разбойник' (← греч. *lēstēs*);

* Напротив, соседство гласного *i* или согласного *y* может придать *ā* уклон к *e*; например, *çabād* 'рабы', *çālim* 'ученый', *kūbrā* (← *kubrayu) 'большая'. (О влиянии *i* на *l*, *r* см. § 3, конец.) Это изменение *ā* называется по-арабски *imāla* 'уклон (к гласному *i*)' и необязательно.

** Окрашенные гласные *á—î—û*, в свою очередь, передают зычность другим (тонким) согласным в слове (кроме *ç*, *š*, *k*), например, *bāçrā*, *mīçr*, *kūç'ān*; однако новоявленные зычные (*b*, *n* и т.д.) не вносят смысловых различий в язык.

rāfīk 'товариш', *marzūk* 'обеспеченный', *blīfīk* 'арбуз', *rīh* 'ветер', *rūh* 'дух', *bērūt* — Бейрут, *ǰawhārī* — Джаухери, 'ювелир', *ṣaydā* — Сидон, *mōšīl* — Мосул.

(б) Согласные могут входить в частичное уподобление (по голосу, по месту образования или по зычности), а также в полное уподобление: *nb* → *mb*, например, *ǰanbar* 'амбра' звучит *ǰambar* (обычный русский м);

nk → *ñk*, например, *ǰanka* 'от тебя' — *ǰañka* (*ñ=ng* в нем. *Finger*);
šd → *žd*, например, *tašdīd* 'усиление' — *taždīd* (*ž* — обычный русский *ж* в *дожжи*);

šd → *zd*, например *mašdar* 'исход' — *maždar* (взаимное уподобление);

nm → *mm*, например, *ǰan mā* 'от того что' → *ǰammā* (полное уподобление);

dt → *dd*, например, *idtakara* 'вспомнить' → *iddakara* (взаимное уподобление).

Особенно важно уподобление *l* члена *al* (англ. *the*) следующему зубному или десняному, но за исключением *ǰ*, который раньше был нёбным *g*; звуки, уподобляющие *l* члена *al*, называются «солнечными» (*aš-šamsīya*), прочие же — «лунными» (*al-kamarīya*).

Примеры: *at-tamr* 'плод', *an-nawm* 'сон', *aš-šahr* 'месяц', *al-lawz* 'миндаль' (*l*); но *al-bayt* 'дом', *al-ǰawz* 'орех', *al-kalb* 'сердце', *al-ǰarb* 'запад'.

§ 7. РАСПОДОБЛЕНИЕ

Стремление к ясности речи для слуха и к устранению утомительного действия однообразных артикуляций в случае звуков близкого места образования побуждает говорящих разнообразить эти артикуляционные работы (противоречие к § 6).

(а) Два гортанных взрыва в одном слого не выдерживаются, например, *'i'mār* 'приказание' → *'īmār* (с заменительным удлинением гласного).

(б) Прибавление окончания *-ī* влияет на подобные звуки в основе, например, *malik* 'царь' → *malakī* 'царский';

kurayš 'племя корейш' → *kurašī* 'корейшит'; *hīra* 'гора Хира' → *hārī*.

(в) Две одинаковые долготы мешают одна другой, например, *ḳatala* 'он боролся' → **ḳātāl* 'борьба' → **ḳatāl* → *ḳītāl*.

приставкой 'i- (реже 'u-), а среди речи — предыдущим гласным, например, *binu 'сын' → *bnu*; в начале речи 'ibn, среди речи, например, *kāla-bnu* 'сказал сын'; *katul → *ktul* 'убей', в начале — 'uktul, среди — *kāla-ktul* 'сказал убей'.

(г) В конце речи, при остановке, опускают слабые части окончаний*:

-a	} → 0 (нуль)	<i>ʕinda</i> 'у', 'при' → <i>ʕind</i>
-i		<i>ʕayri</i> 'да!' → <i>ʕayr</i>
-u		<i>ḥalabu</i> — Алеппо → <i>ḥalab</i>
-un		<i>rafīkun</i> 'товарищ' → <i>rafīk</i>
-in		<i>kādin</i> 'судья' → <i>kād</i>
-an → ā	} → a(h)	<i>mawlan</i> 'господин' → <i>mawlā</i>
-atun		<i>mar'atun</i> 'женщина' → <i>mar'aḥ</i>
-atu		<i>makkatu</i> — Мекка → <i>makkah</i>

Сверхдолгие [*rafīk*, *kād* — см. выше, п. (а)] сохраняются без изменения.

(д) Ударение на предпоследнем слоге, если он долг, иначе на третьем слоге от конца, например, *ʕuṭmān*^m, *muḥammad*^m, *dimīšk*^m, но *fāʕima*^m → *fāʕima*, ибо при утрате согласного (кроме "н") ударение отсчитывается снова.

В длинных словах ударение бывает главное (ˊ) и побочное (ˋ), например, *muḳātabatūhumā* 'переписка их обоих', *mānāzilukum* 'жилища ваши'.

Вспомогательные частицы неударяемы, например, *wa-yād*^m 'и рука', *al-yād*^m 'рука'.

ЗНАКИ

§ 11. ВИДЫ БУКВ

Арабское письмо произошло из арамейского, а арамейское из финикийского. Финикийцы имели отдельные несвязуемые буквы и писали справа налево. Их письмо выражало только согласные звуки, так как семитские корни состоят из согласных, а гласные играют роль грамматических напоминаний, например, *katala* 'он убил', *kitila* 'он убит', *kātil* 'убийца', *kaṭil* 'убитый'; об этих грамматических различиях читатель судил по смысловым связям, по контексту, по смыслу окружающих слов. Как у финикийцев, так и у арамейцев было лишь 22 согласных.

* Эти слабые части в передаче опускаются или выделяются мелкими буквами. Слабый ^h не произносится, но в древности произносился.

Арамейцы выработали связное письмо и стали пользоваться некоторыми буквами также для выражения долгих гласных (*ālāp-ā, yūd-ī, wāw-ū*). Получив письмо от арамейцев, арабы недосчитывались букв для отсутствовавших у арамейцев звуков; кроме того, арамейское письмо было уже «не первой свежести», и некоторые начертания, первоначально разные, совпали. Таким образом, старое арабское письмо — кўфическое (от названия города Кўфы) страдало большими неточностями:

ا b, t, t, n, y; ح j, h, k; د d, d; ر r, z; س s, š; ص s, d; ط t, z; ع e, g; ف f, k; например: *baḡḡunā بعضنا* 'некоторые из нас' بعضنا. Для различения совпадающих букв применялись сначала черточки, например, ا b, ت t, ن n, ي y, а затем точки — ي ن ذ ت ب. С течением времени это «угловатое» письмо округлилось и дало современные почерки, из коих наиболее распространен почерк *naṣkī*, принимаемый и нами:

ا	ب	ت	ث	ج	ح	خ	د	ذ	ر	ز	س	ش	ص	ض
'	b	t	t	j	h	k	d	d	r	z	s	š	s	d
1	2	400	500	3	8	600	4	700	200	7	60	300	90	800
(с см. ниже, § 20)														
ط	ظ	ع	غ	ف	ق	ك	ل	م	ن	ه	و	ي		
t	z	'	g	f	k	k	l	m	n	h	w	y		
9	900	70	1000	80	100	20	30	40	50	5	6	10		
(t окончание ж. р.)														

Цифры — числовое значение букв; ср. у нас: *и восьмеричное* и *и десятиричное*. Они показывают старый порядок азбуки (с 500 идет новая прибавка⁵).

Рассмотрим: (а) названия; (б) употребление (звуки); (в) порядок; (г) начертания.

(а) Названия арабских букв являются частью переработки старых семитских названий, частью же новообразованием. Старые названия сохранились в виде *'alif, jīm, dāl, sīn, šīn, šād, ʿayn, kāf, kāf, lām, mīm, nūn, wāw* ← евр. *'ālāf, gimāl, dālāṭ, sīn, šīn, šādā', ʿayin, kōp, kap, lāmād, met, nun, hā, wāw*. По образцу старых названий присочинены: *dāl, dād, ʿayn*. Прочие имена — *bā, tā, tā, hā, kā, rā, zā, tā, zā, fā, hā, yā* присочинены по простому способу вроде русских *be, ve, ge, de* и не соответствуют древним названиям *bet, tāw, het, reš, zayin, tet, pe, he, yod*. Впрочем, для *z* сохраняются еще у некоторых арабов *zāy* и *zayn*.

Лица, не умеющие различать чисто арабские звуки или желающие подчеркнуть разницу, называют *ح* 'ха без точки' — *خ* 'ха с точкой'; *ت* 'простое ta' — *ط* 'эмфатическое ta' и т.д. На Востоке *ح* 'hā huṭī' — *ه* 'hā hawwaz' [см. ниже, п. (в)].

(б) В смысле произношения особенно отличаются звуки, изображающиеся следующими буквами:

ظ ذ ث {в древности и у бедуинов} t, d, d^6 ; в разговорном языке у большинства горожан — t, d, d , а при подражании литературному произношению s, z, z ; у большинства мусульман-неарабов — s, z, z .

ج — в древности g , в речи населения Египта g , Сирии и Северной Африки — j или z ; у большинства мусульман-неарабов — j .

ض — в древности z^7 ; в речи горожан чаще всего d , бедуинов и феллахов — $d = \text{ظ}$; у большинства мусульман-неарабов — z , у меньшинства — l, w^8 .

ق — в древности, а теперь у бедуинов и феллахов — g ; у горожан разные оттенки от k до $'$; например, *قمر* 'месяц', 'луна' — *gamar, katar, 'amar*, у мусульман-неарабов тоже g или k . Кроме того, чисто арабские⁹ произношения гортанных и зычных согласных в устах иноплеменников обычно упрощаются. Вместо w слышно v .

(в) Порядок букв в большинстве источников остается тем же. Лишь в текстах Северной Африки применяется иногда своеобразный порядок букв, а наряду с порядком $h — w — y$. В древности был другой порядок букв; на нем основано и их числовое значение, для запоминания которого придумано выражение (без смысла):

أبجد	هوز	حطى	كلمن	سغفص	قريشت	ثخذ	ضظنغ
4 3 2 1	9 8 7 6 5	9 8	4 3 2 1	9 8 7 6 5 4 3 2 1	4 3 2 1	5 6 7 8 9	1000
единицы			десятки		сотни		

(г) Относительно начертаний надо сказать следующее. Связность арабского письма неполная: буквы типа $ا, د, ر, و$ связываются лишь с правой стороны (ср. *داود*, где связи вовсе нет). Прочие буквы связываются с обеих сторон, но без хвостов, присущих самостоятельным начертаниям. Типам $ح, ع, ه$ соответствуют начальные $ح, ع, ه$ и средние $ح, ع, ه$ или $ح, ع, ه$ — это самая большая разница между начертаниями тех же букв. Вместо $لا, لا$ уже с древних пор пишут $لا, لا$. Так, *بغداد* *bagdād*, *جلالى* *jalālī*, *قبول* *kabūl*.

§ 12. СРАВНЕНИЕ С ДРУГИМИ МУСУЛЬМАНСКИМИ АЗБУКАМИ

Мусульмане-неарабы пишут арабскими буквами, добавляя некоторые свои нововведения, когда в арабском языке нет соответствующих звуков. С последней целью изредка делаются нововведения и самими арабами, у которых звуковой состав не везде одинаков. Так:

северноафриканские	персидско-турецкие	малайские	сирийские
ث ف ف ف ف	پ چ ژ ک گ	ع ث ن	ث
č f v k g	p č ž g ŋ	ħ p ñ	v

индийско-афганские

ب خ ش ز ر س ك ب پ	вместо :: возможно ط или ٲ
ɸ ɸ ʃ z r s k ˆ ɸ	

Творчество в этом же направлении продолжается, особенно в языках и диалектах населения Северной Африки.

§ 13. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧКИ

Для отметки гласных и других условий точного чтения применяются вспомогательные значки, которые употребляются сравнительно редко и непостоянно:

<i>fatha</i>	ˆ	a, ā, â	<i>tanwīn</i>	f.	ˆ	an
<i>kasra</i>	˘	i, ĩ	"	k.	˘	in
<i>ḍamma</i>	˙	u, ū, ū*	"	d.	˙	un
<i>sukūn</i>	ˉ	(безгласность)	<i>hamza</i>	ˆ	ˆ	
<i>tašdīd</i>	ˉˉ	(удвоение)	<i>waṣla</i>	ˉ	ˉ	беззвучный
<i>f. kā'ima</i>	ˉ	ā (без)	<i>madda</i>	ˉ	ˉ	

так, *قُرْآنٌ* *kur'ār^m*, *مُحَمَّدٌ* *muḥammad^m*, *عَبْدُ اللَّهِ* *abdu-llāh^h*. К этим значкам малайцы прибавляют еще *añka* ٢ (собственно цифра 2) для обозначения повтора слова, например, *اورغ* *orañ-orañ* 'люди'. При передаче иностранных слов и имен арабы применяют написание долгих гласных независимо от их настоящего количества, например, *كراتشقوفسكى* — Крачковский, *هاميلتون* — Hamilton [hāmiḷtn]. На конце имен ٥ может передавать *e*, например, *نولدكه* — Nöldeke.

§ 14. ЦИФРЫ

Самая *цифра* — слово арабское: *صِفْرٌ* 'пустота', 'нуль'. В этом смысле оно сохраняется у англичан: *cypher* [sayfə] 'нуль'. Ср. *zéro* 'нуль'. Вместо букв в численном значении гораздо чаще употребляются настоящие цифры, именуемые *الرَّقْمُ الْهِنْدِيُّ* 'индийская цифра'.

* Долгие гласные *ā*, *ī*, *ū*; некоторые пишут *ā*, *ī*, *ū*. В словаре Гиргаса¹⁰ ˉ ˉ вместо ˆ ˘ перед долгими гласными.

١	٢	٣	٤	٥	٦	٧	٨	٩	٠
١	٢	٣	٤	٥	٦	٧	٨	٩	٠

۱۹۲۸ ۱۹۲۸ غظکح ۱/۲ = ۱/۲ нп
----

§ 15. ТЕХНИКА

Арабский шрифт — рукописный по своему характеру. Печатание его типографским набором, равно на пишущей машинке¹¹, и передача по телеграфу довольно затруднительны. Чтобы сократить количество начертаний, изготавливают типографский шрифт и пишущие машины, отделяя основы букв от вспомогательных значков и точек. Чтобы изобразить, например, слово شيخ 'старик' приходится тогда набирать (или писать) сначала سبع, потом приставлять значки (ش = س + ح). Это дает часто очень неаккуратную работу, отнимает много времени. Поэтому большие типографии заводят полный шрифт с прилитыми к буквам значками. Заслуживает внимания новый арабский шрифт, сконструированный испанским арабистом Риберой. Этот шрифт требует только 26 знаков, но сделан по образцу североафриканского почерка и недостаточно понятен для привыкших только к почерку *naskī*.

§ 16. ВЯЗИ

Переход от буквы к букве упрощается вязями (лигатурами). Полный список употребляемых вязей очень велик; по-видимому, он еще нигде не опубликован, так как в опубликованных списках часто не находится вязей, встречающихся в других нам известных изданиях. О вязи لا мы уже говорили. Теперь рассмотрим их типы.

(а) Подъем перед образными, م и ی: بوج или بوج *bā-jīm*, حوج *hā-jīm*, حوج *hā-jīm-jīm*, م *bā-mīm*, ل *lām-mīm*, فی или فی *fā-yā*.

(б) Сведение высоких букв: لا *lām-'alif*, كا *kāf-'alif*, كلا *kāf-lām-'alif*.

(в) Завиток вместо ة: د *dāl-hā*, ر *rā-hā*.

(г) Пересечения букв: توارخ *tārīk al-'adab*.

(д) Постановка «в гору» (на заголовках и бланках), например,

ريوس *grīgūryūs*.
 غريغو

§ 17. РАЗЛИЧЕНИЯ

(а) Стараются при точной каллиграфической работе дать максимально возможное отличие буквы от буквы и достигают этого лишними значками, например, أَلشَّمْسُ وَالرَّيْحُ *aššamsu war-rīhu*. Кроме того, пишут маленькое изображение самой буквы: ك (из ك).

(б) Когда две буквы с одинаковыми значками $\ddot{\text{}}$ стоят рядом, каллиграфы любят ставить один из этих значков отвесно, например, مصريين или مصريين *miṣrīyīna*. Буквы с $\dot{\text{}}$ или ̣ распространены и в декоративных шрифтах.

(в) Так как слова очень часто соединяются союзом وَ 'и', то, чтобы не смешать конец одного слова с началом другого, пишут после окончания وَ — непроизносимый ا , например, قَتَلُوا = *qatalū* 'они убили'.

(г) Подчеркивание не существует. Употребляется надчеркивание: بَاب *bāb* 'глава'.

(д) Знаки препинания вводятся в современную письменность, но отсутствуют в древней. Там употребляются лишь знаки раздела в стихах («розетки» ⊗ или «звездочки» ⊛) да знак ، в окончании статьи.

(е) Имя عَمْرُو *amr* имеет непроизносимый وَ для отличия от имени عُمَرُ *umar*. Имя يَحْيَى — Иван пишется с يٰ , в отличие от чего глагол يَحْيَا 'он живет' пишется с ا (оба *yahyā*).

§ 18. СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения отмечаются значком ~ , ̣ или ̣ ; иногда ничем. ج، ج، ج или ج = جَمْع 'мн. число'. Берутся иногда из середины или конца слова; غ вм. إِدْغَام 'слияние'. Сокращения могут надписываться над буквой слова, например, مِنْ رَفِيقِي *mirrafīk* 'от товарища'.

§ 19. УСТАРЕЛОСТИ

(а) В старых словах долгий $\bar{a}$ не выражался алифом. В таком случае при огласовке употребляют إِلَه : إِلَٰه 'ilāh' 'божество', الرَّحْمَنُ *arraḥmān* 'милостивый'.

(б) Старое произношение мекканского говора $\bar{e}$ (ныне $\bar{a}$) реализуется в конце слов مُوسَى *mūsā* — Моисей, رَمَى *ramā* 'он бросил'. (Иногда в середине слова: تُورَاةٌ = تُورَاةٌ 'тора', 'пятикнижье').

(в) Старое произношение $\bar{o}$ (ныне $\bar{a}$) пишется в виде حَيَاةٌ = حَيَاةٌ 'жизнь'.

(г) Написания وٰ , وُ , ء в случаях ا , ا , ا и т.д. Мекканский говор, на котором основано написание букв в Коране, избегал гортанного взрыва ء и делал соответствующие замены:

мекк.	<i>dīb</i>	<i>rās</i>	<i>būs</i>	<i>muwaddīn</i>	<i>kāyil</i>	<i>šay</i>	<i>samawal</i>
общее	<i>di'b</i>	<i>ra's</i>	<i>bu's</i>	<i>mu'addīn</i>	<i>kā'il</i>	<i>šay'</i>	<i>samaw'al</i>
	'волк'	'голова'	'зло'	'выкликатель'	'говорящий'	'вещь'	Самуил

Примирия оба чтения, арабы пишут:

سَمَوَءٌ شَيْءٌ   قَائِلٌ   مُؤَذِّنٌ   بُؤْسٌ   رَأْسٌ   ذَيْبٌ

§ 20. ПРИНЦИП САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Арабы изображают слово так, как оно звучит отдельно от связной речи. Отсюда можно вывести следующие моменты.

(а) Слова, утратившие свой первый гласный, снабжаемые в начале речи вспомогательным гласным [§ 10(в)], пишутся всегда с добавочным *ا*, непроизносимость которого внутри фразы отмечается значком $\bar{\text{—}}$: *إِبْنٌ* 'сын', но *قَالَ ابْنٌ* 'сказал сын', *مِنْ ابْنٍ* (← *مِنْ ابْنٍ* 'от сына'); в виде исключения *أ* опускается — в *ابْنٍ*, когда оно означает сына в родословной: *زَيْدُ ابْنِ عَمْرٍو* 'Зейд ибн Амр'; в *أَل* после частиц *لِ* и *لِ*: *لِلرَّجُلِ* 'человеку' (*lirraǧul*), в *إِسْمٌ* 'имя' в выражении *بِسْمِ اللَّهِ* 'во имя Аллаха'.

(б) Окончание *-atun, -atu* [§ 10(г)] изображается буквой *ة* (*tā marbūta* 'связанное тэ', *tā at-ta'nīt* 'женское тэ'), соединяющей в себе *ت* и *ه*: *لُغَةُ الْعَرَبِ* *lugatu-l-ʿarab* 'арабский язык', но *لُغَةٌ* *lugat* 'язык', *فَاطِمَةُ بِنْتِي* *fāʾimatu bintī* 'Фатыма моя дочь', но *فَاطِمَةٌ* *fāʾima*. Слабое ^h, однако, не произносится.

(в) Образец для чтения.

«Раб — свободный, когда он доволен; свободный — раб, когда он жаждет»

{	أَلْعَبْدُ حُرٌّ إِذَا قَنِعَ وَالْحُرُّ عَبْدٌ إِذَا طَمِعَ
	'al-ʿābdu ḥurrun 'idā kaṇiʿ- walḥurru ʿābdun 'idā tāmiʿ

«Ищи соседа до двора, а спутника до пути»

{	أَطْلُبُ الْجَارَ قَبْلَ الدَّارِ وَالرَّفِيقَ قَبْلَ الطَّرِيقِ ، ،
	'uṭlubi-l-ǧār kaḅla-d-dār- warrafīk kaḅla-ṭ-ṭarīk*

«Ученый без работы, что облако без дождя»

{	عَالِمٌ بِلَا عَمَلٍ كَسَحَابٍ بِلَا مَطَرٍ ، ،
	ʿālimum bilā ʿamal- kasaḅābim bilā māṭar (nb → mb [§ 6(б)])

* — слабое, ' — сильное.

КОРНИ

§ 21. ИЗВЛЕЧЕНИЕ КОРНЯ

Арабские словари размещают слова по корням. Для того чтобы найти искомое слово, нужно выделить его корень. Большинство корней состоит из трех согласных, меньшинство же — из двух или четырех согласных, еще реже — из пяти.

В начале написанного слова могут находиться слитные частицы — предлоги или союзы. Для того чтобы постоянно иметь их в виду, можно воспользоваться вспомогательным выражением **أَبْتَسُنْ فَكَلُو** (без смысла), которое содержит буквы всех слитных частиц. Некорневыми (приставочными, служебными) частями слова являются прежде всего гласные, как краткие, так и долгие¹². Приставочными согласными могут быть те, которые собраны во вспомогательном выражении **أَلْيَوْمَ تَنْسَاهُ** 'сегодня забудешь это'. Они могут находиться в начале, внутри и в конце слова, но вместо **ت** могут стоять его уподобления **ط**, **د** [§ 6(б)] или окончание **ة**, причем **د** стоит после первого корневого **ذ** **ز**, а **ط** после первого корневого **ض**, **ص**. Примеры: **سَنُرْهِقُهُمْ** 'мы свергнем их' — корень **√رَهَقَ**; **أَصْطَبِرْتَنُ** 'вы (ж.) были терпеливы' — корень **√صَبِرَ**, а служебное **ط** вместо **ت**.

§ 22. ВИДЫ КОРНЯ

(а) Двухсогласные корни принимаются в словарях обычно за трехсогласные, причем третьим согласным считают тот, который прибавляется для их производных. Так, **أَبٌ** 'отец', **أَبُو**, ср. **أَبُو** 'отцовство'; **يَدٌ** 'рука', **يَدِي**, ср. **يَدِي** 'помогать', 'ранить в руку'.

(б) Трехсогласные корни восходят к двухсогласным ячейкам.

1) В большинстве случаев ячейка находится в начале корня и определяет его общий смысл¹³, а добавочный согласный — определитель или показатель — находится в конце корня и уточняет значение ячейки. Так, **نَبَأٌ** 'быть высоким', **نَبَتٌ** 'расти', **نَبَثٌ** VIII 'подниматься (о тесте)', **نَبَجٌ** 'иметь высокий голос' (**نَبَجَةٌ** 'холм'), **نَبَحٌ** 'лаять', **نَبَرَ** 'поднимать' — всюду ячейка **نَب** поддерживает общую идею движения вверх, а последние согласные вносят какое-то вспомогательное значение. Эта особенность семитского корня открыта еще

древнеарабскими учеными и носит у них название **تَأْلِيفٌ** или **تَرْكِيبٌ**, т.е. 'состав, сочинение'.

2) Некоренной согласный может быть и в начале корня: **أَحَدٌ** 'один' ← **حَدٌ** 'раз/резать'; **وَاحِدٌ** 'один' ← **أَحَدٌ**; **سَكَنٌ** 'обитать' ← **أَحَدٌ**; **نُقُضٌ** 'быть'; **مَسَلٌ** 'течь' ← **سَالَ** 'течь'; **رُفُضٌ** 'трясти' ← **فَضٌ** 'распускать'; **تَقَى** 'быть благочестивым' ← **وَقَى** 'быть благочестивым'.

3) Некоренной согласный может быть и в середине корня: **رَعَى** 'пасти' (VIII '-сь'); обычно — это расклинение ячейки слабым согласным (أ, و, ي), или гортанным (из **أَحْجَعَعَهُ**), или же плавным (**مُرْبِنَقَلٌ**; так для арабов): **جَيْبٌ** 'карман', **جَعْبَةٌ** 'колчан', **جُبٌ** 'колодец'; **شَطٌ** → **شَحَطٌ** 'быть далеким', **شَقٌ** → **شَرَقٌ** 'раскалывать'.

(в) Четырехсогласные корни бывают нескольких способов образования:

1) наращенные — **جَمَعٌ** (или **جَمَةٌ**) 'собирать вместе' ← **جَمَّ** 'собирать' ← ячейки **جَم** 'со-'; **تَغَلَّبَ** 'лиса' ← **ثَعْلٌ** (тоже 'лиса', но в форме **تُعَالٌ**) + **بَ**, классный показатель имен, обозначающих животных;

2) повторные (преимущественно звукоподражательные): **وَسَّوَسَ** 'шептать', **رَفَّرَفَ** 'хлопать крыльями (о птице)', **وَطَّوِطَ** 'летучая мышь';

3) отфразовые — **حَمَدَلٌ** 'говорить'; **بَسَمَلٌ**, **أَلْحَمْدُ لِلَّهِ** «говорить **بِسْمِ اللَّهِ**», также отыменные — **مَذْهَبٌ** 'метод' → **تَمَذَّهَبٌ** 'придерживаться известного метода', **فَيْلَسُوفٌ** 'философ' → **تَفَلَّسَفَ** 'философствовать';

4) расподобленные — **خَرَّشَ** 'царапать' → **خَرَّشٌ** 'сильно царапать' → **خَرْمَشٌ** 'царапать' (отсюда опять трехсогласный **خَمَشٌ** 'царапать'); **دَمَسَ** 'быть мрачной (о ночи)' → **دَمَسٌ** 'быть очень мрачной' → **دَلَمَسٌ** в **إِدْلَمَسٌ** 'быть очень темной (о ночи)'; при расподоблении один из схожих звуков дает плавный (реже гортанный)*.

* Расподобление может быть и у повторенных корней: **كَوَكَبٌ** 'звезда' ← ***kabkab**; **كَرَّكَبٌ** 'нарушать' ← ***kabkab** (в другом значении и другой эпохи).

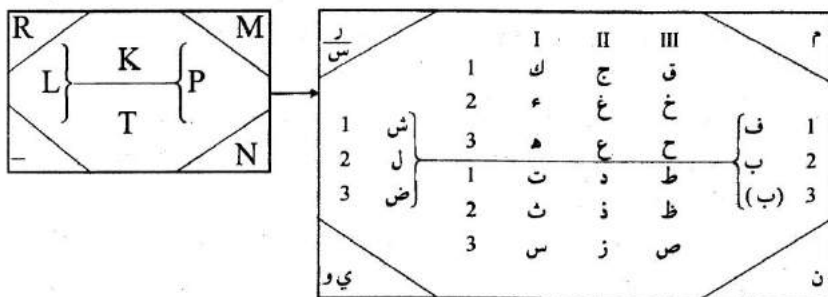
(г) Корни с двумя одинаковыми согласными в начале недопустимы в арабском языке и претерпевают расподобление: حَجْرٌ 'камни' ← *gagar ← *gargar [ср. эфиоп. *wagr* и араб. *yəgar* 'куча камней', араб. جَرَلٌ 'быть каменной (о почве)']; корни с двумя одинаковыми согласными в конце, напротив, очень излюблены и получаются из полных повторов: رَفْرَفٌ → رَفٌّ [собственно رَفَفٌ, см. § 8(б)]. Корни с одним из слабых согласных (ي ف) подчиняются закону стяжения [§ 8(а)]:

- 1) «корни, подобные правильным» — وَكَدٌ 'родить', يَدَى 'помогать';
 2) «корни пустые» — قَيْلٌ 'спать днем' ← قَوْلٌ 'говорить' ← قَالَ;
 3) «корни недостаточные» — رَمَى 'бросать' ← رَمَى ← غَزَا 'делать набег' ← غَزَا.

§ 23. ЯЧЕЙКИ

Богатство арабского языка выражается главным образом в необъятном словаре, который сводится к меньшему количеству корней. Однако даже это количество огромно. Для облегчения запоминаний корней можно воспользоваться таркибом [§ 22(б)], причем довольно большое количество ячеек можно свести к еще меньшему числу перво-ячеек (первобытных двухсогласных корней, из коих развились все прочие, кроме звукоподражательных).

(а) Первобытная схема согласных¹⁴, обозначаемых латинскими прописными буквами и неизвестных нам в своем произношении, весьма небогата¹⁵; но из нее развилась богатая схема из 30 согласных, не сохраненная полностью ни одним семитским языком:

1. Взятые в скобки *س* и *ب* были *š и *b¹⁶; теперь это *š → s: евр. *šālōm* || араб. *salām*^m 'мир', а *b → b: евр. *parcōš* 'блоха' || араб. *bur gūt*^m.
  2. *ع* заменило прежнее *k, тогда как *خ* (у нас тоже *k*) значило *k¹⁷.
  3. *ش* и *ض* были *š' и *z' (что сохраняется в южноарабском)¹⁸: *لَحْمٌ* 'мясо' || *شَحْمٌ* 'жир' || *صَحْمٌ* 'быть толстым'.
  4. Звук, обозначенный *ظ*, очень редок; он почти вытеснен звуком, передающимся *ض*: *جَدَى* || *قَضَى* 'делить', 'судить'; *عَضُّ* || *عَثُّ* 'кусать'; *حَثُّ* || ^{18a} 'тащить', 'влечь'.
  5. Основными ступенями можно считать звонкие (*ر-ل-ج-ع-غ-ذ-ب*); из ослабления их получаются глухие (*س-ش-ه-ك-س-ث-ت-ف*); из усиления их получаются зычные (*ص-ظ-ط-ح-خ-ق-ض* [против § 4]). Основными ячейками¹⁹ можно считать гармоничные: 'резать' *جَدُّ* || *قَطُّ*, 'стричь' *حَصُّ*; негармоничные возникли из скрещения или расподобления гармоничных: 'резать' *جَدُّ* || *جَزُّ*, 'стричь' *قَصُّ*.
  6. Звуки *ل* *ر* чередуются с *د* на втором месте корня; *حَرَشَ* || *خَرَشَ* 'царапать', *أَدَسَ* || *أَلَسَ* 'чечевица'; звуки *ي* *و* возникают как ослабление из *ج-ب*: *وَدَّ* 'любить' (ячейка *PT*), *يَدٌ* 'рука' (ячейка *KT*, асс.-вав. *kātu* 'рука'); *و* еще вместо *ض* (?): *وَقَدَّ* || *لَكَرَّ* 'ударять', *وَجَعُ* || *لَعَجُ* 'болеть', также *ل* || *لَطَحُ*: *ن* || *نَطَحُ* 'ударять'.
- (б) Ниже приведены наиболее употребительные ячейки (в виде первоячеек), а также примеры:
PT	}	بَطَحَ 'распростирать', فَتَحَ 'раскрывать', مَطَّ = مَدَّ 'растягивать';
PL	}	'раз-' بَلِغَ 'быть веселым', فَشَى 'распространяться', مَشَى = مَضَى '(про)ходить';
PR	}	فَرِحَ 'радоваться', بَرَزَ 'публиковать', مَرَشَ 'расцарапать';
PK	}	* 'нога', 'идти + стоять' — فَخَذَ 'бедро', وَجَّ 'спешить', بَقِيَ 'оставаться';
[MR]		(поскольку не ← PR) 'слабость', 'гладкость' — مَرِضَ 'болеть', مَرِنَ 'быть гладким';
TP		'связь', 'острота', 'грязь' — زَمَّ = ضَمَدَ 'привязать', دَبَحَ 'зарезать'; طَفِسَ 'быть грязным';
TT		'грудь' — تَدَيْ 'тителька', صَدَرَ 'грудь'; чаще = TL, TR;
TL		'течь', 'скользнуть', 'длитель' — سَالَ 'течь', زَلَقَ 'выскользнуть', طَالَ 'быть долгим';
TR		'сыпать', 'лить', 'толкать' — دَرَّ 'лить в избытке', صَرَعَ 'вымя', طَرَدَ 'прогнать';

- TK 'давить', 'темный цвет' — ذَاتٌ = دَعَطٌ 'задушить', تَحَمُّ 'красить в темное', طَحَى 'быть темным';
- TN 'вонь', 'низ' — تَنَّتَ = صَنِقَ = رَنَعَ 'вонять', دَنَى = دَانَ 'быть низким';
- LP 'губа', 'бить(ся)' — شَفَّةٌ 'губа', ضَفَّةٌ 'берег', لَبَعَ 'бить', لَبٌّ 'сердце' (от 'биться');
- LT 'ударять', 'лгнуть' — لَتَّ 'дробить', لَتَعَ 'ударять', لَزِقَ = لَزِقَ = لَصِقَ 'клеиться';
- (LR)* 'вредить' — شَرَّ 'быть злым', ضَرَّ 'делать зло';
- LK 'кусать', 'колоть', 'свет/жар' — لَعَسَ 'кусать', شَقَّ 'колоть', لَهَزَ = شَيْبَ 'седеть';
- (LN) 'ненавидеть' — شَأَا 'ненавидеть' (= شَنِعَ) 'теснота', ضَاَقَ 'быть тесным';
- RP 'множество', 'бросить' — رُبَّ 'часто', أَرْبَعَ 'четыре', رَفَعَ 'пышно жить', رَمَى 'бросать';
- RT 'возврат' = LT — رَدَّ 'возвратить', رَضَّ 'раздробить', رَصَعَ 'ударять';
- (RL) 'слюна', 'сосать' — رَيَّرَ 'рели', رَضِعَ = رَضِبَ 'сосать';
- RK 'движение', 'слабость' — رَجَلَ 'нога', رَكِبَ 'садиться верхом', رَقَصَ 'плясать', رَخَوَ 'быть слабым';
- NP 'вверх', 'дыхание' — نَبَأٌ и т.д. [§ 22(б)], نَفَعَ = نَفَعَ 'дуть', نَفْسٌ 'душа';
- NT 'исчерпывать' — نَزَّ 'быть богатым источниками', نَزَفَ = نَزَفَ 'исчерпать', نَضُوَ 'исчерпанный';
- NK крики (животных) = LK — نَعَا 'мяукать', نَوَّ 'квакать', نَجَدَ 'кусать', 'оскорблять';
- [(NL) — смесь разных ячеек: RL (نَشَفَ = نَشَّ) 'сосать'), NP (نَشَطَ = نَشَأَ 'расти')];
- [NR 'свет', 'огонь' — نَارٌ 'огонь', نُورٌ 'свет'; но ср. نَهَارٌ 'день' (не из LK 'свет'/ 'жар' ли?);
- KP 'со-' — قَبِضَ 'схватить', كَفَّ 'рука', خَمْسٌ 'пять', قَبِلَ 'принимать', حَبَشَ 'собирать'; 'выпукло-вогнуто' — جَبَلٌ 'гора', كَبِيرٌ 'большой', جُبٌّ 'колодець', جَيْبٌ 'карман';

KT	{ 'резать', 'рубить' }	قَطَّ = 'резать', قَسَمَ 'делить', كَسَرَ 'ломать', حَلَقَ 'брить';
KL		
KR	{ 'ломать' }	— جَرَحَ = 'ранил', عَرَمَ 'грызть', عَرَى 'быть нагим';
KN		
(KK)	{ 'устой' — حَقَّ 'право', 'закон', عَقَدَ 'узел', قَعَّ 'быть чистым', هَكَعَ 'отдыхать'; 'жечь' — أَجَّ 'гореть', أَجَمَ 'быть горячим', هَقَعَ 'разъедал', عَجَّاجُ 'дым'.	

Примечания

* Ячейки, взятые в круглые скобки, не встречаются в чистом виде и требуют расподобления согласно § 22 (и его распространения).

** Сюда же 'покрывать + копать', например: قَبَرَ 'могила', حَفَرَ 'копать'; عَفَرَ 'покрывать'.

§ 24. КЛАССНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ²⁰

Первобытное состояние языка имело особенность, от которой не свободны и современные языки, — многозначность корня (полисемию)²¹. Как нам иногда приходится добавлять пояснительные слова, например *мир-спокойствие* : *мир-свет*, так и в те поры прибавлялись особые окончания [сокращения самостоятельных слов(?)], показывавшие, к какому классу относится обозначаемый предмет. Однако у каждого предмета много разных признаков, и потому бывает много колебаний — куда, собственно, относится предмет — даже в ту эпоху, когда классные показатели являются живым средством.

(а) Приведем наиболее употребительные классные показатели и примеры.

ب	— животные I:	كَلْبٌ 'собака', ذَنْبٌ 'волк', عَقْرَبٌ 'скорпион', عَنْدَلِيبٌ 'соловей';
د	— твердость I:	خُلْدٌ 'крот' (по работе), وَتَدٌ 'кол', بَرْدٌ 'холод', جِلْدٌ 'шкура';
ر	— части тела I:	صَدْرٌ 'грудь', ظَهْرٌ 'спина', شَعْرٌ 'волосы', ظِفْرٌ 'ноготь', كَوْتٌ 'коготь';
	(а также животные:	عَفْرٌ и حَنْزِيرٌ 'бык', بَقَرٌ 'рогатый скот', تَوْرٌ 'свинья');
ع	— гибкость:	قَرْعٌ 'лен', ذِرَاعٌ 'локоть', كُرَاعٌ 'голень', صَبْعٌ 'гиена', قَرْعٌ 'лен';

ل	—	{ животные II: ثَعَالٌ 'лиса', إِبِلٌ 'верблюд', نَمَلٌ 'муравьи', جَحَلٌ 'жук';
		{ растения II: عَثَلٌ 'тамариск', بَقْلٌ 'злаки', نَخْلٌ 'пальмы', حَنْزَلٌ 'колоквинг';
م	—	{ твердость II: عَظْمٌ 'кость', إِرْمٌ 'камень в пустыне', تَلَمٌ 'борозда', لَحْمٌ 'мясо';
		{ растения II: بَطْمٌ 'теревинф', ضَرْمٌ 'лавандула';
ن	—	части тела II: عَيْنٌ 'глаз', بَطْنٌ 'живот', ذَقَنٌ 'борода', بُرْثَنٌ 'лапа'.

Примечание. Показатели иногда изменяются в звуке: عِنْمٌ 'виноград' ← عِنْبٌ, بَهْمٌ 'скот' ← بَهْتٌ, كَبْلٌ 'теленки' ← كَبْشٌ.

(6) Кажущиеся показатели. Старый неопределенный член م — (мимация), женское окончание ة ~ ت и мужское окончание (или выделитель, individualis) ان — нередко сливаются с корнем в одну в большей мере неразложимую основу. Так, قَمٌ 'рот' ← *م — جَرْدُونٌ, 'крыса' ← *م — زِفَةٌ 'смола' ← زِفْتٌ, جُرْدَانٌ 'дочь' ← *م — اِبْنَةٌ 'дочь').

§ 25. ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСЛОЖНИТЕЛИ

Если классные показатели обслуживают преимущественно именное значение (предметы), хотя бывают и отыменные отвлечения, то глагольное значение часто осложняется другими средствами — звуко-подражательными поддержками, из коих назовем:

ف, م, ب	—	«течение»: ذَرَفَ 'течь', سَجَمَ 'течь', وَزَبَ 'течь', نَضَبَ 'течь', سَرَبَ 'течь', 'лить';
غ, ك	—	«трение»: رَمَعَ, حَرَقَ, مَعَكَ, دَعَكَ, فَكَ (раз-), دَعَكَ, عَرَكَ... 'тереть';
م	—	«о носе»: حَرَمَ 'одеть намордник', حَرَمَ 'пробуравить нос', فَعَمَ 'наполнять нос', رَكَمَ 'ударить по носу', 'парфюмировать'.

Однако это явление нелегко отделить от другого (см. § 30).

§ 26. ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ

Корни звукоподражательного происхождения очень часты [ср. § 26(в)] и врезаются в остальной материал, затрудняя обнаружение ячеек и их смысловое и формальное толкование. Если сравним, например, **بَحَّ** 'быть хриплым', **بَحَّ** 'храпеть' (и **فَحَّ**, **فَعَّ** его оттенки) с ячейкой *PK*, найдем, что между ними нет ничего общего. Однако, когда свежесть звукоподражания спадает и не возобновляется сверкой с природой, оно становится обычным материалом языка и даже поддается чередованию согласных [правая схема в § 23(a)], например, 'чихать' **كُدَسَّ** **عَطَسَ**, а также отвлечению значимости, например, как **ذَنَّبَ** 'волк' → **ضَغِيْبٌ** 'вой волка или крик зайца'; так, новоявленная ячейка *NK* выражает крики любых животных и даже человека, например, **نَعَا** 'мяукать', **نَحَّ** 'жужжать', **نَهَمَ** 'причитать'.

§ 27. СИНОНИМИЯ

От разных ячеек может исходить одинаковое значение; ср. хотя бы § 25, синонимы 'тереть'.

§ 28. ОМОНИМИЯ

Одна и та же ячейка имеет иногда несколько значений²³ [ср. § 23(б)]. Немудрено, если иногда и корни страдают многозначностью, например, **ذَهَبَ** 'уходить', а **ذَهَبٌ** 'золото'; **ذَنَّبَ** 'грех', а **ذَنْبٌ** 'хвост'; **نَهْرٌ** 'река', а **نَهَارٌ** 'день'.

§ 29. АНТОНИМИЯ

Все элементы языка могут иметь противоположные значения, если исходят из чего-то среднего; например, слав. *вонь* 'запах вообще' → рус. *вонь* 'дурной запах': пол. *woń* 'хороший запах'. У арабов это называется **ضِدٌّ**, мн.ч. **أَضْدَادٌ** 'противоречие': **مَوْلَى** 'господин' и 'раб'; **ضَعْفٌ** 'мощь' и 'слабость'; **طَرِبَ** 'быть радостно или печально потрясенным'.

§ 30. АЛЛИТЕРАЦИЯ

Для обобщения или усиления понятия некоторые языки прибегают к рифмованному повторению слова, создавая новое слово — просто привесок, начинающийся на *m*- م; например, в турецком كِتَابٌ ‘книга’ → كِتَابٌ مِتَابٌ ‘книга-мнига’, رَاسِمٌ بَيْكٌ مَاسِمٌ بَيْكٌ ‘Расим-бей Масим-бей’.

В арабском эти привески начинаются обычно с ب: جَاهِلٌ بَاهِلٌ ‘глупый-преглупый’, كَثِيرٌ بَشِيرٌ ‘много-премного’. Однако потребность к аллитерации толкает араба на скрещение корней, действительно существующих, и это часто затрудняет правильный разбор корнеслова. Так, ‘прыгать’ *PT* نَفَرَ... قَفَرَ, ضَعَرَ, نَفَرَ; ‘клеветать’ قَزَّ, فَزَّ... قَحَزَ, قَلَزَ... قَفَرَ, ضَعَرَ, نَفَرَ; ‘гнуть спину’ حَنَبَ - طَنَبَ. В таких случаях основным корнем является тот, в котором ячейка наиболее подходит по значению к данной серии аллитераций; значит, ‘прыгать’ *PT* [→ نَفَرَ согласно § 22(б₂)] × *KP* (→ قَزَّ под рифму к فَزَّ) и т.д.; ‘клеветать’ ← ‘колоть’ *LK* × ‘покрывать’ *KP* × ‘резать’ → ‘лгать’ *KT* и т.д.; ‘гнуть’, конечно, *KN* × ‘низ’ *TN*. В связи с § 27 можно ожидать самых запутанных аллитераций.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

§ 31. ЗАКОНЫ ПОЛЯРНОСТИ²⁴

Семитские языки сохраняют в высшей степени древний строй речи, не соответствующий современному европейскому сознанию. Рассмотрим закон противоположности, который обуславливает почти весь строй семитской, в особенности же арабской грамматики. Все сущее распадается (с точки зрения тогдашнего сознания) на ряд противоположностей, из коих важнейшие:

лицо	—	вещь
мужское	—	женское
великое	—	малое
(u)		(i)
	(a)	
	основной	
	гласный	

Примечание. Лицо есть единица; значит, вещь есть совокупность. Но лицо связано с «мужским», а вещь с «женским»; значит, у «мужского» слова может быть «женское» множественное число и наоборот (ср. араб. *قِرْدٌ* 'обезьяна' [м.], мн. *قِرْدَةٌ*: *نُقْطَةٌ* 'точка' [ж.], мн. *نُقَطٌ*). Чисто «мужское» выражается «женским» типом и наоборот (ср. араб. *خَلِيفَةٌ* 'наместник пророка': *قَاعِدٌ* [ж.] 'неспособная рожать'). Один и тот же элемент имеет два противозначения.

§ 32. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНА

Различаются формы раздельные (*pronomina absoluta*) и слитные (*pronomina suffixa*).

(а) Раздельные образуют систему:

	(м.)	(ж.)	(м.)	(ж.)	(о.)
3.	هُوَ 'он'	هِيَ 'она'	هُمْ 'они'	هُنَّ 'они'	هُمَا 'оба'
2.	أَنْتَ 'ты'	أَنْتِ 'ты'	أَنْتُمْ 'вы'	أَنْتُنَّ 'вы'	أَنْتُمَا 'оба'
1.	أَنَا 'я'		نَحْنُ 'мы'		—

(б) Слитные образуют систему:

	(м.)	(ж.)	(м.)	(ж.)	(о.)
3.	هُ 'его'	هَا 'ее'	هُمْ 'их'	هُنَّ 'их'	هُمَا 'обоих'
2.	كَ 'тебя'	كِ 'тебя'	كُمْ 'вас'	كُنَّ 'вас'	كُمَا 'обоих'
1.	ـي ـني	'меня'	نَا 'нас'		—

1) Здесь выражено «мужское» в *هُوَ*, *هُمْ*, *هُ*, *كُمْ* через *u*; в *أَنْتَ* и *كَ* через *a*.
 2) «Женское» выражено через *i* в *هِيَ*, *أَنْتِ*, *كِ*. Вместо старых *هِنَّ* и *كِنَّ* ($\leftarrow$ *šinna* и *kinna), хранимых до сих пор у бедуинов, по аналогии мужского $\rightarrow$ *هُنَّ* и *كُنَّ*. 3) Двойственное число образовано от «мужского»; *ا* — признак двойственности. 4) *أَنْ* есть привесок в смысле «вот»; *أَنَا* $\leftarrow$ **'an'a* [§ 7(a)], т.е. «вот я». 5) *نَحْنُ* 'мы' // асс.-вав. *'anāku* 'я'. 6) *هَا* собственно «среднее»; вместо среднего рода, которого у семитов нет, употребляется женский, например, *وَاحِدَةٌ* 'одна' и 'одно'. 7) *ـي* употребляется после имен и частиц без *-n*, например, *كَلْبِي* 'моя собака', *عِنْدِي* 'у меня', а *ـني* — после глаголов и частиц на *-n*; *قَتَلْنِي* 'он убил

* Указательное *هـ* есть расширение §²⁵, сохраняемого языками ассиро-вавилонским, южноарабским и многими хамитскими (= индоевроп. *-s*).

меня', مِّنِّي 'от меня' (كَلْبٌ 'собака', عِنْدَ 'у', مِنْ 'от'). 8) Гласные окончания местоимений могут быть одинаково краткими или долгими; так, в поэзии: هم = *hum, humi, humū*.

§ 33. УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Уже 3-е лицо личных местоимений является, по существу, указательным; говорится, например, أَنَا هُوَ قَائِلٌ 'это я, который говорит', фр. *c'est moi qui parle*. Наиболее употребительные указательные местоимения суть:

هَذَا ж. هَذِهِ мн. هَؤُلَاءِ 'этот', 'эта', 'эти' — для ближнего плана
ذَلِكَ ж. تِلْكَ мн. أُولَئِكَ 'тот', 'та', 'те' — для дальнего плана

Сюда же, собственно, относится и определенный член آل, сохраняющий указательную силу в наречиях, как أَلْيَوْمَ 'сегодня', أَلْآنَ 'теперь'. Его первый согласный ' и его гласный вытесняются предыдущим гласным, например, فِي الْبَيْتِ *filbayt* 'в доме'; второй его согласный уподобляется [см. § 6(б), 20(а)]. Таким образом, в связной речи от члена آل, собственно, остаются лишь заместители, например, عَبْدُ الرَّحْمَنِ *abdur-rahmān* — Абдуррахман.

§ 34. ПРОЧИЕ МЕСТОИМЕНИЯ

(а) Относительным местоимением служит обычно الَّذِي, ж. الَّتِي, мн. الَّذِينَ 'который', 'которая', 'которые'*.

(б) Наиболее распространены универсальные местоимения:

(в зависимости от связи речи)	лицо مَنْ	вещь مَا**	любое أَيُّ, ж. أَيَّةٌ
вопросительное	'кто?'	'что?'	'какой', 'какая', 'какое'
относительное	'тот, кто'	'то, что'	[см. § 4(а)]
неопределенное	'некто'	'ничто'	] также أَحَدٌ для лица; هَنْ و شَيْئٌ [см. § 60(1)]
безразличное	'кто бы'	'что бы'	
отрицательное	'никто'	'ничто'	] для вещи

* Состоит из члена آل и указательных элементов.

** В остановке مَا *ma* [ср. § 10(г) и 20(б)].

Под названием «частиц» разумеются неизменяемые части речи — наречие, союз, предлог, междометие. «Частицы» бывают слитные и раздельные; последние получаются из «обломков» глаголов и имен, например: *قَطُّ* 'никогда' ← *قَطَّ* 'резать', *فِي* 'в' ← *فُر* 'рот'.

Слитные частицы²⁶ объединяются для запоминания в ничего не значащее выражение *أَبْتَسْنُ فَكَلُوا* и суть:

أ — вопросительная частица — *أَبْنُكَ* 'твой ли сын';

ب — предлог 'в', 'с' — *أَتَى بِالرَّفِيقِ* 'он пришел с товарищем, он привел...';

ت (вместе с *و* и *ب*) — частицы клятвы — *تَاللَّهِ*, *تَاللَّهِ*, *تَاللَّهِ* 'ей Богу';

س — частица будущего времени — *سَيَكْتُبُ* 'он напишет';

ف — союз 'и', 'а' в смысле последовательности явлений — *وَقَدْه* 'ударил его кулаком Моисей и порешил с ним', т.е. 'вследствие чего и убил его';

ك — частица сравнения — *عَالِمٌ بِلَا عَمَلٍ كَسَابٍ بِلَا مَطَرٍ* 'ученый без работы подобен облаку без дождя';

ل — подтвердительная частица — *لَلْحَقِّ* 'подлинно так', 'истина';

ل — предлог 'к', 'у' — *لِي* 'мне', 'у меня'; *لِلرَّجُلِ* 'человеку';

و — союз 'и' в смысле простого соединения — *الْيَدُ وَالرَّجُلُ* 'рука и нога'. Ср. еще под т.

§ 36. ОСОБЕННОСТИ -*hi*

В слитных местоимениях *هُنَّ*, *هُمَا*, *هُنَّ*, *هُنَّ* звук *и* меняется на *i*, если предшествующее слово кончается на *i*, *i*, *y*: *بِهِ* 'с ним', *بِهِمْ* 'с ними', *بِهِنَّ* 'с ними (ж)', *بِهِمَا* 'с ними обоими'; *فِيهِ* 'в нем'; *مِنْ كِتَابَيْهِمَا* 'из обеих книг их'.

Напротив, *ل* (§ 35) соединяется со всеми местоимениями (кроме *ي*) в форме *لِ*: *لِ*, *لِهَا*, *لِكَ* и т.д. (своего рода «гармония гласных»).

§ 37. ОСОБЕННОСТИ -*i*

Местоимение *ي* вытесняет предыдущие краткие гласные, например: *عِنْدِي* 'у меня' ← *عِنْدُ* 'у', 'при', но образует с предыду-

ГЛАГОЛЫ

<Правильные глаголы>

§ 41. ОСНОВЫ²⁷

Глагол образуется из трех первичных основ *katal*, *katil*, *katul**. Каждая основа может иметь два применения: 1) совершенный вид (перфект) и 2) несовершенный (имперфект). Распределение основ по видам обуславливается законом противоположности (§ 31), который может нарушаться звуковыми законами — уподоблением (§ 6) и расподоблением (§ 7). Наблюдается шесть возможных соотношений основ по видам²⁸:

1) $a + u$	— قَتَلَ 'он убил'	+ يَقْتُلُ 'он убивает'	← *yá- <i>katul</i> -u
2) $a + i$	— ضَرَبَ 'он ударил'	+ يَضْرِبُ 'он ударяет'	← *yá- <i>darib</i> -u
3) $a + a$	— قَطَعَ 'он отрезал'	+ يَقْطَعُ 'он отрезает'	← *yá- <i>kaṭaṭ</i> -u
4) $i + a$	— فَرِحَ 'он радовался'	+ يَفْرِحُ 'он радуется'	← *yá- <i>farah</i> -u
5) $i + i$	— حَسَبَ 'он полагал'	+ يَحْسِبُ 'он полагает'	← *yá- <i>ḥasib</i> -u
6) $u + u$	— كَرَّمَ 'он был щедрым'	+ يَكْرُمُ 'он щедр'	← *yá- <i>karum</i> -u

Чаще всего встречается 1-е, реже 2-е; оба означают преимущественно действие (в отличие от состояния). Чем вызвана здесь разница (*u*, *i*), пока наукой не выяснено. Далее, наиболее важны 4-е и более редкое 6-е; оба означают состояние (в отличие от действия), но 4-е означает временное, изменчивое, а 6-е — постоянное, присущее. Отношение 3-е нечасто и обуславливается наличием гортанного (одного из أَحْخَعَفَةً) на втором или третьем месте, ср. еще سَأَلَ 'он спросил' ÷ يَسْأَلُ 'он спрашивает'. Отношение 5-е — разновидность 4-го (يَحْسِبُ = يَحْسَبُ) и встречается как обычное лишь у некоторых неправильных глаголов.

§ 42. ПОРОДЫ

Путем изменений внутри основы (удвоения согласного или удлинения гласного) или путем наращивания приставок (принудительной *sa* ← *ša и возвратной *ta-* или *na-*) образуется до 15 форм, называемых «породами» и выражающих изменения основного значения глагола в

* Сами арабы пользуются для указания типов словообразования корнем فَعَلَ 'делать', но европейские ученые из-за трудности звука ع прибегают к корню قَتَلَ 'убивать' или к какому-нибудь другому.

смысле количества, качества, направления действия или состояния. На практике приходится считаться с первыми десятью породами; прочие крайне редки.

	Прямые		Возвратные
I Первичная	قَتَلَ + يَقْتُلُ	VII 'себя'	أَنْقَتَلَ ÷ يَنْقَعِلُ
		VIII* 'себе'	أَقْتَلَ + يَقْتَعِلُ
II Усилительная	قَتَلَ + يُقْتَلُ	V تَقْتَلُ + يَتَقْتَلُ	} в обоих значениях как 'себя', так и 'себе'.
III Направительная	قَاتَلَ + يُقَاتِلُ	VI تَقَاتَلُ + يَتَقَاتِلُ	
IV Принудительная	أَقْتَلَ + يُقْتَلُ	X أَسْتَقْتَلُ + يَسْتَقْتَعِلُ	

(а) Относительно формы: 1) совершенный вид противу несовершенного²⁹ всюду имеет $a + i$, кроме V и VI; 2) приставка в несовершенном виде всюду имеет a , кроме II, III и IV, где u ; 3) краткое a неударенных слогов в IV, VII, VIII и X выпало; отсюда двухсогласное начало, облегчаемое в начале речи слогом i [§ 10(в); § 20(а)]; 4) приставка $sá-$ в X сохраняет свое $s_{(2)}$ под защитой t^* , а в IV претерпела ослабление³⁰: $s \rightarrow h \rightarrow **$; 5) приставка $tā-$ в VIII и X вошла в перестановку, именно $tā-kātala \rightarrow ktātala$, اقتتل $tā-sá-kātala \rightarrow stáktala$, استقتل; 6) несовершенный вид IV представляет собой новообразование от совершенного с $'a-$.

(б) Относительно значения: 1) первоначальное значение далеко не всегда сохраняется, так как породы могут развиваться независимо друг от друга и их историческая связь легко нарушается; 2) разные породы могут совпадать друг с другом по значению; так, II может иметь принудительное значение (= IV): حَزَنَ 'он печалился' ÷ حَزَّنَ = أَحَزَّنَ 'он опечалил'; 3) наряду с прямыми значениями, указанными в табличке пород, развились и косвенные: II 'объявлять', 'считать кем-то': كَذَبَ 'он солгал' ÷ كَذَّبَ 'он считал лжецом' (соответственно V 'выдавать себя за кого-нибудь': نَبِيٌّ 'пророк' → تَنَبَّأَ 'он выдал себя за пророка'); III и VI — взаимность: كَتَبَ 'он писал' ÷ (تَكَاثَبَ) 'он переписывался'; X 'просить': عَفَرَ 'он простил' → أَسْتَعْفَرَ 'он просил прощения', или

* После $d, \dot{z}, z$ вставочное $-t-$ озвончается в d : أَدَدَكَرَ (= أَدَكَرَ) 'вспомнил'; после $ص, ض, ط, ظ$ оно озвончается в $ط$: أَصْطَبَرَ (= أَصْبَرَ) 'терпеливо переносил'; оно же уподобляет себе предыдущие $ع, و, ي$: آتَرَئَنَ (= *wiazana) 'отвесил себе'.

** Ср. سَرَقَ 'он украл (= опорожнил)' // هَرَقَ 'он лил' // أَرَأَقَ 'он лил'.

'находить каким-то': عَجِبَ 'он удивился' ÷ اَسْتَجَبَ 'он нашел удивительным'.

(в) Порода IX имеет форму أَقْتَلُ ÷ يَقْتُلُ, стянутую, согласно § 8, из *katalāla ÷ *ya-kātāllu. Значение — цвет или телесный недостаток; سَوِدَ и أَسْوَدَ 'он был черным'; عَوِرَ и أَعْوَرَ 'он лишился одного глаза'.

Прочие породы XI—XV означают тоже какое-нибудь качество, но присущее в сильной степени; употребляются крайне редко и вместе с IX не принадлежат к общей системе пород.

§ 43. ВИДЫ³¹

Виды совершенный и несовершенный спрягаются одинаково для всех пород общей системы (I—VIII и X). В совершенном виде имеет место мена окончаний, которые происходят от соответствующих местоимений, а в несовершенном виде двойная мена — начал, образующихся из местоимений, и окончаний, совпадающих с именными окончаниями (§ 57):

		Совершенный	Несовершенный	Меняющиеся части	
3 м.	} ед. ч.	قَتَلَ ×	يَقْتُلُ	ـَ и ـِ ← *ya 'он'	} см. } ـُ
3 ж.		قَتَلَتْ ×	تَقْتُلُ	ـُت и ـِت (ср. ةـُ) 'она'	
2 м.		قَتَلْتَ	—	ـُت и ـِت (ср. أَنْتَ) 'ты'	
2 ж.	} дв. ч.	قَتَلْتِ	تَقْتُلِينَ	ـِت и (ср. أَنْتِ); ـِينَ	}
1 о.		قَتَلْتِ	أَقْتُلُ	ـُت и *ku*; ـُ (ср. أَنَا) 'я'	
3 м.		قَتَلَا ×	يَقْتُلَانِ	ـُا и ـِا см.	
3 ж.	} дв. ч.	قَتَلْنَا ×	تَقْتُلَانِ	3 ж. ед. + ـُا; ـِا (ср. ةـُ)	}
2 о.		قَتَلْنَا	—	ـُا (ср. أَنْتُمَا); ـِا (ср. أَنْتِ)	
3 м.		قَتَلُوا ×	يَقْتُلُونَ	ـُوا и ـِوا	
3 ж.	} мн. ч.	قَتَلْنَ	يَقْتُلْنَ ×	ـُ (ср. هُنَّ); ـِ под влиянием мужской формы (вместо ـِت)	}
2 м.		قَتَلْنِمُ	تَقْتُلُونَ	ـُ (ср. أَنْتُمْ); ـِ (ср. أَنْتِ)	
2 ж.		قَتَلْنِ	تَقْتُلْنَ	ـُ (ср. أَنْتُنَّ); ـِ (ср. ةـُ)	
1 о.		قَتَلْنَا	تَقْتُلْنَا	ـُنا и ـِنا (ср. نَحْنُ)	

Примечание. Крестом отмечены формы совершенного вида с открытым слогом (ل), а также формы несовершенного вида с закрытым слогом (ل). Эту разницу (пять

* Асс.-вав. 'anāku 'я' ← 'an-'a-ku 'вот я (здесь?)' соединяет оба элемента; эфиоп. и южно-араб. katal-ku 'я убил', но также katal-ka и katal-ki 'ты убил(а)'.

форм здесь и две формы там) нужно всегда иметь в виду, так как от нее происходят особые перемсны в неправильных глаголах (или наоборот — наблюдается защита от перемен).

§ 44. НАКЛОНЕНИЯ

Совершенный вид имеет только изъявительное наклонение (§ 43), а несовершенный вид имеет несколько наклонений:

1) изъявительное (то, что в § 42);

2) сослагательное: а) вместо 'будет' — يَقْتُلُ

б) вместо 'будет нуль' — يَقْتُلَا (но يَقْتُلْنَ, يَقْتُلُنَّ);

3) условное: вместо 'будет нуль' — يَقْتُلُ; прочее — как сослагательное;

4) повелительное соответствует вторым лицам условного наклонения, но без начальных приставок; двухсложное начало облекается посредством 'u- перед -и- иначе 'i- — أَقْتُلْ 'убей', اِضْرِبْ 'бей', اِقْطَعْ 'режь'; для других пород лучше перечислить образцы, чтобы не создавать лишних правил:

II قَتِّلْ III قَاتِلْ IV أَقْتِلْ VII اِنْقَتِلْ VIII اِفْتَتِلْ
V تَقْتُلْ VI تَقَاتِلْ X اِسْتَقْتِلْ [кроме IV, -ا чередуется -إ];

5) усиленное — крайне редко; состоит в прибавлении к сослагательному или повелительному окончания 'н- или 'ن- по желанию — يَقْتُلَنَّ или يَقْتُلَنْ 'пусть он убьет'.

Сослагательное наклонение выражает цель или предел и зависит от частиц, означающих 'чтобы', 'чтобы не', 'до того что': كُتِبَ أَنْ يَكْتُبَ 'я сказал, чтобы он написал'.

Условное наклонение употребляется в условных предложениях: اَكْتُبْ إِلَيَّ إِنْ كُتِبْتَ إِلَيْكَ 'если напишешь, напишу тебе'; اَكْتُبْ إِلَيَّ اَلْيَوْمِ 'напиши мне, напишу тебе'; с частицей لَمْ выражает отрицание законченного действия: لَمْ يَكْتُبْ 'он не написал'; с частицей لَا — запрет, например, لَا تَكْتُبْ 'не пиши!'; с частицей لَ — заменяет несуществующие 1-е и 3-е лица повелительного наклонения, например, لِنَكْتُبْ 'напишем-ка!'; فَلْيَحْيَ 'да здравствует!' (fal- из fa-li-; см. § 35).

Действительный залог уже приводился (§ 41—44). Страдательный залог образуется от совершенного вида по формуле «и...i» от формы несовершенного вида по формуле и...a:

I	قُتِلَ	يُقْتَلُ	Примечания: 1) от повелительного наклонения страдательный залог не образуется; 2) кроме IV — ^أ чередуется с ^إ , например, قالَ اسْتَغْفِرُوا = <i>kālas-tu g-firū</i> 'он сказал: у них было испрошено прощение'; 3) форма несовершенного вида I и IV совпадают; 4) отношения согласно § 41 в страдательном залоге прекращаются; 5) спряжение — как у действительного залога.
II	قُتِلَ	يُقْتَلُ	
III	قُوتِلَ	يُقَاتِلُ	
IV	أُقْتَلُ	يُقْتَلُ	
V	تُقْتَلُ	يَتَقَتَّلُ	
VI	تُقوتِلُ	يَتَقَاتِلُ	
VII	أُنْقَتِلُ	يُنْقَتَلُ	
VIII	أُقْتَلُ	يُقْتَلُ	
X	أُسْتَقْتَلُ	يُسْتَقْتَلُ	

§ 46. ЧЕТЫРЕХСОГЛАСНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Глаголы четырехсогласного корня [§ 22(в)] имеют четыре породы, из коих употребительны преимущественно две первые*:

I	فَلَقَلَ + يُفْلَقِلُ	соответствует	II ₃	قُتِلَ	написанный	قُتِلَ
II	تَفْلَقَلُ + يَتَفْلَقِلُ	—	V ₃	تَقْتَلُ	—	تَقْتَلُ
III	إِفْلَقَلَ + يَفْلَقِلُ	—	XIV ₃	إِفْتَنَلَلُ	(ср. носовую приставку VII ₃)	
IV	إِفْلَقَلُ + يَفْلَقِلُ	—	IX ₃	إِفْتَلَّ	, но с лишним слогом.	

Начало —^إ (страдательный залог —^أ) всюду чередуется с —^أ.

<Неправильные глаголы>

§ 47. ГЛАГОЛЫ ПЕРВОГО НЕУСТОЙЧИВОГО

Если первый согласный корня есть ' , w , y , он подчиняется изменениям, уже указанным в § 7, 8, 42 (сноска при VIII). К этому надо прибавить частные случаи каждого из неустойчивых согласных.

* Для примера взят корень √ *kikl* 'быть в движении'.

(а) Три глагола, начинающиеся на ' , отбрасывают таковой в повелительном наклонении I: أَخَذَ 'он взял', أَكَلَ 'он съел', أَمَرَ 'он приказал'; именно — خَذْ 'возьми', كُلْ 'ешь', مَرْ 'прикажи'.

(б) Глаголы, начинающиеся на w, имеют чаще всего в несовершенном виде типовой гласный i и лишаются w:

وَعَدَ	'он обещал'	÷	يَعِدُ	повелительное наклонение	عِدْ
وَرِثَ	'он унаследовал'	÷	يَرِثُ	"	رِثْ
وَجَلَ	'он боялся'	÷	يُوجَلُ	"	но (ا) يُجَلْ

В тех случаях, когда под влиянием гортанного (§ 4; 6, 3) типовой гласный i → a, явление не изменяется:

وَهَبَ	'он подарил'	÷	يَهَبُ	повелительное наклонение	هَبْ
وَضَعَ	'он положил'	÷	يَضَعُ	"	ضَعْ
وَطَى	'он попраля'	÷	يَطَأُ	"	طَأْ

(в) Глаголы, начинающиеся на y вместо обычного стяжения uḡ → ī (как *biyḡd 'белые' → بِيض) имеют стяжение:

يَقِظُ	'он бодрствовал'	÷	IV (يُقْتَلُ)	يُوقِظُ	'он будит', ср.
وَلَدَتْ	'она родила'	÷	»	»	يُولِدُ 'он порождает',
أَسَرَ	'он связал'	÷	»	(أُقْتَلُ)	أُوسِرُ 'я заставлю связать'*.

§ 48. ГЛАГОЛЫ ВТОРОГО НЕУСТОЙЧИВОГО

Глаголы, имеющие вторым коренным ' , в сущности, правильны и проявляют особенности только в написании [§ 19(г)]. Лишь глагол سَأَلَ 'он спросил' встречается иногда в мекканской форме سَال, несовершенный вид — يَسَالُ, повелительное наклонение — سَلْ.

Глаголы, второй коренной которых одинаков с третьим («удвоенные») или полугласный («пустые»), подлежат законам стяжения (§ 8) и проявляют расхождение между формами открыто- и закрытосложными (§ 43, примеч.).

* Сочетание uaw изменяется нередко в uā, uay, uī (يَجَلْ, يَنْجَلْ, يَأَجَلْ).

'aysa) 'нет', 'не есть' имеет лишь совершенный вид действительного залога I и в закрытосложных формах принимает *a* вместо *au*, например, لَسْتَ 'ты не'.

§ 49. ГЛАГОЛЫ ТРЕТЬЕГО НЕУСТОЙЧИВОГО

Глаголы, имеющие третьим согласным полугласный, называются «недостаточными», подчиняются законам стяжения [§ 8(б)] и обладают еще некоторыми особенностями.

(а) Закрытосложные формы правильны, открытосложные стянуты, но сочетания *awā*, *ayā*, *iya*, *uwa* устойчивы:

*gazawa	*ramaya	*radiwa*	*nasiya	*saruwa	Ср. формы правильного:
'напал'	'бросил'	'будь доволен'	'забыл'	'будь щедр'	
↓	↓	↓	↓	↓	
عَزَا**	رَمَى	رَضِيَ	نَسِيَ	سَرَوْ	قَتَلَ
عَزَتْ***	رَمَتْ	رَضِيَتْ	نَسِيَتْ	سَرَوَتْ	قَتَلَتْ
عَزَوَتْ	رَمَيْتَ	رَضَيْتَ	نَسَيْتَ	سَرَوْتُ	قَتَلْتِ
عَزَا	رَمَيْتَ	رَضِيَا	نَسِيَا	سَرَوْا	قَتَلَا
يَعْزُو	يَرْمِي****	يَرْضَى	يَنْسَى	يَسْرُو	يَقْتُلُ
يَعْزُونَ	يَرْمِينِ	يَرْضَيْنِ	يَنْسَيْنِ	يَسْرُونَ	يَقْتُلْنَ

(б) Стяжения с долгими гласными: *awī*, *ayī* → *ay*; *awū*, *ayū* → *aw*; *iwī*, *iwū* → *ī*; *iwū*, *iyū*, *iwū* → *ū* [первые два против § 8(б)]:

عَزَا	رَمَوْا	رَضَوْا	نَسَوْا	سَرَوْا	قَتَلُوا
تَعْزِينَ	تَرْمِينِ	تَرْضَيْنِ	تَنْسَيْنِ	تَسْرِينِ	تَقْتُلِينَ
يَعْزُونَ	يَرْمُونَ	يَرْضُونَ	يَنْسُونَ	يَسْرُونَ	يَقْتُلُونَ

* Узнать, где было *-iwa* и где *-iya*, можно лишь из производных имен: رِضْوَانٌ 'довольство', نَسِيَانٌ 'забывчивый'.

** Окончание *-ā* пишется *اَ*, лишь если *ā* заменяет *w* и является третьей буквой слова; иначе *اِ*.

*** Долгий гласный в закрытом слогѣ сокращается [§ 10(б)]: **awat* → **āt* → *-at*. Форма *قَتَلْنَا* ← *قَتَلْتَا*; поэтому также *عَزَيْتَا*, *رَمَيْتَا*, а не **āitā*.

**** Некоторые арабы пишут *يَرْمِي*, *يَرْمُونَ* вместо *يَرْمِي*, *يَرْمُونَ*, считая таковые дѳоегласными вроде *يَرْمِي*, *يَرْمُونَ*.

<Словообразование>

§ 51. ВНУТРЕННЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Имена образуются из тех же трех первичных основ, что и глаголы³² (§ 41). Эти основы могут сокращаться до *katl*, *kitl*, *kutl*, отчетливее отличаясь от глагола, но могут и опять восполняться, причем *katl* → *katal*, а *kitl* → *kital* или *kitil* и *kutl* → *kutal* или *kutul*. В дальнейшем происходит усиление основ посредством: 1) повтора — *عَرْمَرَمٌ* ‘многочисленный’, *رَمِدِدٌ* ‘пепельный’; 2) удвоения — *قَلْبٌ* ‘проворный’, *خِضْمٌ* ‘щедрый’; 3) удлинения — *بَادِنٌ* ‘толстый’, *جَبَانٌ* ‘трусливый’. Кроме того, возможно усиление средствами внешнего образования (§ 52—55). Четырехсогласные подлежат таким же видоизменениям.

По значению один и тот же тип основы может вмещать:

{	вещественное	—	<i>عَسَلٌ</i> ‘мед’	÷	отвлеченное	—	<i>مَرَضٌ</i> ‘болезнь’
	единичное	—	<i>أَسَدٌ</i> ‘лев’	÷	собирательное	—	<i>خَدَمٌ</i> ‘слуги’.

Следует заметить, что разница между прилагательным и существительным второстепенна, например, *حَكِيمٌ* ‘мудрый’ и ‘мудрец’. Смежные типы легко обмениваются: *نَمْرٌ* и *نَمِرٌ* ‘тигр’, *خَضِرٌ* и *خَضِيرٌ* ‘зеленый’, *ضِلْعٌ* и *ضِلَعٌ* ‘ребро’. Разные значения могут вмещаться в одном типе даже одного корня: *عَوْنٌ* и *نَصْرٌ* ‘помощь’ и ‘помощник’, *عَدْلٌ* ‘справедливость’ и ‘справедливый’ (ср. рус. *он* — *моя помощь*; *он* — *сама справедливость*).

Наиболее употребительные типы внутреннего образования:

1) *katl* — как имя действия (*مَصْدَرٌ*) от большинства глаголов (переходных) — *قَتْلٌ* ‘убийство’, *ضَرْبٌ* ‘битье’, *فَهْمٌ* ‘понятие’;

2) *katal* — как имя действия от глаголов типа *katil* ÷ *katal* — *فَرَحٌ* ‘радость’, *مَرَضٌ* ‘болезнь’; реже от переходных — *طَلْبٌ* ‘требование’ (это обычно при втором корне *ر* или *ل*);

3) *kātil* — как причастие действительного залога I — *قَاتِلٌ* ‘убивающий’, *ضَارِبٌ* ‘бьющий’, *فَارِحٌ* ‘радующийся’, *فَارٌ* ‘бегущий’, *قَائِلٌ*

‘говорящий’ (*āwi*, *āyi* → *ā'i*), *أَلْغَازِي* ~ *غَازٍ* ‘делающий набег’ (← *gāziwun ~ *al-gāziwu);

4) *kaṭīl* — как прилагательное — *كَبِيرٌ* ‘большой’, *طَوِيلٌ* ‘долгий’, ‘длинный’, *عَلِيٌّ* ‘высокий’ (← *alīwun); также как причастие страдательного залога — *قَتِيلٌ* ‘убитый’; реже — имя звучания — *صَفِيرٌ* ‘свист’;

5) *kaṭūl* — как прилагательное, выражающее склонность или способность — *ظَنُونٌ* ‘подозрительный’, *غَيُورٌ* ‘ревнивый’, *نُؤُومٌ* ‘сонливый’ (← *nawūmun от *نَامَ* -*ā* ‘спал’);

6) *kitāl* — как имя действия и предмета действия — *كِتَابٌ* ‘писание’, ‘книга’, *لِسَانٌ* ‘язык’; также собирательное — *كِلَابٌ* ‘собаки’ (ср. *كَلْبٌ* ‘собака’), *كِبَارٌ* ‘большие’ (см. 4), *غَضَابٌ* ‘гневные’ (ср. *غَضَبَانٌ* ‘гневный’);

7) *kuṭāl* — как имя отбросов и болезней — *زُكَامٌ* ‘насморк’, *رُضَابٌ* ‘слюна’, *سُعَالٌ* ‘кашель’; также летучего — *ذُبَابٌ* ‘муха’, *غُرَابٌ* ‘ворон’;

8) *kuṭūl* — как имя действия у глаголов непереходных (типа *kaṭal* ÷ *kaṭul*) — *قُعُودٌ* ‘сидение’, *غُرُوبٌ* ‘закат’, *هُبُوبٌ* ‘дуновение ветра’; также собирательное — *قُلُوبٌ* ‘сердца’ (ср. *قَلْبٌ* ‘сердце’), *أُسُودٌ* ‘львы’ (ср. *أَسَدٌ* ‘лев’), *قُعُودٌ* ‘сидящие’ (ср. *قَاعِدٌ* ‘сидящий’);

9) *kattāl* — как прилагательное увеличительное или имя профессии — *عَبَّاسٌ* ‘угрюмый’, *حَدَّادٌ* ‘кузнец’, *خَيَّاطٌ* ‘портной’;

10) *kaṭālīl* — как собирательное от имен трехсогласных с первым долгим гласным или четырех- или пятисогласных — **فَوَارِسٌ* ‘всадник’ (ср. *فَارِسٌ* ‘всадник’, ‘фарис’), *ذَوَابٌ* ‘четвероногие’ (ср. *ذَابَةٌ* ‘четвероногое’), *عَجَائِرٌ* ‘старухи’ (ср. *عَجُوزٌ* ‘старуха’), *مَنَازِلٌ* ‘жилища’ (ср. *مَنْزِلٌ* ‘жилище’), *شَيْطَانِيْنَ* ‘сатаны’ (ср. *شَيْطَانٌ*), *صَنَادِيقٌ* ‘сундуки’ (ср. *صُنْدُوقٌ* ‘сундук’), *عَنَادِيلٌ* или *عَنَادِيلٌ* ‘соловьи’ (ср. *عَنْدَلِيبٌ* ‘соловей’; 5-й корневой отбрасывается).

* Во избежание стыка гласных *a—ā* вставляется *w* — *āwi* → *a'i*.

Их в семитских языках немного.

1) ـان мужское единичное собирательное и отвлеченное — ظَرِيَانٌ ‘хорек’, عُضْبَانٌ ‘гневный’, عُرْيَانٌ ‘нагой’ ÷ غِلْمَانٌ ‘мальчики’ (ср. غَلَامٌ ‘мальчик’), سَيْلَانٌ * ‘течение’; в заимствованных словах не отделяется — سُلْطَانٌ ‘власть’, شَيْطَانٌ ‘сатана’, بُرْهَانٌ ‘доказательство’ (ср. § 51);

2) ـة , ـاء , ـى женское единичное ÷ собирательное и отвлеченное — تِبْنَةٌ ‘соломина’ (ср. تِبْنٌ ‘солома’), $\text{مَرَأَةٌ} = \text{إِمْرَأَةٌ}$ ‘женщина’** بَيْضَاءٌ ‘белая’, ‘красавица’ (ср. أَبْيَضٌ ‘белый’), عُضْبَى ‘гневная’ (ср. 1) ÷ $\text{فِخْخِيرَاءٌ} = \text{قِرْدَاءٌ}$ ‘обезьяны’ (ср. قِرْدٌ ‘обезьяна’ и § 31), سَعَادَةٌ ‘счастье’, فِخْخِيرَى ‘гордость’; в смысле мужчины — ср. § 31***;

3) ـى (читай *ḡūn*) прилагательное относительное (نسبته); вытесняет предыдущие окончания — مَكِّيٌّ ‘мекканский’ (ср. مَكَّة — Мекка), مَلَكِيٌّ ‘царский’ [ср. § 7(б)]; при слабых окончаниях → ـوي — بَدَوِيٌّ ‘степной’, ‘бедуин’ (ср. بَدْوٌ ‘степь’), دُنْيَوِيٌّ ‘земной’ (ср. الدُّنْيَا ‘земная жизнь’; ـيا — вместо ـي — во избежание двух одинаковых букв подряд); в европейском переводе: -um (племя — قُرَشِيٌّ ‘кореишит’), -id и -ad (династия — عَبَّاسِيٌّ ‘аббасид’, أُمَيَّوِيٌّ ‘омеййад’);

4) соединение ـة — имя качества, передающее рус. -ость , -есть , -ота , -ство , -щина и т.д. — جَاهِلِيَّةٌ ‘глупый’, ‘язычник’ → جَاهِلِيَّةٌ ‘язычество’; بَحْرِيٌّ ‘морской’, ‘моряк’ → بَحْرِيَّةٌ ‘моряки’, ‘матросня’;

5) соединение kattāl-ī заменяет имя профессии, если kattāl уже занято — حَمَامٌ ‘баня’ → حَمَامِيٌّ ‘банщик’, فَخَّارٌ ‘горшечный товар’ → فَخَّارِيٌّ ‘горшечник’, ‘гончар’.

* Этот тип, katal-ān , сохраняет слабые сочетания звуков без изменения — حَيَوَانٌ ‘животное’, دَوْرَانٌ ‘круговорот’.

** В виде исключений: بِنْتٌ (ابْنَةٌ) ‘дочь’ и أَخْتٌ ‘сестра’ при мужских формах ابْنٌ ‘сын’ и أَخٌ ‘брат’ [ср. еще § 24(б)].

*** Тип kutalā собирательное от kāṭil должностей и положений — عُلَمَاءٌ ‘ученые’, أُمَرَاءٌ ‘эмиры’, kattā от kāṭil ‘пострадавшие’ — جَرْحَى ‘раненые’.

Находясь внутри корня, вставки являются результатом вхождения в корень либо представок (ср. VIII *ta-kāṭala → *إِقْتَتَلَ*), либо наставок.

1) Имя уменьшительное образуется по типу *kuṭayl*: رَجُلٌ 'человек' — رَجِيلٌ 'человечек'; женские окончания сохраняются — هِرَّةٌ 'кошка' — كَسِيلَى; حَمْرَاءٌ 'красная' — حُمَيْرَاءٌ; كَسَلَى 'ленивая' — كَسِيلَى; если имя женского рода, но без женского окончания, приставляется ة: نَفْسٌ 'душа' — نَفِيسَةٌ. При долготе первого гласного — тип *kuwaytil*: فَارِسٌ 'всадник' — فَوَيْرِسٌ; при долготе второго гласного — тип *kuṭayyil*: غُلَامٌ 'мальчик' — غُلَيْمٌ. Для четырехсогласных — тип *kuṭaylil*: ثَعْلَبٌ 'лиса' — ثُعَيْلِبٌ. Для пятисогласных — тот же тип, но без пятого согласного: عُنَيْدِلٌ 'соловей' — عُنْدَلِيبٌ.

2) Имя презрительное (сохранилось лишь в немногих случаях) образуется по типу *kittawl*³³: عَجَلٌ 'теленочек' — عَجْوَلٌ.

3) Вообще в корень вставляются усилительные *w, y, n*: شَوَذَبٌ 'взрослый', عَزُورٌ 'сильный', صَيْدِقٌ 'верный', جَدِيلٌ 'короткий', غَضَنْفَرٌ 'огромный'.

§ 54. ПРЕДСТАВКИ (ПРЕФИКСЫ)

1) — أ образует прилагательное (тип *'aktal*) и ряд собирательных (чаще всего тип *'aktāl*); тип *'aktal* значит либо цвет или телесный недостаток (тогда ж. *katlā'*, мн. *kuṭl*), либо сравнительную или превосходную степень (тогда ж. *kuṭlā*, мн. *kaṭālil*), например:

أَحْمَرٌ	'красный'	ж.	حَمْرَاءٌ	мн.	حُمْرٌ
أَكْبَرُ	'больше'	ж.	كُبْرَى	мн.	أَكَابِرٌ
أَشَدُّ	'сильнее'	ж.	شُدَى	мн.	أَشَادٌ

Собирательные типы *'aktāl* чередуются с другими типами: مَطْرٌ 'дождь': أَمْطَارٌ; يَوْمٌ 'день': أَيَّامٌ; أَلْفٌ 'тысяча': آلَافٌ. Из других типов — رَجُلٌ 'нога': أَرْجُلٌ; قَرِيبٌ 'родственник': أَقْرِبَاءٌ; لِسَانٌ 'язык': أَلْسِنَةٌ.

2) -م образует имя времени и места, соединяясь с основой несовершенного вида I, причем типовой гласный *и* меняется на *а*, например:

قَطَعَ *а* 'резал' — مَقْطَعٌ 'место или время резания, битвы',
 جَلَسَ *и* 'сидел' — مَجْلِسٌ 'место или время заседания',
 قَامَ *и* 'встал' — مَقَامٌ 'место или время стояния'.

(Исключения: مَسْجِدٌ 'мечеть', مَشْرِقٌ 'восток', مَغْرِبٌ 'запад' от глаголов سَجَدَ (*и*) 'поклонился', شَرِقَ (*и*) 'взошел', غَرَبَ (*и*) 'зашел'.)

От глаголов с первым *و* وصل (*и*) 'соединил' — مَوْصِلٌ 'Мосул' (أَل),
 -" третьим *ي* или *و* رمى (*и*) 'метнул' — مَرْمِيٌّ 'стрельбище'.

3) -م образует имя орудия и сосуда, по типу *mi-ktāl* или *mikiālat*: فَتَحَ 'открыл' — مِفْتَاحٌ 'ключ', بَرَدَ 'надпилил' — مِبْرَدٌ 'напильник', قَصَّ 'стриг' — مِقْصٌ 'ножницы', قَادَ (*и*) 'вел' — مَقْوَدٌ 'повод'; حَلَبَ 'молоко' — مِحْلَبٌ 'молочник' (реже тип *tu-ktul*: نَحَلَ 'просеял' — مَنْحَلٌ 'сито').

4) -ت участвует в усилении прилагательных в образовании имени действия II (§ 55); реже, чем -أ и -م.

5) Еще реже -ي. Так, يَلْمَعُ 'блестящий', تَمْسُحُ 'лживый'.

§ 55. СМЕШАННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

	Причастия		Имена действия
	действ. зал.	страд. зал.	
I	قَاتِلٌ	مَقْتُولٌ	{Чаще всего قَتَلَ, но много и других форм; см. § 51 и словарь (под глаголом) (ثَرِيَّةٌ; ثَنِيَّةٌ) (но) تَقْتِيلٌ (но) مِقَاتِلَةٌ и قِتَالٌ (إِقَاتَةٌ) (но) تَقْتُلٌ تَقَاتِلٌ
II	مُقْتَلٌ	مُقْتَلٌ	
III	مُقَاتِلٌ	مُقَاتِلٌ	
IV	مُقْتَلٌ	مُقْتَلٌ	
V	مُتَقَتِّلٌ	مُتَقَتِّلٌ	
VI	مُتَقَاتِلٌ	مُتَقَاتِلٌ	

VII	مُنْقَلِبٌ	مُنْقَلَبٌ	إِنْقِيَالٌ	} أ ~ إ
VIII	مُقْتَلِبٌ	مُقْتَلَبٌ	إِقْتِيَالٌ	
X	مُسْتَقْبِلٌ	مُسْتَقْبَلٌ	إِسْتِقَامَةٌ (إِسْتِقَامَةٌ)	

<Словоизменение>

§ 56. РОД ИМЕН

Женского рода суть: 1) имена существ женского пола — مَرِيْمٌ — Мария, عَجُوزٌ 'старуха', أُنْثَى 'ослица'; 2) названия парных частей тела — يَدٌ 'рука', عَيْنٌ 'глаз'; 3) имена местностей — مِصْرٌ — Египет, بَيْرُوتٌ — Бейрут, قَبْرُسٌ — Кипр; 4) имена с окончаниями ـة, ـاء, ـى, если они не означают существ мужского пола, — نُقْطَةٌ 'точка', صَحْرَاءٌ 'пустыня', سَكْنَى 'местопребывание'; 5) некоторые имена по употреблению; из них особенно важны — أَرْضٌ 'земля', شَمْسٌ 'солнце', نَفْسٌ 'душа', نَارٌ 'огонь', رِيحٌ 'ветер', رُوحٌ 'дух'. Остальные имена или мужского рода, или колеблются между обоими родами (общий род: وُلْدٌ или وُلْدَةٌ 'дитя').

§ 57. СКЛОНЕНИЕ

1) Самая обычная и простая схема окончаний такова:

	единственное	двойственное	множественное			
именительный	ـُ	ـُ	ـِ	ـِ	ـُ	ـُ
родительный	ـِ	ـِ	} ـِ	ـِ	ـِ	ـِ
винительный	ـِ	ـِ		ـِ	ـِ	ـِ
	(а)	(б)	(а)	(б)	(а)	(б)

Сопряженное состояние (а) употребляется перед родительным падежом другого слова или перед местоимением слитным: عَبْدُ اللَّهِ 'раб Аллаха', كَلْبُكَ 'твоя собака'. Неопределенное состояние (б) употребляется в прочих условиях; только в единственном числе при

члене *أَل* или перед *بُن* 'сын (такого-то)' употребляются формы (а): *كَلْبٌ* 'собака' *أَلْكَالْبُ*; *عَامِرٌ* 'Мухаммед ибн Амр'.

2) Женское окончание *ة* — по схеме:

	единственное		двойственное		множественное	
именительный	أُ	ةُ	تَانِ	تَانِ	اتُ	اتُ
родительный	ةِ	ةِ	تَيْ	تَيْنِ	اتِ	اتِ
винительный	ةً	ةً			اتِ	اتِ
	(а)	(б)	(а)	(б)	(а)	(б)

например: *هَرَّتَانِ* 'две кошки', *مِنْ هَرَّتَيْهِ* 'от его двух кошек'.

3) Некоторые имена имеют в единственном числе неопределенного состояния только два падежа³⁴: именительный *ُ*, косвенный *ِ*. Таковы:

а) прилагательные по типам *'aktal* и *katlān*, например: *أَسْفَلٌ* 'ниже', *أَعْرَجٌ* 'хромой', *سَكْرَانٌ* 'пьяный'; имена с окончаниями *َاءُ* и *ى*, например: *شَجَرَاءٌ* 'роща', *فَتْوَى* 'фетва';

б) собственные имена женские, обоего пола на *ةُ*, иностранные, типов *katāl* и на *-ān*, собственные имена, подобные глагольным формам — *يَزِيدٌ* 'Иезид' (ср. *زاد* (*i*) 'увеличился'), *كَلْثُومٌ* 'Кельсум'^(ж), *طَلْحَةُ*, *تَالِخَا*^(м), *هُرُونٌ* 'Аарон' (с евр.), *عُمَرُ* 'Омар', *لُقْمَانٌ* 'Локман';

в) собирательные с огласовкой *a a i u*: *تُعَالِبُ* 'лисицы'.

4) Слабые звукосочетания претерпевают обычные изменения; имена на *أُ*, *ى* и на *أُ*, *ى* вообще несклоняемы, например: *دَارَا* 'Дарий', *عَرَقَى* 'утопленники', *فَتَى* 'юноша', *عَصَا* 'палка' (двойственное число: *دَارَوَانِ*, *فَتَيَانِ*, множественное: *دَارَوْنَ* и т.д.); имена на *أُ* (с членом *أُ*) отличаются в винительном падеже (*أُ*, с членом *أُ*): *قَاضٍ* 'судья', вин. *قَاضِيَا*; с членом *أُ*, вин. *أُ*; также *قَاضِيكَ* 'твой судья'.

5) Множественное правильное число употребляется сравнительно редко; преимущественно от причастий, уменьшительных и прилагательных (но не всех типов), например: *مُحْسِنُونَ* 'благодетели',

مُحْسِنَاتٌ 'мухсинат'; 'котят'; هُرَيْرَاتٌ 'хурейрат'; 'охотники'; صَيَّادُونَ 'сейядун'; в остальных же случаях преобладает собирательное внутреннего образования, иначе — «множественное ломаное», имеющее много типов, но мало правил (см. § 51, 54). Таковое всегда приводится в словаре*.

§ 58. НАРЕЧИЯ

Наречия могут иметь своеобразную форму, как, например, مَتَى 'когда', 'أَيْنَ' 'где', 'تَمَّ' 'там', 'هَاهُنَ' 'здесь' и т.д., но могут выражаться винительным падежом любого состояния, например, أَبَدًا 'всегда', 'никогда', 'الْيَوْمَ' 'сегодня'. В ряде случаев наречие оканчивается на неизменяемый -и (прежний местный падеж), а предлог на -а, например: فَوْقُ 'наверху', مِنْ فَوْقُ 'сверху', но فَوْقَ 'над'.

§ 59. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

1) Корни числительных: 1 — *hd*, 2 — *tn*, 3 — *tlk*, 4 — *rb*, 5 — *kms*, 6 — *sdt*, 7 — *sb*, 8 — *tmn-y*, 9 — *tsc*, 10 — *ḡsr*; 100 — *mi'-at* (مِئَةٌ, مِائَةٌ, مِائَةٌ), 1000 — 'alf.

2) Формы количественных числительных: تِسْعٌ, ثَمَانٍ, سَبْعٌ, سِتٌّ, خَمْسٌ, أَرْبَعٌ, ثَلَاثٌ, (ثِنَانٍ ** =) اِثْنَانٍ, وَاحِدٌ = أَحَدٌ, أَلْفٌ, مِئَةٌ, عَشْرٌ.

3) Десятки: 20 عِشْرُونَ, 30 ... 90 — правильные множественные от единиц.

4) Женский род: إِحْدَى 'одна'; прочие 1 ... 10 правильно на ةٌ.

5) Порядковые: 1 أَوَّلٌ, ж. أُولَى; 2 ... 10 правильно по типу *kātil***.

6) Дроби: ½ نِصْفٌ (мн. أَنْصَافٌ), 1/3 ... 1/10 правильно по типу *kutl*.

Далее описательно «... долей из ... долей» ('доля' جُزْءٌ, мн. أَجْزَاءٌ).

* В немногих случаях возможны замены от другого корня: مَرَاةٌ = امْرَأَةٌ 'женщина', мн. نِسَاءٌ; خُلْدٌ = جُلْدٌ 'крот', мн. مَنَاحِدٌ. Все масдары могут образовать множественное число на تَاتٌ — تَنْوِينَاتٌ. Неодушевленные имена могут иметь и мужские и женские окончания: مِائَةٌ 'сто' — مِئَاتٌ и مِئُونَ.

** Но 'шестой' سَادِسٌ.

§ 60. ОБОСОБЛЕННЫЕ ИМЕНА

1) Следующие имена в сопряженном состоянии удлиняют гласный:

	أَبْ 'отец'	أَخْ 'брат'	حَمَّ 'зять'	هَنْ 'вещь'	فَمَّ 'рот'
им. п.	أَبُو	أَخُو	حَمُو	هَنْو	فَمُو
род. п.	أَبِي	أَخِي	حَمِي	هَنِي	فَمِي
вин. п.	أَبَا	أَخَا	حَمَا	هَنَا	فَا

2) Употребляется только в сопряженном состоянии:

ذُو 'владелец', ذِي, ذَا; мн. ذُوُو или أُوُو, косв. ذَوِي или أَوِي*.

3) Меняется при присоединении члена:

إِلَهٌ 'божество', إِلَهُ, 'Аллах', إِلَهُهُ, 'о, Аллах'; إِنْسَانٌ 'человек', мн. أَنْسَاءٌ
→ النَّاسُ 'люди'.

4) Двухсогласные имена не могут образовать ни глагола³⁵, ни множественного ломаного, если не добавят третьего согласного; такими согласными бывают ه, و, ي, например:

سَنَةٌ 'год', мн. سَنَوَاتٌ, سَنَهَاتٌ, سِنُونٌ
إِسْمٌ 'имя', мн. أَسْمَاءٌ, мн. أَسَامٌ
شَاةٌ 'овца', мн. شِيَاءٌ, شَاءٌ и ряд редких форм.

Условные знаки

→ — дает, производит		— общего происхождения с...
← — получается из...	*	— незасвидетельствованно
÷ — противостоит	x	— в скрещении с...
' — резкий перерыв	- - -	— долгота
ع — сдавленный голос	- - -	— шипящесть (š=ш, ž=ж, č=ч, ĵ=дж)
h — придыхание	- - - - ' - -	— мягкость (d'ad'á=дядя)
w — неслоговой и (y)	- - - - - ' - -	— твердость (bâli'=балы)
y — неслоговой i (î)	- - - -	— свистящесть (d'=дз, f'=ф)
l — ль	: : :	— щелевое образование (ħ=x)
h — заднеязычный носовой	- - -	— заворот кончика языка к небу

* Женский род ذَاتٌ 'владелица'; ذَاتٌ 'суть'.

¹ Термин «зичные» употребляется Н.В. Юшмановым также в его «Грамматике...» (1928 г.) и противопоставлен термину «тонкие» (там же, с. 29, изд. 3-е) [О «тонких» согласных см. ниже, § 6(а), I]. Понятие «зичные» у него не полностью соответствует понятию «эмфатические», так как по артикуляторному признаку — по подъему задней части языка — в эту группу включаются еще *k(q)*, *h(b)*, *g(g)*, которые не относятся к эмфатикам. Подъем задней части языка для эмфатиков является дополнительной артикуляцией и называется веларизацией (см.: *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. Л., 1960, с. 137, § 125), а для *k*, *h*, *g(g)* — является основной артикуляцией, поэтому к веларизованным их причислять нельзя (*Матусевич М.И.* Введение в общую фонетику. М., 1959, с. 69—70).

² Большинство исследователей рассматривают ξ «как фриктивный звонкий коррелят *h*» (см. работы Ж.Кантино: *Cantineau J.* Cours de phonétique arabe. Algèr, 1941; *он же.* Etudes de linguistique arabe. P., 1960, с. 73). Однако отмечаются и некоторые случаи произношения ξ как смычного (*Кенесбаева С.С.* Спектральный анализ гуттуральных согласных арабского литературного языка. Алма-Ата, 1982, с. 13). Возможно, акустическое восприятие звука ξ обусловлено его позицией. В результате последних экспериментальных исследований указанных звуков арабского языка *h/ξ* акустически определяются как глухой/звонкий соответственно. Однако эти звуки различаются местом артикуляции: ξ определяется как верхнефарингальный, *h* — как нижнефарингальный [там же, с. 131, 140, 144—145, 147]; см. также о позиционном озвончении глухих гуттуральных [там же, с. 149] и специальную работу по фонетике арабского языка: *Salman Al-Ani.* Arabic Phonology. An Accoustical and Physiological Investigation. Mouton, 1970.

³ Имеется в виду фонологическое, функциональное значение долготы и краткости согласных и гласных фонем арабского языка.

⁴ В более поздних исследованиях структуры арабского слога отмечается сосуществование двух правил: запрета на долгий закрытый слог — как более древнее, которому противопоставляется правило сохранения долгого слога (переходящего в сверхдолгий) в удвоенных основах *šadada* > *šadda*; III *šādada* > *šadda* и т.п. См. например: *Hetzron R.* Extrinsic Ordering in Classical Arabic. — Afroasiatic Linguistics. Los Angeles, 1974, с. 1—19.

⁵ Имеются в виду новые, арабские буквы, которыми был дополнен арамейский алфавит (т.е. знаки для звуков: *ṣ*, *ḳ*, *ḏ*, *ḡ*, *ḡ*).

⁶ Звукам *ṣ*, *ḡ*, *ḡ* в ряде диалектов Северной Африки соответствуют вторичные аффрикаты *ṣ*, *ḡ*. Их появление объясняется воздействием берберского субстрата: *Заводовский Ю.Н.* Арабские диалекты Магриба. М., 1962, с. 30; *Кямилев С.Х.* Марокканский диалект арабского языка. М., 1968, с. 20; *Мишуков Э.Н.* Алжирский диалект арабского языка. М., 1982, с. 24—25.

⁷ См. специальное исследование, посвященное этой фонеме: *Fischer W.* Die Position von *ض* im Phonemsystem des Gemeinsemitischen. — Wissenschaft Zeitschrift der Univ. Halle. Jg. 17, 1968, Hft. 2—3, с. 55—63.

⁸ К.Ландберг отмечал латеральное произношение *ض* в арабских диалектах Южной Аравии (*Landberg C.* Études sur les dialectes de l'Arabie méridionale. Vol. 1—3. Leide, 1901—1913).

⁹ Относительно соответствий арабским классическим *ك*, *ق*, *ج* см. исследования по арабским диалектам: *Denz A.* *q* > *g*, *k* > *č* und *g* > *ǰ* als Beispiele des strukturbedingten Lautwandels im Irak-Arabischen. — München Studien zur Sprachwissenschaft. Hft. 16. Teil 1, 1964, с. 13—16; *Grotzfeld H.* Ein Zeugnis aus dem Jahr 688/1289 für die Aussprache des *qāf* als hamza im Kairinischen. — ZDMG. Bd. 117, Hft. 1, 1967, с. 87—89.

¹⁰ Имеется в виду арабско-русский словарь проф. В. Гиргаса, один из основных общих и учебных арабско-русских словарей, используемых в отечественной арабистике в годы написания данной работы: Словарь к Арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881.

¹¹ Стандартная пишущая машинка с арабским шрифтом (Optima-204) имеет на 46 клавишах 70 знаков: форм букв и дополнительных значков.

¹² О некорневом характере гласных в слове можно говорить только применительно к производным основам имен и глаголов и их грамматическим формам. Непроизводные и служебные слова — местоимения, предлоги, частицы — имеют постоянный вокализм, который нет оснований считать некорневым. Вокализм первичных (простейших) основ (именных и глагольных имперфектных) может быть рассмотрен как корневой с исторической точки зрения. В известной же нам грамматической системе арабского языка первичный, корневой вокализм таких основ, попадая в ряд оппозиций производных форм с изменением вокализма, может быть в синхронном плане интерпретирован как некорневой. См. иной подход к решению этого вопроса: *Старинин В.П.* Структура семитского слова. М., 1963; *он же.* Квантитативная типология языков Азии и Африки (арабский язык). М., 1982, с. 292—305; *Храковский В.С.* И.Ю. Крачковский и проблема взаимосвязи арабского и общего языкознания. — Проблемы арабской культуры. М., 1987; *Белова А.Г.* Морфемы в семитских языках (на материале арабского). — Типология морфемы. М., 1991.

¹³ Сравнительные исследования более широкого семитского материала свидетельствуют о том, что двухсогласная ячейка может занимать любую позицию в корне с равной частотностью. В частности, некоторую закономерность можно отметить для позиции двухсогласной ячейки по отношению к корням с именным и глагольным значениями: в корнях с именным значением ячейка чаще стоит в начальной позиции, а добавочный согласный — в третьей позиции (см., например, материалы в статье «Структура семитского корня» наст. изд.); в корнях с глагольным значением добавочный согласный (комплемент) чаще занимает первую позицию, в частности — комплемент *n*-. См. по этому вопросу: СИСАЯ. М. Вып. 1, 1981; вып. 2, 1982; вып. 3, 1986; *Zaborski A.* Biconsonantal Verbal Roots in Semitic, с. 51—98; *Conti G.* Studi sul bilitterismo in semitico e in egiziano. Firenze, 1980; *Белова А.Г.* Комплементы и структура корня в афразийском (рук.).

¹⁴ Как говорилось в предисловии, «схема» является результатом методологического нарушения, «перескока» многих этапов реконструкций в углубляющуюся древность. Однако далее Н.В. Юшманов приводит уже действительно прасемитскую систему согласных («богатая схема из 30 согласных»). Эта система по количеству расходуется с классической системой (29 согласных) (*Brockelmann C.* Semitische Sprachwissenschaft, с. 54—55), так как автор реконструирует в группе губных эмфатический *b на основе некоторых соответствий: др.-евр. *p* — араб. *b*; по количеству элементов система Юшманова соответствует прасемитской системе И.М. Дьяконова, однако в последней вместо *b реконструируется *p (Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 191). См. также: *Милитарев А.Ю.* О предполагаемом прасемитском *p — История и филология Дальнего Востока. Доклады XI годичной научной сессии ЛО ИВАН СССР. М., 1976.

¹⁵ Сравнительно-исторические исследования афразийских языков (семито-хамитских), проводимые в последние десятилетия, позволяют реконструировать достаточно многочисленную и сложную систему общеафразийского консонантизма (см.: *Дьяконов И.М., Милитарев А.Ю., Порхомовский В.Я., Столбова О.В.* Общеафразийская фонологическая система. — Африканское историческое языкознание. М., 1987, с. 9—29). Безусловно, реконструированная общеафразийская система согласных, исторически соответствующая эпохе мезолита (XI—X тысячелетия до н.э.), не может отражать «первобытную» схему согласных, однако свидетельствует о более длительной эпохе предшествующего развития и отодвигает в глубь времен гипотетическую «первобытную» схему.

Тем не менее с типологической точки зрения гипотетическая схема типовых «первобытных» согласных представляет интерес как теоретическая универсальная система, подтверждающаяся некоторыми фонологическими универсалиями (Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965, с. 190, графы 4 и 5); см. также указанную в предисловии статью А.А.Леонтьева «Эволюция звука» о звуковой речи неандертальца.

¹⁶ *š > s на основе евр. š: араб. s. Общеафризская реконструкция по данному соответствию дает в настоящее время общеафр. *s [Африканское историческое языкознание. М., 1987, с. 24]; реконструкция (ب) *b на основе евр. p: араб. b подтверждается реконструкцией эмфатической губной фонемы *p [там же, с. 14]; см. семитские соответствия [СИСАЯ, I, с. 32—40] (глухость/звонкость эмфатика нерелевантна и допускает оба значения). См. также: Милитарев А.Ю. О предполагаемом прасемитском *p...

¹⁷ Реконструкция араб. *k(*h) и араб. ح (h) < *h(*h) расходится с предполагаемой реконструкцией веларных и ларингалов в афризском [Африканское историческое языкознание, с. 26—27].

¹⁸ Относительно реконструкции латералов *s', *z' см. также: Африканское историческое языкознание, с. 22—23.

^{18a} Пропуск примера у автора. По его принципу можно сопоставить с حَضُّ 'толкать'.

¹⁹ В связи с вопросами об основных ступенях развития согласных и основных ячейках см. у С.С.Майзеля разработку данной идеи как «существование в семитских рядах „гоморганных“ согласных, послуживших явлению чередования гоморганных согласных в исходном корнеслове и соответственно — развитию родственных корней» [Майзель. Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983, с. 117 (примеч. 5), 118; гл. 13, с. 147—167]. Ср. также некоторые афризские реконструкции по соответствующим двухсогласным корням [СИСАЯ, I—III (губные, денталы, сибиланты с губными)].

²⁰ Об именных классах в семитских языках см. также: Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972, с. 118—124. Н.В.Юшманов имеет в виду систему классовых показателей, существовавшую в эпоху формирования семитского корнеслова, выделяя на структурно-семантических основаниях последний согласный в именных трехсогласных корнях.

Б.М.Гранде видит пережитки именных классов в способах выражения категории рода и способах образования некоторых лексико-грамматических разрядов имен [там же].

²¹ Многозначность корня (полисемия) как остаток «первобытного состояния языка» расценивается как марристская идея (см.: Алпатов В.М. История одного мифа... М., 1991), однако как диффузность значения и формы не исключается в современных гипотезах о развитии человеческой речи от неандертальца к неантропу [Маслов. Введение в языкознание..., § 215—216].

Результаты филологического анализа древнейших памятников шумерского и других языков древности или языков и диалектов австралийских племен также свидетельствуют о первоначальной многозначности одного корня или знака (см.: Мифология древнего мира. М., 1977, с. 9—11).

²² По вопросу о звукоподражательном и звукоизобразительном словообразовании в семитских языках см. две специальные работы: Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965; он же. Символизм прасемитской флексии. М., 1974.

²³ Исторически омонимичные корни имеют разное происхождение: могут восходить к корням, различавшимся гласными, или, напротив, омонимы могли образовываться за счет либо слияния древних фонем, либо их утраты.

²⁴ Н.В.Юшманов стремится найти историческое объяснение некоторым особенностям грамматического строя арабского языка, в частности такому явлению, как изменение в «ломаном» множественном грамматического рода: форма множественного числа от имени мужского рода единственного числа становится именем женского рода.

В большинстве случаев изменение рода связано с именами неодушевленными и проявляется в согласовательных категориях глагола или определения, ср., например: *kitābun ġadīdun* 'новая книга' — ед.ч. м.р., но *kutubun ġadīdatun* 'новые книги' (букв. 'книги новая') — мн.ч. Для форм множественного от имен, обозначающих лицо мужского пола, характерно полное согласование по числу и роду: *ṭālibun ġadīdun* 'новый ученик' — *ṭullābun ġududun/ġidāḍun* 'новые ученики', так же для имен, обозначающих лиц женского пола: *ṭālibatun ġadīdatun* 'новая ученица' — *ṭālibātun ġadīdātun* 'новые ученицы'.

Другое явление, на которое обращает внимание автор: сама словообразовательная форма имени мужского рода может иметь суффикс *-at* и, напротив, имя, обозначающее существо женского пола, может не иметь суффикса *-at*. Однако последнее явление отражает не столько специфику древнего мышления, сколько, действительно, пережитки разных исторических периодов в развитии арабской грамматической системы: суффикс *-at* не только показатель имени женского рода, но и словообразующий аффикс, так, имя *ḥalīfatun* 'наместник', 'халиф', хотя и имеет суффикс *-at*, по согласовательным категориям остается именем мужского рода. То же касается и некоторых других имен на *-at*, обозначающих лица мужского пола. В то же время некоторые группы имен неодушевленных, не имея формального показателя женского рода, по синтаксическим согласовательным категориям представляют собой имена женского рода, например: *nafsun* 'душа', *harbun* 'война', сюда же относятся и названия парных частей тела, ветров, сторон света и некоторые другие. Последняя категория может отражать древнейшие мифологические представления семитоязычных народов (см., например, понятие «семантического ряда» [Мифология древнего мира, с. 12—15]).

К понятию «законы полярности» Н.В.Юшманов неоднократно обращается в ряде работ: он определяет его как «противоположение согласных и гласных» по артикуляции и их же противоположение по функции (лексическое значение : грамматическое значение) в семитских языках [Введение в семитское языкознание, § 20]; а также как «символическую противоположность» именных форм единственного и «ломаного» множественного в арабском языке по слоговой структуре и ударению [Грамматика литературного арабского языка, § 196-2]; также — противопоставление основы перфекта основе имперфекта по типовому гласному в данной работе (Глагол, § 41). В данном разделе, посвященном глаголу, Н.В.Юшманов ищет прямую корреляцию между планом выражения и планом содержания в области семитского вокализма: личные местоимения мужского рода с гласным *-*u-* и женского рода — с гласным *-*i-*. Поиск прямой корреляции между звуком и значением был продолжен позже в указанных выше работах А.М.Газова-Гинзберга.

²⁵ Ср. афраз. **š > s /'h* в различных семитских языках [Африканское историческое языкознание, с. 24, табл.].

²⁶ Ниже приводится список только слитных частиц арабского языка. Общий инвентарь частиц в арабском значительно обширнее.

²⁷ В настоящее время в семитологии под основами глагола понимаются две исходные основы: основа имперфекта (префиксальная, имеющая структуру CV-C₁C₂VC₃-) и основа перфекта (суффиксальная, имеющая структуру C₁VC₂VC₃-). Исторически первичной глагольной основой в арабском, как и в других семитских, является основа имперфекта (в формуле Н.В.Юшманов дает реконструкцию исходной основы). Гласный имперфектной основы может быть *ulila* (-C₁C₂uC₃-/-C₁C₂iC₃-/-C₁C₂aC₃) и называется «типовым». В настоящее время предполагается, что в некоторых имперфектных основах (главным образом двухгласных) такой типовой гласный может отражать корневой вокализм. Напротив, основа перфекта (древний статив) имеет уже вторичный вокализм, создающий оппозицию вокализму имперфектной основы [Diakonoff I.M. Afroasian Languages. Гл. II, 2.3.1 и 2.6; гл. V, 5.1—5.11]. О корневом вокализме см. также примеч. 9 к «Структуре семитского корня» в наст. изд. Разновременное и разнородное объединение двух основ в одну глагольную систему форм совершенного/несовершенного

(перфекта/имперфекта) отразилось в разных словоизменительных способах, т.е. в суффиксальном/префиксальном спряжениях.

²⁸ Как говорилось выше, подразумевается не грамматический вид, а различные огласовки основ; по поводу исходных реконструированных форм см.: *Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии*, с. 228—240; *он же. Afrasian Languages*. Гл. V.

²⁹ Н.В.Юшманов называет перфект «совершенным видом», имперфект — «несовершенным видом». Как латинские термины, так и их перевод (совершенный/несовершенный вид) в семитологическом языкознании являются условными обозначениями двух глагольных основ. Как основа перфекта, так и основа имперфекта не соответствуют ни категориальным формам вида (в значении завершенности/незавершенности действия), ни категориальным формам времени (в значении прошедшего или настоящего/будущего). Значения видовые и временные передаются обеими основами в сочетании с дополнительными показателями (союзами, частицами, вспомогательными глаголами) или на основе контекста. См. по этим вопросам: *Гранде Б.М. Курс арабской грамматики...*, с. 146—147; *Храковский В.С. О характере оппозиции форм катоба/йактубу в арабском языке*. — КСИНА, 86, 1965, с. 155—163.

³⁰ См. также примеч. 25.

³¹ Относительно видов см. примеч. 27.

³² В данном разделе Н.В.Юшманов за первичную основу принимает основу структуры $C_1VC_2VC_3$. Наряду с основой этого типа основы *katl-*, *kūl-*, *ḳūl-* также являются не «сокращением» первичной основы $C_1VC_2VC_3$, но первообразными именными основами. Их развитие в двухсложные основы обусловлено слово- и формообразовательными процессами в одних случаях или просодическими условиями (падением гласного окончания) — в других. Однако наряду с первичными именными основами типа $C_1VC_2C_3$ сосуществуют и первичные именные основы типа $C_1VC_2VC_3$, структурно совпадающие с глагольными основами перфекта и старого имперфекта. В связи с вопросом о структуре первичных основ и о «внутреннем образовании» в семитских и арабских языках см.: *Белова А.Г. Морфемы в семитских языках*. — Морфема и проблемы типологии. М., 1991, с. 177—219.

³³ Этот тип характерен для названий некоторых животных в Южной Аравии и, возможно, вошел в арабскую морфологическую систему как йеменско-химьяритское заимствование.

³⁴ Специальный исторический анализ этого явления см. в следующей работе Н.В.Юшманова настоящего издания — «Загадка „двухпадежных имен“ арабского классического языка».

³⁵ Имеются в виду отыменные глаголы типа: *'ism* 'имя' — *sammā* (II) 'называть', *tasmiyat* 'название'; *'aḥ-* 'брат' — *'āḥa* (III), *ta 'aḥḥa* (V), *ta 'āḥa* (VI) 'брататься', 'обходиться по-братски' и т.п. Для образования глагольной основы или производных именных форм двухсложный состав исходного имени должен «подтянуться» до трехсложного за счет добавления одной из указанных «слабых» согласных. В этом смысле и следует понимать выражение Н.В.Юшманова: не может быть двухсложного глагола (геминированный C_2 уже создает необходимую «трехсложность»), все имеющиеся модели «ломаного» множественного также предполагают не менее трех согласных в именной основе.

ЗАГАДКА «ДВУХПАДЕЖНЫХ ИМЕН» АРАБСКОГО КЛАССИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Постановка вопроса.....	252
§ 2. Взгляды иностранных семитологов	255
§ 3. Мое построение	257
Примечания	266

§ 1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Вопрос о так называемых «двухпадежных именах» арабского классического языка принадлежит к широкому кругу вопросов семитского языкознания, до сих пор не разрешенных зарубежными семитологами. Отсутствие стадийного подхода к языку, ограниченность кругозора искусственно созданными «расовыми» границами языков, разрыв между формой и содержанием — все эти недостатки методологии у зарубежных языковедов вообще и семитологов в частности делают невозможным разработку труднейших проблем семитского языкознания, к которым, бесспорно, относится и интересующий нас вопрос о так называемых двухпадежных именах. Между тем каждый темный вопрос в изучении языка представляет трудность и для его преподавания: сознательное усвоение той или иной грамматической категории учащимися подменяется бессмысленной зубрежкой, с которой упорно борется всякая передовая педагогика.

Эмпирическая сторона вопроса такова: в арабском классическом языке нормальное склонение единственного числа имен различает три падежа — именительный, родительный и винительный, которые выражаются окончаниями *-in*, *-in*, *-an* в неопределенном состоянии, т.е. в тех случаях, когда западноевропейские языки ставят неопределенный член, но окончаниями *-i*, *-i*, *-a* в других состояниях — определенном, т.е. при определенном члене *al-*, и сопряженном (*status constructus*), т.е. при соединении имени с последующим родительным падежом или притяжательным местоименным суффиксом; некоторые имена, однако, представляют собой аномалию в том смысле, что в неопределенном состоянии не принимают неопределенного члена *-n* (по арабской терминологии, *tanwīn*, что европейцы перевели как *нӯнация*, от буквы *ن* *nūn*) и различают лишь два падежа — именительный на *-i* и косвенный, т.е. родительный и винительный вместе, на *-a*. Таким образом, общепринятые у европейских востоковедов термины «трехпадежные» и «двухпадежные», в западноевропейских языках *triptōta* и *diptōta* (с греческого), оказываются однобокими: указывается лишь на число падежей, но не указывается на принятие или непринятие падежной формой неопределенного члена *-n*. Древнеарабские филологи пользовались терминами *munṣarīf* и *ḡayr munṣarīf* (равно как и другими производными от *ṣarf*). Эти термины сохранились и у современных арабов, которым свойственно понимать *munṣarīf* в смысле «склоняемое», а

его противоположность *ḡayr munṣarif* в смысле 'несклоняемое'; правда, на деле и те и другие имена склоняются, а потому приходится дополнять перевод какими-нибудь оговорками, например, 'склоняемое полным склонением' и 'несклоняемое полным склонением'. Между тем определение, которое дает древний источник — туземный словарь арабского классического языка «*Lisān al-'Arab*»¹ (т. XI, с. 91), подходит к рассматриваемому нами явлению с большей мерой определенности: *مَرْفُ الْكَلِمَةِ إِمْوَاءُهَا بِالتَّنْوِينِ*, т.е. 'флексия слова — снабжение его нунацией'. Таким образом, мы могли бы перевести арабские термины *munṣarif* и *ḡayr munṣarif* как 'флектируемое' и 'нефлектируемое' (так и делают некоторые европейские авторы), но арабское *ṣarf* и европейское «флексия» не всегда и не совсем коррелируют друг с другом, а поэтому точнее и осторожнее будет перевести *munṣarif* как 'принимающее нūнацию', а *ḡayr munṣarif* — как 'не принимающее нūнации'. Любопытно, что такое же понимание арабских терминов обнаруживает голландский арабист XVII в. Фома Эрпений: «*Nomina Invariabilia quæ vocant Arabes, seu quorum ultima vocalis non admittit Nunnationem*», что означает «то, что арабы называют именами неизменяемыми, т.е. последняя гласная которых не допускает нūнации»^{**}.

Весьма значительную пестроту проявляют те группы имен, которые идут по двухпадежному склонению и, следовательно, не принимают неопределенного члена *-n* в неопределенном состоянии. Это обстоятельство непомерно затрудняет и исследование, и преподавание интересующей нас грамматической категории: обобщить все группы одним принципом не удастся, а сокращение числа групп путем объединения нескольких однородных ничуть не облегчает нашей трудной задачи. Приведем максимально полный перечень этих групп имен:

- 1) собственные имена иноязычного происхождения, например, *Ibrāhīmu, Bayḍādu*;
- 2) женские собственные имена, например, *Kalḡamu, Makkatu* (см. п. 3);
- 3) собственные имена с суффиксом *-at* (ة); например, *Kabṣatu* (мужское имя);
- 4) собственные имена с суффиксом *-ān*, например, *Sufyānu* (см. п. 8);
- 5) собственные имена по типу *qatal*, например, *Zufaru* (см. п. 11);
- 6) собственные имена, подобные глаголу, например, *Yaṣkuru* ('он полагает');
- 7) имена с некоренными *-ā* (أ) и *-ā'* (آ), например, *ṣaḡrā'u, ḡalwā* (هلوى);

¹ Кезма Т. Элементарные основы грамматики арабского языка в популярном изложении. Киев, 1928, с. 188—198.

^{**} Thoma Erpenii grammatica arabica. Amsterodami, 1636 (с. 136).

8) прилагательные на $-ān$ с женским родом на $-ā$, например, *sakrānu*, ж.р. *sakrā*;

9) прилагательные типа *'aqtal* с женским родом по типам *qutlā* и *qatlā'u*, например, *'akbaru*, ж.р. *kubrā*; *'ahmaru*, ж.р. *hamrā'u*;

10) «множественное ломаное» по типу *qatālīl*, например, *ma'āri-fu*;

11) «множественное ломаное» по типу *qutal*, если единственное число — по типу *qutlā*, например, *kubaru* (от *kubrā*, см. п. 9);

12) числительные разделительные по типам *maḤaḤu* и *ḤulāḤu*.

Приведенный список не содержит колеблющихся и отклоняющихся случаев. Отметим те из них, которые носят групповой характер. Прежде всего собственные имена иноязычного происхождения и женские собственные имена бывают трехпадежными, если их основа односложна, например, *Luṭūn* (евр. *Lōt*), *Hindun* (женское имя), но *Miṣru* — Египет. Затем, любопытное раздвоение присуще числительным: они трехпадежны в своем вещественном значении, например, *ḤalāḤatun tuḤarriḥu l-qalba* 'три вещи увеселяют сердце', но двухпадежны в своем отвлеченном значении математических величин, например, *tis'atu akḤaru min Ḥamāniyata* 'девять больше восьми'; в последнем случае древнеарабские филологи рассматривают числительные как собственные имена («*Lisān al-'Arab*», т. IX, с. 382). Таков же взгляд древнеарабских филологов на двухпадежность поэтических олицетворений вроде *barratu* 'Благочестие' ('благочестие') и *faḥratu* 'Нечестивость' ('нечестивость'), т.е. на арабское подобие европейских нарицательных с большой буквы ('свобода' и 'Свобода'). Упомянем еще имена, оканчивающиеся на неизменяемый $-i$. Так как этот гласный не выражает никакого падежа (признак родительного падежа $-i$ свойствен лишь трехпадежным именам), то подобные имена обычно не включаются в двухпадежные (между тем как имена на тоже неизменяемый $-ā$ [ي] включаются сюда, потому что их несклоняемость вызвана лишь техническими причинами: сочетания $-ayu$ и $-aya$ закономерно стягиваются в $-ā$, т.е. вместо **kubrayu* || **kubrāya* имеем неизбежное *kubrā* [كبرى]). Однако, так как имена на неизменяемый $-i$ никогда не принимают неопределенного члена, они должны относиться принципиально к категории двухпадежных, но в смысле арабского термина *ḥayr munṣarif*, а не европейского «двухпадежное». Среди имен на неизменяемый $-i$ нам известны: собственные имена иноязычного происхождения, как *Sībawayhi*; женские собственные имена по типу *qatāl*, например, *Ḥafāri* (название города), *Faḥāri* (бранное прозвище или такое же олицетворение, как вышеприведенное *faḥratu*); особая категория между именем и глаголом, тоже по типу *qatāl*, служащая для выражения команды, например, *nazāli* 'слезай!', должна быть здесь упомянута, хотя она несклоняема уже в силу своей синтаксической функции.

§ 2. ВЗГЛЯДЫ ИНОСТРАННЫХ СЕМИТОЛОГОВ

Загадка двухпадежных имен уже давно привлекала внимание семитологов, которые время от времени высказывались либо относительно категории двухпадежных имен в целом, либо относительно отдельных групп имен, входящих в эту категорию. Взгляды иностранных семитологов на интересующее нас явление собраны в капитальном труде по сравнительной грамматике семитских языков, до сих пор ничем не замененном и вполне отражающем современное состояние изучения вопроса на Западе^{*}. С. Brockelmann принимает следующее построение (Bd. I, с. 461). Двухпадежные имена представляют собой новшество по сравнению с трехпадежными, так как в набатейских надписях арабские собственные имена типа *'Abjaru* нередко оканчиваются буквой $\aleph$ *wāw*, каковая характерна для набатейской транскрипции арабских собственных имен трехпадежных типов, например, $\aleph \aleph \aleph = \aleph \aleph \aleph$; *Zaydun* (тогда как *'Abjaru* пишется по-набатейски то $\aleph \aleph \aleph$, то $\aleph \aleph \aleph$). Кроме того, в качестве довода в пользу того, что двухпадежные имена представляют относительное новшество, указывается на трехпадежность 'айнированных вариантов от прилагательных цвета и порока по типу *'aqtal*; например, наряду с двухпадежным *'aḡjalu* 'толстобрюхий' имеется трехпадежное *'aḡjalun* с тем же значением. Двухпадежное склонение (им.п. -u, косв.п. -a) выводится из предполагаемого взаимодействия собственных имен глагольного происхождения; например, перфект *šammara* 'быстро бежал' и имперфект *yazīdu* 'прибавит', 'увеличит' дали собственные имена *Šammara* и *Yazīdu*, окончания которых были переосмыслены как падежные и переработаны в новую парадигму: *Šammaru*, косв.п. *Šammara* и *Yazīdu*, косв.п. *Yazīda*. Выработавшаяся таким образом парадигма распространилась на прилагательные типа *'aqtal* в силу их глаголообразности (именно близости к перфекту IV породы — *'aqtaḷa*); отсюда эта же парадигма распространилась на женскую форму прилагательных цвета и порока *qatlā* (например, *'ahmaru* 'красный' // *ḥamrā'u* 'красная'). Далее, от прилагательных типа *'aqtal* в значении сравнительно-превосходной степени двухпадежность перешла к их «множественному ломаному» по типу *'aqātil* (например, *'akbaru* 'большой', мн. *'akābiru*), а этот тип «множественного ломаного» распространился и на многие другие случаи (например, *risālatun* 'послание', мн. *rasā'ilu*; *maktabun* 'школа', мн. *makātibu*). Иноязычные собственные имена последовали за собственными именами глагольного происхождения. В заключение Brockelmann констатирует, что до сих пор неясна причина двухпадежности женских собственных имен и собственных имен (хотя бы мужских) с женским окончанием -at. Как видим, при анализе групп имен, принадлежащих к двухпадежному

^{*} Brockelmann C. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Bd. I. В., 1908; Bd. II. 1913.

склонению, по сравнению с вышеприведенным списком Brockelmann совершенно не касается собственных имен и прилагательных на *-ān* (п. 4 и 8 нашего списка), собственных имен по типу *qatal* (п. 5), различных имен на *-ā*, помимо типа *qulā* (п. 7 с учетом п. 9), «множественного ломаного» типа *qatal* (п. 11) и числительных разделительных (п. 12). Таким образом, западные семитологи не охватили интересующего нас явления во всей его полноте и, как мы увидим далее, не дали сколько-нибудь убедительных объяснений для той части явления, которая затронута в изложении Brockelmann'a.

Уместно будет упомянуть, что Brockelmann не привлекает к интересующему нас вопросу язык южноарабских надписей, который на месте северноарабской нūнации проявляет мймацию — неопределенный член, выражаемый на письме буквой Ⲅ *mit*; употребление мймации южными арабами сходно с употреблением нūнации северными арабами, но Brockelmann, вслед за Hommel'ем, не придает этому значения, так как несогласованность южноарабских надписей лишает нас возможности убедиться в наличии там двухпадежных имен. Между тем наличие имен, принимающих мймацию, и имен, не принимающих мймацию, показывает, что перед нами не новшество северноарабского языка, а какая-то очень древняя черта, общая у обоих языков; это можно сказать, вовсе не касаясь вопроса о южноарабских падежных окончаниях, скрытых от нас несогласованностью надписей и, разумеется, нам неизвестных.

Теперь перейдем к критике построения, принятого Brockelmann'ом. Доводы в пользу того, что двухпадежные имена являются относительным новшеством, вообще носят случайный характер и ни в какой мере не связаны со всей системой арабской грамматики. Предположение, будто набатейское Ⲅ передает трехпадежную флексию арабских собственных имен, признано за последнее время несостоятельным^{*}, да и вообще как-то нелепо, чтобы люди выражали нūнацию не буквой *nūn*, а буквой *wāw*. Тип *'aqtal* является вторичным по отношению к типу *'aqtal*, как это признавал и сам Brockelmann (op.cit., Bd. I, с. 372), но арабское языковое сознание воспринимает *'aun* как корневой согласный (ведь префикса *'a-* нет), следовательно, какое-нибудь *'aḡjalu* представляет четырехсогласный корень *'aḡl*, тогда как нормальное прилагательное *'aḡjalu*, где ясно выделяется обычный префикс *'a-*, представляет трехсогласный корень *aḡl*; поэтому ясно, что развитие обоих дублетов идет по разным путям во всех грамматических формах:

ед.ч. м.р.	ед.ч. ж.р.	мн.ч. м.р.	мн.ч. ж.р.
<i>'aḡjalu</i>	<i>ḡjālā'u</i>	<i>ḡjālun</i>	<i>ḡjālun</i>
<i>'aḡjalun</i>	<i>'aḡjalatun</i>	<i>'aḡājilu</i>	<i>'aḡjalātun</i>

^{*} Cantineau J. Le nabatéen. Vol. II. P., 1930—1932, с. 167.

По поводу возникновения двухпадежного склонения из взаимодействия собственных имен перфектного и имперфектного типов нужно заметить, что по крайней мере в северноарабском языке перфектные собственные имена весьма редки и сомнительны; имперфектные же собственные имена довольно обычны. Непонятно, каким образом родительный падеж стал выражаться окончанием, известным в арабской грамматике лишь как показатель винительного падежа; особенно странным становится это, если двухпадежные имена являются новшеством, т.е. напластованием на грамматике, строго различающей уже три падежа противопоставлением разных гласных; если же двухпадежные имена являются пережитком, то *-a* раньше имело недифференцированными обе функции — родительного и винительного падежей, но тогда ни при чем взаимодействие перфектных и имперфектных собственных имен, так как они вполне укладывались в существовавшую схему своим исконным окончанием (перф. *-a*, имперф. *-i*) и из нее же черпали недостающее падежное окончание.

В дальнейшем у Brockelmann'a идет длинная цепь изменений по аналогии, предположенных без учета семантической и синтаксической функции воздействующих и воздействуемых слов, и получается какая-то сплошная порча языка... Между тем каждый затронутый им тип словообразования имеет свою историю, и в этой истории, очевидно, нужно искать причину дальнейшей судьбы типа. Но если в других случаях, хотя бы поверхностно, намечается какая-то связь между типами (глаголоподобность, корреляция по роду или по числу), то никакой связи не наблюдается между собственными именами глагольного происхождения и иноязычными собственными именами, которые почему-то должны были последовать за первыми...

§ 3. МОЕ ПОСТРОЕНИЕ

Со времени выхода в свет моей арабской грамматики* я не раз старался проникнуть в загадку двухпадежных имен, но все попытки оставались бесплодными. Лишь совсем недавно мне случилось познакомиться с одним явлением аварского языка, которое навело меня на совершенно новый путь исследования злополучной загадки**: «Имена собственные мужчин и женщин склоняются только по архаическому склонению (кроме тех, которые произошли от употребления нарицательных имен в качестве прозвищ или которые по форме являются прилагательными). Архаическое склонение свойственно и всем собственным именам лиц, заимствованным из других языков». Противопо-

* Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. Под редакцией и с предисловием И.Ю.Крачковского. Л., 1928².

** Жирков Л.И. Аварско-русский словарь. М., 1936, с. 171.

ложение архаического и живого склонений аварского языка напомнило мне противоположение двухпадежного и трехпадежного склонения арабского классического языка. Прежде всего иноязычные имена: *'Ibrāhīmu* — Авраам, *'Ishāqu* — Исаак, *Ya'qūbu* — Иаков, *Mūsā* (موسى) — Моисей, *Hārūnu* — Аарон и т.д.; далее, ряд типов арабских мужских и женских имен, о которых мы уже говорили, но наряду с ними и мужские трехпадежные имена из прилагательных (например, *Salīmun* — Селим, т.е. 'здоровый'), из причастий (например, *Muḥammadun* — 'Магомет' и даже 'Богомет', собственно, 'сугубо прославленный'), из нарицательных существительных (например, *Faḍlun* — Фадл, т.е. 'преимущество' или 'милость'). Разумеется, столь разные по строю языки, как аварский и арабский, да вдобавок с весьма различной историей возникновения и развития, не могут настолько совпадать в типологии, чтобы данные аварского языка послужили ключом для всех трудностей, колебаний и противоречий, которыми так щедро наделен вопрос о двухпадежных именах в арабском. Но брешь была пробита...

Для того чтобы разобраться в крайне запутанном материале нашего вопроса, нужно установить, в какой хронологической последовательности возникали морфологические единицы, связанные с арабским классическим склонением. Прежде всего заметим, что определенный член³ *al-* является одной из поздних единиц, так как он встречается только в северноарабском; столь близкий древний южноарабский язык имеет определенный член *-ān** в конце слова (а не в начале слова, как *al-*); древнееврейский язык имеет определенный член *ha-* в начале слова, арамейский язык *-ā* — в конце слова, ассиро-вавилонский и эфиопский языки вовсе не имеют определенного члена. Конечно, зная, что определенный член вообще вырабатывается из указательного местоимения, можно не сомневаться, что в основе всех наличных семитских форм *al-*, *-ān*, *ha-*, *-ā* лежит одна и та же указательная частица *hā*, осложняемая еще каким-нибудь местоименным придатком (*l*, *n*) и освобождаемая от легко исчезающего звука *h*, но можно сказать с уверенностью, что определенный член выработан каждым семитским языком самостоятельно и относительно поздно. Гораздо раньше появился и может считаться принципиально общесемитским неопределенный член, получившийся из неопределенного же местоимения *mā* (→ *m*, далее сев.-араб. *-n*) и встречающийся исключительно в конце слова; в северноарабском застаем еще живой *-n*, в южноарабском тоже еще живой *-m*, в ассиро-вавилонском уже отмирающее *-m*, в прочих языках находим лишь пережитки, например, евр. *yōtām* 'днем' (= араб. *yawman*), араб. *pūmā* 'рот' (= араб. *famun*, в сопряженном состоянии *fū-*, *fī-*, *fā-*), эфиоп. *tāmālām* 'вчера', *gēsām* 'завтра' (ср. *-an* арабских наречий). Ввиду этого приходится считаться с тем обстоятельством, что в семит-

* *Guidi l. Summarium grammaticae arabicae meridionalis. — Le Muséon. XXXIX, c. 15.*

ских языках была эпоха, когда определенность имени выражалась отсутствием неопределенного члена, а не прибавлением определенного члена, которого и не было.

Теперь о падежных окончаниях⁴. Они появились раньше неопределенного члена, как показывает их положение в слове (например, *kalb-u-n* 'собака': сначала появилась основа *kalb*, затем — падежное окончание *-u*, наконец — неопределенный член *-n*). Если это так, то придется считаться с фактами еще более ранней эпохи, когда имя само по себе могло быть определенным или неопределенным в зависимости от контекста, как это имеет место в русском литературном языке. Как показывают двойственное и правильное множественное числа арабского классического языка, различающие лишь два падежа — именительный (дв. *-āni*, мн. *-īna*) и косвенный, т.е. функции родительного и винительного вместе (дв. *-ayni*, мн. *-īna*), когда-то и единственное число различало лишь два падежа, но чем меньше падежей в языке, тем шире их функции: один падеж замещает несколько разных падежей таких многопадежных языков, какими являются, например, агглютинативные языки. Если, как нам подсказывают двухпадежные имена арабского классического языка, единственное число имело именительный падеж на *-u* и косвенный падеж на *-a*, то очевидно, что совмещение функций родительного и винительного падежей в одной и той же форме падежного окончания предполагает либо примат родительного падежа (как в русском языке родительный падеж, выполняющий и функцию выделительного падежа, партитива, заменяет винительный падеж одушевленных не на *-all-я* и выражает неопределенность объекта при отрицании), либо развитие обеих функций из одной — направительной; в последнем случае, который для семитских языков вероятнее в силу наличия направительного падежа на *-ā* в древнееврейском (например *'aršā* 'на землю', *Miṣrāyimā* 'в Египет'), функция винительного падежа вытекает из направления действия на объект, а функция родительного падежа идет по линии *dativus possessōris*⁵, что подтверждается применением предлога *li* 'к' в подобной же функции, например, *kitābun li-'abīhi* 'одна из книг его отца'. Настоящий родительный падеж на *-i* выработался из суффикса имени относительного (*nisba*) *-iy*, что считается наиболее вероятным и по мнению Brockelmann'a, но вообще в семитских языках отношение определяемого и определения выражается обычно простым контактом имен (так и в новоарабском, например, *bint malik* 'царская дочь', *bint il-malik* 'дочь царя'). Прибавление нового родительного падежа разгружает многозначный косвенный падеж, который становится винительным падежом, но еще сохраняет кое-какие побочные значения (особенно наречное, как у русского творительного падежа). Так получается трехпадежное склонение: *-u*, *-i*, *-a*.

Наш обзор морфологических единиц, связанных со склонением арабского классического языка, будет неполным, если мы не упомянем

еще одной категории пережиточного характера — показателей класса, впоследствии показателей рода⁶, а в дальнейшем ходе развития языка — суффиксов весьма широкой значимости и применяемости. Речь идет о весьма ходких окончаниях, которые не раз фигурировали в вышеприведенных двухпадежных именах:

انْ -ān   ى -ā   آءْ -ā'   ة -at

Первое окончание, по-видимому, представляет былой класс лиц (социально активный), а прочие три — былые классы вещей (социально пассивные). Когда-то было гораздо больше классов, и их следы еще есть, но эти четыре класса оказались живучее других и продолжают свое существование, приспособляясь к новому, более отвлеченному мышлению. Дальнейшее развитие этих былых классов неодинаково и весьма неравномерно. Прежде всего при переходе от класса к роду первое окончание определилось как показатель мужского рода, а остальные — как показатели женского рода, но развитие первого и последнего окончаний пошло значительно дальше: *-ān* стало соединимо с *-at*, тогда как *-at* нередко появляется и у имен мужского рода (не нужно смешивать род с полом: ведь и по-русски слово *мужчина* с женским окончанием, отнюдь не означающим здесь женского пола). Вот эта-то неравномерность в развитии и позволяет иногда устанавливать хронологию типов словообразования и словоизменения: архаические типы будут выражать род заменой показателей, а живые типы — прибавлением показателя (т.е., собственно, остается одна возможность: образовать женский род от мужского путем прибавления женского окончания *-at*, которое может прибавляться к основе любого типа, тогда как *-ā* и *-ā'* связаны с определенным типом основы). Примеры:

архаический	<i>ḡaḡbānu</i> 'гневный',	ж.р.	<i>ḡaḡbā</i> (мена انْ - ى -)
живой	<i>'uryānun</i> 'голый',	ж.р.	<i>'uryānatun</i> (прибавление ا)
архаический	<i>'aswadu</i> 'черный',	ж.р.	<i>sawdā'u</i> (мена آءْ - ا -)
живой	<i>'armalun</i> 'вдовец',	ж.р.	<i>'armalatun</i> (прибавление ا)*

Насколько обесцвечивается значение наших показателей в дальнейшем развитии, лучше всего можно показать на «множественном ломаном», где *-ān* и *-at* замешают друг друга почти свободно, не влияя сколько-нибудь существенно на значение, например *'ixwānun* = *'ix-*

* В новоарабских диалектах существует только тип с постоянным *-ān*, например *marḡān* 'больной', ж.р. *marḡāne* (а). В южноарабском наречии мехри⁷ есть своеобразное причастие будущего времени, где единственное число на *-ōne* и *-īte* (ж.р.), а множественное число на *-ēye* (м.р.) и *-ūten* (ж.р.), например, 'имеющий сломать' — *tebrōne*, *tebrīte*; *tebrēye*, *tebrūten*; здесь любопытно, что показатель мужского рода *-ān* ($\rightarrow \bar{a}n$) замещается показателем женского рода *-at* ($\rightarrow \bar{it}$), мн.ч. *-āt* ($\rightarrow \bar{it}$), а показатель женского рода *-ay* ($\rightarrow \bar{ey}$) использован как показатель множества, подобно арабскому классическому *ḡatlā* (قَتْلَى) 'убитые'.

watun 'братья', *yilmānun* = *yilmānun* 'мальчики', *niswānun* = *niswānun* 'женщины'. Конечно, из таких примеров нельзя выводить заключение, будто *-ān* совпало с *-at* по значению вообще, но в известных частных случаях совпадение явственно. Это обесцвечивание значения как нельзя лучше содействовало тому, что показатель может быть иногда отброшен без всякого вреда для содержания слова (особенно это относится к собственным именам); например, в классической поэзии наблюдается иногда отбрасывание показателей *-ān* и *-at* в звательных оборотах: *yā 'Uḡmi* вместо *yā 'Uḡmānu* 'о, Осман', '*a Fāṭima* вместо '*a Fāṭimatu* 'о, Фатыма' (окончание *-a* не следует смешивать с новоарабским произношением *ā* в паузе; в классическую эпоху *-at* паузировало на выдохе: *-ah* с действительно произносимым звуком *h*). Особо важно упомянуть слово *fulānun* 'такой-то, NN', ж.р. *fulānatu*, которое в звательных оборотах может звучать *yā fulu* (м.р.) и *yā fula* (ж.р.), причем последняя форма свидетельствует о варианте *fulatu*; это слово в силу своего оригинального содержания колеблется между нарицательными и собственными именами. К числу родовых показателей можно было бы отнести также *-īy* (ع *ī*), образующее имя относительное (*nisba*); оно компенсируется показателем *-at* во «множественном ломаном», например, *barbarīyun* 'бербер', мн.ч. *barābiratun*, но оно свободно принимает *-at* как для обозначения персоны женского пола, для выражения значения отвлеченности, например, '*arabīyatun* 'арабка', 'арабизм', так и для выражения значения собирательности, например, *bahrīyun* 'моряк', мн.ч. *bahrīyatun*.

Теперь перейдем непосредственно к двухпадежным именам. Мы уже видели, что значительную их часть составляют собственные имена, т.е. имена, определенные по содержанию и принимающие приложение не иначе как с определенным членом, например, *Luḡnātu l-ḥakīmu* 'Локман мудрый'. Многие собственные имена заимствованы из других языков и не имеют в арабском нарицательного значения; имена же арабского происхождения обычно имеют таковое. Есть языки, которые, располагая определенным и неопределенным членами, вовсе не пользуются таковыми, чтобы превратить нарицательное имя в собственное (немецкий язык), но иные языки превращают нарицательное имя в собственное прибавлением определенного члена (французский язык); например русским фамилиям Большов, Королев, Кузнецов отвечают, в лингвистическом отношении, немецкие фамилии Gross, König, Schmidt и французские Legrand, Leroi, Lefèvre с определенным членом *le*. Посмотрим, как обстоит дело в арабском классическом языке. Здесь мы имеем различные способы противопоставления собственных имен соответствующим нарицательным; во-первых, посредством нунации, например, *fāṭimatun* 'отлучающаяся от груди': *Fāṭimatu* (собств. имя); '*uḡmānun* 'птенец': '*Uḡmānu* (собств. имя); *zufaruh* 'храбрый', 'лев': *Zufaru* (собств. имя); во-вторых, посредством определенного члена, например, *madīnatun* 'город': *al-Madīnatu* Медина;

farqadun 'теленки': *al-Farqadu* 'Звезда Арктур в созвездии Пастуха'; *qā'imun* 'стоящий', 'заведующий': *al-Qā'imu* 'Кā'им', фатымидский халиф; в-третьих, посредством контекста, это трехпадежные собственные имена, как *Zaydun*. В последней группе случаев нунация⁸ уже не имеет того значения, которое она имеет в нарицательных именах (неопределенный член *-n* 'один, некий, какой-нибудь') — собственные имена с нунацией принимают приложение с той же обязательностью определенного члена, что и собственные имена без нунации. Нужно заметить, что в арабском классическом языке имя находится обязательно в одном из трех состояний — неопределенном, определенном или сопряженном. Нельзя сказать просто *собака*, а можно лишь — (*некая*) *собака*, (*данная*) *собака* или *собака (такого-то)*; между тем при наречении именем часто требуется сказать просто *собака*, и арабы использовали неопределенное состояние для собственного имени племени или мужчины: *Kalbun* — Кельб, что значит 'собака'. Значит, несуществующее безличное состояние восполняется неопределенным состоянием; из контекста бывает видно, понимается ли имя как собственное или как нарицательное, а в связи с этим ясно, безличность ли или неопределенность выражена окончанием *-n*.

В результате изложенного получается, что группы имен, составляющих категорию двухпадежных и не принимающих нунации в неопределенном состоянии (о чем см. выше), являются пережитками языкового состояния, когда еще не было определенного члена; это относится в равной мере и к североарабскому и к южноарабскому, хотя у первого выработался препозитивный член *-al*, а у последнего постпозитивный член *-ān*. Родовые показатели в своем тогдашнем значении не допускали неопределенного члена, так как сами являлись до известной степени членами (немецкий термин *Geschlechtswort*, плохо подходящий к самому немецкому языку, где члены выражают не только род, но также падеж и число, здесь подходил бы в полной мере). Таким образом, разъясняются уже многие группы, приведенные в нашем списке: собственные имена иноязычного происхождения и подобные глаголу не приняли нунации как определенные по содержанию с самого начала (иноязычные не имели нарицательного значения на арабской почве, а глаголы вообще не принимают членов; к тому же имперфектные собственные имена первоначально не склонялись, как показывают архаизмы, встречающиеся в языке поэзии, — см. «*Lisān al-'Arab*», т. IV, с. 183, 184). Собственные и нарицательные имена (включая прилагательные), содержащие родовые показатели, не приняли нунации как определенные по форме, хотя бы собственные имена данных типов происходили из арабских же нарицательных. Женские имена без женского родового показателя равносильны женским именам с показателем, что видно из имен уменьшительных, например, *šamsun* 'солнце' → *šumaysatun* 'солнышко'; поэтому женские собственные имена без родового показателя тоже не приняли нунации. Очень возможно,

что и мужские собственные имена по типу *qutal* предполагают виртуальный (не явно присущий) родовой показатель $\bar{a}n$. Относительно прилагательных типа *'aqtal* в двух разных функциях со строго различными формами женского рода *qutlā* и *qatlā'* можно высказать предположение, что *'aqtal*⁹ является совпадением двух разных комбинаций: **'á-qutal* при форме женского рода *qutlā* ($\leftarrow *qútal-ay$) и **'á-qatal* при форме женского рода *qatlā'* ($\leftarrow *qatal-á'$), стало быть, оба типа прилагательных восходят к разным основам — *qutal* и *qatal*. Вопрос будет сводиться к префиксу *'a-*, значение которого неясно, но при сближении с местоимением **'-a* (в *'anā* $\leftarrow *'an'a$ 'я' и в имперфекте, например, *aktubu* 'я пишу') и со звательной частицей *'a-* он представляется, во всяком случае, местоименным элементом, придающим определенность и, быть может, дублирующим мужское $\bar{a}n$. Нужно учесть, что сравнительная степень *'aqtal* — общего рода и числа, в отличие от превосходной степени (как и по-русски); поэтому $\bar{a}n$ здесь было бы неуместно. Во всяком случае, ясно, что элемент *'a-* в типе *'aqtal* компенсирует родовые показатели своих женских коррелятивов *qutlā* и *qatlā'*. «Множественное ломаное» типа *qutal* для прилагательных, имеющих в единственном числе тип *qutlā*, напоминает соответствующую трехпадежную форму, множаскую существительные типа *qutlat* (например, *rutbatun* 'свежий финик', мн.ч. *rutabun*); здесь мы, несомненно, имеем дело с именем единичности, но с утратой неударенного *-a-*. Вообще родовые показатели служат и показателями единичности¹⁰ (наряду с противоположной функцией — показателями множества, о чем уже говорилось), но в грамматиках дается лишь *-at* (например, *tibnun* 'солома', ед.ч. *tibnatun* 'соломинка'); подобное можно показать для $\bar{a}n$: *'insun* 'род человеческий', ед.ч. *'insāmun* 'человек', хотя для названий лиц эту функцию выполняет обычно имя относительное (например, *Rūmu* — Рим, Византия $\rightarrow ar-rūmu$ 'византийцы' $\rightarrow rūmīyun$ 'византийский', 'византиец'), почему мы выше и сближали окончание $\bar{y}u$ с родовыми показателями. Замечательно, что ед.ч. *qutlā*, мн.ч. *qutal* (например, *'uxrā* 'другая', мн.ч. *'uxaru*) сохраняет двухпадежность (в силу корреляции по числу и по роду), тогда как ед.ч. *qatlā'*, мн.ч. *qul* (например, *'arjā'u* 'хромая', мн.ч. *'urjun*) не сохраняет двухпадежности, но причина, можно думать, в отсутствии правильной корреляции (ведь и мужская форма *'a'raju* имеет то же множественное число) и в неисконности самого соответствия — единственное число из типа *qatal*, а множественное из типа *qutul* (ср. *quzamun* 'подлый', мн.ч. *quzumun*) или *qutal*.

Значительные трудности для объяснения представляет двухпадежное «множественное ломаное» типа *qatālīl*¹¹. Ведь у него есть трехпадежные варианты *qatāli* и *qatālilat* (например, *jāriyatun* 'девушка', 'молодая женщина', мн.ч. *jawārin* для именительного и родительного падежей, *jawāriya* для винительного; *'ustāḍun* 'профессор', мн.ч. *'asāḍiḍatun*). По происхождению этот тип представляется бывшим

трехсогласным типом *qatāl*, приуроченным к четырехсогласным (или трехсогласным же, но с долгим гласным в основе) типам единственного числа. Сам тип *qatāl* в функции «множественного ломаного» не сохранился; его замещает *'aqṭāl* из **'a-qatāl*, подобно тому как частый в арабском тип *qutūl* замещен в эфиопском типом *'aqṭūl* из **'a-qutūl*. Что касается гласного *-i-*, то это — вспомогательный гласный, который мы встретим и в имени уменьшительном от четырехсогласных или подобных им типов¹²: *ḏa'labun* 'лиса' → *ḏu'aylibun* 'лисичка', *ḡlāmun* 'мальчик' → *ḡlayyimun* 'мальчонка' при *hirrun* 'кот' → *hurayrun* 'котик'. Но в происхождении незаметно что-либо способствующее двухпадежности. Поищем в других обстоятельствах. Как известно, тип *qatā'il* очень часто используется для образования «множественного множественности» от «множественного малости» (от 3 до 10 предметов); например, *ḥadīḡun* 'предание', мн.ч. *'ahdāḡun*, мн.ч. *'ahādīḡu*, или *'arḡun* 'земля', мн.ч. *'araḡū(na) // 'araḡātu(n)*, мн.ч. *'arāḡin*. Не означал ли этот тип абсолютное множество, т.е. все, что есть данной вещи в мире? Тогда содержание способствовало бы принятию неопределенного члена, так как «все» может быть равносильным собственному имени (*Brockelmann*. Op. cit. Bd. I, с. 469). К тому же в функции «множественности» этот тип всегда четырехсложен, если считать форму с падежным окончанием. Тогда ясно, что при нарушении четырехсложности, когда меняется ритм, следовательно, и тип, получается трехпадежный вариант *qatāli*, как *ḡawārin*, при уменьшении объема и *qatā'ilat*, как *'asā'idatun*, при увеличении объема. Оговорку можно сделать лишь относительно слов с одинаковыми предпоследним и последним корневыми: там убавление слога при стяжении одинаковых согласных компенсируется сверхдолгим *-ā-* (вместо обычного *-ā-*)¹³, например, *dābbatun* 'животное', мн.ч. *dawābbu*, вместо **dābibatun* и **dawābibu*.

По поводу числительных разделительных нужно сказать, что оба типа *qatal* и *maqṭal* вполне сводимы к одному — **qatal* (с осложнением **ma-qatal*), который напоминает и встречавшееся уже «множественное ломаное» типа *qatal*, и названия дробей по типу *qul* (например, *ḡulḡ-un* 'треть', как *ḡuz'un* 'часть'). Окончание *-u* в *ḡulāḡul/maḡlaḡu* 'по три' и т.п. может быть сродни архаическим наречиям *ḡawqu* 'наверху', *ṭaḡtu* 'внизу', *ba'du* 'потом', *qablu* 'прежде' с локативным значением *-u*. Правда, на практике числительные разделительные чаще в винительном падеже на *-a*, но это объяснимо как переделка архаических типов на новый лад (ведущий способ образования наречий по-арабски — «застывание» формы винительного падежа). Кстати, упомянутые архаические наречия-локативы являются живыми свидетелями

¹² Сверхдолгий *ā* изображается в тщательно огласованных рукописях Корана и в сделанных с них печатных изданиях посредством *ā*, например, *وَالْأَمْنَالِيْنَ* в последнем стихе первой суры. Здесь причастие *ḡāllun* 'заблуждающийся' из **ḡālitun*.

языковой эпохи до выработки *-al* и стоят как бы в безразличном состоянии против ведущего способа, уже тесно связанного с состояниями, например, *al-yaumta* 'сегодня', *yaumtan* 'однажды' (букв. 'днем').

Теперь дадим небольшую сводку классификации типов имен по причинам двухпадежности, поместив в скобки цифры пунктов нашего вышеприведенного списка:

по содержанию	по форме
иноязычные собственные имена (1)	собственные имена на <i>-at</i> (3)
женские собственные имена (2)	собственные имена и прилагательные на <i>-ān</i> (4)
собственные имена типа <i>qatal</i> (5)	имена на <i>-ā, -ā'</i> (7)
собственные имена из глагола (6)	их коррелятивы типа <i>'aqtal</i> (9), <i>qatal</i> (11)
«множественное ломаное» типа <i>qatātil</i> (10)	числительные раздельные (12)

Самая техника превращения двухпадежных имен в трехпадежные при переходе в определенное или сопряженное состояние весьма проста: именительный падеж уже совпадает (*-u*), винительный падеж в подходящем контексте тоже совпадает (*-a*); остается только родительный падеж на *-i*, который автоматически добавляется в силу сходства основных условий контекста и оформления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Lisān al-arab» — наиболее полный сводный словарь арабской лексики, составленный средневековым филологом Ибн ал-Мансуром (1232—1311) на основе предшествующих арабских словарей. Состоит из 20 частей, или томов. (Арабское издание — Бейрут, 1951—1955)

² См. 3-е изд.: Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. М., 1985.

³ По вопросам развития показателей определенности и артикля в семитских языках см. работы, вышедшие после публикации «Загадки...»: Kuryłowicz J. La mimation et l'article en arabe. — *Ar.Or.* 18, 1—2 (1950); *Gazelles H.* La mimation nominale en Ouest Sémitique. — *GLECS.* 5, 1948—1951, с. 79—81; *Aartun K.* Zur Frage des bestimmten Artikels im Aramäischen. — *AO*, 24(1959), с. 5—14; *он же.* Entretiens sur la détermination et l'indétermination. — *GLECS.* 5, 1948—1951, с. 73—76, 78, 81—82, 88—96, 98; *Ullendorff E.* The Form of the Definite Article in Arabic and Other Semitic Languages. — *Arabic & Islamic Studies in Honor of H.R.Gibb.* Leiden, 1965, с. 631—637; *Johnstone T.M.* A Definite Article in the Modern South Arabian Languages. — *BSOAS.* Vol. 33, 1970, pt. 2, с. 295—307. О взглядах приверженцев традиционной арабской грамматики на происхождение артикля см.: *Blau O.* Altarabische Sprachstudien. — *ZDMG.* XXV. Lpz., 1871, с. 525—592; *Габучян Г.М.* Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса. М., 1972; об артикле в диалектах см.: *Belova A.G.* Vorislamische arabische Dialekte. — *Orientalistische und Arabische Linguistik.* Hrsg. von Reuschel. Asien, Afrika, Latin America. Souderheft 2. B., 1990; также по всем рассматриваемым категориям см. общие работы (Дьяконов И.М. Афризийские языки, § 4—6. — *ЯАА.* Т. IV, кн. 1. М., 1991) и соответствующие разделы по отдельным семитским языкам (Там же).

⁴ Специальная литература по вопросу о падежных окончаниях в семитских языках: *Christian V.* Die Entstehung der semitischen Kasusendungen. — *ZS.* 3 (1924), с. 17—26; *Bravmann M.M.* Genetic Aspects of the Genitive in the Semitic Languages. — *JAOS.* 81, 1961, с. 386—394; *Zevit Z.* The Question of Case Endings on Ugaritic Noun in Status Constructus. — *JSS.* Manchester, 1983, vol. 28, № 2, с. 225—232; *Gruntfest J.* Some Remarks on the Case System in Semitic Languages. — *Ethiopian Studies: Proceedings of the 6th Intern. Conference.* Tel Aviv, 14—17 Apr. 1980. Rotterdam—Boston, 1986, с. 261—274.

⁵ В связи с вопросом выражения принадлежности в арабском и семитских языках см. специальную работу: *Diem W.* Alienable und inalienable Possession im Semitischen. — *ZDMG.* Bd. 136, Hft. 2, 1968, с. 227—291.

⁶ О показателях класса и рода см. раздел «Классные показатели» (§ 16—20 в «Структуре семитского корня»).

⁷ Языки мехри (с диалектом харсуси), шахри (шхаури), джиббали, сохранившиеся на юге Аравийского п-ова, и сокотри — на о-ве Сокотра составляют особую южносемитскую группу языков, отделившуюся от общесемитского праязыка значительно раньше (приблизительно одновременно с отделением общесевносемитского), чем эпиграфические южноарабские (сабийский, минейский, катабанский и хадрамаутский), которые входят в одну группу с эфио-семитскими и североарабским языком (см.: *Милютин А.Ю.* Современное сравнительно-историческое языкознание: что оно может дать исторической науке? Языковая ситуация в Передней Азии в X—IV тысячелетиях до н.э. — *ЛДРИВ.* Тезисы и доклады конференции. Ч. 3. М., 1984, с. 6—7).

⁸ Взгляд на историческое значение «нунации», «мимации» в последующие десятилетия изменился: Е.Курилович (указ. соч., § 242), И.М.Дьяконов (Общесемитские именные категории, § 6 — *СИСАЯ*, III, с. 60—61) трактуют первоначальную функцию «нунации/мимации» в семитских языках как «детерминирующую», т.е. определительную. В связи с появлением и развитием новых показателей определенного состояния «нунация/мимация» приобретает функцию показателя неопределенного состояния.

Переосмысление функций «нунации/мимации» тем не менее не снимает вопроса, поставленного Н.В.Юшмановым, о том, что система двухпадежного склонения отражает историческое состояние языка, когда в системе именных категорий существовала одна оппозиция форм состояния -н : ø.

⁹ Относительно формы 'aqtal см. также следующие работы: *Bauer H. Zur Entstehung des arabischen Elativs.* — ZDMG. Bd. 65, 1911, с. 422—424; *Wehr H. Der arabische Elativ.* Wiesbaden, 1953.

¹⁰ По вопросу о соотношении показателей рода, единичности/собираемости в семитских см. два специальных исследования А.С.Лекнашвили: *Образование форм рода и числа имен в семитских языках.* Тбилиси, 1963; *К вопросу о взаимоотношении между внутренними и суффиксальными морфемами рода и числа имен в семитских языках.* — *Семитские языки.* Вып. 2. Ч. 1. М., 1965, с. 112—114.

¹¹ Относительно «множественного ломаного» типа *qatā'il* и его развития в арабских диалектах см. статью А.Г.Беловой: *Формы ломаного множественного числа в восточно-аравийских диалектах.* — *Теоретические проблемы восточного языкознания.* Ч. 3. М., 1982 (с. 5—12).

¹² Гипотезы о развитии некоторых форм «множественного ломаного» см. в следующих работах: *Murtonen A. Broken Plurals. Origins and Development of the System.* Leiden, 1964; *Corriente F. Problematika de la pluralidad en semitico. El plural fracto.* Madrid, 1971.

¹³ В связи с вопросом о сверхдолгом слогe в арабском см.: *Fischer W. Silbenstruktur und Vokalismus im Arabischen.* — ZDMG. Bd. 117, Hft. 1, 1967, с. 30—77; *Hetzron R. Extrinsic Ordering in Classical Arabic.* — *Afroasiatic Linguistics.* Vol. 1. Issue 3. Los Angeles, 1974.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВЯ — Вопросы языкознания. М.
- ДАН-В — Доклады Академии наук СССР. Серия В.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб., Пг.
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
- ЛРДИВ — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1, 2, 3. М., 1984.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- НДВШ — Научные доклады высшей школы. М.
- ПППИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Материалы XIX годичной сессии ЛО ИВАН СССР. Ч. I—III, М., 1986.
- ПС — Палестинский сборник. М.—Л.
- СИСАЯ — Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. I—III. М., 1981—1986.
- ЯАА — Языки Азии и Африки. Т. IV. Кн. 1—2. М.
- АО — Acta orientalia. Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica (Sveden). Leiden.
- ArOr — Archiv Orientální. Praha.
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London Institution (University of London).
- GLECS — (Comptes Rendus du) Groupe linguistique d'études chamito-semitiques. Paris.
- HAL — Handbook of African Languages. Oxford.
- HCVA — *J. Diakonoff* (Head of Team), *A. Belova*, *A. Militarev*, *V. Porkhomovsky*, *O. Stolbova*. Historical Comparative Vocabulary of Afrasian (1993—1995). М.
- JAAL — Journal of Afroasiatic Languages. Princeton Univ. Press., USA.
- JAL — Journal of Arabic Literature. Leiden.
- JAOS — Journal of the American Oriental Society. New York—New Haven.
- JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- JSS — Journal of Semitic Studies. Manchester.
- OLZ — Orientalistische Literaturzeitung. Leipzig.
- StPJAS — St. Petersburg Journal of African Studies.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, Wiesbaden.
- ZS — Zeitschrift für Semitistik.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Н.В.ЮШМАНОВА ПО СЕМИТО-ХАМИТСКИМ ЯЗЫКАМ И ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

- Амхарские записи Н.Ашинова. — *Africana*. I. М.—Л., 1937 (с. 128—134).
- Арабский язык. — *Литературная энциклопедия*. Т. I. М., 1930 (с. 212—217).
- Арабское наречие Советского Востока. — *Культура и письменность Востока*. Кн. X. М., 1931 (с. 76—84).
- Ассирийский язык и его письмо. — *Революция и письменность*. М.—Л., 1938, № 1.
- Всемирный язык (1928). Публ. и коммент. С.Н.Кузнецова. — *Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка*. Т. 46, № 5, 1987.
- Грамматика иностранных слов. — *Словарь иностранных слов*. М.—Л., 1937 (с. 690—723).
- Грамматика литературного арабского языка. Изд. 1-е. Л., 1928; изд. 2-е. М., 1978; изд. 3-е. М., 1985.
- Данные Frensel'я о южноарабском наречии эхкили. — *Записки Коллегии востоковедов*. V, 1930 (с. 379—391).
- Европейские элементы тюркских языков СССР. — *Культура и письменность Востока*. Кн. VII—VIII. М., 1931 (с. 109—124).
- Загадка «двухпадежных имен» арабского классического языка. — *Труды II сессии Ассоциации арабистов*. АН СССР. М.—Л., 1941 (с. 149—159).
- Загадочное *-m-* новосирийского императива. — *Язык и мышление*. Кн. V. М.—Л. (с. 93—96).
- Из пособий по языку хауса. — *Africana*. I. М.—Л., 1937 (с. 111—118).
- Ключ к латинским письменностям земного шара. М.—Л., 1941.
- Краткая грамматика арабского языка. Л., 1964.
- Краткая грамматика языка хауса (стеклограф). Л., 1935.
- Латинизированный Коран. — *Революция и письменность*. М.—Л., 1932, № 4/5 (14/15) (с. 181—182).
- О языках Эфиопии. — *Советская этнография*. 1936, № 1 (с. 40—44).
- Определитель языков. М.—Л., 1941.
- Опыты Всемирного алфавита. — *Культура и письменность Востока*. Кн. IV. М., 1929 (с. 69—73).
- Очерки грамматики иностранных слов в русском языке. М.—Л., 1933.
- Палеонтологические пережитки в языке басен Локмана. — *Язык и мышление*. Кн. II. Л., 1934 (с. 103—104).
- Письмо Н.В.Юшманова И.Ю.Крачковскому от 27.03.1925 (Публ. А.Г.Беловой). — *Восток*. 1996, № 6.
- Проблема алфавитного порядка. — *Язык и мышление*. Кн. IX. М.—Л., 1940 (с. 73—84).
- Проблема названий букв латинского алфавита. — *Язык и мышление*. Кн. IX. М.—Л., 1940 (с. 65—72).
- Проблема оформления европейских собственных имен и научно-технических терминов в латинизированных языках СССР. — *Революция и письменность*. 1932, № 1/2 (11/12) (с. 54—66).

- Редкий случай стирания служебной частицы. — Язык и мышление. Кн. II. Л., 1934 (с. 99—102).
- Семантика руки у семитов. Приложение к докладу. — Проблемы африканского языкознания. М., 1972 (разд. IV, с. 313—314).
- Семито-хамито-яфетические сжатогортанные. — Язык и мышление. Кн. XI. М.—Л., 1948 (с. 395—405).
- Семитские связующие морфемы *i—u—a*. — Ученые Записки ЛГУ. № 20. Серия филологических наук. Вып. 1, 1939 (с. 98—103); 2-е изд. — Проблемы африканского языкознания. М., 1972 (разд. IV, с. 306—313).
- Сибилантная аномалия в числительных тигринья. — *Africana*. T. I. М.—Л., 1937 (с. 77—87).
- Сингармонизм урмийского наречия. — Памяти академика Н.Я.Марра. М.—Л., 1939 (с. 295—314).
- Соответствие арабского *ḍād* арамейскому *ʿayn*. — Доклады АН СССР. Серия В., 1926 (см. франц. пер.).
- Справочник по транскрипции. — Революция и письменность. М.—Л., 1932, № 4/5 (14/15) (с. 195—199).
- Стадиальные напластования арабской грамматики. — Тезисы докладов научной сессии, посвященной 125-летию ЛГУ. Л., 1944.
- Строй амхарского языка. Л., 1936; 2-е изд.: Амхарский язык. М., 1959.
- Строй арабского языка. Л., 1938.
- Строй языка хауса. Л., 1937.
- Структура семитского корня и ее стадийный анализ. — Язык и мышление. Кн. II. Л., 1934.
- Теория эмфатических согласных в семитических языках. — Доклады Российской АН. 1925 (с. 55—58).
- Фонетические параллели африканских и яфетических языков. — *Africana*. I. М.—Л., 1937 (с. 19—44).
- Элементы международной терминологии. Словарь-справочник. М., 1968.
- Этюды по общей фонетике на материале неиндоевропейских языков. — ВЯ. 1989, № 5. Язык абиссинцев. — Известия ВЦИК. № 247, 22.X.1935.
- Языки Абиссинии. Общие сведения. — Абиссиния (Эфиопия). М.—Л., 1936 (с. 259—291).
- La correspondance du *Ḍāḍ* arabe au *ʿAyn* araméen. — *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de Russie*, 1926 (с. 41—44).
- Théorie des consonnes emphatiques sémitiques. — *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de Russie*. Berlin, 1925 (с. 55—58).
- Transformations de articulo arabo. — *Academia pro Interlingua*. 1927 (3—4).

Переводы

- Iuṣṣmanov N.V.* Grammatika. Bespr. von G.Bergsträsser. Lpz., 1930.
- Iuṣṣmanov N.V.* The Structure of the Arab Language. Transl. from the Russian by Moshe Perlsman. Wash., 1961.

Рецензии

- Тауфик Кезма.* Элементарные основы грамматики арабского языка в популярном изложении. Из лекций, читанных членам Киевского Отделения Всеукраинской Ассоциации Востоковедения (Українська Академія Наук. Збірник Історично-Філологічного Відділу, № 70. Кабінет Арабо-Іранської Філології під головуванням ака-

- деміка А.Е.Кримського. Київ, 1928. Литограф. в 130 экз. (с. IV, 578+II). — Записки коллегии востоковедов. III, 1928 (с. 553—556).
- Baetman I.* Dictionnaire amarigna-français suivi d'un vocabulaire français-amarigna. Dire—Daoua (Ethiopie), 1929 (XXI+1262). — *Africana. I. M.—Л.*, 1937 (с. 135—137).
- The Comparative Phonetics of the Suto-Chuana Group of Bantu Languages* by A.N.Tucker. London, 1929 (139 с.). — *Africana. I. M.—Л.*, 1937 (с. 106—109).
- A Hausa-English Dictionary and English-Hausa Vocabulary Compiled for the Government of Nigeria* by the Rev. G.P.Bargery with Some Notes on the Hausa People and Their Language by Prof. D.Westermann. Oxford, 1934 (LIV+1226). — *Africana. I. M.—Л.*, 1937 (с. 122—126).
- Maura da Leonessa P.* Grammatica analitica della lingua Tigray. Con prefazione del P.G.Schmidt e con introduzione del comm. C.Conti Rossini. Roma, 1928. — *Africana. I. M.—Л.*, 1937 (с. 137—139).
- Metoula-Sprachführer. Eine verkurtzte Methode Toussaint Langenscheidt. Hausa* von Prof. Mischlich. Berlin—Schöneberg (Copyright — 1914).
- Die Sprache der Hausa. Grammatik, Uebungen und Chrestomathie sowie hausanisch-deutsches und deutsch-hausanisches Wörterverzeichnis*, von Ernst C.Marre. Die Kunst der Polyglotie (A.Hartleben's Bibliothek des Sprachenkunde). Wien—Pest—Leipzig. Bd. 70. [б.г.] (X+176 с.).

Литература о Н.В.Юшманове

- Ашинин Ф.Д.* Н.В.Юшманов. — Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1978, с. 800.
- Белова А.Г.* Н.В.Юшманов (1896—1946). — Вестник СПбГУ. Сер. 2, вып. I (№ 2), 1997.
- Беляев В.И.* Памяти Н.В.Юшманова. — Ученые записки Военного института иностранных языков. Т. 2, вып. 3. М., 1946 (с. 64—65); там же — список основных печатных работ (с. 65—66).
- Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 49. М., 1947 (с. 431).
- Долинина А.А.* «Явление оригинальное и неповторимое». Памяти выдающегося лингвиста. — Санкт-Петербургский университет. № 20 (3425). 18.09.1996.
- Крачковский И.Ю.* Востоковедный путь Н.В.Юшманова. — Вестник ЛГУ. 1947, № 3 (с. 158—161); а также см.: *он же.* Избранные сочинения. Т. V. М.—Л., 1958 (с. 448—452).
- Милибант С.Д.* Библиографический словарь отечественных востоковедов начиная с 1917 г. М., 1995, с. 693.
- Шумовский Т.А.* У моря арабистики (гл. «Первый учитель»). М., 1975 (с. 9—44).
- Belova A.G.* N.V.Yushmanov. — *Lexicon Grammaticorum*. Ed. by Prof. Dr. Harro Stammerjahn. Tübingen, 1995.
- Некрологи:
- Ленинградская правда. 05.04.1946, № 81.
- Литературная газета. 06.04.1946, № 15.
- Известия АН Казахской ССР. 1946. Вып. 4 (29). Филологическая серия (с. 86—87).
- Список основных печатных работ Н.В.Юшманова за 1928—1936 гг. — Ученые записки Военного института иностранных языков. М., 1946. Т. 2, вып. 3 (с. 65—66) (24 кн. и ст.).

Научное издание

Юшманов Николай Владимирович

Избранные труды

**Работы по общей фонетике,
семитологии
и арабской классической морфологии**

Редакторы *Е.К.Борисова, С.В.Веснина*

Художник *Б.Л.Резников*

Художественный редактор *Э.Л.Эрман*

Технический редактор *О.В.Аредова*

Корректор *И.И.Чернышева*

Компьютерная верстка *М.П.Горшенкова*

ЛР № 020910 от 02.09.94

Подписано к печати 23.11.98. Формат 60×90^{1/16}

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. п. л. 17,0. Усл. кр.-отг. 17,0

Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 1000 экз. Изд. № 7410

Зак. 142

Издательская фирма

«Восточная литература» РАН

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6